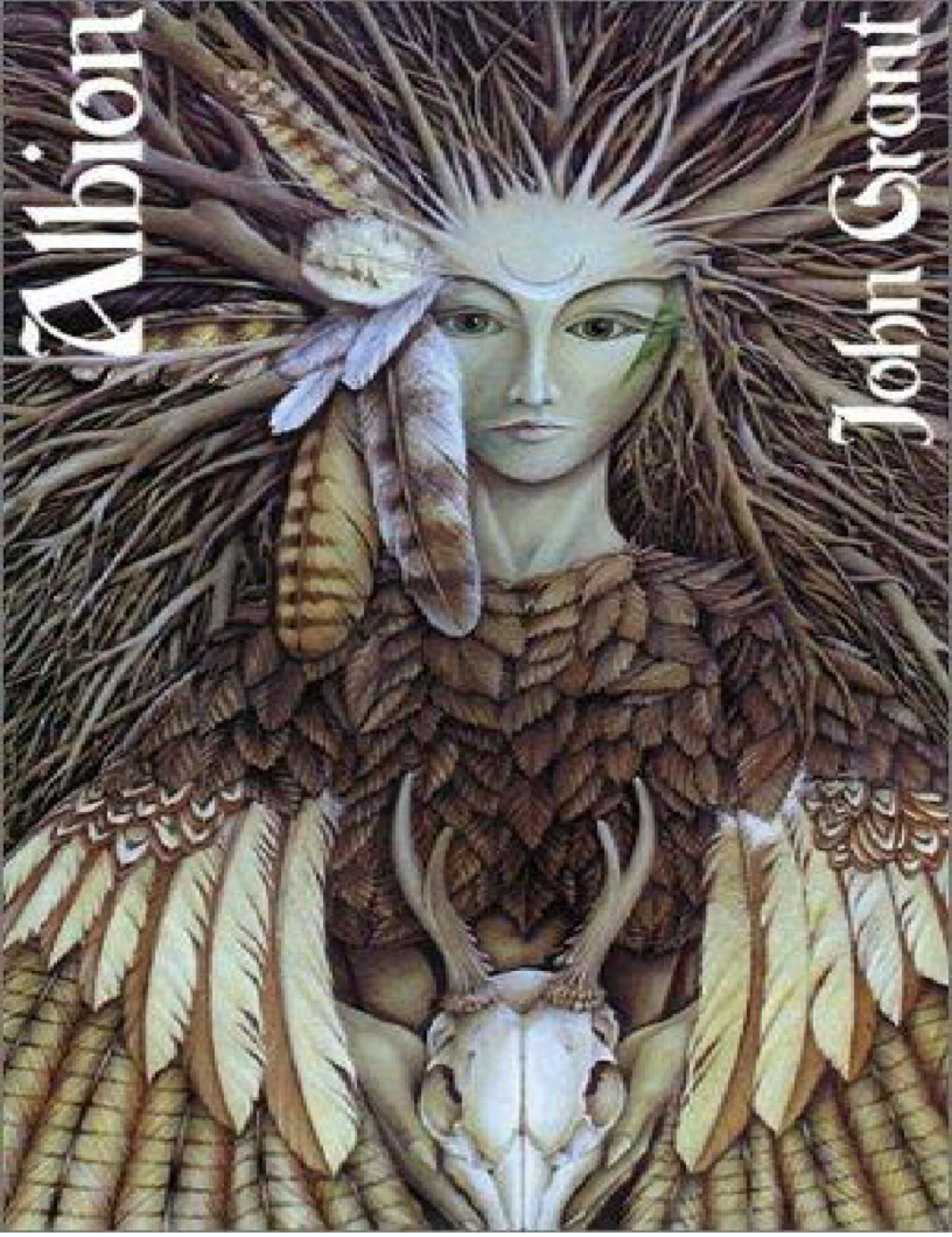
Albion
John Grant

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Альбион - волшебный остров, скрытый стеной тумана. Там не бывает ночи, там память настолько же зыбка и ненадёжна, как и переменчивый ландшафт, там правители просят совета у Ветра, там певцы дают людям имена, а сновидцы изменяют реальность. Лишь чужеземцы способны сохранять рассудок и удерживать вокруг себя островки постоянства — и вот волны выносят на берег Альбиона жертву кораблекрушения…

- Джон Грант
  - Благодарности
  - ПРОЛОГ
  - Часть первая. ТОТ КТО ВЕДЁТ
    - Глава первая. Имена
    - Глава вторая. Труба
    - Глава третья. Гиорран
    - Глава четвёртая. Дети
    - Глава пятая. Певица
    - Глава шестая. Сайор
    - Глава седьмая. Шпионы
    - Глава восьмая. Столкновение
  - Часть вторая. ТА КТО ВЕДЁТ
    - Глава первая. Записи
    - Глава вторая. Солдаты
    - Глава третья. Пришельцы
    - Глава четвёртая. Конвой
    - Глава пятая. Страсть
    - Глава шестая. Нерв
    - Глава седьмая. Война
    - Глава восьмая. Мир
  - Послесловие
- notes
  - 1

Джон Грант
АЛЬБИОН

Необходимо сразу же подчеркнуть то, что существует молчаливое соглашение в среде психиатров, не говоря о философах, как о природе или существовании реальности, так и о самой её значимости…

Пол Девис, «Чужие Миры», 1980 г.

Благодарности

Катрин: этот роман определённо твой и только твой, потому что ты верила в него с того момента, когда он был лишь блеском в моих глазах. Как приятно в самом начале написать вот это на странице посвящений, а не пихнуть на страницу благодарностей: 4π + 0 - ∞

Множество людей, часто даже не осознавая того, внесли свой вклад в создание этого романа: их перечисление пылилось бы просто в копирование моей записной книжки. Однако особую благодарность я выражаю Катерине Барнет, Джейн Барнет, Девиду Барнету, Полу Кок-берну, Джо Деверу, Мери Джентл, Ховарду Харрисону (и флейте Майны), Пенелопе Исаак, Джону Джарольду, Джейн Джуд, Линде Меллори, Вену Маунду, Каролине Окли, Лиз Сорбут, Рори Стюарт, Рону Тайлеру, Колину Вильсону и особенно Фей Семпсон. Кроме того, я благодарен всем, кто помогал мне в Мильфордсе и Блотсе, а также членам группы любителей научной фантастики Экстерского Университета и членам Коавер клаб. К тому же, я нахожусь в большом долгу перед многими музыкантами — от Бёрда до Митлофа, а также хочу поблагодарить Орфу, «Инкредибл Стринг Бенд», Энию и, в особенности, Саворину Стивенсон, делавшую зарисовки.

ПРОЛОГ

…Они напирали со всех сторон и толкали в плечи. Выносить это было труднее, чем созерцать своего любовника распятым на деревянном кресте, воздвигнутом на возвышающемся над толпой эшафоте. Ей хотелось уйти отсюда — она не желала смотреть на муки Лайана, но, вместе с тем осознавала, что покинуть его сейчас было бы попросту предательством.

Он устал искать её в толпе, но теперь глаз у него не было. На его губах застыла улыбка — она знала, что это просто издёвка над палачами. «Боль, которую вы мне причиняете, — как бы говорил он, — ничто для меня. Я терпел боль и раньше. Она для меня, как старый друг. Тяжело, конечно, но если привыкнуть, то ничего».

Где-то вдали захлопал флаг, попавший в порыв ветра. Взглянув вверх, она увидела, как он трепещет на фоне неба. Ей был слишком хорошо известен герб, нарисованный на полотнище: собака, пронзённая мечом, на красно-зелёном фоне. Из пасти собаки текла кровь. Это был герб Эллонии — герб, который она ненавидела. Лайан — Тот Кто Ведёт — попал на эшафот за то, что посмел сомневаться в вечности тирании Эллонии.

Она любила Лайана, любила его так, как никогда не любила никого другого. Она плотнее завернулась в серо-коричневую шерстяную накидку с капюшоном и стала вспоминать прошлое. Но её воспоминания вскоре были прерваны. Лайан слабо вскрикнул, когда палач кастрировал его. Подобрав с земли маленький кусок окровавленной плоти, палач поднял его над головой, чтобы толпа могла всё получше рассмотреть. Люди молчали.

Она была в Эрнестраде впервые в жизни. Два года назад Лайан говорил ей, что они когда-нибудь войдут в Эрнестрад с триумфом, гарцуя бок о бок на белых конях, и получат от своего народа право управлять Альбионом. Лёжа в его объятьях под тёплыми одеялами, она тоже мечтала об этом. Она поцеловала его тогда в кончик носа и велела спать, потому что период бодрствования был уже не так далеко. Он забрался под одеяла, коснувшись подбородком её груди, и уснул. Он тихо сопел, а она глядела вверх, в изумрудно-голубое небо. Уже тогда она чувствовала, что её любимый обречён и когда-нибудь умрёт на эшафоте, но несмотря на это хотела, чтобы он продолжал собирать свою армию, готовясь к битве с Эллонией ради освобождения Альбиона.

Толпа вокруг неё зашевелилась.

Человек, одетый в грязно-зелёную кожаную куртку, сильно

толкнул её и извинился. Лишь мгновение он смотрел на неё, а затем переключил своё внимание на изувеченное тело Того Кто Ведёт, покрытое ручейками крови.

— Мы любим тебя, Лайан, — закричал сосед.

Она отдала должное его храбрости.

Несколько стражников, услыхав этот голос, принялись напряжённо вглядываться в толпу, но, не обнаружив кричавшего, вскоре потеряли интерес.

«Если бы они знали, что здесь стою я, — подумала она, — то проложили бы мечами дорогу через эту толпу».

Тысячи людей собрались во дворе Гиоррана — дворца Эллонии в Эрнестраде. За спиной толпы находились главные ворота дворца: установленные в стене метровой толщины, они сами были десять метров высотой, но несмотря на свои гигантские размеры закрывались за считанные секунды. Их створки были изготовлены из блестящего металла так давно, что даже эллоны точно не знали, когда именно. Площадь окружали белые стены — такие белые, что на них было больно смотреть. В стенах — чёрные окна. «Очень похоже на пустые глазницы Лайана», — подумала она. Казалось, стены поднимаются до самого неба. Она знала, что через эти чёрные окна за казнью Лайана наблюдают нежные эллонские аристократы, и от души проклинала их всех. Сразу за эшафотом возвышалась стена из серебристо-белого мрамора, покрытая коричневыми пятнами от предыдущих экзекуций.

Снова из тела Лайана брызнула кровь — меч палача отрубил ему левую ногу. Один из мучителей с заметно угасшей самоуверенностью показал ногу толпе. Его глаза, как и глаза коллег, были закрыты маской, чтобы показать, что он не испытывает ни злобы, ни жалости по отношению к своей жертве, но в его позе чувствовалось беспокойство. Он брезгливо бросил ногу в толпу. В другие времена толпа загудела бы от восторга при таком жесте, но сейчас в ответ прозвучали лишь испуганные крики. Люди расступились, и нога упала на мраморную мостовую дворцовой площади. Из неё всё ещё текла кровь.

Ослеплённое лицо Лайана продолжало улыбаться.

Другой палач выбил Лайану зубы молотком, и улыбка превратилась в кровавое пятно. В толпе на площади стало очень тихо. Слышен был лишь крик кроншнепа, который облетел площадь по периметру, озадаченный происходящим, а затем метнулся ввысь к пурпурным облакам, оставив позади себя хриплый удивлённый крик.

«Всё, — подумала она, — пора уходить».

Она начала протискиваться сквозь толпу, изо всех сил

стараясь не выдать себя. Некоторые из собравшихся людей вполне могли узнать её, если бы разглядели её лицо под капюшоном.

Она почему-то чувствовала странное безразличие к смерти Лайана — своего любимого, Того Кто Ведёт. Того Кто Ведёт… Как будто кто-то сказал ей, что всё это — лишь игра, что представление скоро закончится, Лайан выйдет на сцену, поклонится и заверит зрителей, что на самом деле с ним ничего не произошло.

Толпа вскрикнула от ужаса, когда один из палачей отрезал Лайану нос острым ножом.

«Должна же я что-то чувствовать, — думала она, — я должна чувствовать жалость, разделять его боль, должна хотеть быть на его месте, а во мне лишь ледяной холод».

Мужчины, женщины и дети с негодованием смотрели на неё, когда она протискивалась мимо них. Она почувствовала облегчение: это означало, что её не узнают. То и дело она поправляла капюшон. В толпе были сотни женщин в капюшонах, и она ничем от них не отличалась. Однако было достаточно одного слова, чтобы эллонские солдаты моментально схватили её и подвергли той же казни, что и Того Кто Ведёт.

Вонь над толпой висела ужасная: смесь запахов давно не мытых тел и грязной одежды. Кое-кто из крестьян привёл с собой скот: овец, коз и даже нескольких коров. Запах скота вносил изрядную лепту в общий букет.

Когда она пробивалась через эту живую массу, ей показалось, что даже солнце померкло от тусклых землистых цветов одежды окружавших её людей. Но несмотря ни на что, эти люди любили Лайана. На некоторых из них были шрамы, полученные к битвах с эллонами. Проталкиваясь мимо одного из крестьян, она обнаружила пустоту в его рукаве. Возможно, она даже сражалась рядом с ним и видела блеск меча, отрубившего ему руку. Почему же она так боится его теперь, его и всех остальных?

Лайан снова закричал: один из палачей выжег на его груди герб Эллонии, а другой держал наготове раскалённый нож, собираясь вспороть живот.

Один из офицеров, одетый в богатую красно-зелёную форму, указывающую на высокий чин, неожиданно развернул своего коня и поскакал вокруг толпы. Люди с ненавистью смотрели ему вслед, но он не обращал на это никакого внимания. У него был серый конь с гордо поднятой головой и длинным красивым хвостом. Это был послушный конь.

Объехав толпу, офицер похлопал коня и что-то зашептал ему на ухо, видимо, пытаясь заставить его забраться на эшафот, на котором медленно и мучительно предавали смерти Лайана.

Животное явно не стремилось туда, но воля седока в конце концов победила. Топчась на месте, спотыкаясь и в ужасе вращая глазами, конь всё-таки взобрался на платформу вместе с седоком, смотревшего то на изувеченное тело Того Кто Ведёт, то на море повёрнутых в его сторону лиц.

Он указал рукой на Лайана. Трое палачей внимательно наблюдали за ним: двое улыбались, а третьему, наоборот, было не по себе.

— Вы называли его Тот Кто Ведёт? — закричал офицер, успокаивая коня, который снова начал топтаться на месте. — Кого он сможет повести теперь? Отпусти мы его сейчас, он смог бы только ползать! Теперь он не сможет повести за собой даже таких же слепых калек!

Эта шутка рассмешила лишь его самого. Он достал меч и высоко поднял его над головой. В толпе царило гробовое молчание.

Она узнала его: это был Надар — второй по рангу офицер во всей эллонской армии. Однажды он пытался изнасиловать её, но Тот Кто Ведёт избил его и выгнал с позором. Не удивительно, что он торжествовал после того, как Лайана кастрировали. Она на всякий случай ещё глубже спрятала лицо под капюшон.

Маленький мальчик неподалёку от неё спустил штанишки и стал мочиться на мостовую. Тёплая моча текла по ногам людей, стоявших перед ним. Она на мгновение полюбила его за это.

Но больше всех она любила… раньше любила Того Кто Ведёт, или просто Лайана, как называли его ближайшие друзья и товарищи. Золотоволосого Лайана. Волосы ему остригли в самом начале казни — как часть ритуала издевательств, которые предшествовали казни. В течение двух лет во время сна она гладила эти золотые кудри, сотни раз ласкала тот глупый маленький комочек плоти, который палач ампутировал с таким весельем: теперь он ничего не значил для неё, потому что больше не принадлежал Лайану. Это был просто некий мерзкий объект, на который она предпочла бы не смотреть.

— Умереть ему или остаться в живых? — кричал Надар. Ветер хлопал полами его плаща. В толпе послышался нарастающий гул.

«Пусть он умрёт, — подумала она. — Он не захочет жить таким».

Она вспомнила, как бежала с ним по вспаханному полю, как они спотыкались, падали, царапая ноги об острые камни, а потом снова поднимались. Небо было голубым, и был период бодрствования. Часовые, стоявшие возле лагеря, делали вид, что не замечают их, а они с Лайаном, добежав до берега маленькой

речки, нырнули в её ледяную воду. Она брызгала его водой, он отвечал ей тем же. Позже, помогая друг другу, они выбрались на зелёную траву, стянули с себя мокрые одежды и занялись любовью под нескромными взглядами воробьёв.

«А теперь я хочу, чтобы он умер…»

Она пробивалась всё дальше и дальше сквозь толпу. Люди стояли спокойно, но в них ощущалась нарастающая энергия. Речь Надара чуть было не освободила её. Если бы среди них был Тот Кто Ведёт, умевший быстро двигаться и убедительно говорить, они уже превратились бы в новую, готовую к бою армию, жаждущую крови эллонов и готовую отомстить за причинённые им унижения и оскорбления. Но Того Кто Ведёт не было с ними: его изувеченное тело висело на кресте, а они стояли внизу и смотрели на него.

Она знала, что смогла бы повести их за собой, если бы сумела действовать быстро до того, как жизнь покинет его. Но как это сделать? Она лучше уйдёт отсюда, вернётся к своим записям и попытается найти новый путь уничтожения Эллонии. Если она сможет прочитать их, они, несомненно, помогут ей.

Вернулся кроншнеп. Громко крича, он облетел площадь в поисках места посадки и, наконец, нашёл его на кресте прямо над головой Того Кто Ведёт. Походив взад и вперёд, он выбрал самое удобное положение и нахохлился.

Она наконец-то вышла из этой вонючей толпы. Дальше были лишь открытые металлические ворота и зелёные холмы за ними. Толпа внимательно следила за Надаром, который, размахивая мечом, спрашивал о судьбе Лайана.

И тут начался хаос…

Когда в ворота ворвался отряд всадников, она прислонилась к стене. Люди были одеты в красно-зелёную эллонскую форму, оружие звенело и блестело на солнце, а на губах усталых коней была пена. Ей показалось, что она вот-вот оглохнет от шума копыт, застучавших по мостовой. Воины пронеслись мимо неё в то время, как она закрывала от них лицо. К глазам подступили слёзы, и мир превратился в мутное расплывшееся пятно.

Оглянувшись, она увидела, что всадники уже перебили большую часть солдат. Один из палачей, тот, который до этого чувствовал себя неуверенно, перерезал себе горло, и кровь брызгала с эшафота прямо на лица людей, стоявших в первых рядах. Он резонно посчитал, что это более лёгкая смерть, чем та, которая ожидала его в толпе. Двое других подняли свои мечи.

Надар продолжал, невзирая на смятение.

— Так кончат все, кто воюет с Эллонией! — он пытался перекричать шум и снова указал мечом на Того Кто Ведёт, но не

успел довести свой жест до конца.

Всадники стреляли из луков. Одному из палачей стрела попала в горло, и он упал на эшафот, обливаясь кровью. Толпа при этом взревела от восторга. Другой затеял с нападавшими переговоры, объясняя, что всего лишь выполнял свою работу, но его голова слетела с плеч, и казалось, что губы всё ещё продолжают шевелиться.

Охрана ворот не обратила на неё никакого внимания. Солдаты пытались разобраться в том, что происходит и чью сторону им стоит принять. Она опять оглянулась. То, что она увидела, напоминало картину художника-баталиста. Толпа в поисках убежища устремилась к воротам. Солдаты Деспота гибли один за другим, падая с коней по мере того, как их настигали стрелы.

Она немного обрадовалась, заметив, что тело Надара уже лежало на земле, напоминая подушку для булавок. Пока она смотрела, ещё несколько стрел вонзилось в его тело и оно конвульсивно задёргалось.

За воротами Гиоррана начинался пологий склон, оканчивающийся маленькой грязной речушкой. Прислонившись к стене дворца, она с наслаждением почувствовала, как влага от мокрого мха, проникая сквозь шерсть, леденит ей кожу. Она села, обхватив колени руками, и, глядя в долину, прислушалась к долетавшим с площади крикам: толстые стены сильно заглушали шум. Смерть остальных её не волновала, а жизнь Того Кто Ведёт, Лайана, медленно покидала его. Пройдёт совсем немного времени, и её воспоминания о нём исчезнут… Тогда она прочтёт то, что написала сама. А сейчас у неё было несколько минут, чтобы в последний раз насладиться мыслями о нём.

На её руку влез маленький паучок. Она осторожно подула, и он остановился, поджав свои лапки. Небо стало абсолютно голубым: облака исчезли. Она забыла о паучке, и он побежал дальше, надеясь найти укрытие в рукаве. Она глубоко вздохнула, ощущая спиной грубые камни стены.

Это началось очень давно. Или нет, скорее, не так давно. Ей вдруг стало тяжело определять время.

Она покачала головой, пытаясь стряхнуть пелену, застилавшую воспоминания.

Они встретились с Тем Кто Ведёт два года назад… нет, раньше, наверно, три или даже больше. До этого она жила, как бы в тумане. Она была проституткой и бродила у причала в надежде, что её подцепит какой-нибудь похотливый пьянчуга. Всё это было странно, потому что она смутно припоминала себя эллонской аристократкой, которая могла выбирать кого угодно среди

многочисленных вельмож, посещавших дворец. Но всё это, в конечном итоге, могло оказаться фальшивыми воспоминаниями, и она вполне могла быть всю свою жизнь проституткой. Правда, она не чувствовала в себе большого опыта, но, впрочем, не была и девственницей.

Лайан нашёл её в доках. Она глядела на реку и, наблюдая за игрой солнца в волнах, думала о…

Нет, всё было не так. В Альбионе не было доков, где могли бы промышлять проститутки, предлагая прохожим своё тело. Она была принцессой. Однажды она гуляла по лесу и…

Но эти воспоминания, казалось, принадлежали кому-то другому. Может, она была дочерью купца: толстого человека, который торговал пушниной и рабами в далёких странах, находясь при этом дома и считая свои доходы?

Всё же… Всё же она не помнила этого. Она могла вспомнить лишь о том времени, когда была с Лайаном, как они вместе, бок о бок, ехали впереди армии, которую он собрал в Альбионе, чтобы свергнуть тиранию Эллонии. Нервное ржание лошадей, доспехи не по размеру, надетые на мальчишек и девчонок, слишком молодых, чтобы воевать, но, тем не менее, шедших на войну, захлёбывающиеся крики людей, умирающих на острие меча…

Она покачала головой, на этот раз уже от злости. Разве она не помнила ничего, кроме крови? У неё было множество хороших воспоминаний о Лайане…

Над холмами висел белый раскалённый диск полуденного солнца. Она прищурила глаза, чтобы получше рассмотреть его, не обращая внимания на шум, доносившийся из дворца. Чёрной точкой сквозь ослепительный свет пронеслась какая-то птица, куда она летела — угадать невозможно. В шерстяной накидке было очень жарко, но она не могла снять её, так как под ней почти не было другой одежды. Она села, и её серая парусиновая юбка задралась выше колен. Она решила не поправлять её, так как рядом никого не было.

Её колени…

А может, она была дочерью одной из наложниц Деспота? Незаконным ребёнком, которого он отказался признать? Или может быть… чьей-то женой?

Ах, да, её колени…

Она не помнила. Это хуже всего — не помнить. Первое, что она, как ей казалось, помнила наверняка, так это то, как Лайан подобрал её, когда она стояла у доков… Нет, всё было по-другому: это она его подобрала. Она стояла, облокотившись о шершавую стену амбара, принюхиваясь к продуктам, лежавшим внутри, и её юбка была подрезана так, что открывала колени —

своеобразная реклама её коммерческой деятельности, когда неподалёку послышался его голос.

Нет, это было абсолютно невозможно, конечно же, нет. Она просто не могла себя представить в роли обычной проститутки.

Она почти легла на землю, подставив колени ветру, только голова осталась на камнях — как было давным-давно. Она, вероятно, использовала одну из своих дворцовых привилегий, исследуя припортовые кварталы Квазорской Гавайи, или её папаша-торговец направил её туда с добродушной улыбкой на лице.

И тогда она услышала голос:

— Скажи мне, что ты не злая.

И она сказала:

— Я ничего не трогаю, поэтому не могу быть злой.

Она была эллонской принцессой.

Голос прошептал снова:

— В прикосновении нет зла.

— Есть. Но это приятное зло.

Она была проституткой.

— Забудь об этом.

— Мне легко об этом забыть, — ответила она. И это было правдой — она была не в состоянии что-либо запомнить.

— Нет, это трудно забыть, — возразил голос из глубин амбара. — Причём так трудно, что ты не поверишь…

— Кто ты?

Это спросила размалёванная проститутка, неприступная аристократка, дочь купца или кто-то совсем иной?

А были ли вообще эти доки?

— Сайор, — сказала она в темноту амбара.

Она называла своё имя, не зная, с кем она говорит.

— Меня зовут Лайан, — сказал он. — Мы с тобой здорово повеселимся перед смертью.

Из дверей кабака, возле которого они стояли, вышел пьяный, упал в воду и стал там барахтаться. Его дружки и восторгом наблюдали, как он барахтается в грязной воде. Наконец, когда он почти совсем захлебнулся, его вытащили из реки.

— Что это за имя Лайан? — спросила она.

— Это имя дала мне моя мать.

Она промолчала, не зная, что ответить. Теперь, сидя в тёплых лучах солнца, она лениво ковыряла старую болячку на ноге.

Она тогда жила в деревне, название которой не могла сейчас вспомнить.

— Это из-за моих волос, — объяснил он и вышел на свет, чтобы она могла разглядеть его. Он был среднего роста и

крепкого телосложения, длинные светлые волосы доставали ему до плеч. Кожаная рубаха, короткие кожаные штаны, на поясе ножны, из которых торчала рукоятка меча, украшенная фальшивыми драгоценными камнями.

Он улыбнулся.

— Сайор, — сказал он, — мы с тобой покорим весь Альбион.

Только…

Только всё было совсем не так. Она припомнила, что была тогда на балу и безучастно наблюдала за тем, как весёлые молодые девушки убегали в сад с весёлыми молодыми людьми. Повсюду раздавались шорохи и тихий шёпот, а от дрожащего света свечи рябило в глазах так, что ей приходилось жмуриться, если только… Если только это не было отражением солнечных лучей от поверхности реки…

Вот тогда он и подошёл к ней. Он был с головы до ног одет в дорогие и самые изысканные одежды, с которыми гармонировали аккуратно подстриженная борода, пышные кудрявые волосы золотого оттенка, драгоценные камни на чёрных вельветовых ножнах и рукоятке меча, мерцавшие в отблесках свечи, как звёзды. Его светлые волосы, казалось, затмили собой весь мир, когда он поклонился, встав перед ней на одно колено, и снял свою шляпу с необычайно длинным пером.

Он сказал тогда:

— Скажи мне, что ты не злая.

И она сказала:

— Я ничего не трогаю, поэтому не могу быть злой.

Она была проституткой.

Отец толкнул её и при этом рыгнул так, что красное вино вылилось у него изо рта, испачкав его белые одежды, её белые одежды, а также лицо человека, сидевшего перед ней. Пятна вина были похожи на кровь.

— Я ничего не трогала, — повторила она.

— Дотронься до меня.

Не обращая внимания на разлитое вино и её разозлившегося отца, он протянул свою руку. Кольца на его пальцах светились мягким волшебным светом, как догорающие угли. Она протянула свою тонкую белую руку, такую белую, что смолкли музыканты и скоморохи… Их пальцы соприкоснулись.

Всё было не так.

Они встретились как-то по-другому.

Она не была ни принцессой, ни проституткой: это она знала наверняка.

Она была…

Это самое интересное: кем же она была? Её воспоминания о

времени, которое было до Лайана лучше, чем у остальных людей, но…

Нет, она не была принцессой. Если бы она была принцессой, то помнила бы абсолютно всё.

Позади раздался крик, который заглушил все остальные, к которым она привыкла и на которые уже не обращала внимания. Она оглядела местность перед собой, скользя взглядом по женственным изгибам холмок с тёмными пятнами перелесков.

Гиорран — крепость-дворец Эллонии — был построен на возвышенности так, что господствовал над всеми прилегающими к нему холмами, за исключением одной горы, более высокой, чем замок. Вокруг Гиоррана были выкопаны рвы, способные фатально замедлить наступление атакующих армий. Если не считать давно забытых врагов, с которыми эллоны воевали на заре Вечности, то для Эллонии существовала лишь одна вражеская армия — армия, которую вёл её любимый и она сама.

Лайан.

Лайан умирал, а она оставалась живой.

Эллонские солдаты гибли от мечей сподвижников её любимого. Придёт время, она знала, и Дом Эллона отомстит за эту дерзость.

Лайан умирал…

Хуже всего, что ей было всё равно. Абсолютно всё равно.

Солнце стало похоже на гигантский апельсин, и небо наполнилось неприятной смесью голубого, красного и зелёного цветов. Альбион казался мирным и спокойным.

Опять громкий крик.

Она послала Альбиону свой мирный импульс и пошевелила пальцами правой руки, как бы трогая лёгкий ветерок…

Тот Кто Ведёт умер, а значит, умер Лайан.

На какую-то долю секунды она почувствовала всю боль его ухода, затем наступила полная пустота. Она была просто плотью, лежавшей на покрытом травой берегу реки возле стены замка. У неё не было вчерашнего дня, и она не знала, что будет завтрашний: она просто не понимала значения слова «завтра». Для неё существовало лишь понятие «сейчас».

Сжавшись в комок, она почувствовала, как слёзы подступили к глазам. Она не понимала причины, которая их вызвала, ведь теперь не существовало ничего из того, что могло бы её расстроить. И всё же она немного всплакнула.

Затем, с опухшими от слёз глазами, она присоединилась к цепочке крестьян, спускавшихся с холма и перебиравшихся через ров на пути к своим полям, возле которых они будут жить, пока не кончится Вечность.

Она обернулась лишь раз, чтобы посмотреть на высокие белые стены дворца. Этот дворец-крепость был когда-то важен для неё, она это чувствовала, но сейчас не могла вспомнить, когда и почему.

Она пошла за крестьянами.

Часть первая. ТОТ КТО ВЕДЁТ

Глава первая. Имена

Вот одна из песен, которую Барра'ап Ртениадоли Ми'гли'минтер Реган пел в те времена, когда бродил по земле.

Волна захлестнула Термана, бросив его на скользкие доски палубы. Он выплюнул горькую воду и попытался просунуть пальцы в щели между досками. Спина болела так, будто по ней стучали деревянным молотом, а ноги, казалось, вот-вот оторвутся. Вокруг была лишь темнота ночи и вода, пытавшаяся отобрать у него жизнь, неумолимо толкая его к краю палубы, за которым бесилось разъярённое море.

Вода была и в носу, и во рту, и в ушах. Он попытался позвать на помощь, но вместо этого издал некий булькающий звук, который потонул в вое ветра и грохоте волн. Ещё одна волна разбилась о палубу. Он закричал снова, хоть и понимал, что помощь маловероятна. Наглотавшись морской воды, Терман почувствовал тошноту. Его стошнило, и рвоту тут же смыла новая волна, заодно протащив его ещё дальше по палубе. Он отчаянно пытался уцепиться за что-нибудь, но лишь сломал несколько ногтей.

С противоположной стороны судна к нему снова неумолимо неслась волна. Вода опять попала в рот, но на этот раз он сумел выплюнуть её. Перевернувшись на спину, он попытался уцепиться ногами за ограждение палубы, но промахнулся на несколько метров, и подоспевшая волна смыла его за борт.

Как это ни странно, в море было теплее, чем на палубе. Возможно, это иллюзия и его тело просто в шоке от холода? Он философски обдумывал этот вопрос, ощущая в своей душе какое-то удивительное спокойствие.

Корабль тонул. Одной мачты у него уже не было, а вторая, сломавшись, отчаянно колотила по палубе. Терман держался на поверхности беснующегося моря, качаясь вверх-вниз, вправо-влево и наблюдал за гибелью корабля. Он видел, как мачта пробила палубу, открыв тем самым воде доступ в трюм, и корабль начал крениться на бок. Он считал, что в этот момент должен почувствовать жалость по отношению к своим товарищам, но был не способен на это. Он чувствовал лишь некое умиротворение.

В небе светила полная луна и, казалось, подмигивала, когда рваные облака, проносясь мимо, закрывали на мгновение её диск. Сквозь шум ветра и волн Терман услышал крики — осев на корму, корабль стал быстро погружаться в пучину. Он повернул голову и равнодушно наблюдал за тем, как один за другим стали гаснуть огни иллюминаторов. На палубу выскочила женщина.

Вцепившись в носовой шпиль, она принялась истерично кричать в темноту ночного моря. С этого расстояния он не мог узнать её.

Вдруг, совершенно неожиданно, корабль скрылся под водой. Женщина успела прыгнуть и проплыть достаточное расстояние, чтоб не утонуть вместе с ним. Он смотрел на всё происходящее равнодушно, как будто это были иллюстрации к какой-то книге.

Отчаянно колотя по воде руками и ногами, женщина плыла в его сторону.

«Она может утонуть» — родилась в его голове банальная мысль. Конечно, они оба должны были утонуть. Но мысль эта охватила уже всё его сознание. Идея о собственной неизбежной смерти едва ли волновала его, но вот то, что женщина, кто бы она ни была, может быть проглочена пучиной, вывела его из оцепенения. Вода тотчас стала обжигающе холодной. Повернувшись на живот, Терман быстро поплыл в сторону женщины, часто теряя её из виду, попадая в огромные чёрные провалы между волнами, которые, казалось, нарочно пытались помешать ему. Пока он плыл, он мысленно называл про себя имена всех богов, которые знал: список был безнадёжно коротким, потому что он, как и его родители, был атеистом. Вспомнив всех, он начал по новой. Он понимал бессмысленность этого занятия, но не прорывал свою импровизированную молитву, так как готов был довериться любой, даже самой призрачной надежде. Его «я» присягало на верность каждому из перечисленных богов, осознавая лживость своих обещаний. В юности он видел человеческое жертвоприношение, и его тогда стошнило. С тех пор ничего подобного он больше не видел, а его неверие лишь усилилось — ни одно доброе божество не позволило бы людям совершать такое варварство.

— Помогите!

Её голос был лишь тонкой стрункой в оркестре разбушевавшейся стихии.

Доплыв, Терман протянул руку, и их пальцы соприкоснулись. Волосы прилипли к её голове, и казалось, что она одета в плащ из морских водорослей. Он с большим трудом узнал её: рыжеволосая Белла, работавшая на судне кочегаром. Она всегда нравилась ему, но они не были толком знакомы. Всхлипывая, она ухватилась за него и прижалась всем телом — он почувствовал, что её вес тянет его на дно.

— Мы никогда не выберемся отсюда! — закричал он, стараясь, чтобы она услышала. — Земля далеко! Мы не доплывём до неё!

Она перестала рыдать, отпустила его и вновь поплыла куда-то.

— Не так… уж… далеко! — услышал он её крик.

Посмотрев в ту сторону, куда она направлялась, он увидел на горизонте какую-то дымку: это было очень далеко. Волна на время скрыла от него женщину.

Снова увидев её, Терман закричал:

— Там ничего нет! Это лишь галлюцинация, туман!

А сам подумал: «Не лучше ли для неё утонуть с надеждой в сердце, в попытке доплыть до этого миража, а не просто отдать себя на волю волн?»

Не обращая внимания на его крики, она продолжала плыть к своей цели. Её движения стали более энергичными. Волна снова разделила их, но он плыл в ту же сторону, что и Белла. Ледяная вода почти омертвила его кожу, а одежда казалась тяжёлой, как свинец.

Волна, подняв его на свой гребень, опустила совсем рядом с Беллой.

— Это химера! Игра природы!

Он случайно глотнул воды и некоторое время молчал. Они взялись за руки и поплыли вдвоём, как будто были единым существом.

— Раздевайся! — закричала Белла. — Одежда… утопит… нас!

Он отпустил её руку и скинул с себя обувь. Ему пришлось согнуться, чтобы снять штаны, и лечь на спину, чтобы стянуть куртку. Теперь он был абсолютно голый, и холод пробирал его до костей. Он закричал, но ему никто не ответил — Белла потерялась в темноте. Он прислушался: может, она кричит ему? Но кроме воя ветра и грохота бури, ничего не было слышно.

— Белла! — снова крикнул он.

— Я позади тебя, — сказала она спокойно.

Он обернулся.

— Мы плывём к берегу, — продолжала Белла. Он заметил, что она тоже разделась.

— К какому берегу? Мы в самом центре океана!

Ветер немного утих, но волны были такими же огромными, как и раньше. Из-за их грохота они едва слышали друг друга.

— Здесь нет никакого берега!

— Да есть же, идиот!

Над поверхностью воды на мгновение показалась её правая грудь. В лунном свете она казалась отлитой из металла искусным металлургом. Вытянув руку, она показала вперёд.

И снова он увидел лишь туман, правда, на этот раз немного ближе.

— Альбион! — закричала она.

Он хотел возразить, но очередная волна ударила его в лицо.

Он выплюнул воду и откашлялся, чувствуя у себя на груди её руку — она поддерживала его. Голова Термана погрузилась в пучину, и он решил встретить смерть достойно, как, возможно, встретил её отец, если он у него был. Но Белла схватила его за подбородок и подняла его лицо над поверхностью воды. Вскоре он опять поплыл сам, и она уже могла не поддерживать его.

— Альбион, чёрт возьми! Альбион!

— Не будь такой… ф-рр!… такой дурой! Это матросская сказка! Его не существует! — но сам плыл уже увереннее. Недоверие уступало место желанию хоть как-нибудь выбраться из этих ледяных волн.

Бревно ударило Беллу между глаз. Терман увидел кровь у неё на лбу и, подхватив её, яростно поплыл в сторону светлого туманного пятна. Теперь волны, казалось, помогали ему. Он ощущал, как бьётся сердце под её маленькой грудью. Спасти её, спасти — была единственная мысль, сверлившая его мозг. Именно она давала силы его правой руке, которая несла их обоих к далёкой призрачной цели.

Клочья тумана повисли над ним, загородив собой половину мира. Его ноги вдруг коснулись каменистого дна, которое вскоре стало песчаным. Он так замёрз, что ноги почти ничего не ощущали. Он поднимался всё выше, и вот уже вода едва доставала ему до плеч, а Белла стала тяжелее. Его дыхание было хриплым и громким, как крик.

Пляж, на который он вышел, разительно отличался от штормового моря: он был сух, спокоен и освещён ярким солнечным светом. Пройдя шагов двадцать или тридцать, Терман положил Беллу на светло-жёлтый песок. Некоторое время он стоял возле неё, наслаждаясь тёплым воздухом, обдувавшим его голую спину. Достаточно ли далеко от воды он оттащил её? Усталость переполняла тело, наливая свинцом все его члены. Он лёг рядом, положив руку ей на грудь, и крепко уснул.

* * *

Солнце светило прямо в глаза, и он повернулся на мягкой шершавой поверхности. Возле ног было что-то холодное. Он полухрапел, полустонал. Его кровать никогда не казалась ему такой неудобной, да и покачивание корабля почему-то не ощущалось.

— В чём дело?

Голос был приятный, но его звук почему-то отдавался в нём почти физической болью. Он закрыл уши руками.

— Что случилось?

— Ничего, — пробурчал он. — Уходи. Я сплю.

— Скоро будет прилив.

Голос был женский. Белла проснулась раньше, чем он? Но почему он спит рядом с Беллой? Она ведь была лишь членом экипажа, и они никогда…

И тут вернулись воспоминания. Он вспомнил сначала не события, а свои ощущения: растерянность, ужас, ледяной холод и отчаяние. Перевернувшись на живот, он открыл глаза. Ровная, местами поблёскивающая, ярко-жёлтая поверхность.

Песок.

Да, он и Белла доплыли до берега. Последние сотни метров они плыли молча под вой ветра. Он поднял её сюда, далеко от кромки воды. Корабль… Корабля больше нет. В живых, по всей видимости, остались только они. Ночь. Холод. Грохот волн.

— Белла, — сказал он, и его стошнило на ровную жёлтую поверхность пляжа.

Когда конвульсии прекратились, он вытер рот рукой и встал на четвереньки. Яркий солнечный свет слепил глаза, но он заставил себя их открыть. Он увидел голые колени, а над ними ободранный край вязаной юбки.

— Белла? — спросил он.

— Белла? — переспросил голос с явным изумлением.

— Ты Белла?

— Нет, я не Белла.

Его локти подогнулись, и он чуть не упал в собственную рвоту. С трудом передвигаясь по качающейся, как ему казалось, поверхности песка, он отполз метра на три и посмотрел вверх.

Молодая женщина спокойно смотрела на него серыми глазами.

— Ты не Белла, — заметил он. — Я никогда тебя не видел раньше. А где она?

— Не знаю, — сказала женщина.

Её волосы были точно такого же цвета, что и глаза. Одета она была в шерстяное вязаное платье цвета ржавчины, и, судя по обилию заплат, ему было очень много лет. В её лице угадывался какой-то особый тип невинности — полное незнание того, что на свете существует притворство.

— Белла, — сказал он хрипло, — она была со мной… вчера ночью.

— Не знаю, — сказала женщина. — Я просто пришла посмотреть на тебя и на *это*.

Она показала в сторону, и он повернулся, чтобы посмотреть…

Это…

Вокруг головы Беллы песок был залит кровью; волосы превратились в сплошной кровяной сгусток. Ему всегда казалось, что мертвецы должны выглядеть умиротворёнными, но её лицо

было искажено страшной гримасой. Умирая, она кричала — кричала, а он лежал рядом и не слышал? Может, она толкала его, пытаясь разбудить, пока не умерла; а он продолжал спать, закопавшись в песок, чтобы было удобнее? Нет, этого не могло быть: песок рядом с её телом был почти нетронутым — лишь следы его ног, идущие от кромки воды. Наверное, когда он вынес её на берег, она уже была мертва.

Белла. Когда они плыли через беснующийся океан к Альбиону, он любил её, хотел быть с нею рядом вечно… И вот теперь *это*.

Он опять произнёс её имя и заплакал, стоя на коленях и закрывая лицо руками. Он на время забыл о том, что странная женщина стоит рядом и наблюдает за ним. В слезах его была не только горечь потери, в них был ужас, который он пережил в холодных волнах, считая себя обречённым на смерть.

Рука женщины легла на его плечи.

— Почему ты плачешь, морской зверь?

— Белла, — сказал он, опустив подбородок на колени.

— Но ведь я не Белла, я же сказала тебе, — удивилась женщина. — А-а! Ты, наверное, говоришь про *это*. Тебе *оно* нравится?

— Разве ты не видишь?

— Что?

Спокойствие в её голосе было острее ножа.

— Она была моим товарищем. Мы помогали друг другу, — стало немного легче — боль сменилась злостью.

— Какой товарищ? Где же твой товарищ? Здесь только ты… и я. Мы одни.

— Она здесь. Белла здесь! — он указал пальцем на бледное тело.

Женщина ничего не ответила. Терман постепенно обретал контроль над собой. Он вытер от слёз глаза, насыпав в них песок, но не обратил на это внимания.

— Разве ты не видишь?! — закричал он.

Босая нога женщины легонько пнула труп Беллы. Голова мёртвой женщины наклонилась в сторону.

— Нет, — ответила странная женщина.

Терман поднял голову и увидел, как она озадаченно чешет у себя под мышкой.

— Никого нет, кроме тебя. Мы — одни.

— О-о-о! — закричал он и встал на ноги. Женщина в испуге и изумлении отскочила. Он упал на труп Беллы и стал целовать её мёртвые губы в надежде, что каким-то образом ему удастся вернуть её к жизни.

— Почему ты целуешь *это*? — вежливо поинтересовалась женщина.

— Она не *это*.

— Нет, я не вижу.

Он с большим трудом снова встал на ноги. Небо было синее, чем обычно. Высоко-высоко летела чайка, свободно паря в воздушных потоках.

— Ты голоден?

Он неожиданно почувствовал голод: он умирал с голоду. Ему захотелось уйти отсюда, оставив Беллу лежать на песке, и пойти туда, где он сможет найти большой, жирный и страшно горячий кусок мяса. С трудом волоча ноги, он побрёл прочь от моря.

— Да, — сказал он на ходу. — Я голоден.

— Тогда пойдём в дом к человеку, который называет себя моим отцом. Он очень хороший отец — лучше, чем многие. Я люблю и отца и мать потому, что они говорят, что я должна их любить. Не стесняйся. Пойдём.

— Её голос был необычно звонким.

У него были причины стесняться, больше того, ему было стыдно. Последний рая взглянув на труп Беллы, он закрыл руками срамное место и последовал за женщиной. Чувствуя, как ветер обдувает его сжавшуюся от поды мошонку, он смущённо закашлял.

Женщина даже не глядела в его сторону.

— Я помню, — вдруг сказала она, обращаясь в пространство перед собой, — как вы вышли на берег. Ты и *это*. Я тогда собиралась ложиться спать.

Он что-то побормотал себе под нос.

— Интересное зрелище, — продолжала она. — Как будто два морских чудища решили погулять по земле. Я чувствовала вас обоих. Но затем вдруг поняла, что передо мной лишь человек, который тащит на себе *это*.

Ему стало не по себе от таких слов.

— Если ты говоришь, что это когда-то было человеком, я должна поверить тебе, иначе было бы невежливо. Человек, вероятно, исчез перед тем, как ты вышел на берег. Я не могу вспомнить. Ты уверен, что не ошибаешься? Исчезновение не оставляет следов. Ты точно знаешь, что *это*…

— Она не *это*, — с угрозой в голосе повторил Терман.

— Ну, ладно, что бы *это*… она… ни было, я видела, как ты её тащил. Посмотри, какой одуванчик. Красивый? Смотри, сколько много оттенков жёлтого цвета. Ты должен посмотреть на этот одуванчик…

Он бросился к ней, повалил на землю и изо всех сил стал

бить кулаками по её пухлым губам, разбив их в кровь. Он хотел уничтожить её, выбить из неё жизнь и наблюдать за тем, как душа покинет её тело. Он что-то кричал, пытаясь рассказать о любви к Бёлле, которая оказалась такой короткой. Он надеялся, что таким образом сможет пробиться в её душу и показать, что Белла — не просто красивое имя. Он бил снова и снова.

Он бил, а её серые глаза спокойно наблюдали за ним.

— Из-за тебя я выронила одуванчик.

— Белла мертва! — кричал он. — Белла мертва!

— Что значит *мертва*? — спросила она разбитыми губами, когда его кулак в который уже раз поднялся для удара.

«Похоже, она действительно не понимает», — подумал он и опустил руку. — Ведь я и сам не верил в существование Альбиона. Сколько мы ни искали его — кругом было одно море. Может, он существует лишь иногда? Если это так, то почему меня раздражает то, что его обитатели видят мир иначе, чем мы? Кошки и собаки, к примеру, могут сосредоточить своё внимание на чем-либо лишь на пару минут — после этого они не помнят, что именно их заинтересовало. Но при этом они могут научиться находить по ночам дорогу к дому или запомнить, где стоит их миска.

И всё это несмотря на то, что память у них очень коротка.

Нет, нет. Я зашёл слишком далеко. Она же человек, а не кошка. Может она просто умственно отсталая? Но её глаза…»

Он встал и отряхнул песок с густых волос у себя на бёдрах. Его больше не беспокоил тот факт, что она видит его наготу. Она уже видела его голым задолго до того, как он узнал об этом. Мысли его становились всё более и более рациональными.

— Извини, — сказал он, поднимая её на ноги. — Ведь ты, по-видимому, спасла мне жизнь. Я должен был на коленях благодарить тебя, а не кричать и, тем более, не бить. Если бы ты не разбудила меня, я проспал бы прилив и утонул, не успев проснуться. Я мог погибнуть. Я не имел права…

Ему было стыдно.

Она посмотрела на него и нахмурилась. Его вновь поразила чистота её глаз.

-— Разве для тебя так важно *это*… не быть мёртвым? — спросила она.

Какое-то время он не мог ничего ответить. Была ли она идиоткой или нет, её вопрос содержал в себе небывалую наивность. Ему снова захотелось закричать на неё, но он тут же вспомнил свои недавние слова. Успокоившись, он ответил:

— Да, это важно для меня. И смерть моего товарища — Беллы — тоже важна для меня.

Он повернулся и пошёл обратно, в сторону прибоя.

Идти по песку было тяжело. Вода уже почти целиком скрыла труп Беллы. Он ещё не подошёл к ней, а под ногами уже плескалась вода. Он поднял тело на руки и вытащил на сухой песок, затем нагнулся и положил себе на плечи. Когда он поднимался вверх по склону, туда, где ждала сероглазая женщина, голова Беллы мерно ударялась о его спину.

— Тебе нужно *это*? — удивилась женщина, когда Терман подошёл ближе.

— Это была моя подруга, мой товарищ, —— сказал он, стараясь не раздражаться. — Она умерла. Я точно не знаю, когда это произошло. Она умерла в море, где-то там, — он кивком головы указал в сторону океана. — Я хочу похоронить её — закопать в землю. В моём народе это знак уважения.

Солнце скрылось за облаком, изменив цвет моря и пляжа, и через минуту показалось снова.

Он заметил, что женщина изо всех сил старается подавить улыбку.

— Ты очень странный морской зверь, — сказала она. — Пожалуй, тебе стоит закопать *это* на одном из полей, может, злаки там будут расти лучше.

В нём снова проснулась злость, но он уже контролировал себя. Глупо было винить идиотку за её слова. Кроме того, что плохого, если Белла возродится в виде колоска пшеницы или ячменя? Может, это даже лучше, чем обыкновенная могила. Да… Пожалуй.

— Ладно, — сказал он наконец.

— Мой отец будет очень рад и благодарен.

Они шли молча. Терману становилось всё труднее и труднее дышать, и он стал спотыкаться под грузом мёртвого тела. День был жарким. Когда они поднимались на вершину небольшого холма, покрытого колкой выгоревшей травой, пот стекал с него ручьями. С вершины открывался вид на пёстрый ковёр полей, раскинувшихся на слегка покатой равнине. Поля были разграничены аккуратными изгородями. Неподалёку он увидел кирпичный дом, за которым виднелись и другие дома, сбившиеся в кучу среди полей.

— Вот здесь мы и живём, — улыбнулась женщина.

Он попытался улыбнуться в ответ.

— Где мне вырыть могилу?

— Могилу?

— Яму в земле, в которую я положу её. На каком поле? Каким злакам ей лучше помочь?

Женщина, не останавливаясь, шла вперёд.

— Не знаю, — сказала она. — Клади это куда хочешь. Завтра все поля изменятся.

Это замечание так удивило его, что он споткнулся и чуть не упал под весом Беллы. Как можно поменять поля, причём за один день? И вообще, возможно ли это. И зачем?

— Да, поля поменяются, — повторила она. — Откуда ты, морской зверь?

Он глубоко вздохнул и ответил:

— Из очень далёкой страны.

Этот ответ оказался для неё достаточным, и она, кивнув головой, направилась дальше, легко ступая по упругому мху между стеблями вереска. Он последовал за ней, прислушиваясь к её лёгким шагам и к стрекотанию насекомых под ногами. Перед его глазами пролетела блестящая красная муха — он никогда таких не видел. Терман напомнил себе, что находится в чужой стране, в которой всё может быть иначе, чем дома. Труп Беллы становился тяжелее с каждой минутой. Он посмотрел по сторонам. Некоторые из растений он узнал: здесь росли наперстянки, анютины глазки и подснежники. Но ведь они не должны цвести одновременно! Были и такие, которые он видел впервые: на ветру шевелили листьями высокие кусты с голубыми цветами, которые, казалось, смотрели им вслед; соцветья розовых цветов, похожих на лицо проснувшегося младенца, тихо покачивались, тут же стояло несколько деревьев, шум фиолетовых листьев которых сильно напоминал человеческую речь, хотя язык, на котором они говорили, был совершенно незнакомым.

Они дошли до низкого забора, огораживающего поле, и Терман, повернувшись, облокотился на него спиной.

— Здесь я могу её похоронить? — спросил он тяжело дыша.

— Закопать? — переспросила женщина. Она начала перелезать через забор.

Он быстро справился с новым приступом злости.

— Да, да. Закопать её. Я не могу нести её дальше.

— Ты можешь закопать её, где тебе угодно.

— У тебя дома есть лопата?

— У нас вчера была лопата. Может, она и сегодня там? Пойду, пожалуй, посмотрю.

Он обернулся и оглядел поле. На вид земля была мягкой. Может, он сможет вырыть яму руками, чтобы…

— Хорошо, — сказал он. — Постарайся принести лопату и попроси отца пойти вместе с тобой, чтобы он помог мне копать. Я, конечно, многого прошу, я знаю, но боюсь, что не справлюсь один. К тому же если у тебя дома найдётся какая-нибудь

одежда…

Оставив его, она направилась к своему дому.

Глядя ей вслед, он понял, что всю дорогу она нарочно шла медленно, чтобы понапрасну не утомлять его. А он и впрямь смертельно устал. Устал до такой степени, что, казалось, его тело ему не принадлежит. Он перекинул мёртвую Беллу через забор, стараясь не повредить тело об острые камни с противоположной стороны. Несмотря на все предосторожности, на её животе появились два глубоких свежих пореза. Преодолевая усталость, он полез через забор вслед за ней. В глазах у него поплыли цветные круги, и он едва отдышался.

Женщина не заставила себя долго ждать — хотя, может, это ему только показалось. Она возвращалась, держа в руках лопату, а за ней шёл седой пожилой мужчина. Он тоже нёс лопату. Она улыбалась, как ребёнок, который только что удивил чем-то своих родителей.

— Ну вот и мы, — сказала она.

В конце концов, копать пришлось аборигенам. Терман копнул лишь несколько раз и, чувствуя, как его сердце угрожающе заколотилось в груди, передал им лопату. Отдышавшись, он сел и стал наблюдать за их работой. Вскоре, под ритм вонзающихся в землю лопат, аборигены запели какую-то песню. Слов у песни не было, а музыка не отвечала ни одному из известных Терману канонов. Тем не менее, это была песня. Больше того, это была не простая рабочая песня: женщина и её отец превосходно знали, кому, когда и как следует петь, превращая мотив в чрезвычайно сложное многоголосье. Глядя на них и слушая песню, он подумал, что она была создана не сознательно, но они и не сочиняли её на ходу. Скорее всего, эта была какая-то инстинктивная реакция на ситуацию, в которой они находились: они реагировали на ситуацию, совершенно не задумываясь о том, что она может когда-нибудь повториться снова. Как котёнок, прыгающий за клубком, исполняет некий сложный инстинктивный танец, так и они пели песню, пришедшую к ним из таких далёких эпох, о которых они и не подозревали.

Бели бы он был профессиональным музыкантом, то постарался бы запомнить её, зная, что по возвращении в Мир его известность возрастёт. Но так как он не был музыкантом, то просто привалился к забору. Острые камни, впившиеся в кожу, несли ему скорее облегчение, чем боль.

Вскоре женщина и её отец вырыли яму глубиной около метра. «Достаточно», — решил Терман. Они повернулись к трупу Беллы, но он жестом отстранил их.

Он любил эту женщину недолго — лишь тогда, когда они

вместе боролись с бушующим океаном. Но тогда это казалось вечностью. Может быть, они с Беллой возненавидели бы друг друга, если бы оба выжили после шторма.

Терман с трудом оторвал спину от острых камней — опустить Беллу в могилу он считал своим долгом.

Её кожа была серой и холодной. Он встал и поднял тело, качаясь, как пьяный. Пройдя несколько шагов до могилы, он попытался осторожно опустить туда Беллу. Это ему не удалось. Труп соскользнул и тяжело рухнул вниз, при этом правая рука зацепилась за край могилы и осталась в вертикальном положении. Если бы не страшная рана на лбу, могло показаться, что Белла пытается выбраться обратно. Отец женщины небрежно пнул руку ногой, и она упала ей на живот.

«Как будто спит, — подумал Терман. — Если не обращать внимания на запёкшуюся кровь, кажется, что ей там даже удобно».

Первый ком земли упал на её грудь.

Он почувствовал, что должен сказать что-то — например, несколько строк какой-нибудь молитвы. Он чувствовал, что это необходимо — просто как знак уважения. Затем ему показалось, что неискренность обидела бы её. Он опустил голову, закрыл глаза и сконцентрировался на пожелании ей счастья в загробной жизни, если таковая существовала, надеясь, что боги, существуют они или нет, услышат его мысли.

Он мало знал её при жизни, и всё же…

В его глазах снопа появились слёзы.

Женщина и её отец дали ему время успокоиться, взяв на себя работу по засыпке могилы землёй. Это не отняло у них много времени, к тому же они исполнили ещё одну песню.

Закопав могилу, они бросили лопаты рядом, чтобы подобрать их в другой раз, если это поле окажется на прежнем месте, положили руки Термана себе на плечи и осторожно пошли вместе с ним домой.

* * *

— Ты знаешь, а ты совсем другой.

Последние несколько дней он был в забытьи и сначала не узнал её, когда она зашла в освещённую солнцем комнату. Он наблюдал за тем, как она закрывала единственное окно грубой старой занавеской.

— Как давно я здесь? — спросил он.

— Давно.

— А точнее?

— Несколько периодов сна.

Она подошла, поправила одеяла, затем подняла его голову,

чтобы взбить подушки. Они были обтянуты какой-то грубой тканью, от которой чесались уши. Ворочаясь в полусне, он постоянно чувствовал, что его новое положение хуже, чем предыдущее. Он попытался объяснить ей, что не нуждается в подушках вообще, но она проигнорировала его замечание.

— Что значит «другой»? — спросил он.

— Тут всё изменилось. Теперь поля всегда остаются такими же, как раньше. А я вижу, как мы принесли тебя сюда, как копали яму, чтобы положить туда это… Всё это вижу не только я, но и мой отец.

Она поднесла к его губам чашку с водой, и он взглядом поблагодарил её. Сквозняк колыхнул занавеску, и по покрытым побелкой стенам побежали тени. Ветерок высушил испарину у него на лбу. Её лицо казалось ему бесконечно красивым, как лицо ангела из загробной жизни, в которую верили жрецы.

Он с трудом вспомнил события, о которых она говорила, сказал ей об этом, чувствуя, что язык и губы не слушаются его.

— Я помню, — сказала она, выбрав слово, которое он использовал, — не помня.

Он захлебнулся водой и закашлялся в её ладонь. Откашлявшись, он сказал:

— Не понимаю, что ты имеешь в виду, ты говоришь загадками.

Голос его был хриплым, и распухший язык с трудом поворачивался во рту.

Она отошла и поставила чашку на подоконник. Солнечный луч осветил её волосы, превратившись в яркий нимб вокруг головы. На ней было всё то же шерстяное платье, что и в первый раз, когда он увидел её. Она неожиданно повернулась и посмотрела на него. Её серые глаза были живыми и сердитыми, зрачки стали маленькими точками.

— Морской зверь, — сказала она. — Ты говоришь, что пришёл откуда-то из-за стены тумана, из места, которое ты называешь *Мир*. Ты много говорил в бреду. Всю свою жизнь я знала, что там, за туманом, ничего нет, но я поверила тебе потому, что, честно говоря, мне наплевать, откуда ты пришёл. Ты здесь, и это всё, что меня интересует. Ты находишься в нашей стране и мог бы, по крайней мере, попытаться понять её. Мой отец, моя мать и я — мы все ухаживали за тобой, когда ты кричал нам всякие мерзости, гадил в постель и рассказывал о своём *Мире*. Мы с трудом кормили тебя. Тебя несколько раз вырвало на платье матери — к счастью, у неё их два. Ты ударил моего отца по голове. Ты… На моей груди остались синяки после того, как ты схватил её, и мой отец чуть не убил тебя за то, что ты при этом

сказал. Он точно убил бы, если бы ты не принёс с собой этот дар.

У Термана сохранились какие-то смутные воспоминания об этих постыдных поступках. Они неким причудливым образом перемешались с тем, что он видел во сне. Он не мог тогда отличить явь от необычно ярких снов, проносившихся перед его глазами. Может, она лгала, пытаясь таким образом сделать его должником своей семьи.

Нет. Похоже, она говорила правду.

— Извини, — пробормотал он.

— Принимаю твоё извинение, — сказала она, явно не придавая значения своим словам. — Я понимаю, что ты не можешь быть в ответе за все эти выходки потому, что был болен. Кроме того, я благодарю тебя от нашей семьи и от всех соседей за тот дар, который ты принёс нам.

— Дар? — казалось, он снова начал проваливаться в свой кошмарный сон. — Какой дар? Я пришёл сюда голым и не приносил никакого дара.

— Я как раз об этом и говорю тебе, — спокойно объяснила она, усевшись на кровать и проведя пальцем по его лбу и мокрым от пота волосам. — Ты принёс нам то, чего у нас раньше не было. Ты принёс нам способность *помнить*. Ты так жутко выглядел, когда кричал, что все мои знания находятся прямо вот здесь, во мне, — она сначала неуверенно показала себе на грудь, а потом на лицо. — До того, как ты появился, я бы этого не запомнила.

Она смущённо засмеялась.

— До того, как ты здесь появился, я не могла думать о времени, которое было до тебя. Ты дал нам всем какую-то способность, очень приятную… до боли приятную, в некотором смысле.

Её голос унесло куда-то в сторону, как пёрышко на ветру.

Он вспоминал встречу на пляже. Кошки… Собаки… Жители Альбиона. Её отрешённые и удивлённые глаза… Она сказала тогда, что не знает, чем было раньше тело Беллы, говорила, что поля ежедневно меняются… Он посмотрел на её лицо и с облегчением заметил, что её губы зажили. Это снимало с него маленькую часть вины.

— Если можно, пожалуйста, ещё воды, — попросил он. Она направилась к неуклюжей деревянной двери, он добавил:

— Когда вернёшься, расскажи мне ещё немного об этой стране. Я не хотел причинить тебе боль — так получилось. Я рад, что смог тебе дать хоть что-то взамен.

Она повернулась и посмотрела на него.

— Если бы ты не дал мне этот дар, — сказала она, улыбнувшись, — то я бы уже не помнила о боли, причинённой

тобой.

* * *

— Как тебя зовут? — спросил он, когда она вернулась с глиняной чашкой, наполненной чистой холодной водой.

— Не знаю. — В её голосе была беззаботность — как будто это была игра. — Ты дашь мне имя. Ты всем нам дашь имена.

Он назвал её Майной, её отца — Ланцем, а мать — Гред: эти имена ничего не значили, но их звучание, как ему казалось, каким-то образом описывало этих людей.

Майна поцеловала его в лоб, и он снова начал погружаться в некое подобие сна.

— Расскажи мне об этой стране, — попросил он, глядя, как солнце освещает тыльную сторону её ладони, когда она поправляла волосы.

В последующие несколько недель он дал имена многим другим людям. Затем прошли годы, и он передал свой дар многим сотням людей, но самое первое имя он помнил всю свою жизнь.

Глава вторая. Труба

Майна многое рассказала ему об Альбионе, а со временем Терман узнал ещё больше.

В стране, которую они называли Альбионом, не было дней и ночей. Было просто время для сна и время для работы. Солнце не отклонялось больше, чем на тридцать градусов от центра небосвода, равномерно нагревая землю, но не иссушая её. Аборигены подчинялись своим биологическим часам, которые указывали им, когда наступает время сна. При этом их не беспокоила вечная голубизна неба. Терману же приходилось плотно закрывать занавеску на маленьком окошке в доме Ланца и Гред, если он хотел спать. Занавеска была короткой, но он использовал тяжёлую доску, которую дала ему Майна. Положив её на подоконник, он прижимал края занавески. Это позволяло загородиться от света, но когда на улице был сильный ветер, доска сдвигалась и солнце пробивалось в комнату из-под колышущейся материи и светило в глаза до тех пор, пока он не просыпался. Он научился, до конца не просыпаясь, подниматься с постели, поправлять доску и снова ложиться под тёплые одеяла. Хуже всего было засыпать.

Когда он не спал, к нему постоянно стояли очереди из людей, желающих получить имена. Фермеры, скотоводы, рыболовы. Все, кроме самых маленьких детей, постоянна работали на полях, засеивая, пропалывая и собирая урожай. Как он выяснил, это был нескончаемый труд: временами, когда Майна сажала его у окна, он видел, как на одном поле проводится сев, а на соседнем идёт уборка урожая. Для пожилых была предусмотрена более лёгкая работа: мытьё посуды и уборка в домах — как он вскоре выяснил, качество её часто оставляло желать лучшего.

Его ужасала не только продолжительность их работы, но и её организация. Маленькие дети работали на полях в течение периодов времени, по его оценке, равных целому дню или даже больше, не прерываясь, чтобы поесть, попить и прочее. Даже естественные надобности они отправляли не отходя от места работы. Взрослые же иногда работали по два периода бодрствования напролёт, игнорируя период сна, и никто при этом не жаловался. Терман полагал, что так же, как и песня, которую пели Майна и Ланц, в них была заложена работа на полях, являвшаяся единственным смыслом их жизни.

Сам он был предметом их постоянного удивления, так как почти всё время лежал в кровати, не чувствуя необходимости бежать на поле.

Это не портило его отношений с аборигенами. Он даже чувствовал неловкость за то уважение, которое они оказывали ему за его способность давать им имена.

Майна сидела в его комнате и играла на самодельной флейте одну из своих мелодий. Временами она останавливалась, чтобы подровнять ему грубыми железными ножницами бороду. Он сказал пришедшим к нему сегодня людям, что устал и хочет немного времени посвятить себе. Майна собиралась идти работать, но он не позволил ей, заявив, что с этого дня её обязанностью является уход за тем, кто даёт имена, а не работа на полях. Её серые глаза улыбнулись ему, но выражение лица не изменилось. Ему пришлось объяснить, что он хочет побыть с ней рядом и поговорить, а не спать с ней. Весь этот эпизод вызвал у него смущение: её готовность отдаться ему только за то, что он обладал даром давать людям имена, с одной стороны; и его желание обладать ею только потому, что она была доступна, с другой, — заставляли его чувствовать себя неловко. Если бы она была одной из портовых шлюх, то он бы дрался за право переспать с ней. Однако здесь всё было по-другому.

Её музыка ласкала его слух и как бы прикасалась к его телу. Ножницы причиняли заметную боль подбородку и щекам, но он старался не жаловаться на это.

Но вот она положила ножницы и флейту на подоконник. Он догадался, что она собирается мыть его, и в душе смешались страх и приятное предвкушение. Она сняла одеяла с его кровати. Во всём этом не было ничего сексуального, но в мягкости и нежности движений чувствовалось её особое отношение к нему.

Майна довольно часто настаивала на таком купании. Воду для этого она приносила в большом глиняном кувшине. Вода была горячей, но к моменту купания уже успевала остыть.

— Почему вы столько работаете? — спросил он. — Зачем вам нужно столько еды? Жители деревни просто не смогут её съесть!

Майна повернула его на живот и мягкой тряпочкой вымыла спину и ягодицы. Затем она отошла, села на свой стул и снова заиграла на флейте, глядя, как вода высыхает у него на спине. Он лежал, уткнувшись лицом в подушки, и думал о том, сколько эти унижения могут продолжаться.

— Мы работаем потому, что мы должны это делать, — сказала она. В её глазах и голосе появился холодок. — По-твоему, не так?

— Но для чего нужна вся эта пища?

— Побудешь с нами немного, узнаешь.

— О-о! Ради всего святого, женщина, глупость привлекательна лишь в подростковом возрасте. И я и ты вышли

из этого возраста — почему бы тебе просто не сказать правду?

Терман с трудом сел, облокотившись о дубовое изголовье кровати. Он никоим образом не желал причинять ей боль этим вопросом, но, вместе с тем, ему не терпелось узнать, почему жители деревни вели себя как… рабы? Да, именно так. Они были рабами, не подозревая об этом.

— Рабы! — сказал он вслух.

— Я не знаю этого слова, — мрачно заметила она после долгой паузы.

Терман с трудом выбрался из кровати. Он подполз к занавешенному окну и отодвинул тонкую грубую материю в сторону. Упавшая доска больно ударила его по спине. Он приподнялся и взглянул на поля, где женщины и дети кропотливо выполняли свою работу. Какая-то женщина взваливала себе на плечи тяжёлый мешок с зерном; ближе к их дому улыбающийся мальчик тащил огромный тюк соломы. Он споткнулся, упал, оцарапав себе колени, но быстро поднялся и пошёл дальше — улыбка так и не исчезла с его лица.

Солнце висело в зените, как будто кто-то прибил его там гвоздями.

— Ты скоро поправишься, — тихо сказала Майна, — и сможешь тоже работать на полях. А потом сможешь стать даже рыбаком…

— Ты этого хочешь?

Он стоял возле окна и чувствовал, как у него подгибаются колени. Майна поможет ему вернуться в постель.

Он пришёл сюда из мира, который не существовал для этой страны. Она помогла ему освоиться здесь. Ему хотелось быть с ней рядом, спать с ней — не потому, что он любил её или думал, что любит, а потому, что ему была необходима её близость, как будто близость тел могла указать путь к близости духовной. В то же время он не мог спать с ней из-за того, что знал: это была бы всего лишь плата за его *дар*.

Майна снова заиграла на своей флейте, а он продолжал стоять, уцепившись за подоконник, чувствуя, как силы покидают его. Мальчик, который недавно нёс сено, подошёл к двери их дома и постучался. Заскрипел стул — Майна пошла открывать дверь. «Ещё один, — подумал Терман. — Ещё один из тех, кто хочет получить имя. Почему они не дают мне покоя?»

Он, конечно же, дал мальчику имя.

* * *

Прошло достаточно много времени, и Терман стал чувствовать себя лучше настолько, что сам мог справляться со своими естественными надобностями и даже ходить на кухню,

чтобы вымыть свой горшок.

Майна отодвинула занавеску, и жёлтый солнечный свет заскользил по голым доскам пола, зацепив красный самодельный коврик возле его кровати.

— Майна, — сказал он, прищурив глаза от яркого света. — Почему вы делаете всё это?

— Потому, что так положено, — ответила она. Сегодня она вязала какую-то одежду, пользуясь грубыми деревянными спицами. — Так всегда было, наверно, даже до того, как в первый раз пришли эллоны, если такое время вообще существовало.

— Ты и раньше всё это говорила, — сердито сказал он, поднимаясь с кровати. Солнечный свет из окна играл на её лице: на бровях появились маленькие радужные искорки. Она сосредоточенно вязала. Её высокий и массивный лоб казался ему совершенным.

— Бессмыслица какая-то, — продолжал он.

— В этом есть смысл, — возразила Майна так тихо, что он с трудом расслышал. Её спицы заработали вдруг с неожиданной скоростью.

— До того, как ты появился, — сказала она уже громче, — мы не знали, когда к нам придут эллоны. Они просто приходили, и всё.

— Кто такие эллоны?

— Люди.

— Расскажи подробнее, Майна.

— Ты узнаешь, кто они такие, в этот период бодрствования. Нам придётся спрятать тебя, иначе тебя убьют. Они могут убить кого угодно. Когда они приходят… некоторые люди исчезают… умирают, я думаю, — она нахмурилась, пытаясь привести в порядок обнаруженные в себе воспоминания. — Им позволено всё. Им *можно*.

— *Можно?*

— Да, *можно*. Я не хочу говорить об этом… Я люблю тебя, — её спицы пропустили петлю. Она сказала это таким голосом, как будто звала к завтраку. Поправив петлю, она закончила ряд, а потом принялась за новый.

— Майна, — прошептал он. — Майна…

Она взглянула на него и вновь погрузилась в свою работу.

— Не надо меня любить.

Она снова посмотрела на него.

— Почему нет?

Их взгляды встретились. Он неловко подвинулся на кровати, и она страшно заскрипела.

— Женщина, с которой я выбрался на берег, — я любил её.

— Да, теперь я вспоминаю её. Тогда я думала, что она просто *это*. Но ты мне сказал, что она — мёртвый человек, а я верю тому, что ты говоришь, — Майна продолжала спокойно вязать.

— Я любил многих женщин, и только некоторые из них испытывали ко мне ответное чувство, — он удивился тому, что говорит ей всё это. Там, в Мире, он не знал никого, с кем можно было бы поделиться этими воспоминаниями. Над ним или посмеялись бы, или грубо одёрнули. Друзья. Он многих называл друзьями, но быстро осознал всю поверхностность этого понятия. Самое смешное, что он откровенничал с женщиной, которую почти не знал (хотя она знала его хорошо — по крайней мере, видела его тело). Так он не говорил даже со своими любовницами. Может, ему стоило вырвать у неё из рук вязание, бросить её на кровать и заняться любовью? Нет, он не хотел, определённо не хотел.

Впрочем, почему? Ведь она ему нравилась, она только что сказала, что любит его, она была привлекательной — он часто представлял, как эти серебристые волосы будут скользить по сто животу.

— Я хочу взять тебя за руку, — сказал он.

Она отложила вязание и протянула ему руку.

Неожиданно в дверь постучали. Гред и Ланц пошли к двери, чтобы сказать посетителю, что Тот Кто Даёт Имена отдыхает. Они давно привыкли к частым визитам.

По комнате летала бабочка. Они с Майной некоторое время наблюдали за ней. Насекомое долго порхало по комнате, пока не обнаружило окно, через которое вылетело на волю.

Майна подошла и нежно поцеловала его руку, проведя по ней кончиком языка.

Приближалось обеденное время.

* * *

…его попросили справить свои надобности и по качающейся ненадёжной деревянной лестнице отвели на чердак дома. Там было пыльно и грязно. Грязь собиралась там, по-видимому, не одно поколение. Кроме пыли, повсюду валялись ящики и старое тряпьё. Покатая крыша дома была в хорошем состоянии. Это немного удивило его — к чему такое беспокойство о крыше под вечным солнцем? Затем он сообразил, что если кругом растут травы, кусты, деревья и злаки, то их что-то поливает, то есть в Альбионе должны быть и дожди, и хорошие дожди. Видимо, по этой причине единственное маленькое оконце на чердаке было забрано чем-то, на взгляд похожим на мутно-серое стекло, на ощупь тёплым и податливым.

После ухода родителей Майна некоторое время оставалась с

ним.

— Ты можешь открыть окно, — сказала она, — но сиди тихо и не урони здесь чего-нибудь — солдаты могут зайти в дом. Мы сделаем так, чтобы они не обратили внимания на дверь, ведущую на чердак. Чтобы казалось, что её не открывали очень долгое время, — она оттёрла с рук пыль. — Честно говоря, я не думаю, что чердак их заинтересует. Порой они обыскивают дома, но ничего конкретного не ищут. Думаю, они делают это просто так, чтобы мы помнили об их существовании.

— Откуда ты это знаешь, Майна?

— Мы все об этом знаем. Вот так.

Он неожиданно понял, что она имела в виду… У жителей Альбиона было два типа памяти, принципиально отличавшихся друг от друга. Во-первых, было то, что они просто знали, например, как пропахать борозду в поле или починить крышу. Эти знания являлись чем-то вроде инстинкта, либо заложенного в глубоком детстве, либо врождённого, как рыжие волосы или длинный нос.

Второй тип памяти был совершенно другим. Он включал в себя то, что люди узнавали в течение жизни. Эта память была очень выборочной: если поля могли меняться всего за один период сна, то всё прошлое было сомнительным, а воспоминания ненадёжными, так же, как и знания, почерпнутые из них. Само понятие памяти оказывалось ненужным. А если и люди меняются так же, как поля? Человек, которого ты полюбил в один из периодов бодрствования, в следующем может просто не существовать — как будто его и не было. Но то, что повторяется регулярно, может быть выбрано из общей массы *фальшивых* воспоминаний и определено как реальность. Например, периоды роста и созревания злаков, а также регулярное появление солдат Эллонии за урожаем. Все воспоминания о каких-либо разовых нарушениях регулярности просто исчезнут — будут считаться *фальшивыми*. Постоянно капающая вода в пещере создаёт сталактиты и сталагмиты, а бесчисленные капли, падающие хаотично, просто утекают, не оставляя за собой никаких следов.

Неудивительно, что крестьяне так стремятся получить имена. Ведь имена произносятся часто. У себя на родине Терман встречал знакомых людей, о которых не мог вспомнить ничего, пока не припоминал их имени. Только тогда на память приходили их занятия и интересы, их симпатии и антипатии. В Альбионе был тот же самый, но только многократно усиленный эффект. Давая людям имена, он вместе с ними давал им их неповторимую личность, а вместе с нею и личные воспоминания.

— Я постараюсь сидеть так тихо, как только смогу, — сказал

он.

Майна улыбнулась.

— Сиди ещё тише, и тогда всё будет в порядке.

Он сел на корточки и улыбнулся ей в ответ. Некоторое время они смотрели друг другу в глаза, а затем она неожиданно шагнула вперёд, нагнулась, крепко поцеловала его в губы и отошла.

— Извини, — сказала она. — Я не должна была делать этого.

— Всё в порядке. Мне очень даже понравилось.

Он вытер губы рукавом.

— Но мы не любим друг друга, — возразила она.

— Ещё не всё потеряно.

Говоря *не всё*, он подразумевал совершенно обратное. Снова вопрос: почему он не хотел полюбить её? Ведь, если разобраться, он уже любил.

В луче света вокруг неё кружили пылинки.

«Какая дурацкая вещь — разум, — подумал Терман. — Он всегда усложняет самые простые вещи». Любовь к ней была бы чем-то вроде… педофилии, ведь можно сказать, что ей всего лишь несколько недель от роду. С другой же стороны, она для него как мать. Она кормила и поила его, когда он был беспомощен, как ребёнок. Может это как раз и пугало его — то, что она видела его таким беспомощным?

— Если солдаты Эллонии придут поздно, мы принесём тебе еду. Я расскажу тебе о том, что происходит, если они не зайдут в дом. Иначе они меня услышат.

Он в тысячный раз захотел спросить, зачем она всё это делает. И не спрашивая уже знал ответ: помимо личных чувств, для Майны был важен тот факт, что он возвращал её соплеменников к реальности. Вместо этого он сказал:

— Ты не слишком беспокойся обо мне.

— Я не о тебе беспокоюсь — ответила она, глядя через окно на поля. — Хоть ты и значишь для меня много, я думаю обо всех. Мы должны показаться солдатам такими же, как всегда, а это будет трудно. Придётся притвориться, как будто у нас нет имён… и прочее…

— Что прочее?

— Они — мужчины, понимаешь? А среди нас есть женщины. Не притворяйся, что ты этого не заметил, — её сарказм был ему неприятен. — Солдаты могут делать с женщинами всё, что захотят.

Она взглянула ему в глаза.

— Это длится недолго и не очень больно, только потом об этом будет тяжело вспоминать.

— А вы научились помнить…

— Правильно. И тот, с кем это произойдёт, должен будет делать вид, что ему это безразлично. Будет тяжело.

Его руки сжались в кулаки.

— А вам никогда не хотелось убить этих солдат?

Её голос потерял всякую эмоциональную окраску:

— Раньше нам никогда не приходило это в голову. После твоего появления некоторые из нас стали говорить, что мы должны бороться против солдат, но я не вижу в этом смысла: они просто перебьют нас и сожгут наши дома.

— Разве им не нужна пища?

— Есть другие деревни, — спокойно заметила она.

— Ну, а если вы убьёте всех солдат? А потом пойдёте и уничтожите Эллонию? Вы сможете тогда выращивать ровно столько пищи, сколько вам самим необходимо. Вы сможете отдыхать и наслаждаться жизнью.

Он коснулся руками пола.

— Я не хочу говорить об убийствах, — сказала она, протягивая руку и касаясь кончиками пальцев его лба. — Убийства — это дело Эллонии и её солдат. Им положено это делать, — она на секунду задумалась. — Я не могу убить человека. Это было бы… неправильно. Большинство из нас так думает.

— Но иногда просто необходимо убить, — прошептал он. — Разве ты не понимаешь?

— Нет.

Он подумал о всех революциях и контрреволюциях, которые происходили в его Мире. Несколько лет он был наёмником, воюя за того, кто больше заплатит. Он практически никогда не думал о тех людях, которые умирали от его меча, когда он выполнял свою маленькую роль в той или иной никому не нужной войне. Вконец устав от всего этого, он стал матросом торгового судна, но в душе оставался воином. И вот теперь он почувствовал необходимость войны, но люди, которые должны начать эту войну, если они все были такими, как Майна, боялись даже думать об этом.

— Как часто они тебя насиловали? — хрипло спросил он.

— Трудно вспомнить. Я думаю, несколько раз. Это не очень больно, я уже говорила, если не считать самого первого раза. Конечно, если они изнасилуют меня сегодня, будет хуже.

Майна пожала загорелыми плечами. Она не умела прогнозировать. Если случится, значит, случится.

— Ты можешь спрятаться вместе со мной, — сказал он шёпотом.

— Нельзя. Солдаты нас пересчитывают, — сообщила она. —

Если нас останется мало, они захотят узнать, где остальные, и будут искать. Иногда исчезают старые — умирают. Но я ведь не старая, и у нас сейчас нет чумы, — она отряхнула юбку. — Если они узнают, что меня нет, то будут искать, а если будут искать, то обязательно найдут и убьют нас обоих, а заодно и моих родителей, — она заплакала. — Они уничтожат всё: сожгут дом, перебьют скотину…

Он протянул вперёд руки и обнял её за бёдра, крепко прижавшись к её ногам, ощущая упругость её плоти и пытаясь рассказать ей о тяжести предстоящего ему испытания. Ему хотелось помочь ей найти путь избежать всего этого, но она была права: что бы он ни сделал, ей и жителям деревни будет только хуже. Даже если бы у него было оружие, он убил бы лишь нескольких эллонских солдат до того, как был бы убит сам. А затем началась бы резня. Сейчас он лишь надеялся, что у Майны хватит душевных сил вынести всё это.

Наконец она произнесла:

— Мне пора идти. Меня ждут родители. Что бы ни случилось — не паникуй, и всё обойдётся.

Она оттолкнула его руки. Он поднял голову и увидел улыбку на её лице, но на глазах у неё были слёзы.

— Всё будет хорошо, — тихо сказала она. — Правда, всё будет хорошо.

— Не верю…

— Прошу тебя, поверь. Твоя жизнь и наши жизни — всё зависит от этого.

Она часто заморгала и вытерла глаза рукавом. Её лицо выглядело по-другому, когда Терман смотрел на неё снизу вверх. Подбородок и нос казались большими, а лоб — маленьким. Он положил руку ей на плечо и тянул её вниз до тех пор, пока их лица не поравнялись.

— Мне было так хорошо, когда ты поцеловала меня. Поцелуй меня снова.

Она поцеловала его в лоб и осторожно встала, нагнув голову, чтобы не задеть крышу. Она подошла к лестнице, спустилась на несколько ступенек и сказала, не глядя на него:

— Не притворяйся, что любишь меня. Иначе причинишь боль не только мне, но и себе. Но я рада нашей дружбе.

Она ушла.

Внезапно Терман остался один. Дверь на чердак закрылась, и он услышал, как убирают лестницу. Затем послышалось какое-то шуршание. Он решил, что это Ланц, Гред и Майна вытирают швабрами края отверстия, ведущего на чердак, чтобы оно было менее заметным.

Вскоре он обнаружил, что может даже привстать, согнув ноги в коленях, и, упёршись локтями в подоконник, смотреть сквозь чердачное окно. Он знал, что не сможет долго стоять в таком положении и ему придётся мобилизовать всю силу воли, чтобы не шевелиться, когда солдаты войдут в дом. И всё же ему хотелось наблюдать за развитием событий.

Прилетел кроншнеп и сел на крышу прямо возле окна, глядя на него с интересом. Терман прогнал птицу. Больше ничего интересного не происходило: унылые поля и медленно передвигающиеся по ним женщины и дети. Вид из окна его комнаты был точно таким же, за исключением высокого цилиндрического сооружения из грубо отёсанного белого камня, которое служило, по всей видимости, деревенским амбаром. С этой стороны границей долины служила опушка большого хвойного леса. Над деревьями парило маленькое облачко. Оно было белым, почти прозрачным и не носило никаких признаков дождя. Ветер медленно, словно нехотя, тащил его по небу. Терман почувствовал, что его грязная одежда, которая стала ещё грязнее от пребывания на чердаке, неприятно прилипает к груди, животу и ягодицам. Он знал, что от него страшно воняет, но запаха не чувствовал.

«Что для меня Майна?» — подумал он. Он вспомнил её в луче света из чердачного окна. Она казалась ему тогда очень красивой. На его родине она, скорее всего, вышла бы замуж за богатого купца или, если бы захотела, стала придворной куртизанкой. Она могла бы добиться и чего-нибудь ещё… Белла выбрала это самое *чего-нибудь*, стала полноправным членом экипажа корабля и погибла. Она превратилась в *это*, которое без особых церемоний было зарыто на поле в неглубокой могиле. Кому из них лучше, ей или Майне? «Конечно, ей, — решил он, — для Беллы всё уже кончилось, а страдания Майны будут длиться ещё долго — всю её жизнь».

Он устроился поудобнее, отклонившись назад и ухватившись руками за подоконник. «Я мог бы изменить здесь всё, — подумал он, — мог бы помочь Майне и всем остальным узнать, как должны жить люди. Но я не могу начать прямо сейчас. Я должен подождать… Подождать, пока вернутся силы». Он посмотрел на свои тонкие белые руки. «Тогда я раздобуду меч и поведу этих людей к свободе, а затем… А что затем? Стану их новым Деспотом? Стану новой Эллонией?»

Он снова вспомнил о Майне, о том, как она выглядела совсем недавно, когда стояла вот тут, на чердаке. Нет, дело не в том, как она выглядела, не только в том. Важно то, никой она была. Если бы она была его сестрой, он любил бы её, как брат сестру: её

серые глаза и выступающий подбородок не имели бы такого значения. Но она не сестра ему. Он был влюблён, но не любил её.

Он понимал причины этого.

«О, как бы я хотел…»

Его мысли пошли по кругу. Может, он всё-таки любил её? Может, именно в этом и крылась разгадка? Ведь, что бы он себе ни говорил — на самом деле он любил её, и из-за этого мысли его возвращались всё время к одному и тому же. Чем больше он думал о ней, тем больше он любил её, и…

До него дошло дуновение ветра, и он прервал свой полусонный мысленный монолог. Он приподнялся и посмотрел в окно.

В это самое время он услышал звуки трубы. Лицо Термана скривилось — он довольно неплохо играл на музыкальных инструментах.

Звук повторился. На этот раз он услышал стук копыт, а через некоторое время даже звон колокольчиков на сбруе лошадей.

Теперь надо было быть осторожным. Изо всех сил стараясь не шуметь, он подтащил один из ящиков к окну и сел на него. Он перевёл дыхание и напряжённо вгляделся в серый прямоугольник окна.

«Молю, молю, — думал он, обращаясь к мало знакомым ему богам. — Только бы они не тронули Майну!»

Крестьяне изо всех сил старались играть свою роль. Солдаты — их было около двадцати — собрались на небольшой площади возле башни, которая действительно оказалась амбаром. В руках у одного из солдат был красно-зелёный флаг с изображением собаки, поражённой мечом. Шесть лошадей тащили за собой пустые деревянные телеги. Процессия остановилась.

Солдатам было нужно не только зерно — они пересчитывали людей. Труба прогудела ещё два или три раза, собирая крестьян с полей. Они сгрудились у амбара, делая вид, что их не интересует происходящее. Снова Терман удивился тому, как они играли свои роли: они выглядели именно такими безмозглыми существами, за которых их принимали солдаты. Они собирались очень долго, но наконец один из солдат, по-видимому, офицер, так как был одет в форму ярко-красного и ярко-зелёного цветов, в отличие от тёмно-бордового и болотного цветов остальных солдат, соскочил с коня и стал выстраивать крестьян в каком-то определённом порядке.

Терман услышал, как он кричал «Стоять!», и крестьяне замирали на том месте, куда он их поставил.

Затем офицер стал расхаживать между ними, опуская руку на голову каждого, очевидно, считая. Терману было трудно наблюдать за этим процессом: то ему казалось, что офицер

пропустил ряд, то — что посчитал один и тот же дважды. Некоторых крестьян Терман узнал; он уже дал им имена. Ему было стыдно, что он не запомнил эти имена. Женщина с двойным подбородком, делавшим её похожей на индюшку, — да, он давал ей имя, но помнил только то, как она улыбнулась ему с благодарностью. Офицер положил руку на голову маленькому мальчику — его зовут… О Боже! Неужели отсутствие памяти — заразная болезнь в Альбионе? Нет, нет… Его зовут Редин — умный парнишка, опасно умный.

Терман понимал, что его присутствие всё здесь изменило. Редин мог просто быть одним из маленьких мальчиков до того, как получил имя. Ему было не больше десяти лет. Может, посмотрев на выражение его лица, офицер поймёт, что в деревне что-то изменилось?

Офицер опустил руку на голову следующего крестьянина.

Терман напрягся.

Майна в своём шерстяном платье стояла рядом. Терман различил её только из-за высокого роста — она была на голову выше остальных. Он мысленно попытался подбодрить её, понимая, что она не в силах принять его послание.

— Эта — наверняка бунтовщица! — закричал офицер.

Несмотря на расстояние, Терман услышал его слова. «Нет, — подумал он, — но она красива, и ты думаешь, что сможешь лучше управлять своими людьми, если позволишь им изнасиловать её. Постой, ты сказал, она бунтовщица? Но из того, что говорила Майна, следует, что эти люди не способны бунтовать. Может, здесь уже были такие, как я? Или может, это просто ругательство, смыслу которого не придают особого значения, типа “выродок”?»

«Она — это я, а я — это она».

Майну оттащили от основной массы крестьян. Офицеру, видимо, надоело их считать, и он принялся выкрикивать приказы. Он распорядился, чтобы на площадь привели скот, совершенно не обращая внимания на то, что двое его солдат бросили Майну на землю и задрали ей платье.

Терман подался вперёд. Он не мог смотреть и не мог не смотреть. Он так хотел, чтобы у него в руках оказался меч и силы опять вернулись в его тело… Она говорила, что любое безрассудство с его стороны может плохо закончиться для крестьян. Он тогда согласился с ней. Он и сейчас был согласен, но несмотря на это его ногти царапали доски подоконника.

Солдат со спущенными ниже колен штанами удобно устроился на Майне, а она неподвижно лежала на спине, не выказывая никаких эмоций. Остальные крестьяне даже не смотрели в её сторону. Второй солдат ожидал своей очереди.

Привели скот и погрузили на деревянные телеги. Животные громко кричали, протестуя каждое на свой манер. Одна из коров подняла хвост и с резким звуком опорожнилась. Терман подумал, что обратный путь будет нелёгким дня эллонских солдат, потому что животное, по-видимому, страдало какой-то болезнью кишечника. Офицер прокричал новую команду, и крестьяне начали носить из амбара зерно и грузить его на оставшиеся телеги. На Майну лёг третий солдат, а она всё ещё лежала, как труп.

«Это её месть, — неожиданно понял Терман. — Они не понимают этого, но она мстит им. Каждый из них хотел бы, чтобы она хоть как-нибудь реагировала на него, но она не собирается этого делать. Они же не могут обвинить её ни в чём: ведь она для них простая, неразумная рабыня-крестьянка».

Ему было тяжело смотреть на это насилие. Он не мог себе представить что-либо менее эротичное. Ему страшно хотелось убить кого-нибудь из них. Убийство было когда-то его работой и не пугало его.

Его эмоции смешались. Он тоже хотел её, он хотел показать ей настоящую любовь — долгий и медленный процесс, от которого удовольствие получают оба.

Почти всё зерно было погружено.

Когда-то, на родине у него был арбалет — инструмент смерти, способный поражать людей почти за сотню метров. Здесь арбалета не было, но ему сильно захотелось, чтобы он был… Правда, он мог промахнуться и попасть в Майну. Он представил древко в своей правой руке, мысленно поднял оружие, прицелился и… он один, грязный чердак и на площади равнодушно обесчещенная Майна.

Нет, слово *обесчещенная* не подходит. Солдаты обесчестили себя. Она же осталась такой, как была.

Вскоре солдаты ушли, провозгласив о своём уходе новым хриплым гудком трубы. Они не утруждали себя ничем, кроме поверхностного осмотра нескольких домов.

Майна дождалась, пока стихнет шум, и встала. Её юбка сама опустилась ей на бёдра. Она неловко улыбнулась собравшимся вокруг крестьянам, включая Ланца и Гред, которые утешали и благодарили её за выполненную роль. Отстранив их, она поглядела на окно чердака, за которым сидел Терман. Их взгляды встретились.

* * *

Майна очень долго мылась, а затем, пахнущая самодельным мылом, забралась к Терману в постель. Он уже почти засыпал, но обнял её, снял с себя ненавистную ночную рубашку и забросил в

дальний угол комнаты. Когда его руки коснулись её кожи, он понял, что жаждал этого момента даже тогда, когда думал обратное. Они снова обнялись и просто уснули друг подле друга.

Утром всё было иначе.

Проснувшись, они занялись любовью так мирно и спокойно, как будто на свете не существовало понятие «время».

«Для неё, — подумал он, — действительно не существовало раньше такого понятия». Он удивился, поймав себя на том, что думает об этих вещах в момент, когда должен был раствориться в эмоциях.

«Я тоже чувствую отсутствие времени. В эти сладкие минуты мои воспоминания превратились в некие призрачные образы. Для неё же так было всегда. Когда она пыталась мысленно заглянуть в прошлое, перед ней возникало некое безвременье. Она чувствовала, что вчерашний день всё-таки был, но ничего не помнила из него. Чёрт возьми! Вместо ясности мышления я снова дал ей безвременье!

Ощущение её кожи — тоже воспоминание.

У неё есть прошлое, хоть она и не любит о нём вспоминать. Я создал для себя состояние разума, которое считаю блаженством, но для неё это возврат к неопределённости прежнего существования…»

Он провёл пальцами по её спине и заплакал, уткнувшись лицом в её плечо.

Глава третья. Гиорран

Молодой лейтенант остановился, чтобы передохнуть. Он больше часа карабкался по каменистым склонам, которые осыпались под его ногами так, что ему приходилось преодолевать три метра, чтобы подняться всего лишь на один. Он поднимался по почти отвесным стенам из глинистого сланца, крошившегося под его руками. Несколько раз он срывался и висел над пропастью до тех пор, пока не находил более надёжное место, за которое мог уцепиться. Сейчас он обнаружил уступ и решил перевести дыхание.

Он взглянул вверх, на вершину, загороженную от него склоном. Он знал, что она уже близко, но остаток пути был, пожалуй, самым сложным.

Он сел, обхватил руками колени и стал смотреть на бесчисленные квадратные километры Альбиона. Отсюда его поверхность напоминала потерянную кем-то клетчатую ткань. С этого места крепость Гиорран была не видна, он видел лишь многоцветную мозаику из зелёного, жёлтого, золотистого и коричневого цветов. Утренняя дымка придавала цветам пастельные тона. Мозаика постоянно менялась, как будто сквозняк из-под двери трепал эту брошенную на землю клетчатую ткань. Ровные серые нити изгородей медленно меняли свои очертания, как паутина под лёгким ветерком.

Значит, в Альбионе всё было в порядке. Всё, как всегда, было в движении.

Но всё ли в порядке?

Он вёл один из продовольственных конвоев в одну из деревень в южной части Альбиона, находившуюся возле самой границы тумана, который, согласно утверждениям некоторых еретиков, отделял Альбион от некого гипотетического *Другого Мира*. Поход длился около пятидесяти периодов бодрствования и только в конце он обнаружил что-то, достойное внимания.

В одной из деревень они отобрали… нет, изъяли зерно и скот. Там было что-то не так, но он до сих пор не мог понять, что именно. Его солдаты ничего не заметили, да и он сначала тоже. Но потом родилось и окрепло подозрение: что-то было не так. Вся беда в том, что все деревни, через которые они проходили, были практически неотличимы друг от друга, а он не мог вспомнить, в какой именно он обнаружил отклонение от общего положения вещей. Система, по которой конвои обрабатывали деревни, была всегда одинаковой: солдаты изымали провизию, он делал вид, что считает крестьян, выбирая самую красивую женщину, которую

позволял своим солдатам изнасиловать. Это повторялось так часто, что все деревни слились для него в одну — солнечный свет, запах животных и угрюмые лица рабов были везде одинаковыми.

Он с грустью оглядел свою красно-зелёную форму. Два предыдущих раза, прежде чем карабкаться сюда, он переодевался. На этот раз он поступил слишком импульсивно — как только сомнения окончательно созрели в нём, он покинул Гиорран. Он пустил коня галопом и, несмотря на то, что животное ржало, пытаясь сбросить его, он заставлял его перепрыгивать через изгороди между полями.

Его пальцы и ладони были в куда более плачевном состоянии, чем форма. Их покрывали порезы и ссадины, большинство из которых были неглубокими, но некоторые сочились тёмно-красной кровью. Удивительно, что он не замечал этих порезов, карабкаясь сюда, но теперь, когда увидел их, они начали страшно болеть.

Форму было уже не спасти, поэтому он оторвал от неё лоскуты и крепко перемотал ими руки. Затягивая повязки, он поморщился. На несколько секунд боль успокоилась.

Его дыхание стало более ровным. Он снова посмотрел наверх. А стоило ли? Стоили ли последние, самые тяжёлые метры подъёма разрешения его сомнений?

Он пожал плечами.

«Да, стоили…»

Он устало поднялся на ноги, протянул руки к огромному острому уступу и почувствовал боль в перемотанных тряпками ладонях ещё до того, как коснулся ими холодного камня.

Уступ оказался уже, чем он предполагал — не больше двадцати сантиметров, но с него он заметил справа, в тридцати или сорока метрах, русло горной речки. Уступ скрывал его от того места, где он отдыхал. Он хотел было спуститься вниз, но мысль об отступлении претила ему.

Расставив руки в стороны и вцепившись пальцами в жухлую траву, он изо всех сил вжался в отвесный склон. Коричневая трава издавала терпкий запах, и он вспомнил кухню в доме своего детства. С минуту постояв так, прижимаясь к склоку, как будто это было мягкое бедро матери, он шагнул в сторону.

Грунт под его правой ногой обрушился, и он снова переместил свой вес на левую. Инстинктивно он ещё сильнее вцепился в траву, хотя знал, что в случае чего она не удержит его. Он представил, как его тело летит вниз, ударяясь о камни и, наконец, окровавленное и разбитое падает на каменную насыпь.

Он был человеком, не знавшим страха, но на секунду

почувствовал ужас.

«Не смотри вниз», — сказал ему внутренний голос.

— Не волнуйся, — прошептал он, — не буду.

Почувствовав, что вновь обрёл контроль над своим телом, переместил свою левую руку к правой и, получив таким образом дополнительную степень свободы, продвинулся вбок по склону, перешагнув то место, где осыпался грунт. Струйка солёного пота стекла с его лба прямо в правый глаз. Он отчаянно заморгал: перед ним всё расплылось, и глаз сильно зачесался. Естественной реакцией было бы оторвать руку от склона и почесать глаз, но он знал, что это будет стоить ему жизни. Он попытался заставить себя заплакать, чтобы смыть разъедающую глаз соль, но это даже в детстве ему плохо удавалось.

Необходимо было посмотреть вниз; необходимо, если он убирался пройти по этому карнизу.

Под ним была глубокая пропасть и острые камни. Он осторожно ударил мыском правой ноги по ровному песчанику на отвесной стене выступа.

«Что ты здесь делаешь?» — спросил внутренний голос.

«Мне нужен совет», — со злостью подумал он, оценивая, сможет ли он ударить по стене ещё.

«Да, — согласился голос. — Я знаю. И знаю, зачем тебе нужен совет, но это вовсе не ответ на мой вопрос. Что с того, что ты почувствовал что-то необычное в одной из деревень? К чему рисковать из-за этого своей жизнью?»

«Я принадлежу Дому Эллона. Когда я достиг совершеннолетия, то поклялся, что умру, но не предам его ни в малейшей степени».

«Насколько мала эта *малейшая степень*?»

Он с силой ударил ногой по склону. Выбитые им куски песчаника кубарем покатились в пропасть.

«Самая малейшая», — резко ответил он.

«Лояльность — это твой единственный мотив? Или есть что-то ещё?»

— Заткнись! — сказал он вслух.

Но голос не замолкал. «Причина — твои амбиции. Ты молод даже для звания лейтенанта, но твоё начальство, как бы оно к тебе ни относилось, может сказать о тебе только хорошее. Ты хочешь достигнуть вершины не только этой горы, но и всей армии Эллонии, правильно? А оттуда не так далеко и до самой вершины».

Ещё один удар ногой по склону.

«Всего один маленький шаг», — настаивал голос.

— Да, чёрт возьми, маленький! А сейчас я хочу лишь обойти

этот проклятый уступ, а ты отвлекаешь меня! Мы сможем обсудить это позже.

Пук травы, за который держалась его рука, неожиданно оторвался.

Он сразу же отпустил левую руку и, падая, прижался грудью к склону.

Секундой позже он так сильно ударился челюстью о новый уступ, что чуть было не потерял сознание. Он лежал лицом вниз на каменном карнизе, а ноги висели над пропастью.

Ожидая, что карниз обрушится, он пролежал так несколько минут. Карниз оставался на месте.

Он осторожно поднял голову.

Внутренний голос как будто ждал этого и принялся грызть его снова.

«Зачем тебе нужно всё это? Не лучше ли провести остаток жизни мелким слугой Дома Эллона, чем убиться на этой скале?»

— Нет! — закричал он во всё горло.

«Ты так накличешь камнепад», — рассудительно сказал голос, как когда-то его учитель, любивший отмечать глупость своих учеников.

— Я… не… накличу… камнепад, — сказал он со злобным спокойствием, как отвечал учителю в подобных ситуациях.

«Значит, ты беспокоишься по поводу какой-то деревни, у которой даже нет имени? И единственной тому причиной является твоя карьера? Какой бы незначительной не была вина той деревни, именно ты — молодой, подающий надежды офицер, ты будешь тем, кто обнаружил это. Это поднимет тебя в глазах генералов и Маршала, правильно?»

— Прошу тебя, замолчи.

«А генералы и Маршал Гарндон скажут всем остальным офицерам: “Смотрите, вот перед вами молодой, многообещающий офицер. Он обнаружил что-то подозрительное в какой-то там деревне и поэтому забрался на гору, чтобы получить совет, а после того, как он его получил, спустился вниз, чтобы придать огню и мечу эту деревню. Только он не запомнил, где находится эта проклятая деревня, потому что все деревни чертовски похожи друг на друга”».

Если бы он смог сделать рывок, ему удалось бы твёрдо встать ногами на уступ. Он взглянул вниз и тотчас отвёл глаза. Напрягая всё тело, он подался вверх и почувствовал, что теряет равновесие.

«Почему бы тебе не вернуться и не сжечь свою подозрительную деревню?» — спросил внутренний голос.

«Потому, что я не помню, что это была за деревня, какая именно», — подумал он, собирая энергию для последнего броска.

Вряд ли у него будет больше одного шанса: неудача, безо всякого сомнения, либо приведёт его к гибели, либо. хуже того, оставит калекой. К этой горе мало кто приходил, поэтому агония его растянется на многие дни.

«Но ведь не это истинная причина, правда?»

Как бы он хотел, чтобы голос умолк. Он опять посмотрел вниз: его ноги висели над пропастью. Ему предстояло подтянуться, а это было рискованным делом.

На самом деле это оказалось проще, чем он предполагал, несмотря на то, что его ладони болели так, что боль отдавалась в плечах. Он медленно опускал локти вниз до тех пор, пока его ладони не оказались на уровне ключиц. Плечи дрожали, как в лихорадке, когда он напряг мускулы, чтобы подтянуться.

Р-раз. Он сделал это.

«Настоящей причиной, — рассуждал голос, как всегда тщательно выбрав самый неподходящий момент, чтобы войти в его сознание, — является то, что тебе будет мало этого. Кто в Гиорране захочет слушать об уничтожении маленькой деревушки с её жалким населением? Конечно — никто! Но когда ты вернулся в Гиорран в своей яркой, щегольской форме, с трепещущими на ветру флагами, с телегами, доверху нагруженными зерном и скотиной, и с солдатами, с воодушевлением рассказывающими о крестьянках, которых они насиловали, тогда твой рассказ начальникам о том, что есть где-то место, в котором что-то не в порядке, прозвучит уже совсем по-другому».

— Мои руки больше не выдержат, — он почти плакал. — В который раз прошу тебя: заткнись!

«Но ты же пришёл просить совета. Ведь так? Ты должен быть уверен, а не то сделаешь из себя посмешище!»

«Убирайся вон!»

Сила его эмоций была такова, что голос удалился обратно в ту часть мозга, из которой до этого незвано вышел.

Он подтянулся ещё немного и упёрся коленями в узкий уступ. Осторожно вытянув вверх руки, он снова ухватился за растущую на склоне траву. Если он будет помнить, что на неё нельзя полагаться, то сможет встать на ноги.

Это была долгая и мучительная операция, но она прошла успешно, и он снова направился по карнизу к руслу реки, на этот раз тщательно следя за надёжностью своего положения каждый раз, когда наступал ногой на уступ.

Ему повезло.

Вскоре он достиг русла реки, в глубине которого журчал поток ледяной воды. Прислонившись к скале, он набрал воды в окровавленную ладонь, чтобы напиться. Ему казалось, что он пил

целую вечность и когда напился, почувствовал в животе приятную прохладу. Рука сначала очень болела от холодной воды, но вскоре боль утихла. Он брызнул водой в лицо, утёрся рукавом и брызнул ещё. Он помочился в воду и взглянул вверх на русло. Он мог пройти по нему ещё сотню метров, а может, и больше. Надо только не обращать внимания на ледяные брызги, которые будут сопровождать его всю дорогу. Сейчас он даже не мог подумать о большем удовольствии. Камни под ногами были гладкими и скользкими, однако он без труда мог держаться за стены русла.

Вскоре он уже поднимался вверх, временами осматриваясь, но в основном глядя на поток воды под ногами и наслаждаясь холодными брызгами.

* * *

Вопреки его предчувствиям путь к вершине после того, как он выбрался из русла, оказался сравнительно простым. Он снова был под открытым небом, спокойно шагая, если не считать усталости, по склону к площадке, которая находилась на самой вершине. Трава под ногами была выщипана почти до самых корней, и он вспомнил, что в последний свой визит сюда видел множество травоядных животных, пасшихся на вершине. Хоть сейчас их и не было, он заметил под ногами гладкие окатыши их испражнений, похожие на прибрежную гальку.

Когда он поднимался к площадке на самой вершине, боль в руках постепенно утихла. Он почувствовал уверенность в себе. Те, кто поднимался на эту гору, могли получить совет, а те, кто нет, были обречены на смерть или оставались калеками на всю жизнь.

Он достиг вершины горы. У края площадки лежала груда серых камней, выветренных до такой степени, что они казались похожими на уродливые человеческие головы. Он знал, что это всего лишь эффект трещин на их поверхности.

Отсюда Альбион был виден ещё лучше. Он пошёл вдоль площадки, глядя вниз на ослепительно яркий Гиорран, в котором он родился. Отсюда он выглядел, как детская игрушка, любовно выточенная и раскрашенная искусным мастером. Флаги на башнях казались еле заметными цветными пятнами. Перед воротами стоял конвой с цепочкой тяжело гружённых телег. Ему казалось, что он может различить солдат, снующих возле лошадей, но это было скорее оптическим обманом.

«Странно, — подумал он, — ведь когда я нахожусь в Гиорране или рядом с ним, или даже когда собираю дань с деревень, то думаю об этой крепости, как о своём доме. Я думаю о нём так, будто он является частью меня, а я — частью его. Но стоя здесь, на вершине горы, я ощущаю это место совершенно иначе: вроде как Гиорран не имеет ко мне никакого отношения. Эта гора даёт

мне свободу от Гиоррана, и я не уверен, что нуждаюсь в нём».

Он посмотрел вокруг.

В одном месте очертания полей не менялись и оставались постоянными. Это означало, что там работал патруль и его эллонский лидер бессознательно зафиксировал вокруг себя реальность с помощью врождённых магических сил. «Кто бы это мог быть?» — подумал он. Но в армии было так много офицеров нижних чинов, что он мог и не знать этого офицера.

Он повернулся к куче камней и заметил на ней кроншнепа.

Ему стало не по себе.

Лёгкий бриз, дававший ему прохладу и освежавший его, начал с силой трепать его рыжие кудри. Он понял, что приближается его время.

«Но кроншнеп!» — с отчаянием подумал он.

Кроншнеп никогда не приносил хороших вестей, он всегда был предвестником несчастий. Ему хотелось, чтобы птица улетела, но она оставалась на месте, устроившись поудобнее и глядя на него своим немигающим птичьим взглядом. Он не боялся мечей — любой тренированный солдат их не боялся, но длинный кривой клюв этой птицы внушал ему ужас.

«Что, если птица бросится мне прямо в лицо?»

Он прогнал страх, как бы отпихнув его руками. Глядя на кроншнепа, он подошёл к куче камней.

Его обмотанные тряпками, всё ещё кровоточащие руки коснулись тёплого камня. Он внимательно посмотрел на птицу — она ответила ему точно таким же долгим взглядом, совершенно не пугаясь его присутствия. Он глубоко вздохнул, отвернулся и сел, прислонившись спиной к гладким прохладным камням, наслаждаясь комфортом, который они ему давали. Вскоре он почувствовал, что ветер усилился. Лохмотья его формы больно захлестали по телу.

Он осторожно приоткрыл глаза. Вокруг в порывах ветра кружились былинки, листья, насекомые и ещё какая-то мелочь. По небу проносились перья облаков. Было видно, что далеко внизу от ветра пригибаются деревья. Он расставил руки, чтобы получше ухватиться за камни. Они стали уже совсем холодными.

Ветер ещё больше усилился. Он срывал остатки одежды и пытался вытащить его из-под каменной пирамиды, но молодой офицер держался крепко. Он непроизвольно прикусил нижнюю губу, и по чисто выбритому подбородку потекли капли крови. Уши были уже не в силах выносить страшный грохот и начали кровоточить. Он закричал, но крик утонул в хаосе. Казалось, весь Альбион вздыбился, как будто из-под земли лез какой-то огромный зверь, которому не терпелось выбраться на волю. Вся

гора пришла в движение, качаясь взад и вперёд под напором бури. Его губы выворачивало ветром, когда он качал головой, от боли в руках и ушах его дыхание перехватывало.

Вдруг всё стихло.

Ветер смолк.

Ветер сам был теперь перед ним.

Хоть он и знал, что буря бушует повсюду, его она больше не касалась. Он открыл глаза.

На всей горе бушевала буря, но он не чувствовал ни малейшего дуновения ветра.

Он встал и огляделся.

Кроншнеп был всё ещё здесь, на вершине каменной пирамиды. Он сидел совершенно спокойно. Насколько хватало глаз, повсюду царил хаос. Он вновь взглянул на маленький Гиорран. Один из флагштоков сдуло ветром, и маленькие фигурки людей пытались удержать остальные. Ещё дальше, в лесу, он видел поваленные деревья.

— Я пришёл к тебе, Ветер, — закричал он.

Кроншнеп повернул голову и скептически осмотрел его своим чёрным глазом.

«Я здесь».

В ту же секунду порыв ветра свалил его на колени и потащил к краю пропасти. Он вцепился пальцами в скалистый грунт, прижался к земле, уткнувшись лицом в короткую траву и испражнения животных.

— Пощади меня, Ветер, — тихо сказал он в траву.

«Я прощаю тебя».

На этот раз голос Ветра лишь тихонько потрепал его по спине. Приободрившись, он сел, скрестив ноги и положив больные руки на бёдра. Кроншнеп всё ещё с интересом разглядывал его. Всю вершину горы теперь, казалось, окружал некий цилиндр спокойствия. С трудом он различал сквозь его стены бедствие, происходившее в окружающем мире. Это было похоже на центр воронки, возникающей в сосуде, когда из него выпускают воду через дырку в дне.

— Я принёс тебе своё уважение, — спокойно сказал он.

«Я принимаю твоё уважение».

— Я прошу твоего совета.

«Большинство людей, которые приходят сюда, приходят за советом», — заметил Ветер.

— Я не оскорблю тебя ни жертвой, ни подарком в уплату за твой совет. Я знаю, что богатство твоё даже не снилось простому смертному.

Ветер молчал, и, не услышав ответа, офицер запнулся.

— В одной деревне… — начал он, — эта деревня где-то там… — он показал рукой вниз, не указывая никуда конкретно. — Я был в этой деревне несколько недель назад со своими людьми, собирал продукты, и… ну, это было странное чувство, и мне оно не понравилось.

«Надар, — сказал Ветер. — Если бы мне пришлось полагаться на твои слова, я никогда бы не смог понять, чего ты от меня хочешь».

Надар вздохнул.

— Ну, если подробнее… — начал он.

«Дитя моё, — сказал Ветер устало, — я стар, как само Время. Я в тысячу раз старше, чем малозначащий вид, малозначащим представителем которого ты являешься. Ты думаешь, я не умею читать твои мысли? Я знаю всё, о чём ты хочешь меня спросить».

Он с напряжением слушал.

«Ты прав, Надар, — медленно произнёс Ветер, вдувая каждое слово прямо ему в мозг. — В деревне, о которой ты говоришь, действительно произошла перемена».

— Какая? Скажи мне, какая?

Надар непроизвольно повысил голос, и ответ Ветра с силой ударил его в грудь и лицо так, что он повалился навзничь.

«Не в моей власти рассказывать тебе об этом. Я могу говорить только то, что ты способен понять. Эта перемена включает в себя понятие *Мир*, поэтому ты не в состоянии оценить её».

— *Мир? Внешний мир?* Но ведь это миф! Есть только наш мир! — Снова приняв сидячее положение, он сделал жест рукой, чтобы показать всю ширь Альбиона.

«Ты всё сказал за меня, сын мой», — произнёс Ветер.

— Тогда почему ты говоришь о *Мире?*

«Я не это имел в виду».

Надар был удивлён. Ему казалось, что Ветер насмехается над ним, нарочно говоря загадками. Сначала он говорил о *Мире*, а потом подтвердил, что такого места не существует. Он качнул головой. Задавать Ветру слишком много вопросов было делом рискованным: рассерженный Ветер мог уничтожить его без следа своей колоссальной мощью.

— Может, расскажешь мне ещё? — неуверенно спросил он.

«Да, но только немного», — голос Ветра в его голове звучал с неохотой.

— Тогда расскажи. Прошу тебя.

«Перемена, которую ты почувствовал, Надар, имеет отношение ко всему Дому Эллона, но в особенности — к тебе».

Надар воспрянул духом. Он, в конце концов, оказался прав, что пришёл сюда. Ветер предсказал-таки ему, что он добьётся

высокого положения в Эллонии.

«Из-за одного человека начнётся война. Ты даже не заметил бы этого человека — принял бы за простого крестьянина, не придав значения, — Ветер помолчал, подбирая слова, а затем продолжил: — Будет кровь. Много крови. Ты же поведёшь армию Эллонии по всему Альбиону. В конце концов, ты достигнешь триумфа, но именно тогда, когда будешь окончательно уверен в своей победе, ты умрёшь».

В мечтах он уже купался в лучах славы. Быть победителем и умереть в бою — разве это не мечта воина?

— Значит, я буду воевать с тем… с тем крестьянином, о котором ты говорил? — спросил он.

«Нет», — ответил Ветер. Он понимал, что Надар не улавливал основной смысл его слов, но знал, что было бы бесполезно указывать ему на это: этот человек слышал только то, что хотел услышать. Тем не менее Ветер повторил:

«Нет. Всю свою короткую жизнь он проживёт, как крестьянин. Даже встретившись с ним, ты не узнаешь его. Но одним лишь своим присутствием он дал начало переменам, которые, в конце концов, изменят весь Альбион». Надар подумал несколько секунд, глядя, как его пальцы сжимаются ж разжимаются, и, скорее у себя, чем у Ветра, спросил:

— Но ведь я смогу изменить всё это? — Он спросил почти шёпотом.

«Нет».

Это единственное слово прозвучало в его голове строго и окончательно, как приговор.

— Не смогу? Я? — удивлённо прошептал Надар.

«Ты получил мой совет, — сказал Ветер. — Теперь ты можешь делать с ним всё, что захочешь. Я не могу тебе сказать больше, чем уже сказал, и не могу подсказать, как действовать».

Цилиндр спокойствия медленно растворился, и Надар вновь очутился в объятьях бури. Он осторожно пополз к пирамиде из камней, на которой всё ещё сидел кроншнеп. Ветер совершенно не беспокоил птицу, которая продолжала разглядывать его с каким-то ненасытным интересом, больше напоминающим выражение презрения.

— Убирайся проклятая тварь! — закричал он, прячась от ветра за пирамиду. — Прочь от меня!

Вой бури заглушил его слова, но кроншнеп, как будто услышав его, расправил крылья и спокойно взлетел в воздух — буря на него совершенно не влияла. Надар сквозь слёзы наблюдал за ним до тех пор, пока он не превратился в еле заметную чёрную точку.

Буря продолжалась несколько часов, и только когда она кончилась, продрогший до костей Надар смог спуститься к тому месту, где привязал своего коня.

В этот период сна он не захотел спать с крестьянкой и затащил в кровать одну из бедных городских аристократок, которые наводняли Гиорран, готовые прислуживать кому угодно за кусок хлеба или лечь в постель с каким-нибудь офицером.

Надар был молод, крепок и симпатичен по-своему, поэтому он без труда получил услуги одной из самых красивых девушек. Кроме того, она оказалась опытной, изобретательной и очень натурально изображала экстаз. Лишь после второго оргазма, ощущая тяжесть лежащего на нём нежного тела, он почувствовал, что согрелся.

* * *

Крепость Гиорран, так же как и Эллонская империя, была древней, как само Время. Ну, конечно, не совсем уж такой древней — кто-то в незапамятные времена построил всё это. Но кто и почему воздвиг такой ослепительно-белый дворец, было исторической загадкой.

Маги Эрнестрада, правда, объясняли всё очень просто. Они соорудили очень сложное переплетение мифов и легенд о древних людях с той целью, чтобы находить для очередного Деспота великих легендарных предков. В случае, если у усопшего Деспота не оказывалось детей и титул переходил к племяннику, более дальнему родственнику или хуже того — к Главному Маршалу, требовалась быстрая ревизия и корректировка предыдущих интерпретаций всех легенд. Многие теряли свои жизни в такие периоды, поэтому маги тратили значительную часть времени и энергии на заклинания, способствующие тому, чтобы после смерти каждого Деспота его старший сын и наследник оказался бы необычайно плодовит. Кроме того, маги настоятельно советовали царствующей семье экстенсивную полигамию.

Тот факт, что один наследник был иногда совершенно не похож на своего почившего отца, не волновал никого и меньше всего магов. Только они могли знать причины этого явления. Иногда наследник очень сильно походил на одного из магов, который затем важно кивал головой и объяснял, что это стало результатом его чрезвычайно сильной магической энергии, потраченной им в угоду Деспоту.

Ко всему остальному они относились так же, как к монаршей наследственности: они, конечно же, использовали разного рода заклинания, но не брезговали и более земными методами. И это понятно, так как большинство из них совершенно справедливо

подозревали, что вообще не имеют никаких сверхъестественных способностей.

Удивительно, что Альбион — страна, в которой магия лилась через край, постоянно изменяя очертания полей и ручьёв, не дал способностей сознательно использовать её почти никому, за исключением немногих, в основном дрём и певцов, которые, в свою очередь, старались держаться подальше от Гиоррана, опасаясь рабства.

Честолюбивые аристократы Дома Эллона и армейские офицеры верили, что обладают небольшими врождёнными магическими способностями, но они ошибались. Напротив, у них отсутствовали способности даже к восприятию магии, что изгоняло её из того места, где они находились.

— В начале всего, — рассказывали маги правителям Эллонии, — не было ничего, кроме Солнца. Это всемогущее и доброе существо жило себе спокойно многие века в полном одиночестве, пока его не охватило доселе неведомое чувство: скука. Прошли ещё бесконечные века в полном одиночестве, пока оно нашло решение этой проблеме: сделать другое Солнце, точно такое же, как и само. Решив, оно тотчас так и поступило. Однако это оказалось не столь уж хорошо потому, что почти сразу же они начали спорить и ссориться друг с другом по поводу того, кто из них более могучий. Первое Солнце решило уничтожить своё творение, и началась долгая изнурительная борьба, длившаяся до тех пор, пока одно из них не победило, предав другое забвению. После поражения остались маленькие фрагменты, которые, собравшись вместе и соединившись в одно целое, образовали нечто, проявляющее себя в форме магии.

Какое из двух Солнц вышло победителем? Это стало одной из великих загадок космоса, ответ на которую знали только маги, присягнувшие смертной болью никому не раскрывать тайны. (На самом деле, много веков назад один из них решил, что Солнце само может рассказать об этом магам, повлияв на закон вероятностей. Этот мудрец взял плоский камень и написал по одному слову на каждой его стороне. Он подбросил камень в воздух и стал внимательно наблюдать за тем, какая сторона камня окажется сверху, когда он упадёт на землю. В этот самый момент Солнце решило наказать его за любопытство — маг посинел и упал на землю замертво, но его ученики всё же узнали, какое Солнце выиграло в схватке.)

Солнце (какое бы оно ни было) всё ещё испытывало проблему скуки и решило произвести на свет что-то, что помогло бы ему хоть как-то скоротать время. Несмотря на то, что тысячелетие казалось ему временем, за которое оно не успевало моргнуть

глазом, в его распоряжении было слишком много таких тысячелетий. На этот раз оно решило создать что-то, что не будет оспаривать его величия. Оно сотворило Альбион, и это стало Началом вечности.

Поначалу Альбион был населён безобразными существами, жившими не только на земле, но и в реках, включая самую большую — ту, что текла вокруг его границ. Река эта была безусловно живая: она дышала и кормилась за счёт мелких рек, наполнявших её водой. Первые животные, которых сотворило Солнце, ему совершенно не понравились, поэтому оно решило сделать из них что-нибудь более интересное. Оно экспериментировало бесчисленное количество времени, и некоторые результаты экспериментов настолько его заинтересовали, что оно оставило их существовать. Другие же, не понравившиеся Солнцу, были уничтожены.

Наконец, Солнцу удалось сотворить нечто воистину интересное: существо с двумя руками, двумя ногами и головой. Она была первым человеческим существом и звали её Редфо. Солнце посмотрело на неё и создало ещё одно человеческое существо, которое было более совершенным — его звали Касауб. Ни одно из этих существ не отвечало всем требованиям Солнца, но оно подумало, что если предоставить им возможность размножаться, то через многие поколения совершенство может быть достигнуто само собой.

Солнце моргнуло и когда опять открыло глаза, то Альбион оказался населённым многими тысячами людей, которые на первый взгляд ему понравились. Более того, некоторые из них оказались настолько близки к совершенству, что оно было поражено таким результатом. Этим счастливчикам оно подарило рассудок и вменило в обязанность управлять своими неразумными собратьями. Оно назвало этих людей *эллоны*, в честь самого лучшего из них человека, имевшего рост два метра, а согласно некоторым преданиям и ещё больше, и носившего имя Эллон.

Но даже эллоны были не вполне совершенны, поэтому Солнце не сделало их бессмертными. Вместо этого оно решило опять моргнуть, позволив им размножаться и подойти ещё ближе к идеалу. Таким образом, до сих пор глаза Солнца были всё ещё закрыты, но когда оно откроет их, то обнаружит, что его идеалом является, конечно же, никто иной, как нынешний Деспот всего Альбиона. Маги думали, что это произойдёт во время предыдущего правителя, но этого не произошло. Но кто знает, что принесёт следующий период бодрствования?

Вопрос о доисторических безобразных существах, кстати, всё

ещё оставался открытым, так как Солнцу не удалось уничтожить их всех и самые мерзкие из них показали всю свою злобную сущность, дожив до сегодняшнего дня. Больше того, они терпеть не могли людей, и особенно эллонов, их злило, что эллоны были более любимы их добрым отцом (некоторые говорили — матерью) на небесах, чем они сами. Они начали войну против совершенных творений Солнца, и некоторое время казалось, что они могут победить.

Однако сам Эллон, используя всю свою могучую силу, разрубая ребром ладони огромные глыбы на ровные каменные блоки, построил крепость Гиорран. Металл для ворот он сделал из обыкновенной земли, подышав на неё огнём. После этого она превратилась в светящуюся жидкость, которую он утоптал ногами до такой степени, что она стала плоской и твёрдой. Затем голыми руками он выкопал рвы, которые и по сей день окружают Гиорран. Все оставшиеся в живых эллоны собрались там вместе с ним, и каменные стены остановили орды проклятых тварей.

Тогда Эллон забрался на самую высокую башню Гиоррана и стал дуть на мерзких животных пламенем, пока не сжёг их до углей. После этого пришли новые орды тварей — они тоже были сожжены. Потом ещё… Так продолжалось до тех пор, пока Эллон не состарился и не умер: своим последним дыханием он убил последнюю поганую тварь — зверя по имени Алибери, считавшего себя бессмертным. Незадолго до этого он зачал своего единственного сына (безусловно, современный Деспот был его прямым потомком).

Сами маги не верили, конечно, во всё это, хоть и принимали очевидный факт, что Солнце создало Альбион как своего единственного компаньона. Но ради собственного выживания они должны были угождать Деспоту. За закрытыми дверями, за стаканчиком-другим они добавляли к этим историям некоторые пикантные подробности, обычно непристойного характера, и рассказывали анекдоты о полуидиотической тупости всех Деспотов.

Разве Солнце не понимает, что ближе всего к совершенству именно маги?

Солнце всегда забывало об Элисс. Она была гораздо старше, чем Солнце, и, как она считала, гораздо красивее. Но боги, созданные самолюбивыми магами, вообще не знали о ней, а маги — тем более.

О ней знали крестьяне, но они этого не помнили. Да и что можно было ожидать от людей, которые были настолько глупы, что не поклонялись никаким богам, даже Солнцу.

* * *

Прошло несколько периодов бодрствования, пока Надар смог поговорить с Гарндоном — главнокомандующим эллонской армии, выше которого был только сам Деспот. Надар, был лишь лейтенантом, но многие его начальники чувствовали, что он слишком юн даже для этого незначительного звания. Ему пришлось упрашивать и уговаривать каждого офицера, чтобы предстать перед более вышестоящим чином. Однако, в конце концов, он достиг своей цели.

Маршал Гарндон был старым и разочарованным человеком. За всё время его командования армией не случилось ни одной большой войны, а Маршалу в своё время так хотелось повести свои фаланги в бой и вернуться победителем. Вместо этого, как и его предшественники, он прожил жизнь, в которой его самыми страшными врагами были лишь случайные взбунтовавшиеся крестьяне. Но он был хитёр и знал обо всём, что происходило вокруг. Его сгорбленная фигура и морщинистое лицо не выдавали ни намёка той власти, которой он располагал.

Гарндон принял Надара в своём кабинете, небольшой комнате кубической формы с белым деревянным полом. На белых стенах не было ни картин, ни флагов, ни каких-либо других военных аксессуаров, которых можно было бы ожидать в подобном месте. Вся меблировка состояла из огромного стола и нескольких стульев с высокими спинками. Бумаг на столе почти не было — Гарндон умудрялся держать всё, что было необходимо, в голове. Единственное окно пропускало в комнату яркий солнечный свет.

Он предложил Надару стул, а сам сел на другой так, что они оба оказались по одну сторону стола. Раньше Надар видел Маршала только на расстоянии, поэтому ожидал более формальной встречи, и такой приём поразил его.

После нескольких непринуждённых приветствий Гарндон щёлкнул пальцами, и тотчас в дверях появился капрал, одетый в тёмную красно-зелёную форму.

— Вина, пожалуйста, — вежливо попросил Маршал. Капрал исчез.

— Ну, так что? — спросил старик, наклоняясь вперёд и поворачивая голову так, что его колкие голубые глаза оказались прямо перед лицом Надара. Брови Маршала были очень густыми, несмотря на то, что он был почти лыс. — Какой такой важный вопрос заставил младшего офицера искать встречи со мной?

Надар рассказал о деревне, где было что-то не в порядке, и о своей встрече с Ветром. Его рассказ прерывался только однажды, когда опять принесли вино. Оно было крепким и дорогим, хотя Надару показалось немного горьковатым. Он объяснил Маршалу,

что одних подозрений ему было недостаточно для этого разговора, и только совет Ветра, подтвердившего их, окончательно укрепил его в этом решении.

Гарндон слушал молча, лишь изредка одобрительно кивая или дружелюбно улыбаясь, хотя его глаза безотрывно смотрели в лицо Надара. Молодой офицер чувствовал себя почти виноватым, когда отводил взгляд. Он старался всё время смотреть в глаза Гарндону, исключая те моменты, когда подносил кубок ко рту.

Его попытка объяснить, что же такого странного он увидел, была вялой и неуверенной. Он попытался добавить некие собственные измышления по этому поводу, и Гарндон позволил это, прежде чем поднять руку, заставляя его замолчать.

Старик с трудом поднялся со своего стула и обошёл вокруг стола.

— Ты не принёс мне ничего, кроме набора бездоказательных предположений, — сказал он, тяжело опускаясь на стул напротив Надара.

— Я прошу прощения, сэр, если вы думаете, что я потратил лишь ваше время и вино.

— Нет, нет, не извиняйся — он показал на бутыль. — Хочешь, налей себе ещё. Ты заработал это, да и ещё кое-что.

Надар наполнил свой бокал доверху.

— Ты не ошибся, — сказал Гарндон, голос его скрипел, как песок на мостовой. — Сказать по правде, я давно ждал этого.

— Вы… Почему?

— Всё происходит циклами, — сказал Маршал, сняв ботинки и положив ноги на стол. Его поведение удивило Надара. Старик положил руки за голову и устремил взгляд в окно к ярко освещённому небу.

— Каждые несколько поколений среди крестьян начинаются волнения — одно Солнце знает почему, ведь они с трудом могут самостоятельно одеться. Возможно, Солнце посылает нам эти бунты, чтобы испытать нас и проверить, насколько мы приблизились к совершенству. Может быть, один из магов и назовёт тебе причину, но я очень сомневаюсь: это неразговорчивый народ, и, между нами говоря, я думаю, их сведения о намерениях Солнца не многим достовернее, чем наши собственные.

Надар был шокирован. Это граничило с ересью.

Маршал жестом приказал ему молчать.

— Это только между нами, сублейтенант, — сурово сказал он.

Упоминание его низкого звания показало Надару, что в случае чего Маршал легко откажется от всего, что говорилось в их

беседе.

Через несколько секунд старик продолжил:

— С того времени, как крестьяне в последний раз восстали, прошло уже много времени. Я думал, что они взбунтуются, когда в последний раз им повысили сборы. Я был тогда молодым сублейтенантом, совсем как ты сейчас, но они слишком глупы. Так было всегда. Всегда…

Маршал убрал ноги со стола, наклонился вперёд и поставил локоть на стол, направив указательный палец в лицо Надара.

— Они всегда были слишком глупы, чтобы подняться против нас, за исключением тех случаев, когда их кто-то мог повести. Известно, что как-то взбунтовался один эллон и объединился с этими кретинами. Он дал им память, и они с воодушевлением собрались вокруг него на битву с нами. Мы вырезали несколько сотен, замучили предателя насмерть и на этом всё закончилось. Увы, в моё время этого не произошло.

— Увы? — удивился Надар.

— Да… Увы. К смерти от пыток я мог приговаривать только крестьян, настолько глупых, что они даже не понимали всей изощрённости своих мучений. Ты, если хочешь, наливай себе вина. Я попрошу принести ещё.

Гарндон встал и сделал несколько шагов к окну. Солнце изменило цвет его морщинистого лица с серого на жёлтый.

— Но иногда, — тихо начал он, постепенно повышая голос, — мы переживаем вторжение Внешнего Мира.

— Мир — это детская сказка, — произнёс недоумевающий Надар.

Маршал резко обернулся, и Надар впервые ощутил весь потенциал жёсткости этого человека. Голубые глаза старика резанули его по лицу, как клинки.

— Дурачок ты, дурачок! Маленький прыщик на… — Голос Гарндона опять смягчился.

— Я совсем забыл. Ты так молод. Молодость надо прощать. Не твоя вина, что ты настолько невежественен. В твои годы я был почти таким же. Слава Солнцу, что теперь это не так.

Надар промолчал.

— Да, да, — повторил Маршал, глядя через окно в пространство. — Да, молодой человек. Там, за стеной тумана, действительно находится Мир. Это счастье для нас, что они — люди, живущие в Мире, не знают о нашем существовании. Иначе они бы уже давно были здесь и отняли бы данное нам Солнцем наследство — наших крестьян.

«Снова ересь!» — сказал внутренний голос Надара. «Не будь дураком, — подумал Надар. — Расскажи я об этом кому угодно-

мне попросту не поверят». Маршал продолжал:

— …но иногда, случайно или по чьему-то умыслу, один из них попадает на берег Альбиона. Вот тогда нас ожидает по-настоящему большая беда. Они приносят из своего Мира мерзкие варварские идеи, — он хлопнул себя по бёдрам, по-видимому, не осознавая этого. — К тому же, не знаю как, но они обладают способностью собирать вокруг себя крестьян, как будто они — эллоны. Это страшная опасность.

Надар, наконец, решился ответить.

— Вы считаете, что сейчас произошло именно это?

Он чувствовал себя неудобно, оставаясь сидеть в присутствии стоящего рядом старшего офицера, но понимал, что если встанет, то нарушит этикет ещё больше.

— Возможно.

Маршал обернулся и посмотрел на Надара с улыбкой любимого дядюшки на лице.

— Ты хорошо сделал, — сказал он, — что заметил в деревне что-то неладное. Ты сделал ещё лучше, посоветовавшись с Ветром — хотя тот, из-за своей природной извращённости, дал тебе очень расплывчатый совет. Но самой большой твоей заслугой является то, что ты настоял на встрече со мной.

Он неслышно прошёлся босыми ногами по белым доскам пола и опять сел за стол.

— Ты сможешь найти эту деревню? — в его голосе вновь появился металл.

— Нет, — Надар опустил голову и стал разглядывать щели в полу. — Не смогу. Думаю, это где-то возле границы Альбиона, на юге.

— Плохо. В следующий период бодрствования возьми сотню наших людей и уничтожь все южные деревни. Я разрешаю увеличить дань с остальных, чтобы восполнить нехватку продуктов до тех пор, пока мы заново не заселим юг. Не оставляй в живых никого, даже детей. Ветер может предсказывать, но это не означает, что его предсказания обязательно сбудутся. Понял?

Последние слова были тверды, как камни.

— Да, сэр.

— Тогда иди. Разговор окончен. Если ты подведёшь меня, речь пойдёт о твоей жизни. Если придёшь с удачей, весь Дом Эллона будет тебе благодарен и ты получишь звание, о котором даже не мечтал.

— Да, сэр.

— Ты ещё здесь? Я думал, ты уже ушёл…

— Да, сэр.

Надар вышел.

В этот период сна даже самые утончённые уловки молодой аристократки не смогли возбудить его. Она, наконец, уснула, так и не добившись от него ответной реакции.

Глава четвёртая. Дети

Лес где-то в Альбионе. Деревья, показывающие признаки одновременно всех сезонов, одетые листвой самых невообразимых оттенков, покачивающиеся под усыпляющим ветерком. Маленькие животные, подчиняясь своим инстинктам, бегут по протоптанным ими тропкам от одной тени к другой. Кое-где слышен скрип ветвей, трущихся друг о друга, и шелест листвы. Иногда ветер срывает с деревьев золотистые листья, и они медленно падают на старый чёрный мох или на поверхность ручья, который по-детски играет с ними, волоча за собой, пока ему не надоест это занятие. О чём-то хрипло ругаются птицы.

Молчит только солнечный свет. Даже маленькие насекомые, живущие во мху, издают какие-то звуки.

Нависая над ручьём, растёт берёза. Её ствол не толще человеческого бедра, кора белая и гладкая, а ветви ещё не стали узловатыми, как у старых деревьев. По какой-то причине мелкие животные избегают её — не из страха или отвращения, даже не из уважения. Просто они почувствовали, что дерево стало другим, и в их маленьких мозгах не нашлось иной реакции, кроме недоверия. Но у Солнца нет сомнении, оно протягивает свои лучи к её листьям, позволяя её клеткам размножаться.

Теперь посмотрите поближе.

Вы проводите пальцами по стволу, чувствуя прохладу в тех местах, где на него падает тень от других деревьев. На высоте плеча, там, где от ствола отходит первая ветвь, вы находите маленькое утолщение, похожее на напрягшийся мускул. Вам кажется, что, когда вы провели рукой по этому месту, ветвь внезапно задрожала, как бы испугавшись.

Держась за неё, вы наклоняетесь над ручьём до такой степени, что уже не можете наклониться дальше.

Где-то возле ваших пальцев на ветке находится трещина, и вы, возможно, чувствуете быстрое, едва заметное движение внутри. Заинтересовавшись, вы пытаетесь протянуть руку дальше, чтобы понять, что там происходит, но этого невозможно сделать, не упав в ручей с холодной водой, бегущий прямо под вами. Кроме того, ваше тело начинает болеть от неудобного положения; мышцы устают от команд вашего мозга и выказывают своё неудовольствие. Возможно, ваш мозг чувствует то же, что и боязливые лесные зверьки, но не знает, как сказать вам об этом.

Вы возвращаетесь в нормальное положение и минуту-другую смотрите на ярко-белый ствол берёзы, надеясь, что ваши глаза увидят то, что не смогли обнаружить пальцы. Но вы ничего не

замечаете. Пока ничего. Вдоль ручья летит птица с голубыми и жёлтыми перьями. Она отвлекает вас, и вы наблюдаете за ней, пока она не скрывается из вида.

Вы удивляетесь, зачем вы здесь, чего ждёте? На мгновение вам кажется, что вы близки к пониманию себя и окружающего вас мира, но вы тотчас забываете об этом, как и обо всём остальном.

Покачав головой, вы поворачиваетесь и, пройдя несколько неуверенных шагов, оказываетесь на тропе, по которой несчётное количество лет проходили тысячи людей для того, чтобы… Вы не помните, для чего, но именно по этой причине вы подчиняетесь своим инстинктам, которые ведут вас домой.

Позади вас трескается ветвь, за которую вы только что держались, не видимая никем, кроме уставшего от пения зяблика. Прямо из трещины в древесине появляется почка, и по мере её появления дерево начинает меняться: его белизна тускнеет, и его энергия направляется в сторону нового ростка. Все остальные побеги и даже листья постепенно исчезают: сначала пропадает зелёная ткань, оставляя за собой сеть жилок, которые, в свою очередь, тоже рассыпаются в пыль, развеваемую лёгким ветерком. Со ствола падает кора, распадаясь на лету. Становится видно, что под корой находится серая от старости мёртвая древесина.

Берёза больше не в силах поддерживать свою единственную здоровую ветвь. Раздаётся треск, больше похожий на скрип гнилого зуба, и почти тотчас плеск воды — ветвь падает в ручей.

Массивная ветвь неуклюже плывёт вдоль ручья, задевая о берега, и через несколько метров застревает в корнях кустарника.

Набухшая почка тянется вверх, не касаясь поверхности воды. Теперь начинает рассыпаться и та ветвь, из которой выросла почка. Целой остаётся лишь её кора. Вершина у почки светло-коричневого цвета, гладкая и покрыта короткой, как у мыши-полёвки, бархатистой шерстью. Шерсть эта влажная, как голова новорождённого.

Зяблик смотрит с нескрываемым интересом. Ему кажется, что здесь будет чем полакомиться.

Не успевает птица моргнуть своими бездонными глазами, как растущая почка исчезает, а на её месте, на пустом стволе дерева, появляется маленькое, похожее на мышь существо. Оно нюхает воздух, подрагивая тонкими усиками над загнутыми вниз зубами. Позади него по ветке тянется длинный голый хвост. Маленький зверёк лишь секунду сидит на ветке, затем прыгает, хватаясь передними лапами за нависающие корни. Ещё через секунду он исчезает в камышах.

Зяблик разочарованно улетает и вскоре забывает о случившемся. Перепархивая с ветки на ветку, он летит к

дальнему краю своей территории, где его с нетерпением ждёт подруга.

Вскоре в камышах начинается волнение, их коричневые головки качаются из стороны в сторону, шумно протестуя против нарушения спокойствия. Похожее на мышь животное быстро увеличивается в размерах и, по мере роста, его форма претерпевает ряд существенных изменений: задние лапы чрезвычайно сильно увеличиваются, и тело приобретает вертикальное положение. Маленькие передние лапки тоже удлиняются и на них появляются ладони с длинными пальцами. От гладких запястий граница бледной белой кожи быстро передвигается вверх по рукам, вытесняя красно-коричневую шерсть, как будто существо надевает длинные тонкие перчатки. Вскоре передние лапы уже полностью напоминают настоящие человеческие руки. К этому времени задние лапы уже полностью выпрямляются и так же, как руки, теряют шерсть, обнажая лодыжки, бёдра и тонкие колени.

Постепенно и с торса исчезает весь мех, оставаясь лишь тонким пёрышком на лобке ниже пупка. Розовая кожа захватывает плечи и маленькую, широко расставленную грудь с коричневыми сосцами, а также острые лопатки. Руки тянутся вверх, чтобы ощутить тёплый воздух своими чувствительными пальцами.

Голова меняется в последнюю очередь. Острая мордочка грызуна исчезает, уступая место упрямому подбородку, маленькому рту с тонкими губами, расплывающимися в лёгкой непринуждённой улыбке, обнажающей ряд красивых белых зубов. Глаза теряют свою круглую форму, удлиняются и сужаются, приобретая бледно-зелёный цвет. Тонкие брови и длинные ресницы имеют точно такой же красно-коричневый оттенок, как волосы на лобке и на голове.

Медленно опустив руки, существо-женщина с одобрением смотрит на своё тело, её улыбка становится шире и она кивает головой. Быстрой и грациозной походкой она делает несколько шагов из камышей к берегу ручья. Улыбка исчезает с её лица. Она садится, проводит рукой по поверхности воды, и тут же пение ручья умолкает, и весь он, насколько хватает глаз, становится идеальной отражающей поверхностью.

Она разглядывает себя , задумавшись на мгновение, и поправляет свой нос так, чтобы он был менее вздёрнутым. Затем проводит рукой по волосам, но решает оставить им прежнюю длину, так как они, хорошо подчёркивают овал её лица.

Взмахнув рукой, она освобождает воду, и та снова течёт по своему руслу, и капли воды начинают танцевать вокруг её рук, как бы выражая благодарность. Она подбирает цилиндр из коры,

который был до этого веткой и поднимает над головой. Он чрезвычайно быстро высыхает в солнечных лучах. Теперь она держит его вертикально перед собой, опустив более узкий конец на землю так, что ветви спускаются прямо вниз. Она проводит по стволу левой рукой, и из него выпадает каскад бесчисленных серебряных нитей. Теперь она проводит рукой по этим нитям, её пальцы двигаются с невообразимой скоростью, и из-под них появляется одежда: блузка и бриджи. Она одевается, некоторое время привыкает к ощущению одежды на своей новой коже, а затем, напоследок, снова нагибается, срывает несколько камышей и кидает их в воздух. Камыши медленно падают, переплетаясь на лету, и опускаются ей на плечи плащом.

Она с удовлетворением смотрит вокруг и, щурясь, улыбается солнцу. То, что по золотому диску в этот момент пробежало маленькое игривое облачко, эллоны приняли бы за простое совпадение. Элисс была старше не только Солнца, но и всей Вселенной, старше, чем все вселенные, которые она выбирала для своих игр.

А их было очень много и каждая зависела от собственных неповторимых поворотов судьбы, всплесков в полотне пространства-времени, случайностей, каждая из которых не имела значения, но, сотканные вместе в правильной последовательности, они образовывали бесконечное число дискретных вероятностей или, точнее, новые вселенные, где с воодушевлением порхала Элисс. Она даже помнила ту искру, что положила начало образованию бесчисленного количества первородных вселенных. Ей казалось, что только вчера незначительное изменение в логике, концентрирующей существующие вероятности в субстанцию, которую часто называют Богом, пустило время по нужному руслу.

Перед тем как появились первые вселенные, времени не было. Не было даже понятия перед тем. Было просто ничто, состоявшее из двенадцати измерений, которому не терпелось стать чем-то, но оно не могло. Ничего не получалось. И вообще, если не было времени, как могли существовать амбиции? Так бы и продолжалось это безвременное существование двенадцати мерной субстанции, если бы не случайность, если бы не флуктуация вероятности, коснувшаяся пустоты и давшая начало времени.

Возникло время, относительно которого можно было меняться и измерять скорость этих изменений.

Любое созидание требует разрушения. За микросекунды, в течение которых образовалось множество вселенных, двенадцатимерное ничто поглотило само себя, породив целый лес

пространственно-временных структур. Восемь из двенадцати измерений были разрушены, а оставшееся после них эхо рассеялось по всем бесчисленным мирам. Четыре других измерения, включая время, набросили свои цепи на это скопище вселенных, контролируя его ярость и предотвращая, насколько это возможно, его реакцию на капризы игривой вероятности.

Их контроль над мультивселенной оказался, конечно же, не полным, поэтому вероятность была всё ещё способна терзать края реальности, постепенно изнашивая их. Фактически, бесконечное число реализованных вероятностей вскоре стало бы равнозначно варианту, вновь возникла бы двенадцатимерная субстанция, известная как Бог, если бы не одна маленькая потеря. Сразу после того, как первая искра запустила механизм образования вселенных, часть двенадцатимерной субстанции сохранилась в первозданном виде.

Этот осколок путешествует по многочисленным вселенным, принимая форму живущих там существ. Посетив вселенную Альбиона, он принял форму женщины — Элисс, появление которой вы могли бы наблюдать, если бы подольше постояли возле берёзы на берегу ручья.

Тем не менее, вы всё равно узнали о её появлении, направляясь своей дорогой, хотя и не поняли, о чём, собственно, вы узнали. Всё вокруг как-то прояснилось, и вы вдруг стали узнавать детали окружающего мира — ощущение, которого раньше никогда не испытывали. Теперь вы стали ясно понимать, куда и зачем идёте.

Освобождение от амнезии пьянит ваш разум. В потоке новых для вас эмоций вы уже почти решаетесь повернуть обратно только потому, что раньше этого никогда не делали. Но нет: вы голодны и ваше пробудившееся сознание вместе с прежним подсознанием подсказывают вам, что пища ждёт впереди, там, куда вы шли изначально. Вы не возвращаетесь обратно, но, тем не менее, ваше сердце прыгает в груди от того, что вы самостоятельно выбрали этот путь.

Элисс, не беспокоясь о том, что она с вами сделала, подзывает маленькую бабочку, и та садится ей на плечо.

Она смотрит на бабочку и смеётся.

Затем, завернувшись в мягкую зелень плаща, она лёгкой походкой направляется исследовать свою новую вселенную.

* * *

— Мама! Мама!

Маленький мальчик бежал по улице деревни, которую Терман после долгих месяцев раздумий назвал Лайанхоум в честь своего сына, названного Лайаном. Дающий Имена не побоялся

выглядеть нескромным. Маленький Лайан считал себя самой важной персоной в деревне, важнее даже, чем Терман и Майна.

— Мама, я нашёл ракушку!

Он догнал её, шлёпая босыми ногами по высохшей глине и сопя, как паровоз. Из-под золотистых кудрявых волос гордо выглядывало румяное лицо. Он был довольно высок для своего возраста. Согласно календарю, который вёл его отец, ему было уже почти шесть лет, и он был довольно тяжёл. Но Майна всё ещё легко могла поднять его одной рукой.

Сначала, когда он родился, она и Терман думали, что он может оказаться сыном одного из солдат, изнасиловавших её в тот злополучный день. Но это заботило Термана меньше всего: в любом случае он был готов принять мальчика как собственного. Однако Майна очень переживала до тех пор пока, не увидела в своём сыне черты отца.

Да, это был сын Термана.

Засмеявшись, она взглянула на протянутую ей «ракушку».

— Так, что у нас тут? — спросила она, ощущая тепло его упругих ягодиц на своей руке. — Это вовсе не ракушка, маленький человек.

— Не такой уж и маленький.

— Хорошо. Тогда человек средних размеров.

Свободной рукой она повертела предмет. Муж научил её и других жителей деревни многим премудростям, известным в Мире, но она всё ещё нервничала, когда приходилось судить о самых различных вещах, которые приносил ей Лайан. У них был теперь новый дом, гораздо больший, чем тот, в котором жили её родители. Несмотря на это, он доверху был заполнен находками Лайана. Терман стонал всякий раз, когда ребёнок являлся домой с новым грузом, и Майна подозревала, что время от времени, когда никого не было, он выносил из дома килограммы интересных камней и других штучек.

— Похоже на ракушку, — сказал Лайан, держась рукой за шею Майны.

— Не думаю, — ответила она. — Тебе, пожалуй, стоит спросить об этом у отца, но мне кажется, это похоже на окаменелость.

На камне был виден отпечаток какого-то животного. Она вспомнила, что Терман рассказывал о древних существах, живших в море до того, как Альбион отделился от остального мира. По виду это животное напоминало краба. Хорошо был заметен отпечаток подковообразного тела и одной клешни.

«Ведь только совсем недавно, — подумала она, — мы считали всё это игрой случая или, как думают эллоны, загадками,

подброшенными нам насмешливым Солнцем».

Она осторожно выпустила Лайана, и тот мягко шлёпнулся на высохшую глину. Он с осуждением посмотрел на неё: разве матери так поступают?

Она засмеялась, и это не понравилось ему ещё больше.

— Дерьмо! — закричал он, очевидно, пытаясь произвести впечатление своей грубостью.

— Нет, нет. Не сейчас… Я уже ходила в туалет сегодня утром, — спокойно заметила она.

— Хорошая ракушка, правда?

— Это не ракушка, малыш.

Вокруг них были люди. Теперь, когда Терман стал членом общины, к Майне и её ребёнку в деревне относились с уважением. Вначале, правда, шли споры по поводу отцовства ребёнка. Многие так же, как и Майна, полагали, что он был зачат одним из солдат. Однако когда Лайан стал старше, всем стало ясно, что Лайан — сын Термана.

— Это окаменелость, а не ракушка, — сказала Майна.

— Ненавижу тебя, — закричал он, вырываясь из её рук и убегая в толпу зрителей, которые расступились, давая ему проход.

К периоду сна он опять вернётся домой. Такие сцены были не редкостью и всегда заканчивались к ужину. «Где же Терман?» — думала она, возвращаясь домой.

* * *

Терман умирал.

Он отправился в лес за ягодами и наткнулся на эллонский патруль. Он слышал об убийствах, совершаемых когортами Деспота в соседних деревнях в течение последних нескольких лет, поэтому отошёл в тень в надежде уйти от солдат и предупредить жителей Лайанхоума. К несчастью, его заметил один из наблюдателей, и несколько человек бросились на охоту за ним. Он, как лисица, использовал все уловки, чтобы сбить их со следа, но в конце концов они настигли его.

Он отдыхал, прислонившись к стволу дерева, когда первая стрела вонзилась ему в левое плечо. Он с удивлением посмотрел на её окровавленное острие, неожиданно появившееся из-под рубахи, и лишь затем почувствовал боль. Его рука инстинктивно потянулась к рукоятке меча, который висел бы у него на поясе, если бы он был у себя на родине, но тут меча не оказалось.

Вторая стрела попала в грудь.

Он опять не почувствовал боли и почти улыбался, вынимая её из своего тела. Ощущение гладкого дерева, выходящего из его плоти, было почти приятным.

После того, как хлынула кровь, Терман наконец понял, что ему настал конец.

Он направил мысленное послание Майне и Лайану, умоляя их об осторожности. Он понимал, что его убили только за то, что посчитали крестьянином: Эллония посылала своих людей убивать всех крестьян. Таких, как он сам, как его жена или сын, всех подряд. Ему было известно, что в последние годы Лайанхоум избежал общей участи исключительно потому, что его присутствие каким-то неведомым образом влияло на мышление эллонов, мешая им сконцентрировать свои мысли на том факте, что деревня существовала: как будто всякий раз, когда они приближались к Лайанхоуму, что-то отвлекало их и поворачивало в какую-нибудь другую сторону. Он не понимал, как это получается. Может, его бессознательная способность возвращать крестьян к реальности отнимала часть этого восприятия у эллонов?

Он упал на кучу коричневых листьев возле куста и услышал смех солдат, наблюдавших за его смертью. Кровь пошла горлом. Он посчитал копыта гарцевавших вокруг него коней и понял, что всадников было семеро.

Семеро всадников на одного крестьянина? Мысленно попрощавшись со всеми, он умер.

* * *

Надар стал капитаном армии Эллонии. Его солдаты уже уничтожили большую часть деревень на юге, и это сделало его известным в Гиорране. Продвижение по службе пошло очень быстро. Иногда, по большей части для того, чтобы не забывать своё ремесло, он сам водил своих огрубевших от убийств солдат на юг.

Он был уверен, что пока ещё не нашёл ту деревню, которая так беспокоила его.

Крестьянин средних лет погиб от стрел его лучников. Сам он отъехал подальше от сцены убийства. Он делал вид, что осматривает деревья в поисках засады, но на самом деле вспоминал то, что говорил ему Ветер. Этот бунт будет большим, нежели коллективное помешательство толпы безмозглых крестьян. Он чувствовал это. И разве не советовал ему Гарндон рассматривать всё серьёзно? Старый Маршал, который удивлял всех и больше всего себя, оставаясь всё это время живым, ещё пользовался у Надара уважением.

Отсюда и чувство вины. Надар знал, что Гарндон потребовал бы, чтобы он наблюдал за смертью крестьянина, за каждой его судорогой, как бы внося, таким образом, вклад и вечное существование Дома Эллона. Однако он не любил смотреть на

муки других людей и чувствовал себя лучше, когда они умирали быстро — как вот этот.

Он сказал Солнцу несколько слов благодарности и попросил, чтобы душа крестьянина (если у него была душа, что весьма сомнительно) пребывала в покое в своей последующей жизни.

Взрослея, Надар стал брезгливым по отношению к своему призванию. «Жги деревни!» «Бей крестьян!» «Насилуй детей!» Много периодов бодрствования назад это казалось абстрактным, как строевые команды, взывало к его солдатскому мужеству. Теперь же, когда он понюхал запах жареной человеческой плоти, когда видел, как взрослые люди смеются над корчащимся от боли умирающим ребёнком, он не желал, чтобы эти воспоминания оставались в его памяти. Слава Солнцу, что этот крестьянин уже почти мёртв: его уход был сравнительно мирным.

«Разве все эти убийства стоят того, чего ты добиваешься?» — спросил его внутренний голос.

«Да», — ответил он твёрдо.

Да, стоят. Должны стоить.

Надар был самым молодым капитаном из тех, кого могли припомнить его начальники, но он намеревался взобраться по служебной лестнице ещё выше, если повезёт, до самого верха. Он хотел занять пост Маршала, когда Гарндон, наконец, закончит свой спор со смертью, а это событие не за горами. Смерть нескольких сот крестьян была пустяком по сравнению с его амбициями. Ему лишь хотелось, чтобы эти безмозглые твари кричали поменьше перед смертью и чтобы в их телах было поменьше крови.

Прекрасно. Крестьянин был мёртв.

Теперь всё. Он вместе с горсткой солдат снова вольётся в основной отряд.

Один из солдат спустился на землю, собираясь разрубить тело Термана на куски, но Надар выкрикнул приказ, и солдат тупо вскарабкался обратно в седло.

«Запоздалая милость», — сказал внутренний голос.

«Милость? — переспросил Надар. — Он мёртв. Он больше не будет страдать».

«Да, — продолжал голос, — именно это я и имел в виду. Ты будешь чувствовать себя лучше, если безжизненное тело не будет изувечено, вовсе не из-за того, что сопереживаешь этому человеку, а просто потому, что пытаешься доказать себе, что его смерть была нереальной».

«Ты лжёшь!» — соврал сам себе Надар.

Заглушив в себе своего оппонента, он подозвал солдат.

Через несколько минут они присоединились к отряду, и

Надар возглавил процессию. Его адъютант лейтенант Риба скакал на красивом чёрном коне в метре позади него.

— Риба, — вдруг сказал Надар, — на этот раз мы найдём деревню. Я это чувствую.

— Да, сэр.

— Уничтожив её, мы сможем остановить всё это.

— Что остановить?

— Убийства, уничтожение…

— Зачем это останавливать?

— Эти крестьяне… они не заслуживают смерти. По крайней мере, не такой.

— Сэр?

Надар замолчал. Эллоны всегда убивали крестьян. Это было смыслом существования как Эллонии, так и крестьян. Он смотрел на деревья по сторонам дороги и завидовал им. Они не чувствовали боли и им не надо было принимать ответственных решений.

Он почесал под мышкой.

— Сэр?

Риба почти поравнялся с ним. Надар сделал предупредительный жест рукой — если бы они поравнялись, это было бы нарушением субординации.

— Мы говорим, что крестьяне — не более, чем овощи, — спокойно продолжал Надар, его голос был едва слышен, заглушаемый стуком копыт. — Я никогда не слышал, чтобы овощи так кричали.

— Поэтому мы не жжём кабачки в кострах, сэр.

— Да, и мы всегда можем отшутиться.

— Сэр?

— Впереди большие перемены. В былые времена мы рассматривали крестьян, как что-то наподобие домашнего скота. Думаю, вскоре нам придётся пересмотреть своё отношение.

На конях скрипела сбруя. Лейтенант подумал, убить ли ему этого офицера-еретика сейчас или подождать ещё немного. Конские копыта грохотали по утоптанной дороге.

Отказавшись от мыслей об убийстве, Риба спросил:

— Почему вы думаете, что на этот раз мы найдём деревню, сэр?

— Не знаю, — медленно произнёс Надар, машинально нагнувшись, чтобы похлопать шею своего коня и сказать ему пару ничего не значащих ободряющих слов. — Я не был так уверен, когда мы выехали из Гиоррана, но за последний час моя уверенность окрепла.

Риба разглядывал спину своего командира, и, повернувшись,

Надар поймал его взгляд.

— Этот крестьянин… — сказал Риба.

Надар снова отвернулся, глядя на дорогу перед собой. Странно, что он сам не подумал об этом раньше. Но Риба был прав. Его адъютант оказался более наблюдательным. Да, именно, когда умер крестьянин, Надар впервые почувствовал уверенность, что на этот раз им повезёт, что бы там не говорил Ветер на горе неподалёку от Гиоррана много лет назад.

На этот раз несомненно…

Его уверенность неожиданно исчезла.

Риба почувствовал, что с капитаном произошла перемена.

— Что случилось? — осторожно спросил он.

— Это снова исчезло, — мрачно произнёс Надар, со злостью ударив по рукоятке меча, как будто оружие было виновато во внезапной перемене его настроения.

— Исчезло?

— Да, исчезло. Исчезло чувство, что мы сегодня найдём деревню. Ч-чёрт. Давай-ка сделаем привал. Мне надо спокойно обдумать всё.

Через несколько минут они нашли необработанное поле, где люди могли прилечь и часок отдохнуть. Риба прокричал необходимые команды, и их небольшой конвой остановился. Раздали провизию: солёное мясо, галеты, сыр и крепкое вино. Солдаты улеглись на мягкую траву. Неподалёку паслось стадо коров, но животные не обращали внимания на людей, вторгшихся на их пастбище, а люди, в свою очередь, не обращали внимания на скот.

Надар принялся за еду не потому, что был голоден, а просто так было нужно. Затем, оставив своих людей обедать на поле, он зашёл в небольшую рощицу.

Тень леса охладила его. Хвойные деревья росли так близко друг к другу, что их ветви пересекались, образуя над головой естественный навес. Иногда, ступая по бугоркам и выемкам, устланным гниющей хвоей, ему приходилось нагибаться под низкорастущими ветвями. Наконец, он лёг на мягкую землю, положил руки под голову и стал смотреть сквозь ветви на яркую голубизну неба. Он зажмурился, и голубизна перешла в розовато-серый цвет. Удивительно, несмотря на безрезультатность этой миссии, он ощущал некое спокойствие и даже умиротворение.

«Ты не хочешь найти эту деревню, — обвинил его внутренний голос. — Разве не так?»

— Не будь глупцом, — пробормотал Надар.

Он засыпал, и ему не хотелось, чтобы его тревожили сомнения. И всё же он признавал справедливость слов,

произнесённых ненавистным внутренним голосом. Поиск деревни, где жил пришелец из Мира (если этот Мир действительно существовал) уже довольно долгое время поднимал его по служебной лестнице. И, если он, в конце концов, уничтожит пришельца, то исчезнет и движущая сила его карьеры. Ему очень не хотелось думать об этом. Он хотел забыть обо всём и просто плыть по течению, наблюдая за ходом событий.

Ещё не так давно его жгла уверенность, что он, наконец, уничтожит деревню, которая не давалась ему так долго. Теперь же он был уверен в обратном: она будет ускользать от него вечно. В моменты таких сомнений он просто не имел права чувствовать умиротворение. Он уснул.

Обед его людей затянулся, и Рибе пришлось отправляться на поиски своего командира.

* * *

Лайан почувствовал, что его отец умирает.

Мальчик тут же забыл о своей обиде на мать. Он бросился обратно с такой скоростью, на какую только были способны его маленькие ноги. Он бежал домой, крича что-то нечленораздельное. Домашние животные разбегались в стороны, когда он пробегал по полям мимо них. Ему хотелось поскорей ощутить тепло и нежность материнского тела. Его мать готовила ужин.

— В чём дело, Лайан? — холодно спросила она. — Решил, что твоя мать была права?

— Нет… нет, — сказал он, с трудом переводя дыхание. — Отец… Он мёртв.

— Нет!

Тем не менее, она поверила сыну сразу же.

Её глаза наполнились слезами, но она всё-таки убрала посуду, прежде чем сесть за стол и обхватить голову руками. Она смотрела на доски стола, надеясь, что сучки и жилки на его поверхности расскажут ей, что на самом деле всё в порядке, так же, как и раньше. Терман. Он был хорошим и любящим мужем, он так много значил для деревни, защищая её от разорения , посетившего их соседей. Они занимались любовью в прошлый период сна, и она до сих пор ощущала запах его тела на своей коже. Существование без него казалось ей невозможным, но она понимала, что ради сына ей необходимо продолжать жить. Её голова была забита делами: что делать, когда делать, как делать… Прошло достаточно много времени, прежде чем настоящая печаль охватила её.

Когда чувство пришло, оно казалось бездонным и всепоглощающим.

Она посадила рыдающего ребёнка себе на колени, крепко Прижала его и стала гладить по спине, пытаясь поддержать… Его слёзы и сопли оставили длинную блестящую полосу на её шерстяном платье. Её собственные слёзы намочили его жёлтые волосы.

Ей показалось, что память её исчезает, она даже не понимала, почему так плачет. Её ребёнок рядом с ней. Чего ещё желать матери? Ей показалось, что в её жизни был ещё кто-то, что этот человек был для неё очень важен, но она не помнила ничего, кроме миллиарда каких-то отрывочных образов.

Её глаза остановились на каком-то предмете, лежавшем рядом. У него был кожаный переплёт и большое число тонких гнущихся листов, на которых кто-то нацарапал значки. Положив заснувшего Лайана на плечо, где, как она считала, ему будет удобно, она потянулась за этим предметом. Как только она коснулась его, память, как старый друг, тотчас стала возвращаться.

Это были её записи.

Терман обучил её искусству письма, и она сделала себе книгу, куда записывала всё, что случилось за день, на случай, подобный этому. Осторожно свободной рукой она открыла последнюю исписанную страницу.

Символы ничего не значили для неё.

Лайан задрожал во сне. Слёзы на его глазах высохли и образовали корочку.

Она знала, что ключ к этим записям где-то здесь. Её сын, просыпаясь, подвёл её ближе к пониманию написанного, но всё же недостаточно близко: её разум вновь заволакивал туман.

Она перевернула несколько страниц. Её раздражало, что она помнила о том, что знает значение этих символов: они упорядоченно располагались на странице и среди них попадались одинаковые, которые, как она полагала, имели одинаковое значение. Некая завитушка присутствовала по десять, а то и двенадцать раз на каждой странице. Был ещё маленький менее сложный значок, встречавшийся ещё чаще.

Лайан проснулся. Его любопытные глаза следили за пальцами, листавшими книгу.

Теперь значки уже не казались бессмысленными. Они уже говорили с ней.

«Лайан уже так вырос… Когда он вырастет, то будет выше, чем его отец».

«Умерла свинья, и мы съели часть мяса свежим, а остальное засолили. Лайану тогда стало плохо. Терман дал у амбара имена пятерым людям из другой деревни (двум мужчинам и трём

женщинам). Конечно же, как только они ушли за холмы, то сразу же забыли свои имена, но Терман считает, что они ещё вернутся».

«Второго ребёнка у меня теперь не будет. Сидя в туалете, я почувствовала сильную боль. Я посмотрела вниз и увидела сгусток крови. Думаю, что расстроилась бы больше, если бы это произошло позже, когда плод был бы похож на человека. Я обрадовалась, что ещё не говорила Терману, что жду ребёнка. Ещё лучше, что не рассказала Лайану, он бы обвинил само Солнце в том, что потерял долгожданного братишку или сестрёнку…»

Она прочла ещё немного, пока не сообразила, что глаза Лайана тоже устремлены в книгу, а губы шевелятся по мере того, как он впитывает то, что она когда-то написала.

Она резко захлопнула книгу и отодвинула в сторону его руку, которая потянулась к ней. В книге было слишком много личного, и она не могла позволить сыну читать это. Раньше она никогда не догадывалась о том, что он умеет читать. Видимо, Терман научил его во время совместных путешествий по холмам вдали от дома.

Майна легонько шлёпнула его и поцеловала в лоб.

— Думаю, ты прав, — сказала она. — Тебе придётся быстро повзрослеть, ма… средних размеров человек.

— Я знаю. Отец мёртв. Мне теперь надо будет защищать тебя, мама, но ты не бойся: я смогу защитить тебя от диких зверей.

Несмотря на своё горе, она улыбнулась.

— Не думаю, что это понадобится. Вокруг не так уж много диких зверей.

— А эллоны?

— Да, эллоны есть. Твой отец держал их на расстоянии так долго, что они наверно уже забыли о нашем существовании.

Она крепко прижала сына к своей груди, скрестив пальцы у него на спине.

Он прильнул к ней на мгновение, но затем вдруг оттолкнул.

— Я тоже могу держать эллонов на расстоянии, как отец, — сказал он.

Она опять улыбнулась вопреки своей душевной боли. Он был таким маленьким и так искренне хотел быть большим.

— Можешь? — насмешливо спросила она, принимая его слова за детское хвастовство.

— Конечно, могу, — ответил он, глядя на неё с изумлением. — Разве ты не знала?

Теперь настал её черёд удивляться.

— Нет, — ответила она. — А ты уверен в этом?

— Конечно уверен. Я наблюдал за тем, как отец делал это. Думаю, он сам не понимал, как это делает, но со стороны было

хорошо видно.

Ей было стыдно. Она знала Термана лучше, чем кто-либо другой, а ребёнок смог заметить у него то, что напрочь ускользнуло от неё.

— Как? — спросила она, делая вид, что подтрунивает над ним.

— Вот так.

Он слез с колен. На его гладком лбу появились морщинки от напряжения, когда он сфокусировал всё внимание на своих руках, которые держал перед собой. Она смотрела на него, и время, казалось, остановилось. Привычные деревенские звуки и пение птиц исчезли, и ей показалось, что они с Лайаном навеки заперты в этой тёмной грязной комнате.

Мальчик неожиданно проделал какие-то быстрые движении пальцами — она не успела разглядеть, какие именно, и расслабился, явно устав.

— Теперь мы в безопасности, — сказал он, — и я хочу пить.

Она налила ему полную кружку воды из кадки, которую держала в погребе, и спросила:

— Откуда ты знаешь, что мы в безопасности?

Он взял у неё кружку, невнятно пробормотав слова благодарности. Было видно, что сейчас вода для него важнее, чем всё остальное.

— Разве ты не чувствуешь? — спросил Лайан. — Некоторое время, сразу после смерти отца, я чувствовал, что Лайанхоум в опасности. Кстати, именно поэтому я понял, что отец умер.

— Я никогда не видела, чтобы твой отец делал что-либо подобное, — она притворялась, что разговаривает с ним о ничего не значащих вещах, разрезая овощи для салата и пытаясь придать своему голосу обыденный тон.

«Удивительно, с какой лёгкостью дети переносят несчастья, — думала она. — Совсем недавно смерть отца означала для него конец света, а теперь он почти забыл о ней. Если бы я так могла. Кровать будет пустой и холодной в этот период сна и, думаю, что в другие тоже. Ох, Терман, Терман. Надеюсь, они не изувечили твоё тело».

— Отец не понимал, как он всё это делает, — объяснил Лайан, вытирая рот рукавом и ставя кружку на стол. — Он делал всё это, не задумываясь, но я смотрел за ним даже тогда, когда он не знал, что я подсматриваю.

— А что ещё он делал? — спросила Майна, стараясь придать их разговору характер обычной беседы матери с сыном.

— Он давал людям имена.

— Я знаю, — сказала она с раздражением. — Извини, Лайан,

я чуть не обрезалась.

— Нельзя же просто говорить людям, что, мол, теперь у них есть имена. Они тут же забудут об этом. Это точно. Отец всегда делал что-то своими руками, когда давал имена. Он только не замечал этого.

— А ты наблюдательный, маленький человек!

— Я? — удивился Лайан, но затем, не поняв вопроса, продолжил. — Он всегда отгибал большой палец от ладони, вот так, — он продемонстрировал всё это внимательно наблюдающей за ним матери. — Это оставляло имя на… на… навсегда. Было видно, как воздух уплотнялся около человека, и имя не могло больше убежать.

— Ты и это можешь делать?

— Конечно, — он сидел на стуле за кухонным столом, с интересом наблюдая за матерью.

Она готовила на ужин овощи, но его больше интересовало, что будет на обед. Первая половина периода бодрствования была слишком утомительной — он поссорился с матерью, потом узнал о смерти отца, и всё это за один период бодрствования. Он был голоден, как дикий зверь.

— Покажи мне, — попросила она. Он слез со стула и проворчал:

— Если ты меня накормишь.

Она засмеялась, но смех вдруг превратился в слёзы. Положив локти на доску, на которой только что резала овощи, она позволила себе опуститься в чёрную бездну горя.

— Извини, Лайан, — сказала она, с трудом выговаривая слова. — Я очень любила твоего отца.

— Я тоже его любил, — сказал Лайан, — но это не спасает меня от голода. А он, между прочим, не совсем мёртв.

Серые глаза Майны редко загорались гневом, но сейчас это случилось. Её лицо исказилось от ярости.

— Я думаю, тебе лучше пойти погулять, Лайан, — с ледяным спокойствием в голосе проговорила она.

— Но я не хочу!

— Ну-ка, вон! Быстро!

— Я голодный!

— Уходи!

Удивляясь странному поведению взрослых, Лайан вышел из дома. Грубые доски двери под его ладонью придали ему уверенности. Он никуда конкретно не собирался идти. Смерть отца, казалось, произошла давным-давно. Было жарко, и он снял свою кожаную рубаху. Некоторое время он думал, не пойти ли ему в центр деревни, где собирались другие мальчишки, но у него

не было настроения играть. Он расстроился от того, что отца больше не будет с ним во плоти: ему нравилось возиться с ним, держаться за его сильную руку, когда они бесцельно бродили по холмам вокруг деревни. Теперь все эти ощущения для него в прошлом. Он вспоминал, ощущая всё так, как будто это происходило сейчас.

Лайан уселся на землю в нескольких метрах от входной двери и прислонился к стене. Горячие, крашенные в белый цвет доски жгли ему спину. Он вытянул руки и положил их на колени. Он всё ещё был голоден, но понимал, что придётся потерпеть ещё немного, пока мать успокоится.

Почему она ничего не замечала?

Тело Термана мертво — это правда. Большая часть его отца умерла, но ещё очень много оставалось…

«Отец», — позвал Лайан, глядя на небо.

«Да, Лайан», — ответил Терман.

«Отец, — думал Лайан, — я обманул маму. Я сказал ей, что, двигая руками, можно давать людям имена. Но ведь это не так? Это что-то, что находится в тебе и во мне, а не движение пальцев?»

«Да, Лайан, — ответил Терман, — но есть некоторые люди в Альбионе, которые могут движением рук не только давать имена, но и так менять реальность, что ты даже представить себе не можешь».

«Отец…»

«Есть женщина по имени Элисс — я не знаю, кто она на самом деле: она не хочет рассказывать об этом. Ты её узнаешь, когда увидишь, конечно, если она позволит».

Голос отца затих в голове Лайана. Продолжая глядеть на небо, Лайан внимательно вслушивался в тишину, надеясь услышать хотя бы ещё одно слово.

* * *

Прошло время. Лайан превратился в стройного юношу. Его лучшим другом был Редин, мальчик, которому Терман дал имя в один из первых периодов бодрствования, после того как появился в Альбионе. Двое юношей встречались ежедневно, упражняясь в искусстве владения оружием, проводя шутливые дуэли на деревянных мечах. Редин был намного сильнее, но Лайан постоянно выигрывал благодаря своей ловкости и изобретательности в отражении выпадов противника. После этого Лайан и Редин, смеясь и хвастаясь своим мастерством, обхватив друг друга за плечи, обычно возвращались в дом Майны, кормившей их чем придётся.

Наконец, она взбунтовалась — к ней стали приходить не

только Лайан и Редин, но и другие приставшие к ним мальчишки, некоторые из которых ей совсем не нравились. Кроме того, она не желала быть прислугой у этой банды подростков.

Однажды, в конце периода бодрствования, она сказала об этом Лайану.

— Да, ты права, мама, — спокойно ответил он. Сложив ладони вместе, он нагнул голову, извиняясь за прошлые грехи. Подвыпивший Редин повторил его жест.

— Дурачок, — с нежностью сказала она, глядя на золотистые кудри Лайана.

— Ты права, мама, — сказал он, принимая её слова всерьёз. — Я слишком долго сижу у тебя на шее. Мне кажется, что прошло то время, когда я мог лишь не допускать в деревню эллонов. Я думаю, мне следует собрать вокруг себя людей — сильных мужчин, таких, как Редин, — он указал на засыпающего приятеля, — и тогда мы пойдём на них войной.

— А что говорит твой отец? — Майна уже давно привыкла к тому, что Лайан способен разговаривать с духом Термана.

— Он говорит, что я должен сделать это.

— Да? Ты помнишь, что обещал не лгать мне? — В её голосе была грусть.

После смерти Термана у неё было мало мужчин, и ни один из них не жил с ней долго. Ей казалось, что муж одобрил бы эти знакомства: он не хотел, чтобы память о нём мешала её жизни. Втайне она завидовала способности Лайана говорить с Терманом.

— Я никогда не лгал тебе, мама.

— Гм-м-м.

— Не лгал насчёт таких важных вещей, как эта, — торопливо добавил Лайан.

Внезапно перед ней предстало ужасное видение из будущего. Её сын, единственный ребёнок, будет зверски убит эллонами. Она почувствовала страшную боль. Но, если он уже принял решение, она не в силах остановить его. Терман был мёртв, вскоре умрёт и Лайан. Она поглядела на храпящего Редина: стоили ли жизни её мужа и сына того, чтобы отдавать их за таких вот пьяниц?

«Да, — мрачно призналась она себе, — стоили».

— Что-то маловата ваша армия, — вслух сказала она. Они сидели вокруг кухонного стола, уже покрывшегося пятнами от старости. Она упёрлась кулаками в почерневшее дерево.

— Нас уже двенадцать, мама, — ответил Лайан.

— Двенадцать против целой Эллонии. Они будут дрожать от страха при виде вас!

Он не обратил внимания на её сарказм.

— Думаю, нам стоит пройти по большому кругу на север, —

размышлял Лайан, — и обойти столько деревень, сколько сможем. Когда я подарю людям память, уверен — крестьяне примкнут к нам так же, как ребята из Лайанхоума.

Он взял со стола кусок сыра и в один момент проглотил.

— Это всё мечты, — спокойно заметила Майна. — Пока вас только двенадцать, и эллоны вряд ли испугаются вашей армии.

Редин засопел во сне.

— Дюжина из этой деревни, по дюжине из каждой следующей, потом ещё… — сказал Лайан.

Сыр был хорош. Он оглядел стол, но, кроме груды грязной посуды, ничего не обнаружил. Майна поняла намёк и спустилась в погреб за едой.

— В армии Эллонии, вероятно, тысячи человек, — донеслось оттуда.

«Её бёдра стали шире, — думал Лайан, — но несмотря на возраст, она всё ещё привлекательная женщина. Не удивительно, что она находят себе любовников».

Он гордился ею и желал, чтобы те девчонки, с которыми он спал, обладали хотя бы десятой частью той грации, которой обладала его мать.

— …к тому же они вооружены мечами, боевыми топорами и копьями, — продолжала мать. — А у вас только палки да несколько кухонных ножей. Я видела дураков и раньше, но таких, как вы — никогда.

— Мой отец говорит, что я должен сделать это.

Она поставила перед ним большое блюдо с сыром.

— А твой отец никогда не ошибался?

Он отвёл взгляд.

— Почти никогда.

— Ты можешь усилить свою армию раза в два, ты знаешь об этом? — ребром ладони она смела со стола крошки.

— Как? — заинтересовался он.

— Женщины тоже могут драться.

Он с ужасом посмотрел на неё. Она выглядела так буднично, что он не мог поверить, что только что слышал эти её слова.

— Но ведь не так хорошо, как мужчины, — предположил он.

— Хочешь проверить?

— К чему всё это?

Он взял ещё один кусок сыра и поднёс ко рту.

* * *

Он пришёл в себя в углу комнаты и дотронулся до синяка под правым глазом: прикосновение оказалось очень болезненным. Встав на четвереньки, он пополз к столу, возле которого всё ещё храпел Редин.

Майна давно уже ушла спать, оставив ему ещё немного хлеба и сыра. Он с жадностью принялся за еду, не обращая внимания на крошки, застрявшие в его кудрявой бороде.

Да, его мать была права. Если он будет набирать в свою армию не только мужчин, но и женщин, то у армии появится больше шансов в войне против Эллонии.

Наверху, лёжа в своей мягкой постели, Майна пыталась уснуть наперекор видениям, вставшим перед её глазами. Она знала, была уверена, что её сын проиграет эту войну и будет убит эллонами. В то же время она понимала, что удерживать его всю жизнь в этой деревне, названной в его честь, было бы для него ещё более тяжким бременем. Она согласна драться и, если понадобится, умереть рядом с ним… Майна подумала, что для неё было бы даже легче умереть в бою.

Майна повернулась на левый бок. Кисть её правой руки сильно болела, но не это было причиной её бессонницы. Она знала, что смерть сына — не столь уж отдалённое будущее.

Внизу её сын провожал Редина к двери. Процесс был очень шумным, так как Редин ещё не проснулся и наталкивался на всё, что встречалось по дороге к выходу. Затем послышался грохот и возня, когда Лайан лёг на свою кровать возле двери и завернулся в одеяла. Его глаз, наверное, болел, и ей было жаль его. Хотя… Ладно, он заслужил.

Она улыбнулась, засыпая.

Лайан тоже улыбался.

Теперь его армия увеличится вдвое против его ожиданий, и это может оказаться решающим фактором.

* * *

Время прошло и для Надара. Воспоминания о деревне, в которой он видел что-то необычное, медленно покинули его — правда, даже сейчас он иногда вскакивал с постели в периоды сна, когда ему снилось это что-то. Несмотря на то, что он был отнюдь не самым старшим по возрасту офицером в армии, он имел должность адъютанта Маршала и служил рядом с Гарндоном. Это позволило ему завести себе гарем, как у Деспота. Если понадобится, то Гарндон, цеплявшийся за жизнь уже значительно дольше, чем полагается нормальному человеку, может просто по неосторожности упасть с лестницы.

Надар располнел. Его оранжевые волосы стали седеть, белки глаз прочертили красные прожилки сосудов. Всё это было платой за карьеру.

Как-то, демонстрируя своё превосходство перед Гарндоном, он толкнул старика обратно в кресло, когда тот пытался встать, чтобы возразить ему.

— Ты не справился с заданием, — сказал тогда Гарндон. — Ты должен быть казнён.

— Времена изменились, — ответил ему Надар. — Теперь ты больше рискуешь быть убитым.

Гарндон улыбнулся.

Надару очень не понравилась эта улыбка.

Глава пятая. Певица

К огорчению Лайана, мобилизация деревни прошла не так удачно, как он ожидал, и некоторые из добровольцев передумали идти, сообразив, какой опасности они себя подвергают. Многие из жителей деревни были слишком молоды или слишком стары, чтобы пойти с Лайаном, у других были семейные заботы, делавшие невозможным участие в этом мероприятии. К своему удивлению, Лайан обнаружил, что в Лайанхоуме есть люди, вообще отвергающие идею войны с Эллонией. С другой стороны, присутствие рядом с Лайаном Майны увеличило количество женщин до семи, включая её. Всех вместе, мужчин и женщин, в его армии теперь было пятнадцать человек — сила, явно недостаточная для победы над целым народом.

Они остановились на одном из холмов, окружавших Лайанхоум, чтобы попрощаться с деревней, в которой провели всю свою жизнь. Трое из них были верхом на лошадях, остальные — на волах. Им придётся передвигаться медленно, пока не найдётся деревня, способная дать не только людское пополнение, но и лошадей.

Майна смотрела на Лайанхоум, и в её глазах стояли слёзы. Здесь много лет назад они с матерью похоронили Ланца, несколько позже они с Терманом похоронили Гред. Она знала о том, что Терман не был похоронен — его тела не нашли. О том, что эллонские убийцы закопали его, не могло быть и речи. В который раз со времени его смерти она поёжилась, надеясь, что они не насадили его голову на копьё или не поиздевались над его телом ещё как-нибудь. Она хотела, чтобы и её последнее пристанище тоже было где-нибудь поблизости от деревни. Она честно признавалась себе, что, хоть и была достаточно крепка и выносliва для своего возраста, воевать она не умела, поэтому вряд ли переживёт первую же схватку с тренированными эллонскими солдатами.

Доспехи воинов-крестьян были сделаны из кожи. Удивительно то, что шили их жёны тех, кто ожесточённее всех выступали против идеи Лайана, да и не только жёны. Мечи были перекованы из плугов. Деревенские жители сделали также луки и стрелы. Терман научил этому Майну много лет назад на всякий случай. Завершали их вооружение боевые топоры.

Майне и Лайану дали коней: ей из-за возраста, ему из-за того, что лучше было набирать пополнение в других деревнях, въезжая туда впереди всех на белом коне, а не плестись в хвосте процессии на дизентерийной корове. Так как быки и коровы

передвигались очень медленно, он планировал большую часть времени идти пешком, ведя своего коня Анана за поводья.

Майна посмотрела на сына и одобрительно улыбнулась. его волосы золотом покрывали плечи… Странно, что ему никогда не удавалось отрастить себе нормальную бороду, и сколько он ни старался, выглядел так, как будто забыл после сна побриться. Майна вспомнила жёсткую чёрную щетину на лице у его отца. Она не могла припомнить другого мужчину, который возбуждал бы её так, как Терман. Она вспомнила, как эта борода щекотала ей грудь или бёдра и как он смеялся при этом. Майна качнула головой, отбросив воспоминания. У Лайана было широкое лицо и широко расставленные голубые глаза. Тонкие морщинки в уголках рта выдавали его весёлый нрав. С его высокого лба уже начали отступать волосы.

Жители деревни называли его теперь Тот Кто Ведёт.

Это прозвище появилось как насмешка, но вскоре распространилось и стало восприниматься как факт. Терман был тем, кто давал им имена и скрывал их от внимания эллонских патрулей, а Лайан был первым, кто доказал, что может вести их за собой. Четырнадцать новоиспечённых воинов, шедших за ним, почти поклонялись своему лидеру — даже Майна с удивлением обнаружила у себя похожее чувство.

«Я помню время, когда он не мог контролировать свой кишечник и мочевой пузырь, — думала она, — а теперь я принимаю его как вождя. А то смотрю на него и вспоминаю маленького мальчика, который однажды упал и выбил два молочных зуба. Как будто ребёнок переоделся в костюм вождя… И всё же я чувствую его власть и подчиняюсь его командам».

Лайан прилагал много сил, чтобы научить их искусству боя. Сначала он сам овладевал приёмам владения мечом и боевым топором, сражаясь с деревьями и кустами и вызывая иногда на дуэль Редина. Найденные им приёмы он передавал остальным в надежде, что всё это пригодится в предстоящей битве. Уже позже, в бою, он обнаружил, что некоторые из изобретённых им выпадов оказались столь оригинальными, что были необычайно эффективны в схватках с солдатами, которых обучали традиционным образом.

Майна легла спиной на жёсткие стебли вереска. Ей захотелось остаться здесь навсегда, под этим тёплым небом. Зачем идти через весь Альбион? Воевать с Эллонией? Она знала, что война будет проиграна. Сколько бы крестьян ни пошло за ними, эллонов всегда будет больше. К тому же у них настоящее оружие, а не грубые поделки. Тем не менее, она была готова отдать свою жизнь. Пусть они проиграют эту войну, но за ней

начнётся другая, потом ещё одна и так до тех пор, пока Эллония не будет разгромлена.

— Майна.

К ней подошёл Тот Кто Ведёт. Она открыла глаза и сонно улыбнулась ему.

— Да?

— Я только что видел кроншнепа.

— Ну и что?

— Говорят, эта птица приносит несчастья.

— Нет, — возразила она, — не совсем. Это эллоны так считают, а для нас это хороший знак. Ты должен быть благодарен кроншнепу за хороший знак.

Она снова закрыла глаза. Разговор был окончен. Однако про себя она спокойно приняла приговор кроншнепа: они были обречены.

Лайан подошёл к своим воинам. Они чувствовали подавленность, хоть и храбрились. Он тоже ощущал, что ведёт их к гибели, но судьба упорно заставляла его идти по намеченному пути. У них не было другого выбора. Когда-нибудь, в самом недалёком будущем армия, которую он соберёт, будет биться с Эллонией, это было абсолютно точно.

Само понятие будущее с трудом воспринималось его людьми. Терман научил крестьян замечать изменение времени, но до этого сложного понятия они не могли дойти интуитивно. Его воины лежали на земле и, глядя на них, он понял: они осознают, что вскоре их ожидают большие неприятности — ценой свободы может стать их собственная мучительная смерть. Но ни один из них не думал изменять что-то в жизни.

Лайан спрятал свои сомнения поглубже и улыбнулся так, как должен был улыбаться вождь.

— Нас ждёт победа, друзья, — сказал он, пытаясь взбодрить не только их, но и себя.

Все громко закричали и замахали кулаками.

Лайан внимательно оглядел лежавших на земле людей. Они казались ему не слишком воинственными.. Средний возраст женщин, если не брать в расчёт его мать, был где-то в районе двадцати пяти лет, если не меньше, а всем мужчинам, за исключением его и Редина, было далеко за тридцать. Самому старшему среди мужчин, Джону, исполнилось лет пятьдесят. Конечно, о его возрасте можно было лишь догадываться, ведь до Термана в деревне никто не следил за течением времени. Но то, что Джон был немолод, сразу бросалось в глаза: высокий, худощавый, с седыми волосами, остатки которых держались на голове, казалось, только благодаря его воле.

Другой воин — Дейв, высокий и сильный, но почти глухой. Колл — такой маленький, что его можно принять за карлика. Брюс — из тех, кто борется с врагами главным образом языком. Были ещё Марк и Фил. Первый — тощий, как скелет, и слишком далёкий от реальности. Второй — пухлый мужчина, пытавшийся однажды, в отроческие годы Лайана, изнасиловать его. Возможно, он присоединился к компании исключительно, чтобы быть поближе к Тому Кто Ведёт.

Женщины подавали больше надежд, главным образом, благодаря их молодости. Самой высокой и красивой была рыжеволосая Ланьор, самой молодой и ветреной — Синед. Яркая блондинка Андиа, несколько медлительная, но чрезвычайно гордая тем, что она ехала на лошади, а не на быке, как остальные. Марью и Рин можно было принять за близнецов, хотя, насколько это известно, они не были даже родственницами. У обеих были длинные чёрные волосы и взрывной характер. Особенно это касалось Рин. Ванд с кудрявыми русыми волосами тоже выглядела красавицей, но Лайану она почему-то не нравилась.

— Всё пока идёт нормально, — сказал Лайан, обращаясь к своим воинам.

— Правда, мы ушли не слишком далеко, — скептически заметила Рин.

— Да, чтобы дойти до Эрнестрада, а затем до Гиоррана потребуется довольно много времени, — согласился Тот Кто Ведёт.

— Поэтому нам стоит… — начал Джон, проводя ладонью по жидким волосам.

— Согласен, — перебил его Лайан. — Но я думаю, что нам следует отдыхать иногда, чтобы не походить на банду бродячих сумасшедших. Если мы будем свежими и отдохнувшими, то соберём больше людей. Всё это займёт немного больше времени, но, думаю, пойдёт на пользу.

— Некоторые из нас уже выглядят, как юродивые, — заметила Рин. Она чистила палочкой ногти и, подняв глаза, с холодной усмешкой посмотрела на Джона.

Лайан сел на землю рядом с ней.

— Ты можешь идти домой прямо сейчас, если хочешь, Рин, — сказал он, стараясь говорить будничным тоном.

Казалось, она на секунду испугалась, но затем вновь обретя контроль над собой, ответила:

— Тебе не обойтись без меня, — она делала вид, что разговор этот ей неинтересен, и продолжала чистить ногти. Чёрные волосы скрывали половину её лица. — Я — твой лучший воин, Лайан, и ты знаешь об этом.

— Напротив, ты сейчас бесполезнее всех, — сказал он, подвигаясь к ней поближе. — Я с большим удовольствием возьму слепого однорукого калеку, чем того, кто издевается над своими товарищами.

— Да?

— Да. Ты можешь оставить нам свою корову?

Упоминание о корове убедило её в серьёзности намерений Того Кто Ведёт. Она отбросила палочку, которой чистила ногти, и посмотрела ему в лицо, широко раскрыв глаза.

— Ты действительно так считаешь?

— Да, к сожалению. Если хочешь остаться в нашей… в нашей армии — оставайся. Но если собираешься разлагать её своими издёвками, я предпочту расстаться с тобой.

— Если Рин уйдёт, — вмешалась Марья, — я уйду вместе с ней.

Лайан пожал плечами.

— Хорошо.

— Заткнись! — крикнула Рин. — Не твоё дело, это касалось только его и меня.

Она снова повернулась к Лайану.

— Давай пройдёмся и обсудим всё.

— Если ты хочешь… — Лайан подумал, уж не хочет ли она предложить ему себя, и очень надеялся, что нет.

Рин прочла всё у него в глазах и засмеялась.

— Считай, тебе повезло, — сказала она. — Пойдём!

Она быстро поднялась на ноги, и Лайан почувствовал себя огромным и неуклюжим, когда попытался повторить её движение. Она взяла его за руку и повела в заросли вереска, чтобы остальные не могли слышать их. Когда они сели на землю, подул прохладный ветерок.

— Ты собираешься выиграть эту войну? — неожиданно спросила Рин.

— Конечно. Иначе зачем всё это?

Она скинула ботинки, нашла новую палочку, и принялась чистить ногти на ногах. Ноги были маленькими и напоминали птичьи лапки.

— Лайан, — сказала она. — Ты слишком молод.

— Спасибо.

— Извини, — улыбнулась она. — Ты прав: я действительно вела себя отвратительно. Перенервничала. Постараюсь сдерживаться и больше не говорить о подобных вещах.

— Обещаешь? — он пристально смотрел на её босые ноги потому, что смотреть больше было не на что.

Чёртова женщина…

— Как я сказала, так и будет, — ей наскучило копаться под ногтями и она надела ботинки.

— Кстати, — заметила она. — Из твоей матери получится неплохой воин.

— А как насчёт остальных?

От былого антагонизма они быстро перешли к деловому сотрудничеству.

— Марья, вероятно, будет полезна, — сказала Рин. — Из неё тоже получится хороший воин. Ванд — гораздо более отчаянная и решительная, чем кажется. Она пока плохо управляется с мечом, но из неё будет толк. Мужчины же, кроме тебя и Редина, — пустое место. Исключение, пожалуй, составит только Марк. Внешне он кажется таким же бесполезным, но в нём есть что-то непонятное. Возможно, я недооцениваю его.

— Ну, ладно, — сказал Лайан. — А как насчёт того, что ты мне рассказала? Ты и остальным расскажешь это?

Сцепив мизинцы обеих рук, он потянул их в разные стороны и вспомнил о своём давнем разговоре с отцом.

— Ты хочешь? — спросила она.

— Нет. Ты, конечно, права. Только… Только, если ты говоришь об этом мне, это одно, а если остальным — совершенно другое. Держи своё мнение при себе, иначе я отправлю тебя назад, в Лайанхоум. Я лучше потеряю своего лучшего солдата, чем буду командовать армией, которая собирается проиграть войну.

— Ладно, — согласилась она. — Пойдём к остальным? А то ведь начнутся разговоры…

— Мы можем дать им повод, — пошутил Лайан вопреки своим желаниям.

— Не будь таким дураком.

* * *

Они передвигались значительно медленнее, чем ожидали. Вскоре выяснилось, что волы и коровы приносят больше хлопот, чем пользы. Лайан съездил обратно в деревню за пастухом и вернулся с озабоченным видом. Хоть они уехали не так давно и прошли лишь несколько десятков километров, в деревне уже было заметно его отсутствие. Некоторые пожилые люди с трудом припоминали не только его, но и своё собственное имя. Синед немного утешила его, заметив, что это им лишь на пользу: чем естественнее будут вести себя люди, когда в деревню придёт продовольственный отряд эллонов, тем лучше.

Другой причиной их медленного продвижения были трудности в определении сторон света. Жители деревни знали, где север и юг потому, что Терман определил это, исходя из

направления, по которому он плыл в Альбион, однако его попытки сделать компас не увенчались успехом. Поэтому, как только они вышли из деревни и потеряли старые ориентиры, им пришлось искать новые — деревья, вершины холмов и тому подобное, чтобы определять направления своих передвижений. По мере их продвижения Лайан рисовал острым камнем на куске коры походную карту, и ему часто приходилось останавливать процессию. Эта карта могла помочь другим в будущих походах.

Спустя два периода бодрствования после того, как Лайан и Рин пришли к взаимопониманию, их отряд, пройдя полосу колючих кустов, вышел к небольшой быстрой реке и наткнулся на эллонский патруль.

Синед и Ванд первыми вышли на дорогу, идущую вдоль реки, и оказались на виду у солдат, которые были всего в сотне метров от них.

— Назад! — сказали обе женщины остальным так, чтобы солдаты их не услышали. Все, кто шёл пешком, тотчас скрылись в кустах. Однако лошадей спрятать было невозможно, и У Майны и Андии не осталось другого выбора, кроме как продолжать идти вперёд вместе с животными. Лайан собирался уже сделать то же самое, когда Рин выхватила поводья Анана.

— Отдай, — прошипела она. — Меня можно заменить, тебя — нет.

— Я приказываю…

— Заткнись, идиот.

Она ушла, и он не смог остановить её. Лайан спрятался в кустах, ругая Рин за гордыню и восхищаясь её храбростью. Сквозь ветви деревьев он смотрел на пятерых женщин, стоявших на дороге и державших в руках мечи, и на трёх лошадей, спокойно пасшихся на зелёном лугу возле реки. Слева были слышны крики приближавшихся солдат.

Он осторожно подался вперёд, снимая с плеча лук, достал стрелу, но тетиву пока не натягивал. Приглушённый шёпот где-то рядом поведал, что его действия замечены и остальные последовали его примеру.

Эллонские солдаты окружили женщин, как вода окружает камни. Тот Кто Ведёт сразу же потерял их из виду: перед глазами были лишь красные и зелёные пятна эллонских форм.

Последним, верхом на коне, подъехал офицер. В его вытянутой руке блестел на солнце длинный меч. Этот холодный блеск сильно контрастировал с тускло-серым цветом сделанного в деревне оружия.

— Кто вы? — крикнул офицер, заставляя своих людей расступиться.

— Лояльные слуги Дома Эллона, — сказала Рин, выступая вперёд и низко кланяясь.

— Ерунда!

Он брезгливо оглядел их неуклюжие кожаные доспехи и грубо сработанное оружие.

— Да, сэр, — подтвердила Майна, приходя на помощь Рин. — Нам было приказано прочесать это место в крестьянской одежде. Высшее командование чрезвычайно заинтересовано в поисках одной необычной деревни.

Это была удачная догадка, и по удивлению всадника Майна поняла, что попала в точку.

Офицер задумчиво посмотрел на неё. Было видно, что отчасти он поверил ей, но сомнения ещё оставались. Лайан начал натягивать тетиву.

— Кто из командиров отправил вас на это задание? — спросил офицер, глядя в лицо Майне.

Она смутилась.

«О ч-чёрт!» — подумал Лайан. Его мать должна была догадаться, что это будет один из первых вопросов офицера. Рин смело решила заполнить паузу.

— У нас приказ не называть его имени, — быстро ответила она.

Скептически оглядев её, офицер медленно произнёс:

— Я вам не верю и думаю, что ваша история сфабрикована.

Андиа, изо всех сил стараясь скрыть ужас, твёрдым и походным голосом произнесла:

— Она говорит правду, сэр. Таков был приказ, и мы не имеем права его нарушать. Что, если вы и ваши люди — крестьяне в трофейной форме?

— Ладно, тогда назовите ваши звания.

Ошибка была неизбежной. Женщины хотели лишь оттянуть последний момент.

— Я — лейтенант Рин. Со мной…

— Схватить их!

В ту же секунду солдаты пришли в движение, схватили женщин за плечи и бросили на колени, пригнув их головы раскалённой поверхности дороги.

— Бедные тугодумы, — спокойно, почти с сожалением произнёс офицер. — У нас в армии нет офицеров-женщин.

Затем он повернулся к солдатам:

— Можете позабавиться с ними. Потом убейте.

Он повернул своего вороного коня и медленно поехал по дороге прочь, пряча меч в ножны.

Лайан отпустил тетиву.

Офицер тихо вскрикнул и выпал из седла. Стрела торчала из его шеи. Солдаты прекратили срывать с женщин доспехи. На секунду они замерли, и тут же двое упали на дорогу. Остальные бросили женщин, мечась в поисках укрытия и вынимая оружие из ножен.

Ещё несколько стрел настигли своей цели. Кровь брызнула на дорогу, а один из солдат, схватившись за горло, упал в реку. Побарахтавшись недолго, он затих.

Рин воспользовалась замешательством и ударила мечом в живот одного из солдат, стоявших поблизости. Её тотчас окатило потоком крови и нечистот, и она быстро отскочила в сторону, вытирая глаза свободной рукой.

Вскоре все эллонские солдаты, кроме того, которого ранила Рин, были убиты. Раненому тоже осталось жить недолго — Рин подняла его тяжёлый меч и сильным ударом отрубила голову.

Но лучники перестарались.

Среди тел в красно-зелёных формах лежали два в коричневых кожаных доспехах.

Тот Кто Ведёт вышел из кустов на дорогу.

Рин положила ему на плечо свою грязную руку и попыталась утешить.

— На войне всякое случается, — сказала она. — Тебе не стоит на это смотреть. Она и Ванд погибли, сознавая, что помогают свергнуть тиранию Дома Эллона.

Лайан, оттолкнув её, прошёл дальше и наклонился. Стрела попала Майне в шею. На её пепельных волосах было удивительно мало крови. Он повернул её на бок и увидел серые глаза, которые так любил всю свою жизнь. Они были широко раскрыты в мгновенной агонии.

Андиа мягко опустила руку на плечо Лайана. Он повернул голову и взглянул в её бледное лицо: на её обычно ледяных глазах были слёзы.

— Мы все её любили, Лайан, — сказала она хрипло. — Мы все её любили.

* * *

— Ладно, — сказала Рин, — теперь у нас, по крайней мере, есть нормальное оружие.

Она смахнула с лица какое-то любопытное насекомое.

— И немного нормального вина, — согласилась Марья, похлопывая полупустую глиняную посудину.

Все, за исключением Лайана, сидели, лежали или полулежали на поляне приблизительно в двух километрах от места их первого побоища. Тот Кто Ведёт был безжалостно накачан крепким красным вином, которое они нашли в телеге

эллонов, и храпел в роще неподалёку. Над ним, на ветвях деревьев, пели и щебетали птицы.

Все очень устали. Сокрытие следов побоища было тяжёлым и подчас чрезвычайно неприятным делом. Рин и Марья с воодушевлением взяли на себя задачу снимать с трупов солдат непорванные и незапачканные части формы, а затем складывать остальную одежду под грудой камней у ручья. Брюс, преодолевая отвращение и в то же время стремясь не отстать от женщин, помогал им прятать трупы в кустах, где бесцеремонно сваливал их на забаву тучам мух. Фил и Джон, поймав и усмирив вороного коня офицера, взяли кожаное ведро, найденное ими в телеге, и смыли с дороги большую часть крови. Оставшиеся же утешали Того Кто Ведёт, который рыл могилу для своей матери и Ванд.

Лайан заплакал, когда Дейв стал засыпать землёй то, что когда-то было Майной. Редин обнял его, как брата, и увёл в сторону.

По настоянию Рин они как можно быстрее пересекли ручей и открытую местность за ним, чтобы укрыться в небольшой роще.

— Нам придётся преодолеть изрядное расстояние в следующий период бодрствования, — говорила Рин, — и мы можем надеяться только на то, что в ближайшее время по этой дороге не пройдёт другая банда проклятых эллонов. Если нам совсем повезёт, то до этого пойдёт дождь и смоет все следы крови.

Она зажмурилась, посмотрев на небо, и на её лице появилось сомнение.

— Лайана с трудом можно будет заставить передвигаться быстро, — с грустью заметил Редин. Он, по-видимому, был всё ещё сильно опечален несчастьем, постигшем друга. — Он сейчас плохой наездник.

— А ты мог бы и понести его, — сказала Синед, от удивления подняв брови.

Кое-кто смущённо переглянулся, но, к всеобщему удивлению, Редин, широко улыбнувшись и хлопая ладонью по земле, сказал:

— Клянусь моей правой рукой, ты просто наглая маленькая шлюха!

— Шлюха? Но, сэр, ведь я девственница. Это клевета! Можешь поговорить с теми, кто пытался покушаться на мою девственность.

Она захлопала ресницами.

— Имейте уважение перед мёртвыми, — зло прошипел Джон.

— Разве ты не видишь? — сказал Редин, поворачиваясь к пожилому собеседнику. — Именно это, по словам Синед, мы и не должны делать. Они умерли — их нет. Мы уже ничем им не

поможем. Всякий раз, теряя своих товарищей, мы не можем сидеть на месте и утираться, как будто мы в туалете. Иначе Дом Эллона быстренько расправится с нами. Как ты думаешь, Майна и Ванд сочли бы это за знак уважения? Нет. Они бы подумали, что отдали свои жизни ради компании каких-то мягкотелых придурков.

— Если понадобится, я могу быть очень мягкотелой, — заявила Синед, ложась на траву.

Кое-кто рассмеялся.

— Я запомню это, — сказал Редин. — Думаю, многие из нас могут.

— Я не могу, — сказала Ланьор, догадавшись наконец, о чём идёт речь.

— Нет, — более серьёзно сказал Редин, — Синед права: мы должны почитать наших мёртвых не слезами, а легендами. Эти легенды напоминали бы о том, какими прекрасными и отважными людьми они были при жизни и как нам повезло, что они жили рядом. Шутки о их просчётах и неудачах тоже важны. А Рин и Марья по-своему тоже правы. У нас появилось хорошее оружие, ещё одна лошадь и даже несколько, хоть и не новых, но всё же эллонских форм. Потом, это прекрасное вино… давайте-ка насладимся им, пока есть время. Поднимем бокалы за Майну и Ванд и потом уснём так же крепко, как Лайан.

— Не пей слишком много, Редин, — томным голосом промолвила Синед, вызвав новый приступ смеха.

Редин, наклонившись вперёд, показал пальцем на каждого из них.

— Итак, празднуйте, чёрт вас возьми. Главное, чтобы у нас было время и для развлечений!

— Могу я вам в этом помочь? — раздался звонкий голос.

Все вскочили на ноги с мечами наготове и стали вглядываться в полумрак леса, пытаясь различить хоть какое-нибудь движение.

— Вы смотрите не туда, — голос исходил из центра поляны. Там стояла маленькая девушка, ростом не более полутора метров, в серебристой курточке и бриджах, истрёпанные концы которых опускались чуть ниже колен. В руках она держала ситару из орехового дерева. У неё были мальчишеская фигура, короткие рыжие волосы и высокие скулы. Жёлто-зелёные, почти кошачьи глаза спокойно смотрели на вооружённых людей.

Рин, как всегда, пришла в себя первой.

— Кто ты? — напряжённо прошептала она. Меч в её руке не дрогнул.

— Я Элисс, — сказала девушка с лёгким поклоном. — Я

занимаюсь тем, что развлекаю усталых путников, таких как вы, странствующих по просторам чудесного Альбиона.

Её улыбка была достаточно вежливой, но Рин показалось, что девушка насмехается над ними.

Джон вложил меч в ножны и сел.

— Вскоре после того, как появился Терман, к нам в Лайанхоум приходил певец, — объяснил он остальным, обращаясь к Элисс с приветственным жестом. Он немного испугался, когда она повернулась и в точности воспроизвела тот же жест — ведь до этого она стояла спиной к нему, но продолжал:

— Нам ни к чему бояться певца.

Все, кажется, поверили ему на слово, и только Рин и Марья остались настороже. Брюс вложил было свой меч в ножны, но затем опять достал его, решив поддержать женщин.

— Почему мы должны доверять тебе? — спросила Марья.

— Это ваше дело, — ответила Элисс с явным нетерпением. — Вы ничего не сможете со мной сделать, а я уже несколько раз могла бы убить вас всех, если бы захотела. Мы, певцы, обладаем огромным могуществом, хотя нам редко доводится его использовать.

Она села на корточки и стала настраивать свою ситару.

— И много вас на свете? — спросил Брюс.

— Я одна и нас много, разбросанных по миллионам миров, находящихся так далеко от Альбиона, что вы даже не можете себе этого представить.

Большинству из них в эту минуту показалось, что она лжёт о миллионах миров, существующих за пределами Альбиона, — ведь Терман говорил о том, что там есть лишь один Мир. Однако Марк, обычно мысливший не так, как остальные, серьёзно оглядел девушку: что-то в ней говорило о том, что её ложь заключается в чём-то совершенно другом.

— Ты не должна насмехаться над нами, — сказал он тихо.

Она взглянула на него, и в её глазах неожиданно появилось уважительное выражение.

— Извините. Вы правы.

— Спасибо, — он качнул головой, принимая извинение, и она ответила ему искренней улыбкой.

Рин эта беседа всё более и более раздражала: она казалась ей бессмысленной игрой слов.

— Не шути со мной, маленькая шлюха! — закричала она. — Тебя спросили, сколько вас здесь!

— Я не шлюха, Рин! — глаза Элисс блеснули. — Когда понадобится, я ею буду… Но сейчас оставим этот разговор. Отвечаю на ваш вопрос. — Она подняла глаза. — В настоящий

момент во всём Альбионе сорок семь певцов — правда, у одного из них по приказу Деспота только что отрезали язык, поэтому его вряд ли можно брать в расчёт. К тому же он был плохим певцом. С другой стороны, друзья мои, я решила на этот период сна побыть певцом, причём одним из лучших певцов — как вы можете догадаться. Поэтому можно считать, что нас по-прежнему сорок семь.

— Ты уверена, что ты лучше всех? — с сарказмом спросила Марья.

— Абсолютно уверена, — с лёгкостью ответила Элисс. — Прошу вас, уберите свои железяки и садитесь. Я собираюсь спеть вам очень длинную и очень хорошую песню. Почему бы нет? Ведь я сочинила её и знаю лучше, чем кто-либо другой. Поэтому мне лучше судить, насколько она хороша.

Струны ситары оказались непокорными — колки, по-видимому, плохо вращались в гнёздах, поэтому инструмент звучал крайне нестройно. Элисс адресовала инструменту краткое проклятие, и тот тут же настроился, задрожав в её руках.

— Так-то лучше, — мягко произнесла она, поглаживая ореховую поверхность ситары, будто бы успокаивая её.

Рин обнаружила, что сидит, скрестив ноги, на траве, а меч её лежит в ножнах. «Странно, — подумала она. — Я не помню, как это получилось. И откуда она знает моё имя?»

Она опять протянула руку к рукояти меча, но по непонятным причинам передумала. Вместо этого она наклонилась вперёд, положила локти на колени и упёрлась подбородком в ладони, глядя на певца и ожидая начала песни.

Элисс была права — это действительно была хорошая песня. Она забыла упомянуть только о том, что это была не просто длинная, а чрезвычайно длинная песня. Когда она исполняла те её части, которые считала особенно хорошими, то повторяла их, чтобы слушатели могли насладиться их красотой и изысканностью.

В песне пелось о человеке, который попал в Альбион и у которого родился сын по имени Лайан. Лайан возглавил маленький отряд, чтобы собрать армию, способную сражаться с Эллонией. Все члены этого отряда были перечислены, и особое внимание было уделено их чертам: стойкости, храбрости, доброте и другим — причём каждый из слушателей узнавал в этих описаниях себя.

Затем характер песни изменился, звучание аккордов стало выше, и музыка приобрела зловещий настрой. Изменение настроя произошло в момент рассказа о том, как они провели большую часть одного из периодов сна, слушая певицу по имени Элисс.

Хотя она пела о прошедшем времени, все вскоре сообразили, что речь идёт о событиях их ближайшего будущего. Вся беда была в том, что вполне понятные слова забывались через мгновение после того, как произносились. Фил помрачнел, когда узнал о своей судьбе, но вскоре опять стал весел, удивляясь лишь тому, что его имя больше не упоминается. Марья и Синед посмотрели друг на друга в смущении, которое быстро испарилось, будто его и не было.

Каждый из отряда испытал нечто подобное.

Наконец Элисс положила ладонь на струны и они смолкли.

— Я ещё не придумала эту песню до конца, — весело сказала она, когда смолкли аплодисменты и стали слышны лишь птицы, жужжание насекомых и мерное храпение Лайана. — Может, чуть позже, в другой период сна, я приду к вам опять и допою остальное.

Она немного смутилась, когда некоторые из слушателей, торопливо извиняясь, отошли в глубь леса, чтобы опорожнить мочевые пузыри. Но когда они вернулись, Элисс подарила каждому лучезарную приветливую улыбку.

— Вы рассказывали нам о нашем будущем? — спросил

Колл дрожащим от страха голосом.

— Нет такой вещи — ваше будущее, — ответила она. — Я спела о будущем вообще. Поэтому вы помните только то, что слышали о нём, но не можете вспомнить ни одного из событий.

Марк сразу догадался, о чём она говорила. Он уже давно думал об этом. Он понял так, что прошлое существует только одно — хотя мог и ошибаться, а будущее предстаёт в бесконечном количестве вариантов, причём от любого момента каждого из них ответвляется бесконечное число новых вариантов. Песня рассказывала о судьбах всех присутствующих — счастливых или несчастных, великих или ничтожных, но ни одно из описанных событий в действительности ещё не произошло. Они все были частью будущего в понимании Элисс, и она спокойно говорила им, что может и ошибаться — что ничего в этой вселенной нельзя гарантировать с абсолютной точностью. Отсюда и исчезновение воспоминаний о только что пропетой песне. Если бы они были в состоянии запомнить всё, то своим сознанием смогли бы повлиять на собственное будущее или, хуже того, попасть в обособленную ветвь будущего, без какой бы то ни было возможности выбора. Тот Кто Ведёт мог запомнить её предсказания, но она нашла именно такой момент, когда только он один не слышал её.

— Ты мудрый человек, — сказала Элисс, с улыбкой поворачиваясь к Марку. — Через пару периодов бодрствования ты

сможешь растолковать всё это остальным.

Марк улыбнулся ей в ответ и тут с удивлением сообразил, что никто другой не слышал её слов: они, казалось, застыли на одном месте. Марья всё ещё поднималась на ноги, Редин стоял с бутылкой у рта, струя жидкости из бутылки висела в воздухе. Над головой Редина сидела птица, из клюва у неё торчал червяк.

Он снова взглянул на Элисс.

— Вы тоже мудрая молодая девушка, — возвратил он комплимент.

— Не такая уж я и молодая, как ты думаешь, — заметила она.

Он видел, что ей хочется сказать что-то ещё, но она сомневается в целесообразности этого. Её тонкие губы немного сжались в нерешительности. Через секунду всё прошло. Очевидно, она решилась.

— Марк, — сказала она, — в тебе заложено, что ты должен стать новым сорок седьмым певцом. Я могу научить тебя, если хочешь. В действительности ты будешь сорок восьмым. Я рассказала о том, что бедному старому Гайту отрезали язык только потому, что мне хотелось внести некий, гм-м, драматический эффект… Он действительно был плохим певцом, а однажды даже попытался ущипнуть меня за ягодицу.

Она неожиданно улыбнулась.

— Я сломала ему руку в трёх местах. Теперь пройдёт много времени, прежде чем он сможет поднять инструмент, не говоря о том, чтобы играть на нём хотя бы так же плохо, как раньше.

— Это не единственная ваша ложь, — напомнил ей Марк.

— Да, — она попыталась выглядеть кающейся, но вместо этого хихикнула. — Я знаю, ты заметил это.

— Значит, к миллионах миров вас не так уж и много? — Спросил он.

— Да, — она неожиданно стала серьёзной. — Я одна. Но, видишь ли, я постоянно перемещаюсь. В одних мираж у меня одно имя, в других другое — это зависит от моего каприза.

— Другие певцы не такие, как вы?

— Да. Они не такие, как вы, — она показала в сторону его компаньонов. — Но и не такие, как я. Есть среди них один, которого ты не встретишь. Это Барра’ап Ртениадоли Ми’гли’минтер Реган, чей голос настолько сладок, что соловьи грустят, когда слышат его. Такие певцы, как он, — часть Альбиона, и они всегда были ею. Я — нет. Но ты уклоняешься от ответа на мой вопрос.

Её глаза внимательно изучали его, и он почувствовал, что виден насквозь. Что бы он ни сказал, она поймёт истинный смысл его слов.

— Да, вы правы. Я уклонился от ответа, — сказал он.

— Только подумай о преимуществах своего положения как певца, Марк, — искренне сказала она. — Ты будешь способен, как Тот Кто Ведёт, помнить прошлое и давать имена людям и вещам. Будешь передавать всё это людям через свои песни. Правильные движения пальцев по струнам, и песни, пошедшие в твоё подсознание, дадут тебе память о давно ушедшем. Больше того — ты будешь иметь удовольствие пребывать в моей компании, изучая мастерство певца. Это щедрый дар, Марк, конечно, если ты захочешь принять его.

— Нет, — просто сказал он, расставив руки, как бы извиняясь.

— Я так и думала, что ты откажешься, но мне необходимо было дать тебе такую возможность, — сказала Элисс, и по её лицу скользнула тень раздражения. — Отвергаешь мою компанию?

— Я поклялся идти с Тем Кто Ведёт, чтобы помочь ему разрушить мощь Эллонии. То, что вы предлагаете, больше того, о чём я когда-либо мечтал, но этого недостаточно.

«Больше того, о чём когда-либо мечтал? Нет, это даже больше чём ты думаешь», — подумала Элисс.

— Ладно, — сказала она вслух, — ты честный и хороший человек.

— Кроме того, я знаю, что скоро погибну, — он грустно улыбнулся, предвидя неминуемую смерть, достаточно тривиальную, чтобы вызвать сострадание. — Я отнюдь не храбрец — не хочу, чтобы вы неправильно поняли меня. Просто обещания — одна из тех вещей, которые делают будущее.

— И всё же, я думаю, ты храбрый человек.

Глаза Элисс просвечивали его насквозь. Для неё не было тайн ни в прошлом, ни в будущем — он знал об этом.

— Мы ещё увидимся перед тем, как я погибну?

— Я… Я не знаю. Думаю, тот, кто управляет событиями, ещё не решил этого, — казалось, она чувствует смущение, признаваясь в своём невежестве.

— Тогда, если нет, то благодарю тебя.

— И тебе спасибо.

Она подмигнула ему, и всё вокруг снова пришло в движение. Марья приняла, наконец, вертикальное положение, вино потекло в глотку Редину, а птица с червяком в клюве улетела.

Элисс спокойно, но властно хлопнула в ладоши, и все затихли.

— Спасибо вам за то, что вы поняли, как вам повезло, что вы встретились со мной, — сказала она. — Я рада, что вы смогли по достоинству оценить моё искусство.

Она поклонилась.

— А теперь, боюсь, нам пора расстаться.

Она подняла руки над головой так, что кончики пальцев едва коснулись друг друга, в последний раз улыбнулась и исчезла.

Марк помахал рукой в пустоту, желая ей счастливого пути. Все поглядели на него, как на ненормального.

* * *

Редин обнаружил, что несмотря на всё выпитое вино, он не может уснуть. Причиной была песня Элисс, после которой в его голове остался непонятный узор из музыки и сопровождавших её слов, значения которых, сколько он ни старался, вспомнить не мог.

Он повернулся на другой бок, вдыхая аромат опавшей листвы, и почесал бороду, улыбаясь.

«Кроме того, — подумал он, — мне хочется с кем-нибудь потрахаться».

Он проанализировал свои эмоции. Часто ему хотелось секса лишь из-за физических ощущений, которые он при этом получал. Иногда он занимался им потому, что так складывались обстоятельства. Но на этот раз всё было по-другому. Ему не хотелось вовлекать себя в какие-либо серьёзные отношения, он просто хотел провести часть периода сна, ту часть, что от него осталась, с женщиной.

Он подумал о Синед. Шутя или нет, она совсем недавно открыто навязывалась ему. Он знал, что может получить от неё любовь и поддержку. Многие жители деревни насмехались над девушкой, так как она переспала почти со всеми, но Редин не был в их числе. Разве это плохо, что она была способна любить стольких мужчин, а не отдавать себя лишь одному? Он только уважал её за это: ведь если бы все люди могли любить многих, а не только ненавидеть…

Он сел, потом со скрипом в суставах поднялся на ноги. В следующий период сна он должен попытаться сделать себе что-то вроде подстилки из вереска перед тем, как лечь на землю.

Он был абсолютно уверен, что Синед пошла спать куда-то вправо, и поэтому направился в ту же сторону, стараясь идти как можно тише, чтобы не разбудить остальных. Он почти споткнулся о Колла, но тот не проснулся. Редин улыбнулся, заметив, что даже привередливый Колл не лишён такой слабости, как храп. Правда, храпел он очень тихо и мелодично.

Наконец он нашёл Синед. Выглянув из-за деревьев, он понял, что с бессонницей ему придётся бороться как-то по-другому.

Синед уже предоставила всю свою мягкотелость Рин.

«Не ожидал, — подумал он. — Хотя, может, и ожидал».

Он помедлил немного, с улыбкой разглядывая их, и поплёлся прочь.

На этот раз он улёгся в ещё более неудобное место, чем раньше, но сон не заставил себя долго ждать. «Что я на самом деле хотел бы знать, — думал он, засыпая, — так это, что между всеми нами существует любовь. Я бы, конечно, не хотел принимать в ней физического участия: одного сознания этого факта было бы достаточно. Я люблю вас всех».

Глава шестая. Сайор

Толпа солдат на площади и аристократы, выглядывающие из окон, — все буквально сошли с ума. Мужчины и женщины одинаково топали ногами, кричали, насмехались, трясли в воздухе кулаками…

Маршал Гарндон сидел рядом с Деспотом на троне, лишь Немногим уступавшем трону Деспота, и добродушно улыбался из-под густых бровей. Его спина согнулась от старости, И он был абсолютно лыс, но живой блеск в старческих глазах всё ещё сохранялся.

Толпа опять зашумела.

Деспот слегка толкнул его.

— Этот был неплох, а, Гарндон?

— Да, сэр.

Оба трона были установлены на эшафоте, и Гарндон постоянно морщил нос от запаха застаревшей крови. Он и Деспот, как того требовали традиции, были судьями на одном из массовых зрелищ Гиоррана — состязаниях между офицерами, желавшими внеочередного повышения звания. Победа или поражение в каком-нибудь из состязаний — ещё не гарантия для повышения, но офицера мог заметить кто-либо из начальства и помочь его дальнейшему продвижению по службе.

Оба молодых человека, боровшихся на площади, были сильны и находились в неплохой форме. Их лица и тела были покрыты синяками, полученными в ходе предыдущих схваток. Они боролись обнажёнными и безо всяких правил: в ход могли идти ноги, руки, головы, колени и локти. То, что у каждого больше всего синяков было в паху, не являлось случайным совпадением.

Молодой светловолосый лейтенант резко повернулся и до крови оцарапал ногтями на ноге пах своего более тёмного соперника. Тот даже не вздрогнул, а, напротив, протянул вперёд руки, пытаясь схватить своего противника за горло.

Оба потеряли равновесие, но светловолосый был менее осторожен. Он упал спиной на белые камни мостовой, пытаясь разжать пальцы, безжалостно сдавившие его кадык. Соперник рухнул на него, ударив коленом в промежность, и ещё сильнее стал сжимать горло.

Толпа взвыла от восторга. Приближался решающий этап схватки. Лицо светловолосого посинело, и язык бесконтрольно вывалился изо рта. Но он нашёл в себе дополнительный источник силы: освободив наконец горло, он схватил противника за ягодицы и перевернул его так, что теперь сам оказался наверху.

«Совсем, как любовники», — думал Маршал, наблюдая за этой сценой своим добродушным взглядом.

— У этого парня талант, — сказал Деспот. — Проследишь, чтобы его повысили по службе, Гарндон?

— Конечно, сэр, — уважительно ответил Гарндон, думая про себя: «Только я сначала прослежу, чтобы он был мёртв. Он слишком опасен. У меня нет желания висеть на его кинжале».

Светловолосый уже использовал хватку своего соперники, чтобы бить его головой о камни. Оба были близки к потере сознания, но заставляли себя продолжать борьбу. Произошло ещё какое-то движение, слишком быстрое, Чтобы толпа или даже судьи смогли различить его, и светловолосый уже летел головой вперёд к платформе, на которой сидели Деспот и Маршал. Хотя Гарндон знал, что это невозможно, ему показалось, что вся каменная платформа покачнулась от удара.

Каким-то чудом светловолосый выжил и, шатаясь, поплёлся прочь от эшафота. Со лба у него текла кровь, и разбитые губы обнажили свирепый оскал.

«Теперь он похож на настоящего убийцу, — подумал Гарндон. — Вскоре ему понадобится моё место, а потом он пойдёт ещё дальше».

Удар в окровавленную промежность — и смуглолицый противник согнулся от боли. Следующий удар пришёлся по горлу, и он упал навзничь. Светловолосый подпрыгнул и обеими ногами приземлился на голову соперника. Изо рта потоком хлынула кровь. Серия безжалостных ударов, и живот стал распухать от крови, вытекающей из разбитых внутренностей.

В толпе раздался оглушительный вой.

Деспот встал и поднял руку, чтобы остановить состязание. Проигравший был близок к смерти, которая должна была произойти в течение ближайших нескольких минут. Деспот не считал себя садистом и не хотел продлевать агонию проигравшего.

— Состязание закончено! — закричал он. — Победителем стал… Он замолчал.

— Лейтенант Хака, — прошептал Гарндон.

— …лейтенант Хака!

Толпа ликовала. К лежавшему на земле офицеру бросились врачи, покачали головой, показывая невозможность его спасения, и отнесли тело прочь с арены. Некоторые из аристократов плевали на него из окон своих высоко расположенных апартаментов.

Хака поднял руки, принимая приветствия аудитории. Из раны на лбу в глаза натекала кровь, но он впитывал льстивый восторг

толпы и не чувствовал боли.

Аплодисменты утихли не скоро. Деспот снова занял своё место на троне и сделал жест Гарндону, чтобы тот вышел вперёд. Следуя указаниям правителя, Маршал поднялся и подошёл к краю платформы, где встал, покачиваясь, над залитой кровью ареной.

— Хака, — закричал он так, чтобы каждый мог слышать его, — теперь ты сам можешь выбрать себе соперника!

Молодой светловолосый лейтенант, голова которого была перевязана куском материи, посмотрел на Гарндона с улыбкой на разбитом лице. Он пока ещё подчинялся приказам Маршала, но сознавал, что вскоре достигнет более высокого положения. Он моргнул распухшим глазом.

— Согласен! — закричал он.

— Кого ты выбираешь? — почти кротко спросил Гарндон.

— Я выбираю Надара!

Шум в толпе неожиданно смолк. Вызвать на поединок Адъютанта Маршала было делом неслыханным. Гарндон улыбнулся.

— Твой вызов принят, — сказал он.

Это было возможно. Победитель имел право вызывать на финальное сражение любого офицера. Гарндон пообещал Хаке мгновенное, хотя и скромное повышение по службе плюс судейское снисхождение в предыдущих состязаниях, если он сделает именно этот вызов. Конечно же, бедный мальчик будет мёртв ещё до того, как получит своё повышение. Гарндон облизал губы.

Надар, который с двумя жёнами наблюдал происходящее из окна, испугался. Он поглядел сначала на одну женщину, Потом на другую, как будто это могло спасти его от грядущего поединка. Обе жены тоже были испуганы. Если Надар погибнет в поединке с Хакой, они потеряют свой статус навсегда: в Доме Эллона вдовы не брались в расчёт, когда люди с высоким положением набирали себе гаремы.

Но альтернативы не осталось: вызов был принят.

Надар оттолкнул обеих женщин и стал готовиться к схватке. Под их критическими взглядами он снял свою красно-зелёную форму, обнажив обрюзгшее тело: кожа была пепельно-серой, почти как у трупа, а живот выступал. Волосы на груди и в паху поседели. Надар не был стариком, но уже приближался к этому рубежу.

— Ты можешь отказаться от этого вызова, — сказала одна из женщин. Она была чрезвычайно красива и являлась его женой уже довольно давно, но, чёрт возьми, он не мог вспомнить её имени.

Помнил только её губы.

— Конечно же, нет, — сказал он твёрдо, сбрасывая последнюю одежду. «Носок: последняя вещь, которую я носил перед смертью, — устало подумал он. — Это хитрая старая сволочь Гарндон всё подстроил. Надеюсь, его душа будет жариться медленно в глазах Солнца».

Он хохотнул.

А ведь он мог ещё поменять позиции.

«Мне всего лишь необходимо прикончить этого лейтенанта».

Эта мысль ускорила его шаги по винтовой лестнице. Солнце обжигало его кожу всякий раз, когда он проходил мимо узких окон. Люди расступались, чтобы дать ему проход. Некоторые из них, но только некоторые, аплодировали, когда он проходил мимо. Часть женщин и большинство мужчин критически смотрели на его мошонку, сжавшуюся от мысли о грядущем поединке.

Солнце обожгло кожу, когда он вышел на площадь. Дорога к месту схватки почти мгновенно очистилась, чтобы ему не пришлось продираться сквозь толпу его товарищей-солдат — он всё ещё рассматривал их как товарищей, хотя они и выли в ожидании его крови, надеясь увидеть свержение с поста второго по значению офицера в армии.

Подняв руку в приветствии, он вышел на арену. Толпа встретила его безо всякого воодушевления — его отсутствие в особенности ощущалось у двух его жён, вместе с которыми он только что наблюдал предыдущие схватки. Если он победит, придётся разводиться. В его власти было низвести их до простых городских шлюх. На его лице появилась фальшивая улыбка: именно это он и сделает даже с той, у которой *губы*, каким бы ни был результат поединка.

— Я принимаю вызов! — крикнул он, адресуя свои слова Гарндону.

— Это твоя обязанность, — заметил старик.

Справа от Надара взад и вперёд ходил Хака, похожий на дикое животное, которому не терпится выбраться из клетки. «На моей стороне опыт, — думал Надар. — Кроме того, Ветер сказал мне, что я погибну только тогда, когда буду считать, что нахожусь на вершине славы. Должность адъютанта Маршала — это ещё не вершина, я пойду значительно выше. Вот если стану Деспотом…»

Хака прыгнул на Надара ногами вперёд, тело его было почти горизонтально. Казалось, он летел.

Надар ловко отошёл в сторону, и молодой соперник больно ударился о камни мостовой, проехался по ним, оставив за собой кровавый след.

— Ты можешь признать своё поражение сейчас, — сказал Надар тихо, чтобы не было слышно в толпе. — Я не буду преследовать тебя.

Хака, с искажённым от ненависти лицом, встал на ноги.

— Смотрите, как умрёт этот старик! — закричал он толпе.

Толпа взвыла от восторга.

Надару он тихо ответил:

— Ты умрёшь очень быстро.

— Другие тоже это говорили, — на губах Надара заиграла улыбка.

Она тотчас исчезла, когда Хака снова пошёл в наступление.

На этот раз Надар заметил блеск стали между средними и указательными пальцами обеих рук молодого соперника.

«Чёрт возьми! Гарндон играет грязно!»

Хака яростно бросился вперёд. Сначала казалось, что Надар отошёл в сторону, чтобы увернуться от атаки, но он неожиданно выставил ногу и во второй раз отправил лейтенанта лицом вниз на каменную мостовую.

У Надара не было пока ни одного синяка. Его противник, напротив, истекал кровью как от ран, полученных в предыдущих схватках, так и от порезов рук своим бесчестным оружием.

Но Хака отнюдь не собирался сдаваться. Улыбаясь сквозь боль, он двинулся к Надару, показывая ему зажатые между пальцев кинжалы. Неожиданно он прыгнул, направив их прямо в горло Надару.

И на этот раз Надар с лёгкостью увернулся и улыбнулся толпе, поднимая вверх руки и как бы говоря: «Это очень просто».

Солдаты шумно выразили своё одобрение. Аристократы выказали значительно меньше энтузиазма: женщины критически сравнивали тела молодого и старого мужчин.

Прошло довольно много времени, пока Хака смог подняться на ноги. Он приближался к Надару, устало пошатываясь и почти не скрывая своих кинжалов. Надар прислонился к основанию эшафота, ожидая, пока его противник придёт в себя. Его предшественники в подобной ситуации бросились бы в нападение, но Надар предпочёл просто смеяться над Хакой.

Когда молодой лейтенант подошёл достаточно близко, Надар отошёл от эшафота и прошептал:

— Ты можешь сдаться сейчас, и тогда на этом всё закончится. Я не буду преследовать тебя.

— Ты умрёшь, — сказал Хака достаточно громко, чтобы двое пожилых людей, сидевших на платформе, слышали его. Он с трудом волочил ноги. Неожиданный удар, направленный в голову Надара, прошёл на несколько сантиметров в стороне от цели. В

основании платформы образовалась маленькая выемка, и один из кинжалов, которыми был вооружён лейтенант, был уничтожен.

Надар нагнулся, схватил Хаку за ноги и дёрнул так, что тот снова упал, ударившись лицом о камни. Во все стороны полетели осколки зубов, и, что важнее всего, молодой противник потерял свой последний кинжал.

Оружие отлетело на несколько метров, но Надар тут же подобрал его.

Он поднял кинжал высоко над головой, а затем воткнул его в спину молодому лейтенанту. Хака закричал. Надар с улыбкой повернул нож, пригибаясь над ягодицами Хаки.

Грудь и промежность Надара покрылись кровью молодого соперника. Он медленно вынул нож из ещё тёплого тела, желая поскорее уйти, чтобы не слышать приветственных криков толпы — они вызывали у него приступы тошноты. «Я убил человека, которого предпочёл бы видеть своим солдатом, — подумал он. — Это не великое достижение».

На помосте сидел Гарндон, еле сдерживая ярость. Он хотел, чтобы Хака убил Надара в открытом бою и чтобы не было вопросов, что он, Маршал, принимал в этом какое-либо активное участие. Вместо этого глупого сопляка самого убили, а Надар лишь немного вспотел.

— А Надар неплох? — сказал Деспот, толкая Гарндона. — У мальчишки были ножи, и несмотря на это, твой адъютант с лёгкостью его прикончил. Хороший адъютант, обещаю: это не пройдёт незамеченным. Поздравляю.

Толстяк засеменил к краю платформы.

— Соревнование закончено! — закричал он ритуальные слова. — Объявляю победителем адъютанта Маршала, Надара! — Надар, — обратился он в абсолютной тишине, — теперь у тебя есть право вызова!

— С Вашего позволения, — сказал Надар, низко кланяясь, пока врачи убирали труп Хаки с арены, — я хочу вызвать на поединок Гарндона.

Через семь минут Надар стал Маршалом.

* * *

— Лайан! — закричал кто-то позади него. Он отъехал в сторону и остановил коня.

За несколько сотен периодов бодрствования они обошли огромное количество деревень, Лайан даже потерял им счёт, и ему стало казаться, что наступило время поворачивать на восток. Теперь он ехал во главе армии, насчитывавшей почти две тысячи человек, хотя многие из воинов были плохо подготовлены и вооружены. Встречи с отрядами эллонов изредка пополняли их

запасы оружия, лошадей и красно-зелёных форм, которые оказались чрезвычайно полезны для заманивания служителей Дома Эллона в западню.

В особенности Лайану доставляли удовольствие две вещи. Во-первых, чем больше вырастала армия, тем больше добровольцев присоединялось к ним в каждой новой деревне. Во-вторых, где бы они ни проходили, они всюду оставляли дар письма, который когда-то был передан Терманом Майне, а через неё жителям Лайанхоума. Этот дар широко распространился в его армии, и каждый раз, когда они покидали очередную деревню, Лайан оставлял пару своих спутников, чтобы они учили людей, в особенности детей, что значки на кусках коры или на плитках из измельчённой древесины могут складываться в слова.

— Письмо, — говорил Лайан, — это ещё один путь к памяти. Когда я уйду, ваши воспоминания постепенно начнут исчезать, но записи останутся. Каждый день берите их в руки и перечитывайте, повторяя про себя слова, и тогда вы сможете вспомнить кое-что из того, что с вами произошло. Вспомнив это, вы вспомните и остальное.

Крестьяне благодарно кивали и с радостью помогали ему во всём, а некоторые даже соглашались учиться писать.

Куда бы армия ни приходила, он щедро раздавал имена — людям, деревням, домам, деревьям и даже травам.

Тот Кто Ведёт с улыбкой смотрел на приближающуюся Рин, отчаянно хлеставшую свою маленькую лошадку, пытаясь прибавить скорость. Рин всё больше и больше нравилась ему. Он припомнил время, когда пытался стать её любовником, и был рад, что она отвергла его тогда.

— Ты звала меня? — вежливо спросил он.

— Разве я гналась бы за тобой на этой кляче только ради того, чтобы сказать привет, — закричала она, перекрикивая стук копыт. — Посмотри вперёд!

Он молча подчинился. После смерти матери он обнаружил, что делает всё, что бы ни сказала Рин.

Далеко впереди был виден столб пыли, медленно поднимающийся в прозрачный воздух.

К ним приближалась конная армия. Ничто другое не могло породить это пыльное облако.

— Прячьтесь! — Лайан осёкся: прятаться было негде.

— Надо сражаться, дурак! — сказала Рин. — Это всё, что мы можем сделать.

Он поглядел на неё и опять подчинился.

— Будем сражаться! — закричал он.

Его армия ответила воинственными криками.

— Тот Кто Ведёт! Тот Кто Ведёт! — не переставая кричали мужчины и женщины, в то время как сам он глубоко сомневался в том, что может повести кого-либо, кроме стада овец с одного поля на другое, не говоря уже о армии необученных бунтовщиков.

Несмотря на это, он вынул из ножен свой гордый эллонский меч и замахал им над головой. Хлопнув Анана ладонью по крупу, Лайан рысью поскакал вперёд по дороге.

— Мы будем сражаться! — закричал он снова, переводя Анана в галоп. Те, кто были на лошадях, последовали его примеру, а пешие воины бросились бежать, чтобы сильно не отстать от всадников.

Обе армии встретились на вершине холма.

Сразу стало ясно, что эллоны ожидали этой встречи и что они недооценили размеры армии, возглавляемой Тем Кто Ведёт. Эллонов было не многим более трёх сотен, по большей части пеших. Несмотря на свою подготовку, они не могли противостоять необученному противнику, в шесть или семь раз превышавшему их по численности.

Лайан на гарцующем Анане встречал своим мечом любого приближающегося к нему эллона и вскоре оказался один в окружении окровавленных тел: солдаты предпочитали атаковать других всадников. Он оглянулся и увидел, что Джон упал с лошади: брошенный кем-то клинок пронзил ему обе щеки. Его конь, испуганный криками и звоном оружия, наступил ему на грудь, сломав рёбра. Джон закричал, умирая, но его крика не услышали из-за шума битвы. Тот Кто Ведёт повернул Анана и с удовольствием отрубил голову солдату, убившему его товарища. Затем, он увидел, как Фил с мечом, воткнутым в живот, с удивлением глядя на рукоять, вынимает его из своего тела, истекая кровью. Спасать его уже не имело смысла, поэтому Лайан бросился я самую гущу эллонских солдат, размахивая мечом и топором одновременно.

Удар древком копья пришёлся ему по плечу. Нагибаясь, чтобы избежать его, он упал с коня, больно ударившись о землю.

«Это конец, — подумал он. — Конец всего».

Он ждал последнего удара, но не дождался.

Взглянув вверх, он увидел Ланьор. Из всей своей первоначальной компании он меньше всего ожидал увидеть именно её. Она стояла над ним, широко расставив ноги, трофейный эллонский меч, почти невидимый в её руках, метался из стороны в сторону, разрубая лица и тела, не подпуская к нему эллонских солдат.

Тот Кто Ведёт с трудом поднялся на ноги, надеясь, что меч Ланьор не заденет его и не разрубит пополам. Эта женщина,

всегда спокойная и равнодушная, сейчас, казалось, сошла с ума. Она издавала воинственный клич всякий раз, когда ей удавалось убить эллона, её меч скользил по воздуху, не испытывая никакого сопротивления.

К Тому Кто Ведёт подбирался эллонский офицер с окровавленной левой ногой. Было видно, что с коня его свалил удар мечом в лодыжку. Он сильно хромал, и Лайан безо всякой жалости, подойдя к нему, ударил мечом в живот.

Ланьор отразила удар одного из солдат и, используя приём, которому научил её Лайан, ударила мечом ему в промежность. Эллон закричал и упал ничком в грязь. Поставив на солдата ногу, Ланьор пронзила его насквозь.

Андиа умерла от боевого топора, который снёс ей половину лица. Дейву в грудь вошла стрела, её острый наконечник легко пробил кожаные доспехи. Колл потерял руку, в агонии упал на землю и, умирая, был затоптан конями своих же товарищей. Лайан хотел пробиться к нему, но не смог пройти сквозь массу борющихся тел.

Ланьор потеряла свой меч и лихорадочно принялась его искать. Рин кинжальными ударами уложила двоих солдат и у одного из них выхватила его оружие. Её рыжеволосая подруга улыбнулась, принимая новый меч, и тут же вонзила его в эллона. Она ловко повернула оружие в животе своего врага и выдернула его из огромной страшной раны.

Тот Кто Ведёт снова был на четвереньках, на этот раз умышленно. Он рубил своим топором ноги одетых в форму солдат, а затем добивал их мечом. Сам же получил лишь небольшую рану — порез на переносице. Рана сильно кровоточила, и кровь, стекая вниз, попадала прямо в рот, ми он не чувствовал её вкуса.

Теперь рядом с ним была Марья, он слышал её крики, когда она одного за одним убивала эллонских солдат. Она схватила его за волосы и поставила на ноги.

— Тот Кто Ведёт, — закричала она сквозь шум битвы, — должен стоять на своих чёртовых ногах, а не ползать на четвереньках, чёрт возьми, как чёртово животное!

Её топор ударил в глаз нападавшему эллону, и тот с криком попятился назад, чтобы напороться плечом на крестьянский меч и быть убитым ударом в висок чьего-то боевого топора.

После нескольких часов наступила тишина…

Крестьянская армия уменьшилась наполовину, но мало кому из эллонов удалось уцелеть и сбежать с поля битвы. Тот Кто Ведёт остановил кровь из раны на носу, оторвав кусок материи от формы одного из убитых солдат. Символизм, в данном случае,

был продуманным. Он оглядел остатки своей армии и трупы тех, кто воевал на обоих сторонах, с трудом сдерживая приступы тошноты. Облокотившись на плечо Ланьор, он подумал: «Почему бы им всем не вернуться в Лайанхоум и не смириться с правлением Дома Эллона».

— У нас неплохо получилось, — сказала Ланьор своим привычным равнодушным голосом. — Если дело так пойдёт, мы с лёгкостью возьмём Эрнестрад.

Она вытерла кровь со своего меча о траву и вернула его в ножны.

— Здесь были убиты сотни, — хрипло сказал Лайан.

— Да. Разве это плохо?

— Я имею в виду сотни наших, — от запаха крови его тошнило ещё больше.

— А ты хотел выиграть войну, не пролив ни капли крови? — Ланьор улыбнулась и поцеловала его в губы. Через два слоя кожаных доспехов он почувствовал мягкость её груди. «Это смешно, — подумал он. — Мы видели, как умирали наши товарищи, а мне хочется целовать эту женщину до скончания века».

Они разошлись, всё ещё продолжая смотреть в глаза друг другу.

Те, кто пережил битву, собрались вокруг Рин и Марьи, державших перевёрнутый флаг Эллонии как символ победы. Многие крестьяне были ранены, и среди них ходили лекари, обрабатывая лёгкие и тяжёлые ранения. Когда Тот Кто Ведёт и Ланьор приблизились к центру группы, они услышали крики и стоны раненых. Снова Лайан подумал о том, стоила ли вся затея перенесённых людьми страданий. Прижимая к носу тряпку, с волосами, обагрёнными чужой кровью, он чувствовал себя глупо перед лицом своей армии.

— Мы победили! — кричала Рин. Толпа загудела, соглашаясь.

— Эллоны мертвы!

Снова согласие.

— И Тот Кто Ведёт снова ведёт нас!

Пошатываясь и спотыкаясь, с прижатой к носу тряпкой, Тот Кто Ведёт обнаружил себя в центре толпы. Ланьор провела его последние несколько метров и отошла в сторону, смешавшись с остальными воинами.

Лайан произнёс что-то вроде победной речи. Потом он так и не мог вспомнить, что же конкретно говорил, но отчётливо помнил, что речь была встречена приветственными криками его армии. И на всю оставшуюся жизнь он запомнил последующий период сна, проведённый вместе с Ланьор, когда они смеялись

над полученными ими ранами. Его нос стал опять кровоточить, но она слизывала кровь с его лица. Она сказала тогда, что хочет иметь от него ребёнка, но он ей не поверил.

Сквозь рыжие волосы Ланьор деревья выглядели очень красиво, и он вскоре забыл о своих ранах.

* * *

Через несколько периодов бодрствования они остановились возле одной из самых больших деревень из всех, которые им довелось проходить. Сырость воздуха говорила о том, что вскоре должен был начаться период дождей, поэтому многие воины занимались тем, что возводили палатки и тенты из жердей, веток и трофейной одежды. Тот Кто Ведёт и Рин пешком по каменистому склону спустились в деревню.

Взяв её за тонкую руку, чтобы помочь перепрыгнуть через ручей, он снова вспомнил ночь, проведённую с Ланьор, которая в следующий период бодрствования смотрела на него, как на постороннего человека. Прогуливаясь верхом на своём Анане, он всё думал, не сон ли это, несмотря на то, что всё ещё помнил близость её тела. Может, то, что она хотела от него ребёнка было правдой. Может, это была её единственная цель?

Солнце палило вовсю, и он не мог сконцентрироваться на своих мыслях, поэтому просто наблюдал, как ноги Рин поднимают сверкающие брызги с поверхности ручья.

Он нагнулся и обнял её за плечи, на что она ответила ударом острого локтя по рёбрам:

— Не распускай руки!

Он засмеялся.

Рин принадлежала Марье, а Марья принадлежала Рин. Так повелось давным-давно. Редко, когда Рин или Марья решали переспать с Синед.

Чтобы добраться до деревни, им пришлось буквально продираться через заросли бурьяна и колючего кустарника. Запах потревоженной травы был настолько силён, что Рин чихнула. Он искоса взглянул на неё, наблюдая, как вздрогнуло её тело, как поднялись и опустились плечи. Её икры были покрыты свежими и старыми царапинами, красные и коричневые линии которых сплетались в непонятные письмена. Под кожаными доспехами ощущалось упругое тело, а голые руки уверенно раздвигали стебли травы.

«Везёт же Марье» — подумал он.

За зарослями бурьяна кустарник вставал сплошной стеной, ограждавшей деревню от внешнего мира.

Расставив руки в стороны, Рин бежала впереди него и, перепрыгивая с бугорка на бугорок, изображала из себя высоко

летящую птицу. Лайан улыбался, медленно шагая позади неё. «Если она захочет, то может убить человека голыми руками, и в то же время она — просто ребёнок. Если вдуматься, я — такой же». Он тоже расставил руки в стороны, и оба, смеясь, побежали вниз по склону.

Они приутихли, добежав до окраинных домов деревни, и последнюю сотню метров прошли, держась за руки, не глядя друг на друга.

Крестьяне, без сомнения, почувствовали приближение Того Кто Ведёт. Центральная площадь перед большим каменным амбаром была наполнена растерянными мужчинами, женщинами и детьми. Такое зрелище Рин и Лайан наблюдали уже бесчисленное множество раз. Когда они приходили в новую деревню, там происходило замешательство по мере того, как её население привыкало к мысли, что жизнь — это нечто большее, чем чередование легко забываемых эпизодов.

Крестьяне не заметили их появления. Одни разговаривали, некоторые даже спорили между собой. Их заметила лишь маленькая, чёрная с белыми пятнами, собака, сидевшая на задних лапах и критически осматривавшая чужаков.

Наконец и люди стали осознавать, что среди них находятся посторонние. Разговоры приутихли, и лица обратились к странным пришельцам. Мужчина был высоким и широкоплечим, в его светлых волосах играли лучи солнечного света так, что голова казалась окружена огненным кольцом. Женщина была чуть ли не наполовину меньше его ростом, но выглядела столь же сильной. Её лицо, обрамлённое чёрными, как смоль, волосами, было столь узким и худым, что напоминало лицо недоедающего ребёнка. Они держались за руки, но не выглядели любовниками.

Жители деревни никогда не видели никого из посторонних, если не считать эллонские патрули, и совершенно не знали, что им делать с посетителями. Убить их? Уделить им внимание? Молиться на них?

Всё это Тот Кто Ведёт устало прочёл на их лицах.

Как и в других посёлках. Они с Рин показали, что собираются следовать до центра деревни. Крестьяне, как всегда, расступились, давая им проход. Маленькая голая девочка с колышущимися, как море, волосами бежала впереди, показывая дорогу.

Лайан почувствовал нечто странное — что-то неопределённое исходило от соседних домов. Он вопросительно посмотрел на Рин и понял, что она ничего не заметила. Она спокойно, с улыбкой наблюдала за коричневой вихляющейся попкой ребёнка, семенящего впереди.

Он нагнул голову, будучи уверен, что крестьяне боязливо следуют за ними, и почувствовал внутри себя некое *прикосновение*. Он знал, что это ему не показалось — ощущение было стойким. Ему рассказывали, что как-то, много периодов бодрствования назад, к ним приходила певица по имени Элисс, которая могла как бы напрямую касаться их разума. «По-видимому, они чувствовали тогда то же самое», — подумал он.

Центром деревни оказалась поросшая травой поляна шириной около двадцати метров. Всё ещё обдумывая свои ощущения, он позволил Рин вывести себя на небольшое возвышение. Под зловещий шёпот они ждали, пока все крестьяне соберутся на площади. Тот Кто Ведёт оглядывал море коричневых шерстяных одежд и удивлённых загорелых лиц, «Всё, как обычно…»

В одном из домов приоткрылась занавеска над дверью, и на площадь вышла женщина. Лайан почувствовал некое притяжение её мыслей и снова забеспокоился. Она остановилась на пороге и стала напряжённо смотреть на него. Он ощущал её присутствие лучше, чем присутствие Рин, стоявшей рядом.

Она пошла в сторону собравшейся толпы — в его сторону. Ощущение того, что её разум каким-то образом вошёл в него, стало ещё сильнее, как если бы она говорила с ним, приближаясь. Он знал, что Рин, стоявшая рядом, начинает обычную вербовочную речь, но не слышал ни одного слова из тех, которые она говорила. Его внимание полностью поглотила фигурка приближающейся женщины.

Она не выделялась особенной красотой, более того, её можно было считать даже серой и непривлекательной. Её фигура не отличалась упругостью Рин или пышностью Синед или Ланьор. В обычных условиях он даже не заметил бы её в толпе крестьян, но сейчас она, казалось, заполнила собой всё его поле зрения. Она шла, почти не касаясь земли, и приближение её было бесшумным.

«Остановись!» — сказал он себе, заставляя голову повернуться в другом направлении. «Остановись?» — казалось, в его голове звучал совершенно посторонний голос, холодный, как остуженное молоко.

Глаза повернулись обратно к женщине.

Её обыкновенное лицо, и — да, чёрт возьми — оно было действительно некрасивым, как ему и показалось на первый взгляд. Но глаза смеялись над ним.

«Я некрасива, но не настолько, — говорил чужой голос в его мозгу. — Ты можешь поставить всё с ног на голову, и тогда я стану просто красавицей».

Рин окончила свою речь и выжидающе посмотрела на него.

Он не знал, что сказать.

Прошло несколько неловких минут.

— Я пришёл, чтобы вести вас, — наконец выдавил он надломленным голосом.

На крестьян это не произвело впечатления.

— Мы пойдём за тобой, — сказала женщина.

Эти три слова полностью изменили настроение толпы. Лайан и Рин были тут же окружены волонтёрами, руки которых пытались прикоснуться к их кожаным доспехам, а рты произносили какие-то слова, тонувшие в общем гвалте.

Лайан не слышал ничего. Он видел лишь сухощавую женщину, стоявшую неподалёку, отгородившись от всего. И слышал лишь её смех, звенящий внутри него.

«Какой же ты смешной, маленький солдатик!»

Заметив, что улыбается, он привёл своё лицо в порядок.

— Я Тот Кто Ведёт! — закричал он небесам, подняв кверху зажатые кулаки и освобождаясь из-под её власти.

— Тот Кто Ведёт! — эхом ответили крестьяне.

Стоя со скрещёнными ногами, улыбаясь ему в лицо и излучая свою холодную сущность, женщина, казалось, говорила: «Всё в порядке, Тот Кто Ведёт… пока…»

* * *

Встречу со своим недавно назначенным Маршалом Деспот назначил в бане. Надар не знал, куда ему деваться. Его никогда не смущала нагота, но в жирном теле Деспота было что-то активно отталкивающее. Причём вид этот ухудшали две полуголые придворные дамы, мывшие его. Надар благодарил Солнце, что комната была наполнена паром, который хоть отчасти скрывал эту мерзкую картину.

«Необходимо изрядно потрудиться, чтобы нарастить весь этот жир, чёрт возьми, — согласился с ним внутренний голос. — Ему, пожалуй, приходится использовать зеркало, чтобы проверить, на месте ли его член… хотя он, наверное, использует одну из этих чёртовых женщин, чтобы она сделала это за него».

— Мы послали войска на северо-запад Альбиона в поисках повстанцев, — говорил Деспот своим странным пищащим голосом. — Они не вернулись.

— Когда они должны были вернуться, сэр?

Надар принял почтительную позу.

— Девять периодов бодрствования назад.

— Может, они нашли и перебили повстанцев, а теперь празднуют победу где-нибудь по дороге в Гиорран?

Надар произнёс эти слова только ради того, чтобы хоть что-нибудь сказать.

— Думаю, нет.

Деспот приподнялся из ванной, чтобы одна из женщин натёрла его волосатую, бледную, как у мертвеца, грудь.

— Я думаю, — продолжал он, глядя в её голубые глаза, но обращаясь явно к Надару, — они объединились с бунтовщиками-крестьянами.

— Вы считаете это возможным, сэр?

— Об этом сказали мне маги.

Надар, не удержавшись, рассмеялся.

— Смех? — спросил Деспот с явным интересом. — От адъютанта Маршала?

— От Маршала, — неосторожно поправил Надар.

— Нет, — сказал Деспот. — Я имею в виду именно то, что сказал, Надар: от адъютанта Маршала. Клут заменит тебя, по крайней мере, на время. Думаю, он способный офицер, как ты считаешь?

— Несомненно, сэр.

— Вместо этого я мог бы просто казнить тебя. Ты это предпочитаешь?

Надар шаркнул ногами. Это был глупый вопрос, но не ответить на него — означало подписать себе смертный приговор.

— Нет, сэр, — сказал он, надеясь, что глупая усмешка больше не ускользнёт из-под его контроля.

— Тогда слушай. Пока Клут будет заниматься организацией наших войск, я хочу, чтобы ты, как его адъютант, взял часть солдат — тысячу или две, всё равно сколько, и отправился на поиски этих предателей. Возьми провизии для своих людей столько, сколько тебе понадобится, но смотри, найди их всех до одного. Я хочу, чтобы всё было улажено как можно быстрее.

Надар испугался. Его разжалование больше напоминало повышение: ни одному Маршалу за всю историю не давалось таких полномочий.

— Да, сэр, — важно проговорил он. — Сожалею, сэр, что не смог вскрыть корней этого предательства гораздо раньше.

Надару было тяжело сосредоточиться. Женщины мыли Деспоту половые органы, и его член показался над мыльной поверхностью воды. Деспот ничего не замечал.

— Я пойду исполнять ваш приказ незамедлительно, сэр, — сказал Надар, низко кланяясь и пятясь к выходу.

— Хорошо, — ответил пищащий голос Деспота.

Глава седьмая. Шпионы

«Лайан говорит, что наша армия достигла своего максимального размера. Нам необходимо держаться близко друг к другу даже во время периодов сна, хотя это порой и неудобно. Те воины, которые отходят далеко, просто забывают обо всём и теряются. Некоторые уже ушли, и больше их никто не видел. Мне жаль их. Я, например, больше не смогла бы жить в Альбионе так, как раньше — в мире, где всё постоянно изменяется и где я могу запомнить только то, как работать на полях, справлять свои надобности и отдаваться какой-нибудь эллонской свинье».

* * *

Сайор остановилась, пытаясь успокоить своё воображение. Задумавшись, взяла губами кончик пера, которым писала, а затем окунула противоположный конец в маленькую чернильницу. Вскоре после того, как она попала в армию Лайана, они захватили эллонский патруль и среди множества вещей, назначения которых они не могли понять, обнаружили несколько листков пергамента и несколько пузырьков очень жидких чернил. Она была одной из первых, кто догадался, для чего служат эти вещи, и поэтому с одобрения Того Кто Ведёт она получила их в своё распоряжение. Она объяснила, что записывать историю их компании было жизненно необходимо; если их ожидает неудача, как предсказала певица Элисс, эти записи смогут помочь тем, кто пойдёт вслед за ними. Хоть она понимала, что всё это — слишком далёкая перспектива.

Лайан начал учить её писать только через несколько периодов бодрствования после того, как они стали любовниками; он сказал, что это будет любовным подарком для неё. В действительности, он был поражён скоростью, с которой она постигала искусство, переданное ему матерью. Словарь использовавшийся на родине Термана, отличался необыкновенной простотой, а его версия, принесённая в Альбион, была ещё более урезана — купцов и моряков не назовёшь великими знатоками литературы. И всё же лёгкость, с которой Сайор поняла основные принципы, а затем и практику письма, заставила её любовника смотреть на неё с уважением. То ли природа наградила её талантом, то ли она была умнее всех, кого он встречал раньше, включая его самого. И с тех пор он стал обсуждать с ней все наиболее важные проблемы.

Сейчас она глядела на широкую полосу необработанной земли с небольшими островками деревьев то здесь, то там. На горизонте виднелись холмы, казавшиеся красно-фиолетовыми в

раскалённом воздухе. Она сидела на склоне маленького холма, который отгораживал её от остальной армии. Она слышала приглушённый шум голосов и другие звуки — армия готовилась к периоду сна. Закончив описание событий сегодняшнего периода бодрствования, она мысленно переместилась на пространство с многочисленными палатками и тлеющими кострами.

Приятно было сознавать, что её товарищи так близко, и в то же время неплохо было побыть наедине с собой. Особенно в начале периодов сна ей недоставало одиночества, к которому она привыкла в родной деревне. С другой стороны, здесь был Лайан, Тот Кто Ведёт.

Или тот, кого необходимо вести. Он, казалось, поначалу даже противился стать её любовником, и она вскоре поняла, почему. По настоянию Рин, он спал всё время с новыми и новыми женщинами в надежде создать целое поколение детей, наделённых его способностями. С благословения Сайор, эта практика продолжалась. Ни одной беременности пока не последовало, и все стали побаиваться, что Тот Кто Ведёт вообще не может иметь детей. Он несколько раз признавался ей, что отсутствие беременностей вызвано его импотенцией по отношению к незнакомым людям: секс только лишь с целью продолжения рода вызывал у него отвращение.

Она нежно улыбнулась: в её руках после нескольких первых хаотичных периодов сна, в течение которых они оба нервничали, он показал себя отнюдь не импотентом. Они смеялись в ту ночь над тем, что сперва не понимали друг друга, — Сайор уже поняла к тому времени, почему Лайан противился физической близости между ними. С первого взгляда они почувствовали, что в их отношениях есть что-то неизбежное; с другой стороны, он ощущал, что близость лишь с одной женщиной будет нарушением его долга перед обществом. Именно такой — платонической — он представляо их любовь. Множество периодов бодрствования он рассматривал её как самого близкого человека, но противился физической близости. Наконец, она прямо сказала ему, что не будет рассматривать его «обязанность» как неверность по отношению к ней и что глупо противиться тому, чему суждено произойти.

Она опять улыбнулась.

Он был настолько простодушен… Отношения между телами ничего не стоили по сравнению с отношениями между душами. С одной стороны, был обычный секс между людьми, которые находили друг друга физически привлекательным — сколь бы он ни был приятен, он никогда не удовлетвори полностью. С другой стороны, это был секс между друзьями, физическое выражение

доверия. Она спала с нескольким мужчинами из ближайшего окружения Лайана, но ни разу не чувствовала, что изменила ему. Правда, в последнее время она боялась забеременеть от них, ведь было важно, чтобы её ребёнок был ребёнком Лакана. И, кроме того, существовала Рин.

Но секс с Тем Кто Ведёт был чем-то совершенно особенным. Чисто технически он не мог считаться первоклассным любовником. Часто он был очень неловок, и тогда она улыбалась, надеясь, что он не заметит, и он сам начинал улыбаться и нежно обнимать её. Часто, много раз за период сна она представляла себе его лицо. Он улыбался в её воображении, и это ощущение становилось неотъемлемой частью её самой. Он был её любовником. Она принадлежала ему. И она бы отказалась от любых физических контактов на весь остаток своей жизни, если бы это добавило лишнюю минуту разговора с ним.

Кончик пера набрал достаточное количество чернил, и она продолжила свою запись.

«Где бы мы ни встретили эллонов, мы уничтожаем их. Я не люблю, когда убивают людей, но полагаю, что это необходимо. Тот Кто Ведёт говорит: чтобы освободить Альбион от их власти, необходимо уничтожить их всех до одного, и, я думаю, он нрав. Было бы хорошо, если бы он смог установить с ними хоть какое-то взаимопонимание, но, кажется, это невозможно. Крестьяне слишком долго терпели произвол Эллонии, поэтому при встрече с очередным конвоем солдат убивают, как только они показываются на глаза.

Почему же это так происходит?

Эллоны были бы полезны для них. Кроме способностей поддерживать память людей, как Тот Кто Ведёт, они могли бы научить воинов некоторым приёмам владения оружием, которым они научились во время своей подготовки в армии.

Глаза Сайор были полны печали, когда она снова опустила кончик пера в чернильницу. Её записи на листке пергамента были очень мелкими: как будто маленькое насекомое ползало по листку, оставляя за собой неровный след. Армия Того Кто Ведёт могла больше не найти других листков пергамента, поэтому она изо всех сил старалась сэкономить то, что у неё было.

«Лайан говорил мне, что у нас теперь около трёх тысяч воинов. Он считает, что этого более чем достаточно, чтобы захватить Гиорран. Я же не столь уверена. Я слышала, что Гиорран хорошо защищён, и его солдаты столь же хорошо вооружены и умелы, сколь и безжалостны. Похоже на то, что в конце концов мы будем разгромлены, но, конечно же, я ничего не говорю об этом Тому Кто Ведёт. Думаю, что я была бы счастлива,

если бы мы умерли друг подле друга, держась за руки».

Это была невесёлая мысль, и она снова прикусила кончик пера, глядя на колышущиеся стебли травы. Если она пойдёт туда, в эту траву, то ей придётся вставать на цыпочки, чтобы смотреть поверх стеблей. Завтра вся армия пройдёт как раз через эту траву и протопчет в ней широкую дорогу. Ей же хотелось, чтобы отряды Того Кто Ведёт оставили траву такой, как она есть. Она казалась ей такой спокойной, такой обыкновенной…

«Сегодня мы убили ещё несколько человек. Я верю в цель Лайана — победу над Эллонией, но нахожу, что с трудом придерживаюсь этой веры, когда вижу, как умирают мужчины и женщины. Ведь они чувствуют боль точно так же, как и я или любой другой. Большинство из них выглядят несказанно удивлёнными, когда их окружает толпа вооружённых мечами крестьян, всё происходящее почему-то кажется им преступлением перед законами природы. Я обнаруживаю, что мне хочется протянуть руку, вытащить их из всего этого и сказать, что это был всего лишь кошмар и они сейчас проснутся. Но я не могу сделать этого. Так же, как и остальные, я знаю, они только сделают вид, что прислушиваются к моим словам, а при первой же возможности уничтожат нас всех».

Она пожалела, что не может читать эллонские письмена.

«Я хочу остановить смерть. Я хочу уничтожить Эллонию, по крайней мере, истощить её силы. Я хочу видеть Альбион таким, где каждый сможет наслаждаться любовью, подобной нашей с Лайаном.

Сегодня мы побывали в нескольких деревнях. Туда заходили только Лайан, Рин и я, только трое. Там мы объясняли, что численность нашей армии уже достигла своего предела. В одной из деревень был старый шаман, покрытый кровью и испражнениями животных, который громко ругал нас на виду У всей деревни. Лайан почти тотчас определил, что он имеет способности, подобные его собственным, и попытался уговорить его создать такую же армию или, по крайней мере, присоединиться к нашей. Этот дурак просто плюнул на землю и пробормотал что-то себе под нос — видимо, какое-то грозное заклинание. Мне показалось, что ему нравится держать под контролем свою деревню, и он не кочет делить власть с кем-либо другим. Может, я сужу о нём неправильно, но мне показалось, что всё именно так. С ним была лишь молодая девушка и совсем юный мальчик. Они были очень дружелюбны, но солдатами назвать их было никак нельзя. Надеюсь, смерть их будет не очень болезненной».

Сайор сонно поглядела вокруг, вспоминая, не случилось ли

за этот период бодрствования что-нибудь ещё, достойное записи на листок пергамента, и заметила движение в траве в нескольких сотнях метров от себя. По-видимому, к ней приближалось какое-то крупное животное, скорее всего, корова, отбившаяся от стада. «Многие коровы, — подумала она, — соображают лучше, чем их пастухи». Правда, там могло оказаться более опасное животное. Решив, что написала достаточно, она отложила пергамент и, дуя на него время от времени, закрыла свою драгоценную бутылочку чернил. Перо она выбросила, и оно, вращаясь, упало с холма в густую траву. На следующий период бодрствования она сделает новое перо.

Одёргивая шерстяную юбку, она встала и взяла пергамент в одну руку, а чернила в другую.

Волнение в траве приближалось к ней, но она уже не обращала на него внимания и, напевая несложный мотив, поднялась на холм, чтобы вернуться к армии и своему любовнику.

* * *

Надар заметил дым крестьянских костров за несколько километров, и на его бледном лице появилась улыбка: «Они у нас в руках».

Вся беда крестьян заключалась в том, что они были неимоверно глупы. Его отряд мог бы прочёсывать северо-западную часть Альбиона вечно и никогда бы не обнаружил повстанцев, если бы эти идиоты не жгли костры, разведение которых было строжайше запрещено в его отряде. Вместо этого они посылали сигнал всей округе, указывая своё точное местонахождение.

Неожиданно пришло сомнение: может, там так много крестьян, что они не боятся быть обнаруженными эллонами? Он знал, что их там, по крайней мере, тысяча: несколько эллонов, избежавших массовых убийств, рассказывали о несметных легионах хорошо вооружённых воинов, поэтому Надар, разделив их свидетельства на десять, заключил, что это больше, чем банда мародёров, но, тем не менее, значительно меньше, чем его собственные силы.

— Гарайн! — закричал он. — Иди-ка сюда!

Командир, которому он больше всех доверял, был щуплый на вид мужчина, обладавший неожиданной для его тела силой. Натянув поводья, он приостановил своего коня возле Надара.

— Сэр?

— Посмотри. Вон там.

Глаза Гарайна обратились в направлении указательного пальца Надара, глаза его расширились, и на лице заиграла такая же улыбка, как незадолго до этого на лице его начальника.

— Они у нас в руках, сэр, — сказал он.

— Похоже, так… — Надар почесал подбородок, ощущая колкие волосы недавно отпущенной бороды.

— Похоже, сэр?

Надар посмотрел на его жёлтые зубы и блестящие глаза.

— Именно похоже, друг мой. Что-то слишком много там костров. Несколько сотен крестьян или даже тысяча окажут не больше сопротивления, чем стая воробьёв, но там их может оказаться несколько тысяч, а я не собираюсь без нужды расходовать своих людей.

Гарайн смутился. Высшие чины эллонской армии обычно не заботились о таких пустяках. Может, это повелось потому, что раньше они с лёгкостью подавляли мелкие мятежи? Он поглубже нахлобучил шлем на свои сальные чёрные волосы. В то же время армия в последнее время понесла довольно ощутимые потери: слишком много патрулей не вернулось из рядовых походов по деревням.

— Кроме того, — сказал Надар, больше размышляя вслух, чем обращаясь к своему подчинённому, — это могут быть вовсе не лагерные костры.

Офицер тупо уставился на него.

— Они могут сжигать пустые деревни, — объяснил Надар. — Уничтожать урожай и скот, чтобы ничего не осталось для наших конвоев.

Гарайн кивнул, делая вид, что понимает, о чём идёт речь.

— Но мы нигде не видели ничего подобного, — возразил он.

— Так-то оно так…

Надар всё ещё задумчиво чесал подбородок. Гарайн решил помолчать.

— Нам необходимо послать разведчиков, — неожиданно произнёс Надар. — Я не буду атаковать, пока точно не узнаю, кого я атакую. Выбери двух лучших из своих людей и пошли их вперёд. Скажи им, чтобы они обо всём доложили тебе… нет, лучше прямо мне. Я хочу знать, что происходит за теми холмами. Поставь несколько часовых на случай, если крестьяне двинутся в нашу сторону, а остальным солдатам скажи, что они могут отдохнуть немного. Я, пожалуй, тоже отдохну.

Гарайн развернул коня и принялся выкрикивать приказы.

Надар снял свой шлем, бросил его на землю, а затем устало слез с коня, сказав ему несколько успокаивающих слов и похлопав по мускулистой шее. Ему в голову пришла мысль, что разведчики могут быть пойманы, но он тут же о отбросил её: крестьяне были слишком глупы, чтобы обнаружить шпионов в своих рядах.

Он устал, как собака, — он не чувствовал себя таким усталым никогда прежде, ему страшно хотелось спать. Пройдёт некоторое время, возможно, период бодрствования, пока разведчики пересекут равнину, соберут информацию и придут обратно. У Надара будет время выспаться и подготовиться к нападению, которое, вероятно, состоится послезавтра.

Если оно вообще состоится. Когда он говорил Гарайну о том, что крестьяне, возможно, жгут деревни, он не считал это серьёзным предположением, но чем больше думал, тем вероятнее оно казалось. Он ощутил, что устал даже больше, чем думал раньше, и его разум невротично цеплялся за менее вероятное, отбрасывая очевидное. Он часто видел огни костров в лагерях эллонских войск и легко мог отличить их от горящей деревни. За теми холмами стояла армия. Скоро он поведёт своих солдат, чтобы уничтожить её…

Скоро…

Скоро…

Даже Ветер говорил… Пожалуй, момент триумфа можно отложить…

Скоро…

Глаза закрылись, и открыть их было уже невозможно.

* * *

Они ползли на четвереньках в высокой траве, почти не слыша друг друга из-за собственного дыхания, глядели на почву под своими руками и надеялись, что неожиданный дождь стрел не упадёт на их спины. Они не слишком любили своего лидера, который казался им слишком далёким, чтобы вообще считать его за человека — просто некая далёкая фигура, отдающая приказы, которых они чаще всего не слышали из-за воя ветра. Они проползли ещё несколько метров, аккуратно раздвигая высокие стебли. От сырой земли под их руками так же, как и от травы, исходил необыкновенный запах свежести, какие-то мелкие зверьки разбегались в разные стороны, прячась в своих таинственных убежищах. Солнце беспощадно жгло им спины. Их пока, безусловно, видно, к тому же ни один из крестьян не заходит так далеко от лагеря, и всё же стоило принять все предосторожности.

Двигаясь вперёд, они смотрели на загар на тыльных сторонах своих ладоней. Они качались из стороны в сторону, ныряя между высоких стеблей травы, надеясь, что их никто не увидит. Один раз их пальцы соприкоснулись так, что в испуге отпрыгнули друг от друга.

Один из них был молодым солдатом, который ещё разу не участвовал в сражениях, второй — старше, и его лицо было

покрыто шрамами, потому что он несколько принимал участие в состязаниях за повышение по службе, проводимых в Гиорране. Но ни один из них не хотел признаться, что хочет избежать грядущей битвы; в то же время ни один из них не хотел быть убитым.

Запах сырой земли бил по ноздрям.

Молодому упали на голову сухие семена. Маленькая неприятность, ничего более. А может, нет? Может, кто-то из крестьян посмотрел на поросшую травой равнину и заметил движение? Трудно сказать. Они только переглянулись, так как невозможно было застраховаться от подобных случайностей. Они продолжали ползти вперёд, стараясь не задевать основания высоких стеблей.

Одного из солдат звали Онир. Он был очень непопулярен среди солдат своего патруля, так как больше предпочитал игры, нежели солдатскую службу. Другого звали Ремен. Им страшно хотелось поскорее выбраться из этого места. В этом они не отличались от большинства солдат в армии Надара; исключением было то, что они оба были эллонами. На таком расстоянии другие просто потеряли бы память. Кроме того, они очень давно не подвергались настоящей опасности.

Но вернись они обратно сейчас, их ждала бы смерть, поэтому они продолжали двигаться вперёд, вдыхая запахи сырой земли и травы.

Неожиданно Ремен задел один из стеблей, и трава неестественно зашумела. Они оба прильнули к земле. Слышно было только их собственное неровное дыхание, крик далёкой птицы да шуршание травы над головами.

Они отчаянно надеялись, что их никто не слышал.

Прошло достаточно много времени, пока их волнение улеглось.

— Пошли, — прошипел Онир. — Только на этот раз будь осторожней, придурок. Хорошо?

Он увидел, как Ремен кивнул из-за стеблей.

— Я пойду впереди, — сказал Онир.

Он пополз вперёд осторожно, пытаясь представить себе, что его просто нет в этом месте, и надеясь, что от этого трава перестанет шуршать.

* * *

Только уже гораздо позже, когда Сайор убирала свои письменные принадлежности в фетровую коробку, она задумалась о странном движении, замеченном в траве.

Она закусила губу и попыталась сосредоточиться, так оставшись в полусогнутом положении, одной рукой продолжая держать открытую коробку, а другой бессознательно убирая

волосы со лба. Она была в палатке, которую о делили с Тем Кто Ведёт, но его не было поблизости. «Ветер может вытворять всякие фокусы, — думала она. — Может, только в этом всё дело». Она попыталась забыть об этом и снова заняться письменными принадлежностями.

Но чем сильнее она изгоняла этот эпизод из своей памяти, тем упорнее он возвращался, и вскоре она уже не могла думать ни о чём другом.

Она аккуратно перевязала коробку и направилась на поиски Лайана. Она нашла его сидящим возле одного из костров и обсасывающим жир со своих пальцев. Он с улыбкой взглянул на неё. «Он похож на мальчишку, который таскал из кладовки варенье», — с нежностью подумала она, глядя на его небритое лицо в обрамлении золотых волос. Он похлопал по земле возле себя.

— Послушай, — сказала Сайор. — Может, я ошибаюсь, но мне показалось…

И она рассказала о шуме в траве, о том, как она вначале не обратила на него внимания, а затем не смогла о нём забыть.

Он тут же насторожился. Конечно, как она говорила, это мог быть всего лишь ветер. Но существовали и другие возможности. Дикие звери, например. Однако в Альбионе их было очень мало. Это могла быть магия, которая изменяла поверхность земли по случайному принципу. Но это могли быть и эллонские разведчики. Все три возможности требовалось проверить, так как они таили в себе опасность для его людей.

— Хорошо, что ты рассказала мне об этом, — сказал он, выслушав её до конца, и крикнул крестьянам, сидящим возле костра. — Ты, ты, ты и ты тоже! Пойдёте со мной.

— С нами, — сухо добавила Сайор.

Крестьяне, которых подозвал Тот Кто Ведёт, собрались вокруг него. Женщина держала трофейный эллонский меч, а трое мужчин были вооружены топорами и грубо выкованными кинжалами. Все четверо выглядели достаточно сильными. Несмотря на меч и лук, которыми Сайор научилась неплохо пользоваться, она чувствовала себя неудобно в их компании.

Тот Кто Ведёт рассказал, что заметила Сайор, и вскоре вдоль границ лагеря были выставлены часовые, чтобы предупредить о возможном нападении. Как пожар, распространилась весть: надо готовиться к битве. Кое-кто начал паниковать, но большинство сохраняло спокойствие, прикрепляя к поясам мечи и надевая на плечи луки.

Лайан свистом подозвал своего огромного белого коня Анана, и животное не замедлило предстать перед ним.

Остальным тоже привели лошадей.

— Услышите наш крик — присоединяйтесь! — крикнул Тот Кто Ведёт с деланной усмешкой.

Послышались возгласы одобрения.

Сидя на своей беспокойной лошади, Сайор огляделась. Количество снующих вокруг крестьян не поддавалось счёту. Все готовились к сражению, и ей было не по себе. Конечно, она и ей подобные перенесли многое за долгую историю Альбиона, но в то же время ей не хотелось быть свидетельницей нового кровопролития. Она хотела лишь изменить слуг Дома Эллона. Она хотела… Она хотела мира на своей земле, но путь к миру, по-видимому, шёл через войну.

Тот Кто Ведёт думал о куда менее сложных вещах. Чтобы укрепить армию, необходимо сразиться с большим количеством врагов. В идеале он сам должен был убить нескольких эллонов. Слишком долго крестьяне громили лишь продовольственные отряды; теперь настало время для крупномасштабной битвы. Он боялся только, что замеченное Сайор движение в траве могло оказаться просто игрой ветра.

Вытащив меч, он поднял его высоко над головой.

И снова толпа зашумела.

Лайан, пришпорив Анана, двинулся вперёд. Остальные последовали за ним.

Они подошли к окраине лагеря, и недавно выставленные там часовые расступились, чтобы пропустить их. Отойдя палаток, они пустили лошадей рысью. Тот Кто Ведёт чувствовал запах конского пота и свежесть помятой копытами травы. Повернув голову, он посмотрел на Сайор, которая ехала неподалёку. Её зелёные глаза блестели.

— Я люблю тебя, — прошептал он.

Она ничего не услышала, но прочла его слова по губам.

Они взлетели на вершину холма с воинственными криками. Метрах в тридцати от них в траве кто-то шевелился.

Тот Кто Ведёт махнул мечом, показывая остальным, чтобы ехали следом, и Анан поскакал вперёд, с лёгкостью рассекая траву.

«Только бы не было убийств, — молила Сайор, направляя свою лошадь на тропу, пробитую в траве Ананом. — Хорошо если бы, это оказался всего лишь ветер».

Онир первым попытался спастись бегством.

Он поднялся — его макушка показалась над стеблями травы, бросил оружие и побежал прочь туда, где был лагерь Надара. Одна из стрел воткнулась ему в плечо, другая — уложила насмерть, попав в шею прямо под ухом. Он упал, истекая кровью.

Некоторое время одна рука конвульсивно дёргалась, потом он затих.

Ремен встал, подняв руки вверх и показывая ладони приближающимся крестьянам, дал понять, что у него больше нет оружия. Тогда они окружили его. По лицу воина тёк пот, мокрые пряди волос прилипли к его лбу. Он чувствовал приближение смерти и мысленно ругал Солнце за его предательство.

Тот Кто Ведёт натянул вожжи и приказал остальным тоже остановиться.

— Кто ты? — резко спросил он.

— Друг, — помедлив, ответил Ремен. Голос его был хриплым.

— Я не верю тебе.

Тот Кто Ведёт чувствовал в этом человеке те же способности, что и у себя: этот человек мог поддерживать реальность.

Ремен посмотрел на Лайана, сидевшего на коне высоко над ним. Это был не крестьянин, доставлявший мелкие неудобства Дому Эллона. В этом человеке чувствовалось достоинство вождя.

Они оба многое поняли друг о друге.

Сердце Ремена словно остановилось на мгновение.

— Оставь мне жизнь, и я докажу, что я друг, — сказал он, запинаясь. В его правом глазу заблестели слёзы.

— Докажи, что ты друг, и я оставлю тебя в живых, — Тот Кто Ведёт указал мечом в сторону мёртвого Онира добавил: — Твой товарищ, похоже, не считал нас друзьями.

Сайор улыбнулась. Их пленник был очень жалок. Смерть его товарища огорчила её, но по тону голоса Лайана она поняла, что этого дрожащего маленького человека оставят в живых.

— Он был… Он был… О, чёрт возьми, — Ремен замолчал на пару секунд, задумавшись. — Мы можем договориться? — спросил он наконец, вопросительно оглядывая стоявших вокруг него людей.

— Смотря о чём, — сказала Сайор, опередив Того Кто Ведёт.

— Обсудим его судьбу в лагере, — сказал Лайан, строго взглянув на неё.

— Где угодно, — пролепетал Ремен, чуть опуская руки.

— Связать его, — в голосе Лайана звучала жёсткость.

Один из воинов спрыгнул с коня, быстро связал руки Ремена, а затем привязал длинный конец верёвки к своему седлу. Ремен наблюдал за этой процедурой, чувствуя боль в запястьях от тугого узла. Боль была не сильной, но, казалось, она будет длиться вечно. На мгновение он закрыл глаза и попросил Солнце освободить его. Но Солнце было глухо. Ремена грубо поволокли по высокой траве, и её стебли больно хлестали его по лицу. Он смотрел вниз, когда его перевозили через холм. Потом он

почувствовал, как кто-то подъехал на лошади и прикоснулся к его голове. Он поднял глаза и увидел, что это женщина.

— Не бойся, — сказала она. Её голос был едва слышен, заглушаемый тяжёлым дыханием лошади. — Тебе, наверно, говорили, что мы варвары, но это — неправда.

Ремен изобразил на своём лице некое подобие улыбки, благодаря женщину за участие, и снова опустил глаза. Ему было нехорошо.

Вскоре они въехали в лагерь.

Процессия остановилась на площадке возле палатки Лайана и Сайор, где небольшая толпа крестьян-повстанцев принялась подтрунивать над пленником. Некоторые из них набрали овощей и лошадиного навоза, чтобы забросать его всем этим, но Тот Кто Ведёт остановил их.

Ремен не видел ничего, кроме жаркого пламени костра. Он был уверен, что варвары сейчас сожгут его там или, может быть, раскалив в огне свои мечи, будут пытать его не один период бодрствования, наслаждаясь криками.

Он потерял контроль над собой и почувствовал, как тёплая жидкость заструилась по обеим его ногам.

На глазах опять появились слёзы. Вид его был невыносимо жалок.

— Развяжите, — это был тот же женский голос. — Развяжите ему руки.

В поле зрения Ремена появился мужчина с длинной чёрной бородой и циничной улыбкой на лице. Мужчина, как и большинство остальных, был в шерстяной одежде болотного цвета и неопределённой формы и в натянутой поверх грубо сшитой кожаной куртке. Ремену не понравилась его улыбка, он попятился, но человек всего лишь разрезал верёвку, связывавшую ему руки. Затем отошёл и бросил верёвку в огонь.

Вернувшись к толпе, он притворно-ласковым голосом сообщил:

— Наш малышка намочил свои порточки.

Раздался громкий смех. Подняв глаза, Ремен заметил, что ни Лайан, ни Сайор не присоединились к издевательствам, а просто разглядывают его. Он попытался уверить себя в том, что в их взглядах есть доля симпатии.

— Ты говорил, что ты наш друг, — сказал Тот Кто Ведёт спокойно, когда шум немного стих.

— Да.

— Тогда мы некоторое время будем обращаться с тобой так, будто ты и впрямь друг.

Лайан подозвал одного из крестьян.

— Принеси ему свежую одежду. И попроси у кого-нибудь корыто. Нашему новому другу срочно необходимо вымыться.

Ремен не верил словам крестьянина. Вместо этого он решил, что его собираются заживо сварить в кипятке. Он упал на землю и протянул руки в сторону Того Кто Ведёт, моля о пощаде.

— Не будь таким трусом! — сурово сказала Сайор. — Если бы мы захотели убить тебя, то уже давно сделали бы это.

Лайан взглянул на неё и засмеялся. Она напомнила ему его мать: та же прямота, желание сразу раскрыть карты, а не ходить вокруг да около. Услышав смех, Сайор недовольно взглянула на него, но затем улыбнулась и подъехала ближе к Лайану.

— Ведь ты оставишь его в живых? — спросила она.

— Не могу обещать, — его лицо помрачнело.

— Он такой дурачок; убить его — всё равно, что убить щенка, — сказала она.

— Я бы не хотел его убивать, — пожал плечами Лайан, — но, если он окажется верным слугой Дома Эллона, я не вижу другого выхода. Мы не можем оставить его у себя.

— Почему?

— Сайор, любовь моя, пройдёт немного времени, и мы вступим в настоящую войну с Эллонией. Присутствие этого человека — лишнее доказательство тому. Он, по всей видимости, шпион, хоть и плохой шпион. А это означает, что нас разыскивают войска Эллонии. Вскоре они найдут нас. И если мы не удостоверимся, что этот человек будет помогать нам, он станет лишним грузом у нас на шее.

Сайор потрепала гриву лошади.

— А что, если я поручусь: он будет служить нам или, по крайней мере, не предаст? — спросила она, не глядя на Лайана.

— Твоего поручительства будет недостаточно, любовь моя, — он оглядел далёкие холмы.

— Тогда, если дойдёт до этого, обещай убить его быстро. Хорошо? Не мучай его.

— Нет.

— Прошу тебя. Я сказала ему, что мы — не дикари. Не опровергай моих слов.

— Я же сказал, Сайор. Постараюсь.

Она явно начала раздражать его. Продолжая защищать эллонского шпиона, она скорее всего лишь повредит ему.

Дым от костра заставлял лошадь фыркать, а у Сайор слезились глаза.

— Я люблю тебя, — сказала она, — но не смогу вынести, если ты начнёшь пытать этого человека. Мы не эллоны, чёрт возьми.

— Сайор… — сказал он.

Но она уже мчалась прочь мимо огней и палаток лагеря, яростно стуча пятками по бокам своей лошади.

Лайан вздохнул.

«В том-то и беда с женщинами, — подумал он, — что они вытягивают из тебя обещания, которые ты вряд ли сможешь сдержать».

Он смотрел ей вслед, пока она не превратилась в далёкую крошечную фигурку, а затем повернулся к Ремену.

— Докажи, что ты наш друг, — резко потребовал Тот Кто Ведёт.

Человек, который незадолго до этого разрезал верёвку на руках Ремена, теперь нагревал в костре свой эллонский меч. Сталь уже светилась тусклым красным светом.

Бородач украдкой подмигнул Ремену.

— Я ваш друг, — с безнадёжностью в голосе сказал шпион, его глаза отчаянно шарили по небу. «Почему Солнце забыло обо мне?»

— Ладно, — спокойно сказал Тот Кто Ведёт. — Мы скоро узнаем об этом.

* * *

Сайор злилась на себя, пришпоривая пятками лошадь: животное было не виновато в том, что она так рассердилась на Того Кто Ведёт. Сайор хотела уехать от своего любовника как можно дальше и как можно быстрее. Крестьяне едва успевали выскочить из-под копыт её лошади, у которой в уголках рта уже показалась пена. Лайан воспринял её слово чести, как шутку. Конечно, если он захочет быть простым царьком варваров, который приказывает убивать каждого, вставшего у него на пути, она никак не сможет остановить его. Но если он действительно решит, что пытка этого несчастного дурачка — необходимый вклад в его дело, она больше не будет его любовницей и даже воевать не станет вместе с ним. Не было смысла воевать с Домом Эллона, чтобы сменить одну тиранию на другую, столь же жестокую.

Она выехала за пределы лагеря, спрыгнула с лошади и, приласкав животное, пошла к глубокому оврагу с обрывистым краем.

Ей вдруг подумалось, что проще всего подойти к обрыву и прыгнуть вниз. Как будто что-то притягивало её к лежащим на дне камням. Зачем жить дальше? Никого никогда не интересовало её мнение; Лайан всегда только притворялся, что прислушивается к нему. Может, она нужна ему только для постели?

Обрыв находился метрах в двадцати от неё, к нему вёл

покатый спуск, поросший травой, кустарником и чахлыми деревцами. Если она прыгнет и полетит, как птица, то смерть среди камней будет хоть и болезненной, но быстрой.

Сайор, присев на корточки, осторожно спустилась к обрыву и обнаружила с удивлением, что её настроение улучшилось: впервые в жизни её судьба зависела только от неё. Она могла умереть или остаться в живых; выбор за ней и только за ней. Если умрёт, ей больше не надо будет задумываться о судьбе Альбиона.

Хотя она была атеисткой, как, впрочем, и все остальные крестьяне, что-то подсказывало Сайор, что она получит новую жизнь, в которой беды других смертных — крестьян или эллонов, будут иметь для неё очень небольшое значение.

Да, но это ещё не всё.

У крестьян, которых эллоны убивали или насиловали, не было выбора. Они принимали свою судьбу, потому что не знали другой; по правде говоря, многие из них, как ни странно, были довольны своей жизнью, ведь они боялись перемен: новое, неизвестное пугало их. И всё-таки это были люди.

Болтая ногами на краю оврага, она смотрела на далёкие просторы Альбиона. Их очертания постоянно менялись, как струи воды на стекле.

Она скинула ботинки и стала наблюдать, как они прыгают по камням, пока ботинки не скрылись из вида. Пошевелила пальцами ног и почувствовала радость от того, что их обдувает ветер.

«Я умру или останусь жить?»

Так легко было прыгнуть с обрыва и так легко было не прыгать. Труднее всего было принять решение.

Она не чувствовала глубокой любви к человечеству и не собиралась посвящать жизнь служению ему. Она спасала людей по мере возможности и только потому, что видела в этом свою этическую обязанность. Кроме того, она не терпела убийств. В глубине души её не волновало, что случится с трусливым эллонским пленником, но разум подсказывал другое.

Что бы ни… Что бы ни… Мысль ускользала от неё.

Ещё один смысл жизни был заключён в её друге — в мужчине — она, кажется, на минуту забыла его имя. Вспомнила его волосы, живое лицо, обещания, которые он давал с такой лёгкостью… Но всё остальное стало понемногу забываться.

Она зачарованно смотрела, как далёкие ландшафты меняют свои очертания. Даже рот приоткрыла от восторга. Это было настоящее волшебство.

Позади вдруг нервно заржала лошадь. И этот звук вернул её к реальности. Сайор с ужасом отошла от края оврага. Ей

показалось, что сам Альбион пытался отправить её на смерть. Стали возвращаться обрывки воспоминаний. Их было недостаточно, чтобы воссоздать картину прошлого в целом, но хватило, чтобы заставить её уйти прочь от обрыва туда, где стояла лошадь.

С третьей попытки забравшись в седло, она вцепилась в него и стала лихорадочно искать в памяти необходимые слова.

«Лайан» — это слово было слегка знакомым, но ей казалось, что оно не подходит для данной конкретной ситуации. Слово «Сайор» она отбросила по той же причине. Мимо проплывали и другие слова, но все они были не те. Некоторые она произносила вслух, но лошадь никак не реагировала.

Наконец, прозвучало «домой», и лошадь пошла в нужном направлении. Приблизившись к лагерю, Сайор обнаружила, что ей становятся доступны всё новые и новые части собственного мозга, которые до этого были скрыты.

«Лайан, — подумала она. — Тот Кто Ведёт. У меня нет другого выбора, кроме как быть ведомой им».

Она любила его, как ей теперь казалось, долгое время, и всё ещё продолжала любить его. Но к старым эмоциям примешивалось что-то новое.

«У меня нет другого выбора, кроме как быть ведомой им».

Не было выбора.

А проезжая мимо палаток лагеря, она вдруг ощутила в своей душе нечто вроде ненависти.

* * *

Наконец наступил период сна.

От своих пленителей Ремен получил лишь несколько синяков, ему удалось избежать более страшных мучений, и после нескольких ударов по лицу он торопливо выложил всё, что хотели узнать Лайан и остальные. Возможно, его язык развязало появление суровой черноволосой женщины, в жестоких глазах которой виделась перспектива особенно страшных мук. А может, он просто убеждал себя в этом, лёжа на земле со связанными руками и ногами. Одна из верёвок, связывавших его руки, была накрепко примотана к столбу в нескольких шагах от него.

Боль от синяков мешала уснуть. Один из зубов расшатался, и это мешало ещё больше — когда его уже клонило в сон, язык касался больного зуба, и он снова просыпался.

Лагерь затих. Без сомнения, они выставили часовых, но он не видел ни одного, оглядывая лагерь сквозь щели между распухших век. Он подумал немного, припоминая, должен ли начаться дождь в этот период сна.

Дождь потушил бы последние угли догорающего костра.

Это навело его на новую мысль.

Он посмотрел на верёвку, привязанную к столбу, и выругался про себя. Возможно, на следующий период бодрствования крестьяне развлекут себя тем, что поджарят его на костре? Некоторое время Ремен не мог думать больше ни о чём — он даже чувствовал запах своей собственной жареной плоти; но затем, слава Солнцу, он стал обдумывать ситуацию более рационально. Верёвка достаточно длинная, чтобы…

Стараясь не шуметь, извиваясь всем телом, он пополз по земле. Повернувшись на спину и закинув руки за голову, он достал ногами до горячих углей костра.

Изловчившись, вытолкнул из костра тлеющую головешку и подкатил к себе. Затем напрягся и чуть ослабил верёвку, связывавшую ему ноги. Превозмогая боль, он положил ноги на головешку. Казалось, его ноги изжарились в кожаных ботинках, но он был вознаграждён запахом тлеющей верёвки.

Почудилось, что прошла целая вечность, прежде чем послышался тихий треск и верёвка ослабла. Он мог теперь раздвинуть ноги ещё шире, и боль в лодыжках постепенно уходила. С возросшим упорством он опустил верёвку на головешку и стал наблюдать, как прогорала она прядь за прядью.

Когда его ноги освободились от верёвки, он снова лёг, делая вид, что спит. Издали будет казаться, что он всё ещё крепко связан. Он надеялся, что ночные патрули (если они здесь существовали) или случайно проснувшиеся крестьяне не заглянут сюда в ближайшее время, хотя дул слабый ветерок и запах тлеющей верёвки был достаточно силён, чтобы возбудить подозрения.

К нему никто не подошёл.

Он поблагодарил Солнце за его доброту. Мысль о том, что Солнце могло бы проявить свою доброту несколько раньше — в идеале перед тем, как он был выбран Гарайном — он усиленно гнал прочь из своей головы.

Когда дым от верёвки немного развеяло ветром, он подполз к столбу. Потребовались мгновения, чтобы развязать несколько узлов, державших его на привязи.

Он снова упал ничком на землю, ожидая тревоги.

Ни звука.

Головешка, которую он недавно вытащил из костра, была ещё горячей, но уже не тлела. Теперь уверенней он подобрался к костру и выбил другую. Он знал, что с руками будет сложнее. Тогда его спасли от огня кожаные ботинки, на этот раз приходилось касаться углей голой кожей.

«Но это лучше, чем быть сожжённым заживо», — подумал он.

На деле всё оказалось проще. Уже через несколько мгновений он смог отодвинуть руки от горящих углей.

Слава Солнцу, он был свободен.

Да, но для чего?

Надар и Гарайн не были милосердными людьми. Они вряд ли радушно встретят шпиона, который потерял своего товарища и был пойман противником. Он может попытаться наврать им: «Онир выдал меня крестьянам, и они убили его; я спасся лишь благодаря своему искусству владения оружием». Но если его слова окажутся неубедительными, его подвергнут серьёзным пыткам. Пытать на этот раз будут эллоны, а они не успокоятся так быстро, как крестьяне. Нет, он должен принести с собой трофей. Он огляделся вокруг; всё имело немного красноватый оттенок: это было следствием полученных им побоев. Неподалёку стояла палатка Того Кто Ведёт. Тот Кто Ведёт. Этим именем крестьяне называли высокого человека.

Его голова была бы хорошим трофеем для Надара. Адъютант Маршала оценит его заслуги, и он будет в безопасности.

Но как он сумеет? У него не было оружия, и он был слабее, чем Тот Кто Ведёт. Но, с другой стороны, этот человек спал, и его оружие находилось в палатке рядом с ним.

Вокруг — никого. Ему надо не забыть сообщить Надару, что в периоды сна в лагере не было охраны. Чем больше полезной информации он передаст Надару, тем лучше его шансы.

Он пошёл вперёд, пригибаясь так, что был почти четвереньках, и через несколько секунд оказался возле палатки. Судя по тишине, его никто не заметил. Он слышал лишь слабый храп, доносившийся изнутри.

Матерчатая дверь была завязана верёвкой. Распутать на ней узлы оказалось труднее, чем отвязаться от столба: ему пришлось просовывать руку в щель и работать изнутри вслепую. Стук собственного сердца казался ему таким громким, что мог бы разбудить самого пьяного спящего часового, но никаких признаков тревоги не наблюдалось.

Удача? Он не смел отнести всё это в свою пользу. Это была просто удача.

Один узел был развязан — самый нижний. Теперь, когда щель стала шире, дело пошло быстрее. Он ругал про себя свои дрожащие пальцы. Как ни старался он успокоить их, они ходили ходуном, будто существовали сами по себе.

Он развязал второй узел.

Теперь он был ещё больше уверен в себе. Эти узлы не предназначались для защиты от незваных гостей; их цель была — уведомить посетителей, что их присутствие нежелательно.

«Значит, с ним женщина, — заметил про себя Ремен, принимаясь за третий узел. — Интересно, черноволосая или та, другая? Чёрт: проклятый ноготь. Хорошо бы, не эта чёрная сука; она похожа на борца-профессионала. Хорошо бы мне удалось отыскать меч или клинок. Хорошо бы эти проклятые крестьяне спали покрепче. Хорошо бы этот треклятый узел, наконец, развязался…» Ну, всё.

Трёх узлов было достаточно. Нагнувшись, он быстро и тихо, насколько это было возможно, нырнул в прохладу палатки.

Прямо напротив него на травяном матраце, укрытая тонким покрывалом, лежала лишь одна человеческая фигура.

«Это та маленькая женщина! — со злостью подумал он. — Чёртов главарь с кем-то ещё. Слава Солнцу, что он не оставил здесь брюнетку». Некоторое время Ремен стоял, прислушиваясь к тихому храпу и раздумывая, что ему делать дальше. Сквозь щели пробивались солнечные лучи, и его тень отчётливо вырисовалась на грубых коврах пола.

Оглядевшись, он заметил вложенный в ножны меч, лежащий на старом сундуке. Осторожно подошёл, взял его и вынул из ножен.

Он мог бы принести Надару голову этой женщины — подруги Того Кто Ведёт, в доказательство своей храбрости, но будет ли этого достаточно? Адъютант Маршала вправе только посмеяться над ним: ведь это может оказаться голова любой крестьянки. К тому же она ничуть не примечательна.

Кроме того, если Того Кто Ведёт нет в палатке с любовницей, то он может в любую секунду вернуться. Наверное, он пошёл проверить часовых или что-то вроде этого? Ремен не мог оставаться здесь дольше.

Он шагнул вперёд.

Женщина проснулась.

Её зелёные глаза медленно и сонно открылись. Увидев его с мечом в руке, она насторожилась. Потом открыла рот, чтобы закричать.

— Молчи! — прошипел он, поднимая меч. — Молчи, тогда останешься в живых.

«Ложь, — с грустью подумал он. — Надар ни за что не оставит её в живых. Если, конечно, я доберусь до него».

Она съёжилась под покрывалом и, не моргая, смотрела на него. Хорошо, что ему удалось заставить её не кричать.

Он попытался принять свирепый вид.

Сайор была как бы парализована. Это был тот самый смешной маленький человек, над которым она потешалась в начале прошлого периода бодрствования. Теперь она был в его

власти: он мог убить её одним ударом меча — её собственного меча. Если бы он был могучим воином, она не так испугалась; но, вспомнив грубые насмешки крестьян над ним, она поняла: от такого можно ожидать самой страшной мести. Правда, он сказал, что она может остаться в живых.

— Чего ты хочешь? — прошептала она.

— Одевайся.

— Я одета.

Ремен во многих отношениях был очень вежливым человеком. Когда она выбралась из-под покрывала, он только один раз взглянул на неё, чтобы удостовериться, что она не вооружена; потом отвернулся и лишь искоса наблюдал, чтобы она не попыталась обмануть его, выхватив спрятанное оружие. Он видел, как пятно её тела двигалось ровно и гладко, когда она надевала одежду, снятую перед сном, — кофту с капюшоном и ботинки. Он чувствовал, что она старается не раздражать его своим поведением: все движения были ритмичны — никаких резких жестов. «Означает ли это, что Тот Кто Ведёт скоро вернётся?» — думал он.

— Поторопись.

Когда она оделась и встала, Ремен с беспокойством обнаружил, что она была на несколько сантиметров выше его. Однако её тяжёлый меч в его руке, казалось, добавлял ему недостающие сантиметры.

— Пойдёшь со мной.

— Да, я пойду с тобой.

Неожиданно она улыбнулась ему, и он внезапно понял, почему она была любовницей Того Кто Ведёт и почему у него начала возникать к ней стойкая неприязнь.

«У меня оружие. Она у меня в руках. В то же время она ведёт себя так, как будто я её заложник. Так что я вряд ли пролью много слёз, когда ты умрёшь, крестьянка».

— Теперь медленно иди сюда.

Он указал через плечо на дверь палатки.

Держа руки в поле его зрения и стараясь не противоречить ему, она медленно и осторожно направилась к двери. Острие меча преследовало её, двигаясь широкой дрожащей дугой.

Ремен подошёл к ней вплотную, когда она нагнулась, чтобы пролезть в отверстие двери. Это был момент, когда она могла убежать от него, чтобы позвать на помощь.

Сильным ударом меча он распорол ткань палатки так, чтобы через образовавшееся отверстие они могли пройти вдвоём, не пригибаясь.

— Это могла быть твоя спина, — спокойно заметил он.

— Я знаю, — сказала она, не обращая, казалось, никакого внимания на эти слова.

Спокойствие Сайор стало раздражать Ремена ещё больше. Поведение крестьян, конечно, отличалось от поведения эллонов, но в некоторых обстоятельствах все женщины, по его мнению, должны были вести себя одинаково. В такой ситуации любая аристократка из Гиоррана или упала бы и обморок, или предложила бы ему своё тело — второе почти наверняка. Он не привык к подобному самообладанию у женщин. И это выводило его из себя.

Выйдя на открытый воздух, она вежливо отступила в сторону, чтобы пропустить его.

«Неужели она хочет, чтобы я убил её?»

— Ты хочешь отвести меня к лидеру своей армии, маленький человек. Правильно? — тихо спросила она.

— Да, сука.

— Обращайся со мной вежливо, и я отведу тебя туда.

Он удивился.

— Что ты имеешь в виду? — спросил он.

— Только несколько человек могли бы вывести тебя из лагеря. Одна из них я, другой, конечно же, Тот Кто Ведёт. Редин или Марк могли бы сделать это, но ты, несомненно, не встречался ни с одним из них. Рин тоже занимает достаточно высокое положение; Тот Кто Ведёт рассказал мне, что она тебе очень не понравилась.

«Черноволосая женщина, — подумал Ремен сконфуженно, вспоминая, как при одном лишь её появлении он отказался от всяческого сопротивления. — Молю Солнце, чтобы она поглубже спала и чтобы мы не встретили её».

— Другие попросту не смогли бы тебе помочь, — продолжала Сайор. Синед или Брюс, Марья или Ланьор должны были бы поговорить с часовыми, а те обязаны поднять тревогу.

Она пошла от него прочь с такой лёгкостью, как будто они вышли прогуляться. Он поспешил за ней. Пара тощих собак с интересом понаблюдала за ними некоторое время, а затем отвернулась, чтобы продолжить поиски остатков пищи в лагерных отбросах.

— Что ты имеешь в виду? — спросил он, стараясь держать свой голос под контролем. — Почему ты это делаешь?

— Потому, что я хочу вывести тебя отсюда.

— В каком смысле? — удивился он.

— Маленький человек, в твоих мыслях есть ущербность — эллонская ущербность. Я чувствую её и уверена, что Лайан — Тот Кто Ведёт — тоже её чувствует. Он мог убить тебя за это, более

того, я думаю, что после того, как они набили тебя, они как раз и собирались это сделать, но я бы хотела, чтобы ты остался жив.

Она убрала волосы со лба. Она знала за собой эту привычку, которая теперь раздражала её.

— Кроме того, ты нам уже ничем не сможешь навредить, — продолжала она. — Период бодрствования почти наступил. Очень скоро мы поднимем нашу армию в поход на ваши силы. У тебя не хватит времени, чтобы предупредить своих. Я бы на твоём месте даже не пыталась: убежала бы и спряталась получше. Если наши воины найдут тебя, ты долго не проживёшь. Поэтому заметь — «Опять эта гнусная улыбка!» — почему бы не потратить совсем немного времени, чтобы спасти твою мерзкую маленькую жизнь. Самым большим твоим достижением явилось то, что ты рассмешил меня; в жизни не столь много юмора, так зачем вырезать из неё один из его источников, а?

Наклонив голову набок, она искоса взглянула на него.

— Сука!

— Меня ещё и не так называли, — спокойно заметила она.

— Шлюха для лошадей!

— В этом что-то есть. Надо как-нибудь попробовать. А тебе нравится с лошадями?

Он лихорадочно искал в голове ругательство, которым мог бы равноценно наградить её.

— Мразь!

— С чем тебя и поздравляю. Может, закончим эту часть нашего разговора и перейдём к тому, как провести тебя через посты?

Её глаза снова насмехались над ним. Он прочёл в них, что она не боится смерти. Более того, ему самому было необходимо, чтобы она осталась жива, и она прекрасно знала об этом. Ладно, как только он отдаст её Надару…

— Ладно, — сказал он вслух, — хорошо.

Она положила руку ему на плечо,

— Друг, — сказала она, — хоть и не надёжный. Ты знаешь, что тебе здорово повезло, когда ты испачкал свои штаны. Теперь ты носишь такую же одежду, как и мы, и мне будет легче разговаривать с часовыми. Удивляюсь, что Лайан не одел тебя в эллонскую форму, которой у нас предостаточно; в этом случае даже мне было бы трудно вывести тебя отсюда.

Ремен с отвращением наблюдал, как его трофейный меч чертит тонкую линию в грязи. Может, ему стоило тогда последовать примеру Онира? Смерть была бы предпочтительней, чем протекция со стороны любовницы главного бандита.

Затем он немного успокоился.

«С другой стороны, жить лучше, чем умирать. Наверное. Я не имею ни малейшего желания отдавать себя Солнцу до назначенного мне времени. А она ещё толком не обдумала своё положение. Она, возможно, считает, что я отпущу её, как только буду в безопасности. Ладно, пускай так думает, пока мы не пройдём мимо часовых».

Палатки попадались им теперь всё реже и реже, а Сайор всё ещё уверенно шла на полшага впереди него.

— На твоём месте я бы спрятала меч, — заметила она и тут же почувствовала, что он в замешательстве.

— Заткни его за пояс, идиот! — сказала она чуть громче на этот раз. — У многих из нас нет ножен, и часовые не обратят на него внимания.

Через пару секунд к ним вышли двое часовых. Они были огромного роста, и Ремену стало вдруг не по себе. Женщина могла выдать его всего лишь одним словом. Какого чёрта он поверил её лживому языку? Потому, что он хотел поверить — вот почему, и она привела его в самую элементарную ловушку. «Пусть Солнце превратит её в угли за это».

Она о чём-то говорила с часовым; из-за смятения в своих мыслях он не разобрал начала разговора.

— Я хочу провести небольшую рекогносцировку за пределами лагеря, — спокойно объясняла она. — На случай, если мне понадобится защита, я взяла с собой воина.

Лицо часового выражало сомнение.

— Может, вам взять ещё кого-нибудь, кроме этого коротышки? Мы вдвоём могли бы пойти с вами, — он указал рукой в сторону напарника.

— Нет, всё в порядке. Он, конечно, выглядит не очень сильным, но когда дело доходит до драки, он отличный боец.

Она с искренней симпатией поцеловала часового в потную щёку, хотя никогда раньше не видела его.

— Да! Я забыла захватить с собой мой меч, — добавила она. — Может, вы одолжите мне свой кинжал…

Он неохотно передал ей оружие, всё ещё не уверенный в правильности своих действий.

— Я отдам его, когда вернусь, — улыбнувшись, добавила она. — Я скоро.

«Она говорит так спокойно, как будто собирается выйти по нужде, — думал Ремен. — Видите ли, она альтруистично спасает мне жизнь». Он чувствовал, что его мысли иррациональны. Если бы она вела себя по-другому, его тут же схватили бы, но это сравнение вывело его на новый уровень ненависти. «Чёрт возьми, я заставлю её выложить всё, что она знает, а потом посмотрю на

неё, когда острые лезвия вонзятся ей в…»

Затем они оба вышли из лагеря под пристальным взглядом часовых, которые долго смотрели им вслед. Он обернулся, и один из часовых помахал ему вслед рукой. Сайор лёгкой походкой поднималась на склон холма, казалось, её ничто не заботило. Он посмотрел, как легко движутся её бёдра, и почувствовал слабое желание, которое, впрочем, быстро исчезло. Когда они перейдут через холм, ему придётся отобрать у неё кинжал. Эллонский меч у него за поясом был куда более сильным оружием, но он не мог убить её. Её предложение — спрятаться от толпы крестьян-бунтовщиков было разумным. Однако эллоны значительно более жестоки. Если они выиграют бой, то уничтожат всё от горизонта до горизонта. А они выиграют.

Выиграют ли?

Он был доволен тем, что она предпочитала идти впереди него.

Сайор дошла до вершины холма и остановилась, поджидая.

— Твои люди там? — спросила она, улыбаясь и указывая на далёкую кромку леса, будто речь шла о чём-то обыденном.

— Да, — он тут же разозлился на себя. Хоть он и не желал себе в этом признаваться, но всё ещё существовал шанс, что она убежит от него. Он должен был соврать ей или, на худой конец, отмолчаться.

— Тогда наши армии встретятся на этом поле. К тому времени спрячься получше, маленький человек.

— Я не собираюсь прятаться, — голос его звучал слабо.

— Ты собираешься сражаться с нами? Сам?

Он ругал про себя эти зелёные глаза и то, как они смотрели в его лицо.

— Может быть.

— Ты ещё не успеешь дойти до своих товарищей, а наша армия уже начнёт выдвигаться сюда.

— А я и не собираюсь. Моей защитой будешь ты.

Он не успел заметить, как в её правой руке очутился кинжал.

— Но ведь ты не возьмёшь меня, правда?

Она двигалась вправо. Ему не верилось, что она может передвигаться так быстро. Она пригнулась, и её рука легко покачивала оружие из стороны в сторону, отвлекая его внимание.

Потребовалась, наверно, вечность, чтобы вынуть непривычный ему меч из-за пояса. Его одежда словно сопротивлялась ему.

Неожиданно кинжал, вращаясь в воздухе, со свистом полетел в его сторону.

Его спас инстинкт. В последний момент он нагнул голову, и

кинжал с глухим стуком воткнулся в землю у него за спиной.

Сайор расстроилась.

— Ладно, маленький человек, ты выиграл, — с горечью сказала она.

Но затем опять засмеялась.

— И проиграл, кстати, тоже.

— Ты моя пленница, — сказал он, направляя на неё меч и пытаясь убрать из своего голоса все сомнения.

— Да, — сказала она, садясь на землю. — Но ведь я не столь уж полезная пленница, правда? Тот Кто Ведёт уже знает о твоей армии, ведь так? А я, когда мы доберёмся до твоего лагеря, забуду обо всём, что когда-то знала. Когда вы начнёте пытать меня, я буду чем-то вроде растения, — она улыбнулась, надеясь, что он не заметит эту ложь. — Я даже не буду чувствовать боли, потому что буду забывать о ней через секунду. Боль неприятна, когда помнишь о ней достаточно долго.

— Ты нужна мне, — острие меча было у самого её горла.

— Так говорят все мальчишки, но это им не всегда помогает. Для тебя было бы лучше отпустить меня.

Она сорвала несколько травинок, подбросила их и принялась лениво наблюдать, как они, кружась, медленно падают на землю. Она, казалось, не замечала острого лезвия возле своего лица.

— Нет.

Он сам удивился той решительности, которую вложил в этот единственный слог.

— Дурачок.

— Посмотри на меня.

Она послушно повернула голову.

— Я могу убить тебя прямо здесь, сейчас, — сказал он, поворачивая рукоять меча.

— Можешь, — сказала она, опять отворачиваясь. — Но ведь не собираешься, правда?

Высоко в небе она заметила парящего чёрной стрелой кроншнепа.

— Могу, — повторил он угрожающим тоном.

— Тогда, может, закончим эту болтовню, — с раздражением сказала она. — Или убей меня сейчас, или отпусти, или веди к своей армии. Честно говоря, мне наплевать. Я просто хочу, чтобы ты решился хоть на что-нибудь.

— Встань.

— Ладно.

Она казалась совершенно безразличной. Когда она поднялась, Ремен встал у неё за спиной. Сквозь её вязаное платье просвечивала бледная кожа.

— Тобой займётся Надар.

— Надар?

— Адъютант Маршала. Нет человека более жестокого.

— Есть.

— Кто?

— Я, конечно.

Меч остриём коснулся её плеча, понуждая идти вниз по склону холма.

Следуя за ней, он позволил себе засмеяться.

Через секунду она смеялась тоже.

Ему не нравился этот смех.

Вскоре они очутились среди высокой — в человеческий рост — травы. Раздвигая траву, она уверенно шла навстречу судьбе. Он же изо всех сил старался удержать меч возле её лопаток, не поранить её и в то же время постоянно напоминать об угрозе.

Неожиданно он споткнулся о корень — долгое время спутанные ноги ещё плохо слушались его, и он упал лицом вниз, потеряв меч.

Нога Сайор тут же опустилась ему на шею, и через мгновение он был мёртв. Его смерть была очень тихой: лишь негромкий треск сломанной шеи.

Она нагнулась и стала шарить в траве в поисках меча. Он должен был быть где-то рядом.

И вдруг заметила, что сквозь стебли травы на неё смотрят люди. Они были на лошадях и носили красно-зелёную форму.

«Всего хорошего, Лайан, — подумала она. — Как бы мне хотелось въехать вместе с тобой в Эрнестрад!»

— Ты убила человека, — сказал грубый голос.

— Я увидела, как он умер, вот и всё.

— Мы тоже видели, *как* он умер. Кто ты?

— Женщина. Он хотел меня…

Остроносый солдатский ботинок ударил её по горлу.

Глава восьмая. Столкновение

Оба часовых чувствовали какое-то беспокойство, хотя не вполне осознавали, почему. Они сидели на траве, пили из глиняных чашек терпкое вино и, хоть и не говорили о Сайор, но выражали своё беспокойство тем, что вообще не говорили. К ним хотел было присоединиться третий, но, подавленный их молчанием, вскоре ушёл.

— Я, пожалуй, пойду поговорю с Тем Кто Ведёт, — сказал наконец один из них. Он припомнил, как Сайор поцеловала его в щёку. Она обычно не целовалась с незнакомыми людьми так охотно. Может, именно это заставило его сомневаться? Может, она вела себя так необычно, чтобы показать ему: что-то не в порядке? Этот маленький щенок рядом с ней ему тоже очень не понравился. Он не мог понять, что его беспокоило, и от этого беспокойство только усиливалось.

Он отложил чашку и встал.

Другой часовой скептически посмотрел на него.

— Поговоришь? — спросил он. — О чём?

— Ты прекрасно знаешь, о чём.

Часовой сонно потянулся, пытаясь убедить себя в том, что особых причин для беспокойства нет. Это ему не удалось.

— Да.

Последовала короткая пауза, после которой оставшийся сидеть часовой добавил:

— Я один постою на посту, пока тебя не будет.

— Спасибо, — сухо заметил первый. Его товарищ обладал дурацкой привычкой сообщать совершенно очевидные вещи. — Кстати, ты не знаешь, где сегодня ночует Тот Кто Ведёт?

— Ходили слухи, что он спит с Рин и Марьей, хотя, может, я и ошибаюсь.

Он плюнул в паучка, ползущего по травинке, и промахнулся.

— С Рин и Марьей? Но я слышал, что они…

— Не знаю. Что слышал, то слышал. Может, они считают это своей обязанностью: Тот Кто Ведёт отчаянно нуждается в наследнике.

На этот раз плевок настиг паучка, тот побарахтался немного и испустил дух, оглушённый и захлебнувшийся. На лице часового отразилось удовлетворение. Его напарник повернулся и молча пошёл прочь.

Палатка, которую занимали Рин и Марья, находилась в противоположном конце лагеря, рядом с палаткой Редина и Синед. Часовой довольно долго пробирался среди палаток и

потухших костров, а потом ещё дольше набирался храбрости, чтобы войти: ведь, в конце концов, был период сна, а в это время людей не принято беспокоить. Но наконец опасения за Сайор взяли верх над этическими условностями.

— Тот Кто Ведёт! — закричал он сквозь полотняные стены палатки.

— Убирайся!

Это был звонкий рассерженный голос Марьи.

— Сайор. Она, возможно, в опасности.

Изнутри послышался шум. Через минуту, натягивая штаны, из палатки вышел Лайан.

Часовой быстро объяснил, что произошло. Через несколько секунд Тот Кто Ведёт разбудил Синед и Редина и сердито указал им на часового, смущённого таким обилием внимания. Он ответил на заданные ему вопросы со всей быстротой и точностью, на которые был способен. Тот Кто Ведёт тем временем созывал остальных членов своей старой гвардии. Вышел из палатки Марк, спотыкаясь в полусне.

Брюс довольно удачно делал вид, что ему вовсе не хочется спать. Рин и Редин казались часовому самыми опасными до них: Редин сердито качал головой, а глаза Рин излучали точно такой же недобрый свет, который недавно напугал шпиона.

— Взята в плен? — сурово спросил у часового Тот Кто Ведёт.

— Возможно. Я не хотел бы прослыть паникёром, но…

— Допустим, это так. Тогда, клянусь памятью моей матери, в этот период сна прольётся кровь.

Острие его меча оказалось на неприятно близком расстоянии от живота часового.

— Где Ланьор? — закричал Тот Кто Ведёт.

— Спит, — послышался приглушённый голос.

— Оставь её, — сказала Рин. — Она всё равно нам не поможет.

Чёрные глаза маленькой женщины излучали ярость.

— Нас восемь, — заключил Тот Кто Ведёт, взяв в расчёт и часового. — Достаточно?

— Смотря для чего, — заметила Рин.

— В каком смысле?

— В смысле того, что для начала надо установить, действительно ли Сайор в опасности, действительно ли её захватили эллоны, и так далее.

Она посмотрела на него так, будто хотела ударить — он даже отошёл на пару шагов.

— А что, если там сотни, или даже тысячи зллонов? — неуверенно спросил Тот Кто Ведёт.

— Тогда вернёмся обратно, кретин.

Часовой был удивлён, что кто-то может так разговаривать с их лидером.

Рин была вне себя от ярости. Она никогда не оспаривала право Лайана быть Тем Кто Ведёт, но в то же время ей самой хотелось иметь дар сохранения реальности; она считала себя более решительной, более способной к военному искусству и обладающей острым стратегическим мышлением, то есть всем тем, чего как раз недоставало Лайану. И сейчас ей хотелось просто разрубить его пополам.

Тот Кто Ведёт был в опасности и понимал это.

— Рин, Марья, Редин, Брюс, Синед — пойдёте со мной, — приказал он. — Остальные останутся здесь. В случае чего лидером будет Марк: у него частично есть мой дар, к тому же, надеюсь, ему поможет певица.

— Оставайся здесь сам, — сказал Марк, удивляясь собственным словам. — Лайан, твоя жизнь нужна нам и нашей армии. Иначе всё будет напрасным.

— Нет. Нет, Марк. Я понимаю, что ты пытаешься сказать, но это бесполезно. Если Сайор нуждается в помощи, а я не помогу ей, я перестану себя уважать.

Удивлению часового не было границ. Люди, которых он считал героями, препирались друг с другом, как дети.

Тот Кто Ведёт свистнул, и перед ним как из-под земли вырос Анан. Вместе с ним почему-то прискакала лошадь Сайор. Рин скептически осмотрела её и села верхом, довольная тем, что нет седла. Животное мотнуло головой, но всё-таки признало нового седока. Рин почесала у лошади за ухом, и та успокоилась. Вскоре и остальные были на лошадях.

Часовой, стоявший на выезде из лагеря, чувствовал себя очень нехорошо. Вино, которое он пил, никогда особенно хорошо не воспринималось его желудком, а сейчас он выпил столько, что, казалось, всё его тело взбунтовалось. Он смотрел на хвосты пяти удаляющихся от него лошадей и удивлялся, как это он дал себя уговорить и остался на посту, когда его напарник отправился на поиски Того Кто Ведёт. Ведь Сайор, конечно же, знала, что делает. Теперь вот эта смешная тревога… Скоро она сама вернётся, причём без помощи своих спасителей.

Лучше бы она его поцеловала, а не напарника.

Это была приятная мысль.

Он взял её в свой кошмарный сон, где люди наступали на него со всех сторон, а другие били их деревянными дубинами. Временами он всхлипывал, наблюдая за персонажами своего сна.

* * *

— Ты тоже не совершенство, — сказала Сайор, изобразив на лице дружескую улыбку.

Надар только что заявил, что она чрезвычайно непривлекательна для противоположного пола, и Сайор решила ответить тем же. В конце концов, чёрт возьми, она всё равно умрёт, почему бы не испортить ему настроение напоследок? Может, разозлив его, она даже каким-то образом поможет Лайану. Она посмотрела на рыжие с сединой волосы Надара, на жидкую бороду и засмеялась.

У неё не было других причин для смеха. Её горло после удара представляло собой один огромный болезненный синяк. А ещё до того, как она пришла в себя, её распяли на траве, крепко привязав руки и ноги ко вбитым, в землю кольям. Ноги её были широко раздвинуты, она была беззащитна.

Надар появился здесь по чистой случайности. Проснувшись, он узнал, что разведчики не вернулись. Гарайн, более предупредительный, чем обычно, рассказав об этом своему командиру, вспомнил вдруг о каких-то неотложных делах и исчез. Надар хотел было, позвать его и приказать возглавить отряд, чтобы отправить на выручку, но тотчас передумал. Беда была в том, что он больше не доверял этому маленькому хитрецу. Когда бунт будет усмирён, ему придётся сделать кое-какие перестановки в офицерском корпусе.

Поэтому, возглавив группу добровольцев, Надар сам отправился на поиски пропавших разведчиков.

И вот перед ним лежал мёртвый шпион, убитый прямо на их глазах ногой этой женщины. Она выдавала себя за крестьянку, но он сомневался в этом: ни один крестьянин, по его мнению, не обладал достаточной быстротой ума, чтобы, заметив минутную слабость эллона, прореагировать так эффективно.

На земле она казалась не такой опасной: распятая, беззащитная. Такое положение, помысли Надара, должно было повлиять на весь её образ мыслей.

Это был безотказный приём, но на этот раз он почему-то не сработал.

Эта сука имела наглость улыбаться ему. Снова и снова.

— Кто ты? — сердито спросил Надар.

Он и его люди теперь стояли вокруг неё. Их лошади разбрелись, и было слышно, как они пасутся неподалёку.

— Я думаю, что ты сам должен ответить на этот вопрос, — серьёзно заметила Сайор. — Я не имею ни малейшего понятия о том, кто ты есть, хотя сам ты, по-видимому, считаешь себя важной птицей. Если бы я повстречала тебя в этих травах при аналогичных обстоятельствах и ты бы мне не понравился, я не

думаю, что начала бы беседу ударом ноги в горло и продолжила её, распяв тебя на земле.

— Ты бессовестная маленькая дрянь, да?

Он вытер нос указательным пальцем правой руки.

— Если я бессовестная, то какие же вы?

Надар злобно улыбнулся.

— Я тот, кого ты должна просить о милости. Вот кто. Сейчас цена твоей жизни меньше, чем у мухи. — Он щёлкнул пальцами в подтверждение своих слов. — Ты просто крестьянская девушка, к тому же не самая красивая. Ты не в очень выгодном положении.

— Ваш шпион — маленький человек, которого вы подослали к нам, был в очень выгодном положении, — небрежно заметила она, — до тех пор, пока не потерял его. Я бы помнила об этом на твоём месте.

— Да?

Он саркастически рассмеялся, а она отвела взгляд от его лица: её тошнило от него. Высоко в небе, за качающимися стеблями травы, она заметила облака, медленно плывущие по бескрайней лазури. Ей хотелось каким-то неведомым образом выпутаться из сложившегося положения и полететь туда, к облакам. Этот садист убьёт её мучительной смертью, причём просто ради забавы. И боль она, конечно же, почувствует…

Надар был удивлён силой своей ненависти к ней. Её поведение казалось ему нарушением всех законов природы.

— Мы убьём тебя, — сказал он наконец.

— Я знаю.

— А перед этим…

Угроза осталась незаконченной.

— Меня это не волнует, дерьмо, — сказала Сайор. — Делайте, что хотите, — в конце концов вы проиграете, а я буду мёртвой к тому времени.

Она лежала на земле, чувствуя спиной прохладу, и ей уже почти не терпелось побыстрей встретить весь поток боли, который собирался обрушить на неё этот рыжеволосый человек.

— Я могу и продлить твои пытки.

Она улыбнулась:

— А я буду только смеяться в лицо своим палачам. Мне уже случалось бывать в их руках, когда ваша эллонская мразь приходила в нашу деревню и мучила нас всех, считая себя умнее. — Ей показалось, что он недостаточно хорошо её понял. — Вы действительно считаете себя такими умными? Признайся, в душе вы верите этому?

Он с яростью обнаружил, что не может ответить на её вопрос, и его злость на себя перехлестнула гнев по отношению к ней за

оскорбление благословлённого Солнцем Дома Эллона.

— И ты думала об этом, когда мы приходили в твою деревню?

— Да. Именно об этом я и думала.

«Надеюсь, что думала», — мысленно добавила она.

— Они считали, что боль, которую они мне причиняют, ставит их выше меня. Но это было не так. Имей я такую власть, я никогда бы не использовала её подобным образом. И ты со своими глупыми угрозами… Ты для меня ничто.

Её зелёные прямо глаза смотрели ему в лицо.

Она не была красивой, но по какой-то причине ему захотелось обладать ею, разумеется, насильно. Может, потому, что даже будучи беззащитной она говорила ему такое, чего он не мог стерпеть. И то ли он хотел поиздеваться над ней перед смертью, то ли какая-то частичка его души восхищалась её храбростью? Она была целиком в его власти.

Он давно не ощущал подобного желания, в особенности по отношению к крестьянке.

Он хотел её.

Нет, он нуждался в ней. Она была необходима ему.

Хотел — неподходящее слово, ведь он в действительности не хотел делать того, что собирался. Он надеялся, что она расскажет им всё, что знает, и вопреки угрозам он убьёт её быстро, потому что пытки крестьян-бунтовщиков, как правило, не давали положительных результатов. К тому же он никогда не считал себя особенно жестоким человеком — жестокость он рассматривал, как свою обязанность, и верил, что не находит особого удовольствия в чужих страданиях.

Почему же ему так хотелось обладать её неуклюжим маленьким телом?

Потому что она противоречила всему, во что он верил с детства. Он посмотрел на колышущуюся траву, на своих застывших в ожидании солдат и честно признался в этом себе. Признание это ничуть не умалило его страсти, но он как бы придумал себе оправдание. Она сама виновата: это она провоцировала его, она довела до состояния полной бесконечности, неуправляемости. И всегда, вспоминая об этом после, он сможет сказать себе то же самое. Во всём была её вина.

Он нагнулся и дотронулся до её бедра. Она дёрнулась, словно его пальцы жалили, как осы. Перестала смеяться. Потом повернула голову набок, рассыпав волосы веером, и снова улыбнулась, выжидая.

Она была в его власти.

Она была нужна ему, и он собирался ею насладиться.

У него не было выбора. Собственно, он не просил её приходить сюда, это её ошибка, крестьяне, которые восставали против Эллонии, должны…

Все оправдания ничего не стоили.

«Я хочу издеваться над ней потому, что могу, — думал он. — Она права, но мне наплевать».

Он потянулся, чтобы расстегнуть ремень, но тут раздался вопль триумфа. Кричал всадник, которого он так толком и не смог разглядеть. Острие меча скользнуло ему по ноге, и он нагнулся, пытаясь остановить хлынувшую кровь. Один из солдат, захрипев, упал плашмя на траву.

Надар, вдруг оказавшись на четвереньках, стал пятиться назад сквозь упрямую траву. Он ругал себя за глупость: уползать от неумелых крестьян! И единственной причиной тому была недооценка их. Он услышал хруст, когда крестьянский меч рубил шею ещё одному эллонскому солдату. «Это могла оказаться моя шея, — подумал он. — Это моя вина, что мы оказались такими дураками, а не его; он отдал свою жизнь за то, чтобы я мог продолжать делать свои глупые ошибки».

Мимо проскакала лошадь, осыпав его спину комьями земли, и он откатился в сторону, едва увернувшись: копыто опустилось возле самого его уха.

Стрела не задела его. Она выросла перед ним, как некое странное растение. Потом он встал на колени, и сильный удар чуть не раздробил ему челюсть.

Упав на спину, он закрыл руками лицо.

— Теперь вы никогда не убьёте меня, — сказал Тот Кто Ведёт, нагибаясь над Надаром. — Было время, когда Эллония могла сделать это, но ваше время прошло.

Надар повернулся и обнаружил, что смотрит прямо в глаза отрубленной голове. Во рту появился солоноватый привкус.

Крестьяне освободили зеленоглазую женщину, и она всё так же продолжала улыбаться, глядя на него. Казалось, она жалела его, и это было самым неприятным.

— Лайан, — сказала она. — Будь с ним поаккуратней.

Эти слова ранили Надара в самую душу.

Тот Кто Ведёт отвёл её в сторону.

— Эллоны не имеют права жить, — тихо сказал он. — Ты хотела сохранить жизнь того маленького подлеца и смотри, что из этого получилось.

— Каждый имеет право жить, — неожиданно сердито заметила она. — Это право есть абсолютно у всех.

Лайан оставил её и ударом ноги сломал Надару несколько рёбер.

— Остановись.

Сайор схватила Того Кто Ведёт за плечо, пытаясь оттащить его в сторону.

— Почему?

— Отпусти его.

— Куда?

— К его грязной маленькой армии. Он не тот, о ком нам стоит беспокоиться — простой, пустяшный эллонский выскочка, посланный, чтобы подразнить нас.

Надар предпочёл бы быть убитым. Он лежал на траве, а крестьяне говорили о нём так, будто он не существовал. Хуже всего, что ему на переносицу забрался муравей и теперь направлялся в его волосы.

— Оставьте его, — снова сказала женщина.

— Надо убить его, — возразил один из крестьян. Это был высокий крепкий мужчина, который держал в руках окровавленный меч. Он решительно направился к Надару. — Я сделаю это сам.

— Нет, — неожиданно сказал Тот Кто Ведёт, подняв руку ладонью вперёд, чтобы остановить Брюса. — Мы встретимся с ним завтра в бою, и тогда ты сможешь его убить.

— А почему не сейчас?

— Потому, что Сайор права. Этот человек беззащитен. Если мы порешим его сейчас, это будет просто убийством, а мы же крестьяне, а не эллонская мразь. Пусть идёт к своим людям.

Брюс поднял Надара с земли и бросил его на спину лошади. Остальные крестьяне молча сели в сёдла; Сайор села впереди Лайана и, почувствовав руки любимого на своих бёдрах, обернулась и поцеловала его.

Вскоре Сайор и Лайан вернулись в лагерь, Надар возглавил свою армию, а Брюс и его лошадь погибли в схватке с эллонами на обратной дороге.

Наступал новый период бодрствования.

* * *

Позади Надара был лес красно-зелёных флагов, который, казалось, тянулся до самого горизонта. Он потрепал уши своей лошади, почти не осознавая того, что делает, а затем снова повернулся к армии. Большинство военных так никогда и не видели готовой к битве эллонской армии. Он чувствовал, что находился в привилегированном положении. Воздух был свежим и прохладным. Боль от синяков и сломанных рёбер почти не ощущалась. Солнце сверкало на лезвиях обнажённых мечей. Это будет не война — рядовая карательная операция; они убьют нескольких крестьян, а затем вернутся в Гиорран, чтобы доложить

Деспоту о победе. Он получит щедрую награду и, скорее всего, будет восстановлен в звании Маршала.

А когда-нибудь он и сам сможет стать Деспотом.

Всё решит этот период бодрствования.

Он никогда не чувствовал в себе столько энергии. Надар не боялся крестьянской армии, если её вообще можно было назвать армией. Да, его рёбра говорили о том, что крестьяне могут иногда могут быть опасны, но он был уверен, что дисциплинированная регулярная армия разобьёт их с лёгкостью. Конечно же, будут и небольшие потери — на войне, как на войне; но в следующий период сна его люди будут пить и праздновать эту лёгкую победу.

«Не хотел бы я оказаться на месте этой крестьянки».

Этой крестьянки…

Мысль о ней портила ему всё настроение. Она была нужна ему. Он хотел унизить её, а вместо этого унизился сам.

Его улыбка потускнела.

Его жёны были эллонскими аристократками, хоть и не очень знатными. Красивые женщины, обученные всем общепринятым искусствам, в одеждах из тончайшего шёлка. Прошло уже много лет с тех пор, как он начал пользоваться крестьянскими девушками, которых держали в Гиорране для этих целей. А теперь эта маленькая зеленоглазая простушка в грубом вязаном платье сделала его другим человеком.

Подошёл Гарайн и дотронулся до его ноги.

— Готовы?

— Мы готовы.

Надар надел шлем. «У неё были зелёные глаза, и она смеялась надо мной…»

— Я сказал: «Мы готовы»!

— Хорошо сэр, — отсалютовал Гарайн и направился к своей лошади, время от времени поглядывая через плечо.

«Она — простая крестьянка, она недостойна всех этих размышлений…» Он вытащил меч и поднял его высоко над головой.

— Мы победим! — закричал он.

— Победим! — поддержал его нестройный гул солдат.

«Она смеялась надо мной…»

— Вперёд!

Он легонько пришпорил коня, и тот медленно вышел из-за прикрытия деревьев. Затем животное двинулось вперёд быстрее, хотя он и придерживал его, чтобы конь не переходил на галоп. Армия двинулась за ним с почти оглушительным шумом: бессмысленные крики солдат, звон оружия, стук копыт и ржание испуганных лошадей.

«Она смеялась надо мной…»

Он что-то потерял. Минуту назад он думал, что ведёт армию к лёгкой победе, но сейчас вдруг признался себе, что испуган. Он вспомнил, как Ветер говорил ему, что его конец наступит, когда он достигнет вершины своего триумфа. Смех этой женщины смутил его.

«У неё были зелёные глаза я каштановые волосы. Она лежала среди высокой травы в полной моей власти. И в это было неправильно, не так ли? Я не должен был находиться там, и она не должна была. Она победила. Победила».

Он покачал головой, чтобы избавиться от этих мысли. Его конь скакал под ним ровно, но в то же время возникло чувство, что ом вот-вот выкинет его из седла.

Они приближались к холму, за которым располагался лагерь крестьян.

И тут… Будто кто-то разлил чернила вдоль всего горизонта. Пятно стало разрастаться и двигаться вниз по склону холма в его сторону.

* * *

Уже от первых стрел крестьян погиб каждый десятый эллон. Почти вдвое больше было раненых, которые с криками падали с коней, пытаясь вытащить зазубренные наконечники стрел из своих тел. Только офицеры в металлических доспехах оставались в относительной безопасности, хотя некоторые из них тоже погибли от стрел, попавших в щели доспехов и отверстия шлемов. Одним из них был Гарайн; когда он падал с лошади, подняв к лицу руки, из-под его шлема потоком хлестала кровь.

Тот Кто Ведёт поднял свою армию очень рано в этот период бодрствования. Он отдавал себе отчёт, что его армия — необученные крестьяне-бунтовщики, которым предстоит тягаться с хорошо подготовленными солдатами; поэтому было необходимо перехватить инициативу, напав на людей Надара до того, как они будут в полной готовности. Лайан расположил своих лучников в несколько рядов вокруг всего поля н приказал им не стрелять, пока эллонская армия не достигнет центра. Он шёл вместе со всеми, подбадривая воинов.

Как только Надар понял, что завёл своих солдат в ловушку, он повернулся и закричал:

— Стройся!

Тотчас строй позади него начал изменяться. Люди разбились на семь групп, каждая со своим лидером, и подняли щиты так, что крестьянские стрелы больше не могли возыметь никакого эффекта.

Вторая волна стрел убила только четверых эллонов.

Надар остался единственным незащищённым солдатом. Основная масса крестьян впереди всё ещё приближалась, крича и размахивая оружием. Они были пешими, и это удивило его: ведь совсем недавно он собственными глазами видел, что у них были лошади и они неплохо держались верхом.

Он приостановил коня и с беспокойством оглянулся. Убитых и раненых было многовато. Шум, стоявший вокруг, складывался в основном из стонов и криков умирающих. Может, он недооценил лидера повстанцев?

Надар неохотно повернул коня и галопом поскакал под прикрытие щитов. В него полетело несколько стрел, но большой угрозы они не представляли.

За барьером щитов он почувствовал знакомый запах кожи и человеческого пота, который придал ему уверенности. Он помнил этот запах с тех пор, как пришёл в армию. Поглядев на взрытый грунт, на бешеные глаза своего коня, он обругал себя за глупость. Давным-давно Гарндон говорил ему, что крестьянские бунты инспирируют чаще всего пришельцы из другого мира, а он не обратил тогда на его слова достаточного внимания. Он воспринимал бунты, как потенциальную, но очень слабую угрозу власти Эллонии; ему никогда не приходило в голову, что он может встретиться с лидером, обладающим хоть каким-то подобием военных знаний.

Новый каскад стрел.

На этот раз всё обошлось. Стрелы упали на траву, отражённые кожаными щитами солдат.

Вот-вот должна была начаться рукопашная схватка.

Надар вынул свой меч, растолкав щиты и даже порезав щёку одному из своих солдат. Он не обратил внимания на то, как тот вскрикнул.

После нескольких минут в тени свет на поле казался ослепительно ярким. Тем не менее он позволил своему коню спокойно бежать навстречу приближающейся волне крестьян и, глядя на рассекаемую конём траву, стал кричать что-то нечленораздельное, чтобы увлечь за собой солдат.

К его удовлетворению, они в полном согласии с воинской дисциплиной собрались в одну фалангу, достали мечи и двинулись вперёд, готовые к резне. Надар махнул рукой, и через минуту пешие солдаты были защищены кольцом всадников.

Весь отряд походил на гибкое красно-зелёное насекомое, неумолимо движущееся вперёд. Стоны раненых вновь сменились воинственными криками, угрозами, невнятным пением и тяжёлым ритмичным топотом солдатских ног. Кое-где из спины насекомого пробивались, как крылья, знамёна, гордо поднятые

молодыми солдатами, но в основном оно было покрыто чешуёй из толстых кожаных щитов, из-под которых ярко блестел металл.

Надар опять оглянулся.

«Гордость. Да, я чувствую гордость, но что-то здесь не так. Ветер… То, что сказал Ветер… Нет, не то. Это будет кровавый день, но я не почувствую при этом триумфа — лишь чувство выполненного долга и всё.

Где же крестьянские всадники?»

Он махнул руками, и через несколько секунд перед ним появились, успокаивая лошадей, двое его командиров.

— Они окружили нас, — сказал адъютант Маршала.

Один из офицеров, по возрасту старше, чем Надар, бесцеремонно хмыкнул; другой, помоложе, получивший своё относительно высокое звание недавно, выглядел растерянным.

— Конечно, они окружили нас, — заметил пожилой офицер. — Только кретины не сделали бы этого.

— Вы имеете представление о том, сколько их? — неожиданно спросил он, взглянув в глаза Надару.

— Нет. Их, наверное, больше, чем я думал.

— Больше, чем нас?

— Сомневаюсь. У них, вероятно, есть лидер, хотя я сейчас не вижу его. И всё же я уверен, что это не более чем беспорядочная толпа, — Надар показал рукой в сторону холма.

— Всё зависит от численности этой толпы, — заметил офицер.

— Нам надо разойтись, — сказал Надар молодому офицеру. — Пока мы вместе, эти проклятые стрелы бессильны против нас, но так мы не выиграем битву. Я хочу, чтобы всё поле было занято нашими солдатами.

— Да, сэр.

— Выполняй приказ.

Юноша повернул коня и принялся отдавать приказания.

— Мне жаль, что у нас такие командиры, — спокойно прокомментировал пожилой.

— От тебя мне тоже кое-что надо, — повернулся к нему Надар. — Возьми сотню всадников с хорошим командиром и сделай вид, что бежишь с поля боя. Я хочу, чтобы они вернулись назад по нашим следам. Скажи им, чтобы кричали обо мне всякую гадость, какую угодно — они должны выглядеть, как дезертиры, потерявшие уверенность в своём лидере.

— Вы это серьёзно?

Он внимательно посмотрел на Надара. В глазах читалось неподдельное беспокойство.

— Да, я серьёзно. Они должны поверить этому.

«Её зелёные глаза могли видеть дальше, чем глаза других людей. Это нечестно».

— Зачем всё это?

— Я хочу, чтобы вы объехали вокруг и атаковали их лучников с тыла. Я хочу, чтобы они все были убиты.

Удивляло то, что в действительности он этого не хотел, ему было необходимо прекратить битву. Он молил Солнце вернуть его в Гиорран, он провёл бы остаток жизни в окружении своих жён, не думая ни о чём, кроме очередного кубка доброго вина. Но он знал, что Солнце не услышит его.

— Выполняй.

— Да, сэр.

— Давай, давай, парень! Быстрее!

— Да, сэр.

Надар снова оказался в одиночестве. Шум позади него — крики и ругань — не создавали ощущения, что за ним идут друзья. Эти люди были всего лишь орудием, призванным устранить угрозу для Дома Эллона: их союз с ним был простой служебной обязанностью.

Он потрепал гриву коня, чтобы тот продолжал своё размеренное движение вперёд, я подумал о своих врагах. Где-то там, на краю этой проклятой гигантской чаши, находился сильный светловолосый человек, который командовал армией из людей, желавших ему подчиняться. Надара это приводило в негодование. Его армия подчинялась приказам только из-за того, что людям вдолбили это. Различие было очень тонким: если бы любой из его солдат мог выбирать, спасти ли ему жизнь Надара, или свою собственную, ясно, что он предпочёл бы свою; в то же время будь такой выбор у крестьянина…

Ему вдруг захотелось быть кем-нибудь другим — кто не служит в армии и не метит на престол Деспота.

Интересно, любят ли его жёны?.. «У неё были зелёные глаза, и я мог бы полюбить её, но она видела, каким дураком я был и сейчас остаюсь, она была права. Я хотел, чтобы она была рядом со мной, чтобы она шутила и смеялась со мной вместе, и не придумал ничего лучшего, чем изнасиловать её. Почему этот дурацкий кусок плоти между ног решает за меня, что делать? Зелёные глаза».

Новый дождь из стрел. И на этот раз эллоны легко справились с ними.

Пожилой офицер скрылся из глаз.

Эллоны запели. Кавалерия, выстроившись в колонны, гарцевала, как на параде. Люди на лошадях вели за собой пеших к краю равнины, выкрикивая какие-то лозунги. Как будто пятно

разрасталось на поле, пятно, состоящее из множества муравьёв, не обращавших внимания друг на друга, но действовали они, подчиняясь единому плану.

Сверху молчаливо смотрело Солнце. Оно смотрело оттуда всегда, с того времени, как мальчика Надара научили молиться ему.

«Мои солдаты думают, что они непобедимы, и я хочу, чтобы они продолжали верить в это. Мы победим, но…

Зелёные глаза».

Люди Лайана появлялись теперь со всех сторон. Они были плохо вооружены, одеты в лохмотья, но от их количества у Надара похолодело внутри. «Моих людей перережут только благодаря численному перевесу». Уже отсюда он видел, что многие из воинов-крестьян были женщинами. Это очень ему не понравилось.

Мужчина с копной золотых волос на голове — тот самый, что сильно и оскорбительно избил его накануне, был во главе кавалерии, которая неожиданно вклинилась в расширяющееся кольцо эллонов, над его головой то и дело взлетал боевой топор, причём не без последствий для окружающих.

Эллоны, те из них, которые не кричали, всё ещё продолжали петь свою песню, но в ней теперь звучали истерические нотки.

Крестьяне, напротив, были спокойны.

Надар почувствовал, что над всеми его чувствами тоже стал доминировать панический страх.

Его учили вести людей на битву, но он никогда не участвовал в настоящей битве. В чём была его роль? Пока — убивать крестьян, показывать пример.

Он поднял меч и направил своего коня туда, где светловолосый бунтарь рубил своим окровавленным топором эллонскую плоть.

* * *

Далеко-далеко, на самой северной оконечности Альбиона, спал *дрёма*.

Обычно дрёмам не позволяли спать, но этот выскользнул из маленькой крестьянской деревушки, где провёл несколько последних периодов сна, под предлогом несварения желудка и необходимости уединения. Отчасти это было правдой: жирная пища, которая для крестьян была обычной, его выворачивала наизнанку, поэтому и пришлось провести несколько неприятных минут, скрючившись над неглубокой канавой и с отвращением отправляя естественную нужду. Однако главной его целью был сон. Он так давно не спал — ему не позволяли спать, — что всё тело ныло от усталости, а глаза чесались до боли. Он надеялся,

что ушёл достаточно далеко от деревни. Но понимал, что не сможет отойти дальше.

Он упал лицом в сладко пахнущую землю, и не успел коснуться её, как глаза его закрылись, а через секунду послышался храп.

Все знали, что дрёмы опасны. И держали их в обществе лишь потому, что иногда они бывали полезны.

Он был одет в обычную для дрёмы одежду: серо-красный плащ с приколотой к нему возле плеча зелёной сияющей металлом звездой. Конечно же, он не был вооружён. Это был маленький человек, и хоть он не старел, но выглядел старше, чем любой человечек. Звали его Джоли.

То, что у него было имя, уже выделяло его среди всех крестьян — и отсюда проистекала его полезность. Он ходил от деревни к деревне, его с радостью принимали, кормили, поили, давали кров, но не более, чем на несколько периодов бодрствования. Затем он собирал свои скромные пожитки, закидывал мешок за плечи и снова шёл по стране, пробираясь через леса или шагая вдоль накатанных эллонских дорог к следующей деревне.

Он мог давать имена людям н вещам. Он мог рассказывать слушателям о том, что происходило в их регионе Альбиона. Он мог на короткое время, дать крестьянам почувствовать себя стоящими людьми, а не беспамятной домашней скотиной, обречённой на тяжёлый рабский труд. Конечно, после его ухода крестьяне забывали обо всём этом — обо всём, кроме смутного ощущения чего-то невыразимо яркого, превосходящего всё, что они когда-либо испытывали в своей обычной жизни.

Беда была в том, что он представлял опасность для них. Его присутствие было, как наркотик, который давал несколько часов наслаждения, а потом шёл длительный период абстиненции и кошмаров. Он повернулся, поудобнее располагаясь на траве. *Всё дело было в кошмарах*.

Когда дрёмы спали, их сны доминировали над флуктуирующей реальностью Альбиона, накрепко впечатываясь в материю, пространственно-временной континуум и изменяя естественный ход событий. Этот эффект локализовался около них, и за несколько километров он пропадал начисто — но вблизи он мог быть необычайно сильным.

Дрёма беспокойно завозился во сне и, как ребёнок, загнул себе в рот большой палец правой руки.

Большинство снов были хорошими. Но кошмары…

Все чудовища, жившие в подсознании дрём, могли выползти из поверхность земли, могли разверзнуться небеса и выпустить

огонь на несчастных, оказавшихся внизу. Земля могла открыться и поглотить мужчин, женщин и детей в холодную пустоту, из которой никто не возвращался. Неродившиеся дети могли превратиться в мерзких, колючих и острозубых тварей, прогрызающих себе путь к солнечному свету сквозь тела матерей; тихие и упорные преследователи могли красться за человеком, как неотвратимая угроза… Хуже всего было то, что дрёмы знали о своей опасности для ни в чём не повинных людей, но были не в силах проснуться и остановить всё это.

Дрёмам никогда не позволяли спать, если они были рядом с людьми, крестьянами или эллонами.

Морщины на лбу дрёмы стали глубже, он беспокойно ворочался во сне и время от времени постанывал. Один два раза он даже громко закричал.

Он чувствовал, что это необычный кошмар. То, что он видел, сильно отличалось от всех предыдущих ощущений. Всё казалось абсолютно реальным, но реализм был особый — не такой явный, не такой всепоглощающий, и это заставляло его чувствовать, что кошмар исходит не от него, а откуда-то издалека. Загадочное, неизвестное место притягивало и питало его мозг образами. Худощавое лицо с коротко подстриженными рыжими волосами так быстро мелькнуло перед глазами, что он даже не успел как следует разглядеть его.

«Певец», — отметил он про себя. Говорили, что певцы не были никому ни друзьями, ни врагами — они находились вне этих понятий. Он слышал и о том, что они могут делать, и не хотел бы встретиться с кем-либо из них. «Неужели они выглядят вот так?» — мелькнула мысль.

На этот раз ему приснилась битва. Он всё видел и слышал, но сам не принимал участия в происходящем, как будто смотрел сквозь стену прозрачного хрусталя. Быстрая смена различных сцен происходила словно по чьей-то команде. И наконец он понял почему.

Всю жизнь он помнил, что с ним случилось или о чём ему рассказывали; он не мог об этом забыть. То же происходило и со снами.

И певец использовал его разум, как записную книжку. Только цель его он не мог понять.

Отрубленная рука полетела прямо ему в лицо. Он попытался увернуться, не смог, но неожиданно оказался совсем на другом месте поля битвы и наблюдал за другой агонией и новыми зверствами.

* * *

Сон был такой:

Рин и Марья вели небольшой отряд того, что они называли кавалерией, в тыл эллонской армии. Вокруг был различный мусор, оставленный вчерашним лагерем. Они скрылись за деревьями.

Вскоре они увидели небольшой эллонский отряд, направлявшийся к ним. Значит, за ними наблюдали.

Но тут было что-то не так. Эллоны казались испуганными и выкрикивали ругательства в адрес своих командиров, но по выражениям их лиц Рин и Марья поняли, что всё это — представление, расчётливая военная хитрость. Солдаты переигрывали, и всё это не могло быть правдой.

Марья посмотрела на Рин, Рин на Марью. Обе улыбнулись.

— Они не знают, что мы здесь, — сказала Марья, поглаживая плечо своего коня. Животного, казалось, совершенно не беспокоило то, что происходило на поле впереди, и оно воспользовалось передышкой, чтобы пощипать молодые побеги кустарника.

— Скоро узнают, — заметила Рин, усмехнувшись.

— Как ты думаешь, чего они добиваются? — спросила неожиданно возникшая позади них Синед. Её голос был едва слышен.

— По-моему, они используют старый трюк, — сказала Марья. — Эти сволочи послали сюда отряд кавалерии, ожидая возможную засаду, делают вид, что дезертировали из своей армии. На самом же деле они хотят зайти нам за спину, чтобы мы оказались в окружении.

— У них это не получится, — сказала Рин, и её улыбка выражала решимость. — Они умрут раньше, чем это произойдёт.

— Но нас всего лишь двадцать человек, — возразила Синед. Впервые с начала битвы она была обеспокоена. Она всегда с трудом прогнозировала будущее, но сейчас оно явственно представилось ей.

— Да, — сказала Рин, почесав подбородок. На её верхней губе виднелись еле заметные пушистые усики, которые только подчёркивали красоту её лица. — Но у нас есть небольшое преимущество: они не знают, что мы здесь. Синед, собери лошадей и десяток воинов. Я хочу, чтобы они были подальше на случай, если что-то пойдёт не так.

Она легко спрыгнула на землю, и Марья за ней следом, моментально догадавшись, что она собиралась делать. Синед последовала их примеру, но значительно медленнее.

— Почему? — опросила она.

— Поймёшь позже, — огрызнулась Марья. — Двигайся побыстрее. У нас нет времени.

— Нам понадобится Редин, — сказала Рин. — Пусть возьмёт с собой ещё нескольких воинов. Желательно лучников.

Синед была обеспокоена. Она отвела лошадей назад, и через минуту к двум женщинам подошли новые воины, включая Редина и Синед.

Рин ничего не сказала, она лишь коснулась своего лука и показала пальцем вверх. Крестьянские воины моментально уловили её замысел. Они полезли на деревья, стараясь, чтобы стволы скрывали их от банды приближающихся «дезертиров».

Пожилой офицер первым достиг леса. Их хитрость, похоже, сработала: крестьяне их не преследовали. Он заехал в лес и всё ещё улыбался, когда стрела откуда-то сверху пробила ему череп и застряла в позвоночнике. Он упал на шею своего коня, который продолжал идти вперёд, обходя препятствия и не замечая смерти хозяина.

Дальше события разворачивались так быстро, что дрёма не вполне понимал, что происходит. Умирающие лошади, скребущие копытами по земле; лежащие под кустами люди с кровавой пеной у рта; прыгнувший на эллона крестьянин и последовавший за этим хруст сломанной шеи.

Только четверо солдат смогли вырваться из леса. Трое из них были настигнуты стрелами. Четвёртый, более хитрый, повернул коня и помчался на крестьян, размахивая мечом во все стороны.

Синед, которая не успела увернуться, получила удар мечом в переносицу и, упав на землю, моментально застыла.

Пытавшегося спастись эллона настигла стрела Марьи.

Крестьяне перегруппировались. Все они тяжело дышали, причём не от усталости, а от осознания только что содеянного.

— Пожалуй, стоит подождать ещё немного, — наконец сказала Рин, не глядя на Марью.

— Согласна. — В голосе Марьи звучала горечь. — Подождём. Жаль, что этот гад умер так быстро. Правда, есть и другие, которые пока ещё живы.

Рин посмотрела на неё.

Взгляд Марьи напугал даже Рин.

* * *

Дрёма хотел проснуться, но не смог. Каким дураком он был, что ушёл из деревни и позволил вот так манипулировать собой! Он мог остаться среди крестьян, не дававших ему спать. Он надеялся не увидеть, что сделает черноволосая женщина по имени Марья с каким-нибудь несчастным солдатом, который подвернётся под её безжалостную руку.

Потом сон перенёс его в другое место, к другим сценам и событиям. Если бы он не спал, он смог бы зажмурить глаза,

свернуться в клубок и надеяться, что все эти видения исчезнут…

* * *

Вот второй сон:

Меч Надара ударил крестьянку в шею, но несколько мгновений женщина ещё стояла, не веря, что умирает. Он толкнул её, высвобождая меч, и тело упало на землю. Его конь не понял намерений хозяина и стал отходить в сторону. Надар сердито закричал, пришпоривая коня так, что кровь ручьями потекла с его боков.

Здесь, в сердце битвы, шум был оглушительным. Несколько крестьян решили его атаковать, предстояло с ними разобраться. С обагрённым кровью мечом он медленно пробирался к тому месту, где находился золотоволосый человек, посягнувший на гордость Эллонии. Между Надаром и тем человеком был плотный барьер из человеческих тел. И когда под его мечом упала очередная жертва, он попытался вообразить, что прокладывает себе дорогу через лес.

«Эти нелюди так громко кричат, — думал он, а затем неизбежно: — У неё были зелёные глаза».

Крестьянские лучники, заметив слабину эллонской обороны, возобновили свой смертельный дождь. Надар почти инстинктивно загородился щитом от стрелы и погрузил меч в живот очередному воину.

Вокруг было столько народу, что ему стало трудно продираться сквозь эту толчею. Конь тоже был испуган шумом и давкой.

Надар отрубил чью-то руку. Человек выглядел таким дружелюбным перед тем, как попытался отрезать ему стремена своим грубым крестьянским мечом.

«Плуги, переделанные в мечи, — думал Надар. — Лучше бы наоборот. Может, если бы мы… Нет, они перебили бы нас всех». Он с лёгкостью отразил удар боевого топора, тот отлетел в гущу сражающихся людей. Может, даже убил кого-то; кто знает? Конь Надара ударил копытами по почкам одному из противников.

«Ведь они люди», — думал Надар, убивая ещё кого-то. Земля под копытами его коня имела ужасный красно-коричневый оттенок. Зелёный цвет травы почти полностью исчез. Под ногами были лишь кровь и грязь.

Его конь наступил на труп, и Надар посмотрел на него, мечтая убраться поскорее из этого места.

Стрела вонзилась в круп его коня. Ранение не было серьёзным, но оно напомнило Надару, что выбор у него только один: он должен выиграть эту битву или умереть.

Он чуть не плакал, с трудом различая людей, которых убивал

своим мечом, превратившимся, казалось, в независимое существо, управляющее его рукой так, чтобы наносить максимальный урон шевелящейся перед ним плоти.

Его правая рука гудела от усталости. Меч от частого использования стал непомерно тяжёлым.

Ещё одна крестьянская женщина с криком умерла.

Дальше, дальше сквозь барьер.

Кто-то прокрался снизу и перерезал горло коню Надара. Тот, обливая кровью нападавших, повалился вперёд.

Надар с огнём в глазах поднялся на ноги, и его меч заработал так быстро, что взгляд не успевал за ним. Вот он вонзился в пах пожилому плохо одетому крестьянину, вот разрубил ключицу рыжеволосой женщине, которую он предпочёл бы видеть среди своих жён.

«Она падает, провозглашая криком свою смерть, а я могу лишь двигаться вперёд, к тому человеку со светлыми волосами. И при этом Дом Эллона считается цивилизацией. Да, но его благословило Солнце, а эти вот — просто животные, которых мы разводим. Хотя, может, Солнце и ошибается, и тогда истекающая кровью женщина — вовсе не убитое животное…»

Ланьор умирает, и на её лицо наступает эллонский ботинок.

Снова дождь стрел. Отовсюду доносятся крики.

«Неужели нельзя из этого выбраться?»

Убить лидера — не главное, это можно сделать и позже. Вот подавить бунт…

Эту битву необходимо выиграть.

Продолжая рефлекторно рубить крестьян, Надар оглянулся, чтобы узнать, сколько из его офицеров осталось в живых.

«Гарндон никогда бы не одобрил этого, но есть шанс, что…»

* * *

Сны становились всё более и более кошмарными…

Глазами Лайана Джоли видит океан страданий.

Нет, не боль умирающих от ударов его топора, рассекающего вены и артерии так, что белая шея Анана становится кроваво-красной, а боль самого Лайана. Сын Термана хотел уничтожить Дом Эллона, чтобы прекратить его тиранию над крестьянами. Теперь, видя эту бойню, он начал ценить жизни солдат. Раньше ему всё казалось очень простым: после уничтожения Эллонии крестьяне сами смогут управлять своим будущим, руководимые, если они вообще нуждались в руководстве, каким-нибудь сильным человеком. Может быть, хотя и не обязательно, самим Лайаном. Эти грандиозные мечты были необычайно далеки от грязного дела, которым он сейчас занимался: его топор перерубил шею какому-то несчастному дураку, полагавшему,

очевидно, если он пойдёт в армию, то будет иметь столько женщин, сколько захочет.

Бедный дурак умер.

Слишком много дураков умерло.

С обеих сторон.

* * *

Дрёма издал во сне тонкий протяжный стон. Изо рта у него текла слюна, когда он катался по земле, хотел избавиться от кошмаров, но знал, что это невозможно…

* * *

Анан получил сильную резаную рану в грудь, и это рассердило Лайана больше, чем что-либо другое, прервав его размышления.

Эллон, чей меч поранил коня, с удивлением поглядел на место, где только что была его правая рука. Тот Кто Ведёт едва заметил, как его топор, продолжая двигаться, вскрыл грудь молодого эллонского лейтенанта, почти не встретив сопротивления от доспехов.

Солнце продолжало добродушно наблюдать за всем этим.

Лайан освободил топор и, стараясь не смотреть на лезвие, замахнулся наугад в другую сторону. С плеч скатилась чья-то голова, и он почувствовал приступ тошноты.

«Да, — подумал Лайан, — меня называют «Тот Кто Ведёт», но я не хотел приводить своих людей к этому».

Новая жертва. Затем ещё одна.

«Обратно в деревню…»

Откуда-то взявшаяся стрела воткнулась ему в ягодицу, но не вызвала ничего, кроме минутного раздражения. Он отломил древко, выступающее из его плоти, и, не обращая внимания на боль, всадил топор в смотровую щель шлема эллонского всадника, да так, что человек, не успев крикнуть, сразу упал на землю. Лайан с трудом вытащил топор из его головы, чтобы замахнуться снова.

* * *

Дрёму тошнило.

Он знал, что всё это происходило наяву.

* * *

Тот Кто Ведёт не имел понятия о том, что случилось с Сайор. Она не была хорошим воином, поэтому скорее всего уже погибла, разрезанная на части эллонским мечом, и тело её вбито в землю конскими копытами обеих армий, а лицо изувечено до неузнаваемости.

Нет. Он не хотел об этом думать.

Его плащ был липким и красным. И это раздражало его даже

больше, чем необходимость убивать. Он разбил череп какого-то солдата, изогнулся, чтобы избежать удара просвистевшего мимо эллонского меча, и подумал: удалось ли Рин атаковать с тыла?

Человек в шлеме пробирался пешком к Тому Кто Ведёт со вполне очевидными намерениями.

Человек, которого они отпустили в прошлый период сна?

Лайан на секунду задумался и чуть не потерял жизнь, когда эллонский всадник с криком бросился на него из седла в попытке сломать шею. Они оба упали на землю и боролись до тех пор, пока Тому Кто Ведёт не удалось сильно ударить противника коленом в пах. Один из крестьян нагнулся и почти нежно вонзил свой кинжал эллону в горло.

Тот Кто Ведёт вновь оседлал Анана. Он не вполне понимал, как это ему удалось. Левую щеку жёг порез, но не было времени беспокоиться по этому поводу.

Он замахнулся топором.

Чья-то рука.

Она покатилась прямо к дрёме, хоть Тот Кто Ведёт и не подозревал об этом.

* * *

Дрёма проснулся, что-то крича недружелюбным небесам. Голубизна поглотила его крик, не оставив ничего. Он так устал, так устал…

* * *

И последний сон:

Марк с беспокойством оглядел поле битвы. Шум её выворачивал ему желудок наизнанку. Его конь шёл неизвестно куда. Казалось, крестьяне побеждают, но в душе он знал, что к концу периода бодрствования битва будет проиграна.

Об этом говорила Элисс.

Улыбаясь, он вынул из ножен кинжал и перерезал себе горло.

* * *

Снов больше не было.

Надар наконец-то вышел из оцепенения.

— Эллоны! — закричал он что есть мочи. — Эллоны, оттесняйте крестьян от светловолосого человека!

Несколько эллонских солдат повернулись на его крик и через минуту были мертвы.

— Рассеивайте их! — кричал Надар. — Можете даже не убивать, только оттесняйте от их лидера!

Трудно было перекричать шум битвы. Он огляделся вокруг и заметил трубу, лежащую на залитой кровью траве.

Закатившиеся глаза мёртвого трубача сверкали белками между открытых век.

Надар нагнулся за инструментом и упал на землю.

Убедив себя, что боль в плече скоро пройдёт, он выхватил трубу из руки мертвеца и с трудом поднялся на ноги.

В глазах у него потемнело, но он поднял трубу и издал хриплый, но громкий звук.

На секунду всё стихло: крестьяне и эллоны пытались понять, что происходит.

— Рассеивайте крестьян! — снова закричал Надар. — Изолируйте их друг от друга!

Больше половины эллонов погибло, но в конце периода бодрствования победа была на их стороне. Чем дальше уходили крестьяне от Того Кто Ведёт, тем меньше они помнили о том, что привело их сюда и какова была их задача. Надар наблюдал за всем этим с чувством, напоминающим грусть. В ходе битвы он понял, что у крестьян есть честь, достоинство и ещё — то, чего не хватало его солдатам: вера в своё дело.

«Как я и думал, это превратилось просто в карательную операцию». — Он глядел на то, как крестьяне бесцельно снуют взад и вперёд, удивляясь, почему его солдаты продолжают преследовать их, убивая целыми толпами. Лишь немногие поблизости от Того Кто Ведёт продолжали сражаться до конца. Их смерть была страшной.

Надар оглядел покрытое трупами поле и улыбнулся жестокой улыбкой, какой и ожидали от него солдаты.

«Зелёные глаза».

Его улыбка дрогнула,

К Надару привели Лайана, и он жестом приказал, чтобы бунтаря связали по рукам и ногам и доставили в Гиорран.

Надар подозвал молодого офицера и приказал ему собрать отряд для добивания раненых воинов — крестьян или эллонов, без разницы. Офицер отсалютовал, взял с собой нескольких крепких бойцов и отправился выполнять свою грязную работу.

«Зелёные глаза».

Эллоны не нашли женщину с зелёными глазами. Её голова оказалась под трупом, и они не заметили её среди мёртвых.

А гораздо позже, когда они уходили с поля, никто не увидел, как она последовала за ними — за золотоволосым человеком, привязанным к коню. Спина этого человека прекратилась в кровавое месиво от эллонских побоев.

На поле дул ветер…

На поле дул Ветер.

Ветер дул на поле, и некоторые из погибших крестьян почувствовали, что жизнь возвращается в их умы и тела. Сайор обнаружила, что возглавляет небольшой молчаливый отряд,

преследующий эллонов. Она знала, что это воины, хотя могла различать лишь их тени, а приглядываясь, видела как бы столбы полупрозрачного тумана.

Её воинами были воспоминания.

Этой армии было недостаточно, чтобы спасти Того Кто Ведёт.

Нет, недостаточно.

Тем не менее Сайор продолжала преследовать эллонов.

Часть вторая. ТА КТО ВЕДЁТ

Глава первая. Записи

Для Сайор наступило безвременье. Всё вокруг неё беспрестанно изменялось, но тем не менее оставалось тем же самым. Она с трудом осознавала, что где-то в пыльных уголках её сознания оставались воспоминания о прошедших беспокойных временах. Но к этому тайнику не было дороги, поэтому, казалось, они навсегда останутся невостребованными. Они были как зуд, который ощущался телом, но источник которого было невозможно обнаружить.

Солнце. Пекущее солнце. Оно смотрело на неё, бредущую в одиночестве между меняющих очертания полей, вдоль дорог, извивавшихся змеями. Она ощущала его свет, как некую физическую силу, мешавшую движению, будто идёшь сквозь воду. Она продвигалась вперёд очень медленно. Она сознавала: что-то страшно тяготит её. Но что? Причина была недоступна, как и все остальные воспоминания. Горячий воздух пытался сломить её, иссушить до смерти; может, именно злость на него и заставляла её идти вперёд и вперёд, подчиняясь инстинктам.

Прошло много времени, пока ноги довели её до Эрнестрада, но она начисто забыла о своём пути. Не помнила она и того, что там произошло.

Всплывала перед её мысленным взором бешеная собака, пронзённая мечем. Картина не имела никакого смысла, и она смеялась про себя над её абсурдностью. Двумя периодами бодрствования позже она вспомнила вдруг истекающее кровью тело мужчины и, не понимая почему, бросилась в сторону и спряталась в канаве. Она не могла вспомнить людей, тела которых отличались от её собственного, поэтому решила наконец, что кровь у неё в паху означает менструацию — процесс ей хорошо известный.

Было время бодрствования и было время сна. Она не чувствовала угрызений совести, воруя в периоды бодрствования овощи с крестьянских полей, мимо которых она шла. Овощи — как правило, репа и кабачки — часто оказывались незрелыми, и она подолгу мучилась острой болью в животе. Она проходила мимо редких деревень, избегая их жителей. Почему? Она не знала.

Всё состояло из отрывочных эпизодов.

Были моменты, когда она проходила мимо пасущегося скота. Как-то, услышав шаги, от неё убежала овца. Она ощущала свой собственный запах и не могла найти его источник, к тому же это её мало беспокоило. Её больше беспокоили насекомые, кусавшие,

жалившие её, правда, боль длилась мгновения, а потом забывалась. Она смотрела на волдыри на руках и ногах и удивлялась — откуда они взялись.

Как-то её посетила Элисс и улыбаясь рассказала, что скоро, когда ребёнок, которого она носит в себе, подрастёт, для неё всё изменится… Правда, она не понимала слова «скоро» и через несколько мгновений забыла о встрече со странной маленькой женщиной. В памяти осталось только одно: Элисс сообщила, что перенесла записи Сайор в Лайанхоум, где они и ждали хозяйку. Память об этом жила в Сайор как смутное сознание: она должна во что бы то ни стало добраться до своих записей. Почему это было важно, она не понимала.

* * *

Сайор наклонилась над ручьём, её ноги щекотали водоросли. Она набрала в ладони ледяную, кристально-чистую воду. Когда-то, наверное, в другой жизни, она купалась с кем-то в таком вот ручье, но не помнила ничего, кроме ощущения воды, ласкающей голое тело, и гладких камешков под ногами.

Она глотнула воды и попыталась заставить свой мозг сосредоточиться на воспоминаниях. Раскалённое солнце изо всех сил старалось отвлечь её от того, что с ней произошло в прошлом (само понятие прошлое повергло её в изумление). Она сняла платье и осторожно погрузилась в холодную воду. Ручей был неглубоким — плавать в нём было невозможно, только лежать, опершись на локти, наслаждаясь тем, как вода обтекает тело. Ока наклонилась назад, и её волосы захватило течением. Расправляя их одной рукой, она потеряла равновесие и погрузилась в воду с головой. Через мгновение вынырнула, смеясь над своей неловкостью, встала на колени и принялась мыть своё покрытое коростой тело. Грязь плохо отмывалась холодной водой, и она оторвала пук водорослей, чтобы упростить себе задачу. Поломанные стебли и листья уплывали по течению.

Взяв одежду и почти плача от отвращения, она погрузила её в воду. Грязь поплыла по воде, как коричнево-зелёный дым. Вместе с отвращением она чувствовала также и облегчение. Наконец, помочившись в воду, она ощутила, как яды, скопившиеся в ней, покидают тело.

Она выбралась на берег, держа в руках тяжёлое от воды платье, и неожиданно вспомнила, что у неё есть имя и это имя — *Сайор*. Это показалось ей очень таинственным.

Она отбросила одежду и легла на спину, расставив руки так, чтобы горячие лучи солнца смогли обсушить их.

Да, она была Сайор.

И был когда-то человек по имени Лайан.

Теперь он мёртв: его убили эллоны.

Надар.

Надар хотел изнасиловать её, и это бы ему удалось, если бы не Лайан. Разве это не глупо, что попытка овладеть её телом теперь кажется важнее, чем всё остальное?

Часто Лайан был очень нежным, а иногда, если она хотела, очень сильным…

Перед глазами всплыла новая картина. Это был улыбающийся голубоглазый человек. Сначала ей показалось, что лицо его окружено свечением, но затем она поняла, что это были золотистые волосы. Она углубилась в воспоминания ещё дальше и увидела этого человека верхом на большом белом коне. «Анан, — подумала она. — Да, именно так звали коня. Анан». Как-то он попытался лягнуть её, и Лайан отстегал его вожжами.

Она не на шутку испугалась. Что-то было не так в том, что эти воспоминания всплывали в её мозгу. Это казалось почти ересью. Она попыталась отмахнуться от них, но они снова и снова возвращались. Она закрылась рукой от света и медленно провела ладонью по своему животу.

Лайан был с ней, он никогда не покидал и не покинет её.

Солнце стало обжигать её кожу, и она перевернулась на живот, ощущая под собой неприятную жёсткую траву и царапины от водорослей. Вскоре она снова легла на спину. От долгого взгляда в безоблачное голубое небо у неё заболели глаза.

Сайор знала, что Лайан всё ещё с ней и что она обладает им.

* * *

Несколько последующих периодов бодрствования у Сайор было неприятное ощущение, что кто-то раскрасил Альбион в непривычно яркие тона. Прохладный воздух казался таким же освежающим, как вода. Она шла теперь сознательно, а не подчинялась слепым инстинктам. Ей казалось, что некий голос зовёт её в Лайанхоум, и она следовала за ним, делая перерывы лишь на еду и на сон. Куда бы она ни шла, земля замирала, и она больше не замечала мерцающего горизонта и изменяющих свою форму полей. Теперь она до мельчайших подробностей могла вспомнить войну крестьян-повстанцев, возглавляемых Лайаном, против Дома Эллона и страшную казнь в Гиорране. Эти воспоминания не расстроили её, а наоборот, придали ей сил. В её походке появилось больше уверенности. Гибель Лайана и многих других крестьян, конечно, печалила её, но всё это было ничто по сравнению с головокружительным ощущением памяти об их напрасном героизме и радости за то, что эти люди прожили несколько лет полнокровной жизнью, а не влачили жалкое существование, на которое были обречены все крестьяне с начала

вечности.

Она шла по полям, лесам и горным перевалам и часто замечала, что поёт про себя.

Она заметила, что её не боятся дикие животные. В один из периодов бодрствования она присвистнула на зайца, который наблюдал за ней с небольшого бугорка, шевеля своими длинными ушами. К её удивлению, он приблизился, шустро лавируя в густой траве, некоторое время преследовал Сайор, а затем подошёл совсем вплотную. Пару раз, когда он обгонял её, она нагибалась, чтобы погладить его по спине и почесать между ушами, тогда он отскакивал в сторону и показывал свои жёлтые резцы, как бы улыбаясь. Заяц был с ней почти целый период бодрствования; затем её сопровождала пустельга, которая подлетела и села ей на плечо. Заяц при этом отбежал в сторону. Сайор обернулась и увидела, что заяц смотрит на неё так, как будто она изменила ему.

Поначалу присутствие острого клюва пустельги в такой близости от её глаз немного раздражало её, но вскоре она привыкла и успокоилась. Какое-то время она разговаривала с птицей так, будто та была её слепым спутником, которому надо было описывать всё, что происходило вокруг. Потом она зачем-то рассказала ей, что шла в Лайанхоум в надежде обнаружить там свои записи. Сайор улыбалась своему чудачеству, но тем не менее продолжала говорить.

— А у тебя есть имя, подружка? — спросила она, осторожно ступая по краю глубокой канавы, шириной почти во всю дорогу. Птица издала странный шипящий звук, напугав её так, что она почти потеряла равновесие.

Обойдя канаву и немного успокоившись, Сайор продолжила свою странную одностороннюю беседу.

— Имя должно быть у каждого, — сказала она, посмеиваясь над своим испугом. — И у животных тоже, я считаю. А ты?

На этот раз, к её облегчению, ответа не последовало.

— Лайан, а до этого его отец, говорили, что имена — самый большой дар, который они могут дать нам — больше, чем освобождение от этих сволочей из Дома Эллона. Ты хочешь, чтобы я дала тебе имя?

Пустельга, казалось, скучала.

— У меня тоже есть имя. Его дал мне Лайан.

Они проходили мимо дерева, листья и тонкие веточки которого мелко дрожали, как бы подчиняясь нежной беззвучной мелодии. Она остановилась и некоторое время наблюдала за изменчивой мозаикой теней на земле.

— Да, — она снова двинулась вперёд, — он дал мне свою

любовь и даже больше того… Но самое главное — он дал мне имя. Разрешите представиться. Меня зовут Сайор.

Птица опять не прореагировала. Сайор с восхищением посмотрела на её холодные бусинки-глаза, на серо-коричневый узор перьев…

— Нет, — сказала она, — это больше, чем ты думаешь. Это означает не только, что если меня зовут Сайор, то я Сайор. До того как Лайан дал мне имя, я была вообще никем… Просто одной из женщин в деревне, тоже ничем не отличавшейся от других деревень, пока Лайан не назвал её.

Она неожиданно остановилась. Справа было большое поле созревшей пшеницы. Такое жёлтое, что, казалось, подобного цвета просто не может существовать в природе. Возле изгороди торчали стрелки дикого чеснока. Сайор глубоко вдохнула.

— Я думаю, что могла бы быть счастлива без всего этого, — сказала она, чувствуя, как глаза наполняются влагой. — И, думаю, большинство других женщин тоже были бы довольны своей жизнью. Нет, не жизнью, существованием. Работали бы на полях до ломоты в спине, а затем ещё дольше, уже не ощущая никакой боли, потому что боль бывает только тогда, когда ты помнишь о ней и знаешь, что она продолжится в будущем. Если бы ты клюнула меня сейчас — а я прошу тебя не делать этого — то я почувствовала бы боль. Возможно, даже свернула бы тебе шею, так как разозлилась бы на тебя за то, что ты приговорила меня к нескольким дням, в течение которых я буду ощущать эту боль. А если бы я оставалась в деревне вместе с остальными женщинами и мужчинами, то не чувствовала бы ни боли, ни злости.

Понимаешь, без боли ты не чувствуешь того, что ей противоположно, — продолжала Сайор, недовольная собой потому, что Лайан объяснил бы всё это лучше. — Сейчас я довольна тем, что ты идёшь вместе со мной, вцепившись мне в плечо немного сильнее, чем нужно, только не обижайся, пожалуйста. Лайан тоже доставлял мне удовольствие, и удовольствие было в том, что он забрал серость моего прежнего существования.

На этот раз птица посмотрела на неё, и Сайор убедила себя, что она ждёт продолжения монолога. А когда Сайор споткнулась о лежащий на дороге камень и чуть не упала, птица нервозно захлопала крыльями.

Сайор осмотрелась. Лайанхоум был *где-то там*. Выбирая направление совершенно бессознательно, она перешла вброд мелкую быструю речку, а через несколько мгновений уже шла по пастбищу, где трава была выщипана почти до корней голодным

скотом. Капли воды на ногах и на платье очень скоро высохли.

— Ты всё-таки хочешь получить имя? Думаю, что да. Хорошо, что рядом был кто-то, с кем можно поговорить.

Пустельга повернула голову и клюнула её в голову. Лёгкая мгновенная боль была даже приятной.

— Ладно, хочешь ты того или нет, вот оно: с этого момента, друг мой, ты будешь называться…

Её самоуверенность бесследно исчезла. В первый и последний раз она услышала, как пустельга заговорила.

— Я не хочу иметь имя, — произнёс очень хриплый голос.

Затем птица сорвалась с её плеча и полетела вверх в ясную голубизну неба над Альбионом.

* * *

Давным-давно жила-была женщина. Как-то раз она стояла на вершине холма, убирая волосы со лба, и злилась на себя за то, что недостаточно красива. Впереди перед ней была деревня, и женщина знала, что называется она Лайанхоум; даже отсюда она видела, как сновали по своим делам люди. Но никто не взглянул туда, где стояла женщина…

— Да, мама, — сказала маленькая девочка, которой Сайор рассказывала эту историю. — Но кто была эта женщина?

— Это была я.

— Почему?

— Потому что… потому что это не мог быть никто другой. Если бы не ты, я никогда не добралась бы сюда. Тогда я не знала этого, но теперь знаю. Ты была частью меня, Аня, и вместе с тем частью Лайана, который передал тебе что-то своё.

Аня была горда, что могла теперь ходить нормально, как ходят взрослые. Она продемонстрировала это, соскочив с колен матери и неуверенно засеменив по кругу. Затем вернулась на колени к Сайор, тяжело дыша, будто ей было жарко, хотя на ней не было ничего, кроме лёгкого шерстяного платья. Мать провела пальцем по носу дочери. Ей нравилось, когда она смеялась и вертелась у неё на коленях, как маленькая рыбка.

— Ты была с отцом, когда он умер?

Половина слов была произнесена серьёзно, а половина со смехом.

— Да, когда он умер, я была с ним.

— А как ты нашла дорогу сюда? — спросила смеясь Аня, не замечая, как напряглось тело матери.

— Я научилась помнить, — произнесла наконец Сайор. Она сидела на скамье перед домом, в котором когда-то жили люди по имени Ланц и Гред. Некто Терман, о котором Сайор слышала лишь со слов Лайана, дал им эти имена. Она знала также, что он

сделал и эту скамью, но скамья была очень неудобной.

— Я научилась помнить потому, что ты росла внутри меня, и именно поэтому я нашла дорогу в Лайанхоум.

Сайор провела рукой по шелковистым волосам дочери.

Вместе с воспоминаниями к ней пришла способность отчасти предвидеть то, что произойдёт в будущем. В своём воображении она видела столбы дыма, всадников, одетых в красное и зелёное, и лучи солнца, отражающиеся на острых лезвиях покрытых кровью мечей. Но она держала всё это в тайне от Ани, сомневаясь, правильно ли поступает. Так или иначе, однажды её дочь сама обо всём узнает. «Лишь бы это было не скоро, — думала Сайор, — после того, как я умру и буду забыта».

* * *

К тому времени, как она появилась в Лайанхоуме, его жители давно уже забыли и Термана и Лайана. Они помнили лишь, что очень давно среди них были люди, которые заставляли их всё видеть по-другому и сознавать, что следующий период бодрствования может не быть таким, как предыдущий. И это было всё. К тому времени она уже знала, что несёт в себе ребёнка Лайана. Она не знала, гордиться ли ей этим или нет. Вероятно, тысяча женщин в Альбионе могли бы гордиться тем же.

Но Элисс говорила, что принесла записи сюда.

И, по-видимому, вместе с ними привела Рин.

Сайор сначала не понимала, как Рин добралась до Лайанхоума, а тем более, как она нашла дом, где жили когда-то Лайан и Майна. Просто, когда Сайор пришла в деревню, черноглазая женщина появилась у неё на пороге и они обнялись, как сёстры — отчасти это и было так. Почти все их товарищи погибли, видимо, в живых остались только Сайор и Рин.

— Осторожнее, — сказала Сайор, вырвавшись из её объятий и погладив свой начинавший округляться живот. — У тебя то же самое?

Она относилась к этому спокойно. Обязанностью Лайана было зачать как можно больше детей, она знала, что и Рин временами была его любовницей. Лишь на мгновение она почувствовала что-то наподобие ревности.

— Нет, — сказала Рин, — я не беременна.

Она пошла вместе с Сайор на кухню. Там царил разгром.

— Домашнее хозяйство всегда было моим слабым местом, — сказала она нервно, видимо, чувствуя вину за это. Она вытерла один из стульев, усадила на него Сайор и принесла чашку тёплой воды.

— Лайан и я… ну… это просто не получалось.

Она вялым движением руки показала себе между ног и

пожала плечами.

— Вот с Марьей — другое дело. Но Марья умерла.

— Извини, — сказала Сайор. — Так много наших погибло…

Она выпила воду одним глотком и поставила чашку на обшарпанный стол. Они надолго замолчали, вспоминая Марью. Она всегда была тенью Рин и словно направляла всю свою энергию на то, чтобы подражать ей.

— Не надо, — сказала наконец Рин.

— Что не надо? Ты не жалеешь, что Марья умерла? — с удивлением спросила Сайор, наклонившись вперёд и опершись локтями на колени.

— Нет, конечно же, я жалею об этом.

Рин со злостью отмахнулась от надоедливой осы. Та, казалось, в ужасе вылетела в открытое окно. Блестящие глаза Рин сурово глядели на Сайор.

— Никогда так больше не говори, — сказала она холодно. — Марья была моей любовницей, и пока мы были вместе, я думала, что никто не в силах заменить её для меня. Но теперь она мертва, и её не вернёшь. Сначала я было попыталась забыть её, но потом подумала: зачем? Может, лучше не забывать? Когда-нибудь я, возможно, найду другую любовницу, и отдам ей всю любовь, на которую способна, но это не значит, что я должна забыть о той любви.

— Я знаю, — тихо сказала Сайор. — Лайан был для меня всем, но когда он умер, я ничего не чувствовала. «Ничего» это даже не то слово. У меня было множество чувств, но все они происходили от моего эгоизма: я хотела, чтобы он жил только потому, чтобы он был рядом со мной, чтобы я не была одинокой. Мне хотелось дотрагиваться до него, когда я захочу… Иногда мне даже кажется, что я не любила его а просто убедила себя в этом, но он затмил для меня весь свет.

Ока посмотрела на грязную солому на полу.

— Некоторое время я чувствовала его боль, как будто она была моей собственной. Затем всё изменилось. Когда он умер, я могла думать только о том, что меня лишили его. Но это — эгоизм. Мне жать, что у него не получилось с тобой

— Он любил тебя, — сказала ей Рин.

Сайор улыбнулась и расстроилась: улыбка получилась грустной.

— Он любил тебя, — продолжала Рин, — но также он любил и всех нас. Ты обманываешь себя, если думаешь по-другому. Ты была краеугольным камнем в его жизни, а если бы пожелала быть его единственной любовницей, он согласился бы на это. Но в нём было слишком много любви, чтобы дарить её всего лишь одному

человеку. Когда я спала вместе с ним и с Марьей, я *ощущала* его любовь к ней. Он хотел давать, а не брать. Когда он захотел подарить мне любовь, и у него не получилось, он почти плакал. Ему казалось, что если он не хочет моего тела, то он обижает меня этим. Я гладила его по спине до тех пор, пока он не уснул; затем и я уснула, обнимая его, а Марья обнимала меня. Это была любовь. Это была любовь, которую он хотел дарить всем. Просто близость. Не заблуждайся насчёт того, что он использовал женщин лишь для своего воспроизводства.

— Ты откровенна, — сказала Сайор. Ей не хотелось, чтобы в этих словах было так много резкости.

— Конечно. А ты предпочла бы, чтоб я солгала тебе?

Сайор на секунду задержала дыхание.

— Нет, — сказала она.

— Отлично. Мы останемся друзьями?

Сайор улыбнулась, неожиданно почувствовав, что парит среди облаков.

— Конечно. А как же иначе?

* * *

Они обошли дом, исследуя его комнаты и неуклюжие деревянные лестницы. Полудикий кот со странной серо-розовой расцветкой шерсти, которого приручила Рин, вертелся у них под ногами, и поэтому приходилось двигаться осторожно. Возникшая было напряжённость между ними исчезла, и они теперь, весело смеясь, бранились на кота.

— Где ты нашла его? — спросила Сайор.

— Это он нашёл меня.

Дом оказался небольшим, как и говорил Лайан. А вот о чём он не сказал, так это о толстом слое пыли, покрывавшей буквально всё вокруг. Рин попыталась вычистить одну из спален, и побелённые стены покрылись тёмными разводами в тех местах, где она особенно старалась оттереть грязь. Зато в этой спальне не так пахло плесенью, как в остальных комнатах.

— Я, пожалуй, отмою это, — мрачно сказала Сайор.

— Нет, — возразила Рин. — Лучше я это сделаю.

— Нет, — настаивала Сайор. — Мыть буду я.

Она осмотрела одеяла, на которые кто-то — вероятно, Майна — ставила заплаты. Эти заплаты привлекли её внимание. Грубо выполненные, они отвечали жизненному стандарту Майны и Лайана, стилю жизни, который теперь унаследует её ребёнок. Заплаты как бы устанавливали связь между предшествующим поколением и тем, что придёт после неё.

И это было больше, чем просто сентиментальность. Если бы одеяла зашивала бабушка Майны, то ни Майна, ни её родители

никогда не догадались бы, кто это сделал. Для Сайор же, напротив, эти заплаты были посланиями, переданными сквозь время. Они также напомнили ей, что Лайан и его армии удалось отвоевать кое-что у Дома Эллона: трофеем была память, которую тираны использовали исключительно для себя.

Она на время потеряла этот трофей, но он вернулся к ней благодаря растущему в ней ребёнку.

Ребёнку Лайана.

Пусть даже одному из многих его детей, но его собственному ребёнку. И, что ещё более важно, *её* ребёнку.

Она собрала одеяла и засмеялась, заметив выражение лица Рин.

— Ну и запашок! Да?

— Что поделать! Давай я помогу тебе.

— Нет. Я уж взялась.

Они спустились вниз по тёмной шатающейся лестнице.

Первой шла Рин, переступая сразу через две ступеньки, Сайор шла за ней более осторожно, обхватив кучу старых одеял и глядя под ноги на каждую новую ступеньку.

Приятно было после темноты снова оказаться на ярко освещённом первом этаже.

— Здесь есть какой-нибудь ручей или речка, где я могла бы постирать всё это?

— Да. Давай я тебе помогу.

— Нет. Я же сказала, сама сделаю. Впрочем, пойдём со мной. Я буду рада твоей компании.

Сайор вдруг представила себе Лайана с его копной светлых волос на фоне ярко-голубого неба. Её глаза заблестели, но она прогнала слёзы прочь.

Чёрные волосы Рин стали длиннее с тех пор, как Сайор последний раз видела её, и она то и дело нервно убирала их со лба. У неё был сердитый вид.

— Я покажу тебе дорогу, — буркнула она.

— Спасибо.

Сайор удивилась, что же она сказала такого, что могло обидеть маленькую женщину? Ведь если они не научатся понимать друг друга — они будут потеряны как для себя, так и для всех остальных.

— Пошли, — сказала Рин. — Если мы постираем их сейчас, они успеют высохнуть к концу периода бодрствования.

Она кивком головы указала на одеяла в руках Сайор:

— Я помогу тебе нести.

— А ты уверена?..

— Да.

«Мы так быстро выработали между собой некое подобие этикета, — подумала Сайор. — Мы могли бы быть хозяйками Эрнестрада, ссорились бы из-за какого-нибудь смазливого кавалера в Доме Эллона и тоже придерживались бы этикета. А сейчас ссоримся из-за стирки грязного белья».

Сайор бросила одеяла на пол и тут же пожалела об этом. На полу комьями лежала земля и виднелись грязные следы Рин.

— Спасибо, — поблагодарила Сайор.

Они поделили между собой одеяла. Каждой досталось по два. Сайор подумала, что разделение этого труда было просто смешным — одеяла были достаточно лёгкими, но затем она поняла, что для Рин важен сам принцип. Всё равно, что делить, важно было участие.

— Спасибо, — повторила она, когда Рин встала, но на этот раз в её голосе было значительно больше теплоты.

— Спасибо за «спасибо», — огрызнулась Рин.

Сайор остановилась и топнула ногой. Удар по сухим доскам в закрытом пространстве показался оглушительно громким, и они обе отскочили в стороны.

— Чёрт возьми, Рин! Мы должны помогать друг другу, разве нет? Зачем ты встаёшь в позу?

Рин посмотрела на неё со смешанным чувством понимания и страха. Она помнила Сайор, как очень кроткую женщину. Порою в битве она бывала яростной и беспощадной, но в обычной жизни — всегда спокойна и погружена в себя. В Сайор появилось новое, и это одновременно нравилось и не нравилось Рин. Подруга Лайана раскрыла в себе силу, которую Рин никогда раньше не видела в ней.

— Мы — подруги, — холодно заметила она.

— Да. Подруги. И нам необходимо дружить: иначе мы — никто. — Сайор посмотрела на свои одеяла. — Если мы не будем друзьями, можно просто… не знаю… пойти и утопиться, оставив эти паршивые одеяла на берегу для кого-нибудь ещё. А сейчас получается, будто мы боремся за тень Лайана.

Рин похлопала её по плечу, и в этом жесте чувствовалось понимание.

— Я же сказала, мы друзья.

— Давай не воевать друг с другом, — повторила Сайор. — И особенно из-за Лайана. Мы любили его по-разному, так давай уважать это различие и оставим в покое всё остальное.

Река медленно текла между больших серо-зелёных камней, настолько отшлифованных водой и временем, что они напоминали раковины гигантских моллюсков. Сайор подумала, что, вероятно, река временами растекалась и затопляла соседние

поля. Стайка ребятишек, раскрыв рты, смотрела на приближающихся женщин. Сайор улыбнулась про себя. «Даже если я и не принесла ничего жителям Лайанхоума, — подумала она, — то по крайней мере разбудила любопытство у этих детей».

Подруга Лайана, к ногам которой был брошен почти весь Альбион, принялась стирать одеяла в тёплой проточной воде, время от времени шлёпая ими по плоскому камню. Дети продолжали смотреть, но некоторым из них надоело это зрелище, и они отправились на поиски новых игр. Иногда то Сайор, то Рин останавливались, чтобы расслабить ноющие мышцы спины, клали руки на пояс и выгибались так, что позвоночник, казалось, вот-вот сломается, а затем вновь возвращались к работе. Наконец стирка была закончена.

Рин поднесла одно из мокрых одеял к лицу и засмеялась.

— Запах вроде ничего. — заметила она.

— Трудно сказать, ведь они ещё мокрые, — пробормотала Сайор кряхтя: она уже в который раз выбивала о камень одно из одеял.

— Мне кажется достаточно, — сказала Рин. — Они чище, чем новые.

Сайор про себя согласилась с этим, но, стараясь доказать что-то, продолжала бить одеялом по камню ещё некоторое время. Затем, шатаясь от усталости, она тоже остановилась.

— Похоже, ты права.

Они расстелили одеяла на пожелтевшей траве возле реки, примяв длинные стебли, и так строго посмотрели на оставшихся ребятишек, что те в ужасе разбежались. Конечно, одеяла не пострадали бы от детского любопытства, но вот от грязных пальчиков… Солнце жгло нещадно, и от мокрой ткани вскоре пошёл пар.

Сайор и Рин легли на спину по разные стороны от одеял, словно это была некая символическая граница, и, заложив руки за голову, стали смотреть на безоблачное голубое небо. Нос Сайор щекотал одуванчик. Она решила сорвать его и уже подняла руку, но затем передумала и просто отвернулась. Одуванчик был частью того Альбиона, в который научил её верить Лайан. Пусть живёт одуванчик.

— У тебя ребёнок Лайана, — сказала наконец Рин, потянувшись в лучах солнца.

Сайор улыбнулась. Рин говорила о том, что они обе давно знали. Это было не характерно для Рин, значит, она говорила о том, что больше всего её беспокоило.

— Да, — согласилась Сайор, адресуя свои слова небесам.

— Значит, именно поэтому ты можешь помнить и именно

поэтому мы говорим с тобой сейчас.

— Да. Я думаю, это именно так.

— Нет, не совсем так. — Рин отогнала назойливую муху от своего лица. — Это не объясняет, как я нашла дорогу сюда.

— Понимаю. Именно потому я и подумала, что ты тоже носишь ребёнка Лайана.

На некоторое время воцарилось молчание, нарушаемое лишь стрекотом насекомых и шорохом ветра в траве. Сайор казалось, что она смотрит на небо сквозь трубу, состоящую из пожелтевших стеблей травы с колышущимися колосками наверху. В поле её зрения вдруг вплыло маленькое пушистое облачко.

— Нет, — сказала наконец Рин. Для Сайор её голос звучал откуда-то из поднебесья. — Я уже говорила тебе об этом. Что-то ещё привело меня сюда. Что-то, находящееся в доме. — Сайор вздохнула.

— Что же это?

— Самое странное, что я не знаю. Правда, не знаю. Я почти не помню, что было со мной, когда умер Лайан. Шла куда глаза глядят, ночуя на полях или в случайных деревнях, кормилась у случайных людей. Припоминаю, как некоторое время шла с одной из эллонских банд — думаю, могла бы и больше вспомнить, но не хочу. К тому же проституткой у эллонов была не я. «Я» существовала лишь тогда, когда была с Лайаном, и сейчас.

Сайор была удивлена эмоциональному всплеску Рин. Сама она сызмальства привыкла отдавать своё тело, это было простой необходимостью, и специально вспоминать об этом было всё равно, что вспоминать о пшеничной похлёбке, которую она съела несколько лет назад. Она ела потому, что хотела есть, и если для того, чтобы поесть, необходимо было отдать своё тело, она спокойно пользовалась этой ситуацией, находя процесс гораздо более скучным, чем сама еда. Для Рин же это несомненно означало большее.

— Извини, — сказала Сайор.

Они снова замолчали. Облако, как молочное пятно, проползло перед глазами Сайор, скрыв на время голубизну, а потом ушло из поля зрения.

— Не знаю, как долго это продолжалось, — сказала наконец Рин. Сайор казалось, что она обращается скорое к небу или к траве, чем к кому-либо ещё. — Но затем наступил период бодрствования, когда всё изменилось. Возможно, было бы проще, если бы всё оставалось по-прежнему — я имею в виду, проще для меня. Я точно помню, когда всё изменилось. Я сидела за деревянным столом, который сильно качался, если на него положить руку. Я постоянно забывала об этом, и миска с

похлёбкой то и дело проливалась. Те, кто давал мне эту похлёбку, смеялись надо мной, а я смеялась вместе с ними, потому что юмор происходящего затмевал для меня тогда весь Альбион. Думаю, тебе знакомо это чувство.

— Да, — сказала Сайор, срывая травинку и дотрагиваясь её концом до своих губ, и подумала: «Когда умер Лайан, всё для меня было так же, только шиворот навыворот: во всей Вселенной стало пусто-пусто…»

— Затем *что-то* проснулось во мне. — Рин дышала так шумно, что Сайор слышала её дыхание. Женщина-воин с трудом подбирала слова. Оружием она владела гораздо лучше.

— Как будто я была рыбой, — произнесла Рин наконец. — Лениво плавала в воде, не замечая ничего, и зацепилась жабрами за рыболовный крючок. Рыбак в это время спал и не потянул за леску. Крючок зацепил меня неглубоко, я могла в любой момент сорваться, оставив на нём лишь чешуйку, но решила не делать этого. Просто висела в воде, чувствуя боль, удивляясь этому новому ощущению и мучаясь вопросом: что это всё может значить? Извини, может, я не очень хорошо объясняю…

— Ты хорошо объясняешь, — сказала Сайор, представляя себе напряжение в чёрных глазах Рин, которая пыталась объяснить нечто, выходящее за рамки понятий смерти и славы.

Рин хмыкнула, но продолжала:

— Любая нормальная рыба давно сорвалась бы, и боль от крючка немедленно прошла бы. Но я не была нормальной рыбой. Этот крючок разбудил во мне *что-то*, о чём я забыла, плавая в воде. Мне было *интересно* узнать, что же это зацепило меня. — Она засмеялась, по-видимому, сердясь на себя. — Я не могу представить рыбу, которая поворачивает голову, чтобы лучше рассмотреть вонзившийся в неё крючок, — сказала она, — но именно это я и сделала. Я посмотрела на крючок, и хотя сначала не поняла, что это — а он пришёл совершенно из другого мира, мира, о котором я ничего не знала и который находился за зеркальной поверхностью над моей головой; я поняла, что он имеет некоторое предназначение. Так я и продолжала висеть в воде, а крючок продолжал вызывать в моей голове новые мысли. Это был посланник из того мира, куда я не могла попасть… И вместе с тем во мне зрело убеждение что я *уже была там*.

Сайор вынула изо рта травинку, конец которой был изжёван так, что вся сладость исчезла, взяла её двумя пальцами и, улыбнувшись, бросила, как копьё.

— И ты повернула — сказала она. — Ты повернула и поплыла вдоль лески чтобы узнать мир на другом её конце.

— Правильно, — согласилась Рин. — Я оттолкнула миску,

встала, попрощалась с фермером, его семьёй и ушла. А с тобой было так же?

— Нет, не совсем Но что-то похожее. Так что же ты обнаружила, когда тебя вытащили на поверхность воды?

— Я обнаружила, что нахожусь неподалёку от этого места. Неподалёку от Лайанхоума. Я была где-то за холмами и не могла его видеть, но даже если б смогла, всё равно не понимала, куда пришла и зачем. Просто я была здесь и всё. Но теперь я уже крепко сидела на крючке и не могла сорваться. Я пробиралась через бурьян и вереск, будто меня влекла сюда некая сила. Когда я вошла в деревню, я была страшна как растерзанное животное, которое едва может ходить. Дети с криком разбегались от меня, — Рин ухмыльнулась. — Взрослые, впрочем, тоже.

Сайор живо представила себе эту картину: еле живая женщина хромает по пыльной дороге к центру Лайанхоума, и яркая кровь течёт из её открытых ран.

Она не ответила на ухмылку Рин.

— Но ведь ты здорова сейчас, — заметила она.

— Да. Конечно же, чудес на свете не бывает, но, к счастью, со мной произошло именно чудо.

Сайор резко села.

— Что ты имеешь в виду? — прошептала она.

Рин сделала успокаивающий жест рукой.

— Всему своё время, — сказала она. — Так вот, я очутилась здесь скорее мёртвая, чем живая; и притом я мечтала умереть. Место это, казалось, было населено привидениями. И люди наблюдали за мной из-за каждого угла. Я чувствовала также, что *садок рыбака* поблизости. Я повернулась и хотела убежать. О как я желала убежать отсюда! Но выхода не было. Рыболов тащил меня по пыльной утоптанной дороге до маленького дома, стоящего на одной из боковых улиц, ведущих в сторону холмов. К этому времени я уже ползла: я видела лишь землю, камни и разорванную плоть своих еле шевелящихся рук. Они двигались одна за другой, снова и снова. Затем что-то подсказало мне взглянуть вверх и я взглянула.

Там, на расстоянии вытянутой руки, была серая стена из плохо пригнанных досок. Я с трудом встала на колени и, вглядевшись, заметила старую дверь, еле висевшую на своих петлях. Сначала мне показалось, что на досках глубоко выжжен знак *табу*, но он исчез прямо на глазах. Я подползла ближе, толкнула дверь, и она распахнулась, пропуская меня внутрь. Потом было какое-то помутнение, провал, а потом помню: я сижу на одном из неудобных стульев, сделанных дедом Лайана, и оглядываю комнату.

Сайор снова легла на траву. Если женщина-воин не любит, чтобы её торопили, не было смысла настаивать. Глядя в небо, Сайор слушала, как Рин рассказывала о грязи в доме, о пылинках в лучах солнечного света, о том, как боль покидала её тело, когда она сидела там. Несколько половиков давно истлели, оставив после себя на полу странный узорчатый след. А кривое зеркало на стене было чернее самой стены.

Сайор вновь прислушалась к её словам.

— Я была рядом с *садком рыбака*, — говорила Рин. — Но я ещё не попала в него. Я чувствовала руки, поднимающие меня; он держал меня осторожно, но крепко — я хорошо понимала, что не в силах вырваться из этой хватки, как бы я ни старалась. И я подчинилась. Я поднялась со стула и пошла к лестнице, которая вела на второй этаж. Ступеньки были очень старыми и гнилыми, но я не обращала внимания на свою безопасность: я уже умерла один раз и не боялась повторения смерти. Мне не стоило даже беспокоиться. Грубые деревянные ступеньки отчаянно скрипели, но держали мой вес. Вероятно, я хотела увидеть что-то новое и необычное, но передо мной оказался точно такой же покрытый пылью пол. Справа от меня была стена, а в ней дверь. Слева от меня простиралась покрытая пылью пустыня, из которой торчали лишь спинки кроватей и начало второй лестницы. Причём, если та лестница, по которой я поднималась, выглядела опасной, то вторая была просто самоубийственной.

Рин хохотнула, и Сайор улыбнулась в ответ. Ей понравился этот смех. Рин изгоняла свои старые воспоминания, которые так долго преследовали её.

— Ну и что было дальше? — спросила Сайор.

— Так вот, — продолжала Рин, — я прошла по комнате ко второй лестнице — у меня до сих пор занозы от неё — и начала подниматься.

Голос Рин изменился.

— Это было очень больно — больнее всего, о чём я могу припомнить. Я чувствовала себя так, будто оставляла внутренности на полу позади. Я даже хотела оглянуться, чтобы посмотреть на них, но это было слишком глупо. *Рыболов* всё ещё держал меня и тащил в свой *садок*.

И я начала карабкаться снова. У этой лестницы было только три пролёта, упасть казалось не так уж и больно. Вообще боль — обычное дело, с нею можно справиться. Хуже был *страх*, который пронизывал меня насквозь. Я сначала не замечала его, но потом он усилился так, что я чуть не повернула назад. Может, и рыба это чувствует в самом конце. *Страх* — это, наверное, не совсем подходящее слово. Точнее будет *ужас*.

Каким словом не называй, я чувствовала, что *обязана* влезть на этот чердак, причём не для себя, а для всего Альбиона; в то же время я сознавала — так же ясно, как сознаю сейчас, что лежу на траве: что, забравшись на этот чердак, я начну всё заново. Я буду ответственна за людей, умирающих от голода, от мечей и огня. И в этот раз всё будет гораздо хуже; хуже, чем тогда, когда нас вёл Лайан.

В этом месте рассказа Сайор громко засмеялась.

— Рин, — сказала наконец она. — Но ведь ты воин. Ты не должна бояться крови. Знаешь, когда я поняла, что ношу ребёнка Лайана, для меня сразу же стало очевидным: наступает новое лихолетье. Но ведь нам не привыкать, Рин!

— Нет, — мрачно возразила Рин. — К смерти невозможно привыкнуть. — И продолжила, помолчав: — На чердаке было маленькое окошко, в которое проходило необычайно много света. И, видимо, дождь постоянно заливал через это окошко. Удивительно, что пол подо мной не провалился. Казалось, там не было ничего, кроме куч мусора в углах под сводами крыши. Но я всё-таки заметила кое-что: прямо посередине было расчищено небольшое пространство, где кто-то свалил грудой куски коры. *Рыболов*. Я поняла, что это *рыболов*, как только увидела их. Казалось, прошло полжизни, прежде чем я решилась взять один из кусков кончиками пальцев. После этого я просто лежала и ждала смерти.

Лежала и ждала.

Некоторое время я даже чувствовала агонию. Я громко кричала — всё исчезло вокруг, кроме боли. Когда я вновь пришла в себя, то лежала, обхватив кучу коры, как будто это был мой ребёнок. Я была очень осторожна с этой корой, боялась, что она рассыплется в прах. Я чувствовала, как мои раны заживают. Я наблюдала, как обрывки кожи на локтях срастаются друг с другом, а затем разглаживаются и под ровной кожей наливаются мышцы. Мои плечи, которые болели очень давно, вдруг стали чесаться так, что я чуть не засмеялась — как будто кто-то меня щекотал. Затем я почувствовала, что боль отступила и сменилась ощущением силы, какой у меня никогда раньше не было. И так продолжалось довольно долго.

Рыболов. Кучка коры. Я не могла этого понять. Самое смешное, что всё выглядело очень естественно, только естественность эта отличалась от той, к которой мы привыкли. Это тяжело объяснить.

Сайор поёжилась. Она тоже иногда чувствовала, что за завесой, ограничивающей мир, могла существовать совершенно другая реальность. И порой эта завеса становилась такой тонкой,

что она инстинктивно отстранялась от неё, в ужасе от возможного контакта.

— Ты говоришь, это была простая кора?

— Нет, — ответила Рин. — Не простая кора. На ней были магические знаки. Я пыталась разглядеть их поближе, но они расплывались у меня перед глазами или убегали куда-то в сторону. Конечно, не на самом деле — мне просто так казалось. Глаза видели эти знаки, но мозг отказывался воспринимать. Я думала об этом много раз. Сомневаюсь, что…

— Мои записи! — воскликнула Сайор. — Они пришли сюда!

Она вскочила на ноги и, не глядя назад, бросилась бежать в сторону Лайанхоума.

— Мои записи! — кричала она.

— Одеяла уже сухие, — буркнула Рин, подбирая их с земли.

* * *

Они сидели на чердаке, и их головы почти касались друг друга над грудой кусков коры и пергамента. Сайор дышала неглубоко и часто. Дыхание Рин было более глубоким, хотя она тоже заразилась волнением подруги. «Сайор, — думала Рин, — похожа на странную насильницу, которая, после многих лет ухаживаний, вдруг срывает одежду с единственной любимой женщины, никогда раньше не подвергавшейся такому нападению». Рин удивилась этой мысли, попыталась понять, откуда она взялась, и, кажется, нашла ответ. «Почему я не догадалась об этом раньше?» — думала она, глядя на загорелые колени Сайор. Прозрение, казалось, исходило от старой коры, которую Сайор называла записями.

Записи. Рин когда-то слышала это слово, но оно постоянно забывалось. Лайан учил, что слова всегда имеют значение. Точно так же, как имена выделяют конкретных людей и предметы, другие слова придают смысл абстрактным понятиям, иногда многократно увеличивая их значение. Давным-давно, когда Лайан был среди них, Сайор часто говорила с ним о своих *записях*, но Рин не обращала тогда на это внимания; она помогала выигрывать войну и в её задачи не входили мудрствования по поводу новых слов и концепций, создаваемых Лайаном каждый период бодрствования. Она применяла только те слова, которые имели практическое значение для их военного ремесла; концепции она почти всегда отбрасывала, как не имеющие отношения к повседневной действительности.

Рин неожиданно поняла, что звуки, которые издаёт Сайор — не просто частое дыхание. Было что-то ещё. Сайор поднимала то один кусок коры, то другой, держа их в руках с нежностью, которой Рин никогда не замечала в ней, и с её губ лился поток

слов. Она не произносила эти слова: губы Сайор двигались инстинктивно, поэтому слова были едва различимы.

Это походило на тихий разговор, доносящийся откуда-то издалека.

Рин оставалось только одно: открыть свой мозг, свою душу для этих тихих слов. Сама идея о том, что эти странные, порой даже страшные значки могли что-то означать, расширяла её горизонты. Она до сих пор не понимала, кто сделал эти значки; а почему сделал — было ещё дальше от её понимания. Сквозь туманную завесу беспамятства, сквозь безвременье между смертью Лайана и приходом сюда, к ней вернулся еле различимый образ Сайор, которая сидела, прислонившись спиной к дереву, и с искажённым от напряжения лицом царапала что-то острой палочкой на куске коры.

Разве могли куски коры разговаривать с Сайор? Неужели именно это слышала сейчас Рин? Может, слова, слетавшие с губ Сайор, были только иллюзией? Может, куски коры обладали такой магией, что могли говорить губами Сайор?

— Рин, — сказала наконец Сайор, откинувшись назад так, что её ягодицы опустились на пол возле пяток, и напряжённо вглядываясь в глаза Рин. — Рин, здесь что-то не так.

— Не так? Что именно?

— Ты знаешь, что это? — Она небрежным жестом указала на сваленную в кучу кору.

Рин, конечно же, знала, что это.

— Нет, — солгала она.

— Это мои записи, — нервозно произнесла Сайор.

— Я ничего не знаю о записях, за исключением того, что они лечат людей. Меня, например.

— Эти записи *сделала я*.

— Значит, ты великий врач. — В голосе Рин не было сарказма. Некоторые крестьяне лечили лёгкие раны и болезни, используя для этого тщательно подобранные травы, и только люди Дома Эллона владели искусством взывать к магическим силам для восстановления здоровья. Когда Рин была ранена, она могла полагаться лишь на свой организм, ожидая, когда он самостоятельно залечит себя.

«Но ты умерла бы, если эти записи не привели тебя сюда, — сказал внутренний голос. — Такие раны никогда не зажили бы сами собой».

— Ты и впрямь великий врач? — через некоторое время спросила она.

— Нет, — ответила Сайор. Она посмотрела в глаза Рин и улыбнулась. — Я такая же крестьянка, как и ты, Рин, — добавила

она. — Я сама не понимаю, почему прикосновение к этим кускам коры вылечило тебя.

Она сделала движение рукой над кучей тонких кусков коры и пергамента.

— Если бы я могла такое, — Сайор щёлкнула пальцами, — я бы властвовала надо всем Альбионом и делала бы со всеми всё, что хотела.

Она мелодраматично откашлялась и скрестила пальцы рук.

— Не шути со мной, — сказала Рин.

— Ты имела в виду «не шути надо мной», — сказала Сайор, вновь принимая серьёзный вид. — Извини — я не хотела.

— Это более серьёзно, чем врачевание. Да, да, я знаю, что ты хочешь сказать, — продолжала она. — Прошу тебя, не говори этого.

Сайор махнула рукой, как бы предупреждая невысказанные слова Рин.

— Если бы я могла врачевать, я была бы знахаркой. Если бы мои записи можно было использовать для лечения людей, я, без сомнения, использовала бы их для этого. Но это лишь одно из их свойств, и отнюдь не главное.

— Не понимаю, о чём ты говоришь.

— Скоро ты узнаешь об этом.

Сайор неожиданно схватила правую руку Рин. Естественной реакцией воина было — тут же освободить её, но хватка Сайор оказалась крепкой, и Рин пришлось подчиниться.

— Когда я попрошу тебя снова, — прошептала Сайор, — ты дашь мне руку сама.

— Хорошо. — По лбу Рин стекала струйка пота, и она вытерла её рукавом, надеясь, что Сайор не заметит.

Сайор не заметила. Она вообще не видела ничего, кроме кусков коры и пергамента, которые раскладывала перед собой, а затем складывала в аккуратную стопку. Рин видела только прямой пробор в её волосах.

— Дай мне руку.

Рин никогда не чувствовала страха, сражаясь с вооружёнными, хорошо обученными солдатами Дома Эллона, но теперь ей пришлось преодолевать огромное внутреннее сопротивление, чтобы подать руку Сайор.

— Теперь, — сказала Сайор, — коснись этих начерченных мною давным-давно значков, и пусть твоё тело *почувствует* то, что они скажут тебе.

Как только пальцы её коснулись значков и, ведомые твёрдой рукой Сайор, заскользили по ним, Рин почувствовала: значки пытаются говорить с ней. Её воспоминания о том времени, когда

она воевала бок о бок с Лайаном, были фрагментарными — одни яснее, другие туманнее, и лишь некоторые связывались между собой в сколько-нибудь понятную картину. Теперь с почти болезненной ясностью она увидела всё, что было на самом деле — и пустяки, и чудеса самопожертвования, и то, как несколько крестьян отправились в путь под командованием человека с золотыми волосами, и то, как его волосы ярко сверкали на весь Альбион. Сайор заговорила:

— Всё это написала я. Всё. Но образы, которые ты видишь, создавала не я. Лайан научил меня раскладывать слова на значки, которые можно нацарапать на коре или написать чернилами на пергаменте, и когда я видела что-то, я делала несколько заметок, чтобы потом вспомнить увиденное. Образы же каждый создаёт сам. Мои слова лишь напоминают тебе о том, что ты видела.

Рин наконец убрала руку.

— Ты заодно с эллонами, — сказала она, отходя в противоположный конец чердака.

— Нет, — равнодушно заметила Сайор, на мгновение забыв о присутствии Рин и разглядывая стопку отобранных записей на полу. — Хотя, возможно, в моих записях и присутствует магия. Вполне возможно.

— Что ты имеешь в виду? — спросила Рин, снова подходя к Сайор, вопреки своему страху перед её могуществом.

Сайор опять села на корточки и посмотрела в лицо Рин.

— Ты считаешь магией то, что мои записи помогают тебе вспомнить прошлое? Для меня это не магия. Когда мы шли под командованием Лайана, я хотела зафиксировать все события, чтобы люди, которые придут после нас, знали о нашей попытке избавиться от Дома Эллона. Я не думала, что эта попытка завершится удачно, хотя и не говорила никогда об этом Лайану. Просто я хотела оставить после нас нечто большее, чем смутное воспоминание, чтобы всё-таки наступило время, когда такие же как мы крестьяне смогут прочесть мои записи и найти способ раз и навсегда сбросить эллонов с берегов Альбиона. Вот чего я хотела.

— А то, что я видела? — уже спокойнее спросила Рин, усаживаясь на грязный пол чердака.

— Это твоё воображение. Я же объясняла тебе.

Рин медленно начала понимать. Когда люди рассказывали ей разные истории, она не просто слышала слова: она видела все цвета и слышала все звуки, которые они описывали. Сайор знала, как делать то же самое, используя маленькие значки. Она каким-то образом ухитрилась так расставить эти значки, что люди, их имена, события и места, где они происходили, всплывали перед

глазами, стоило лишь дотронуться до них. Сайор назвала всё это своими записями, но это было нечто большее, чем непонятные завитушки, которые эллоны часто выбивали на камнях и стенах своих крепостей и замков.

В записях Сайор была магия, только она не признавала это. Всё зависит от того, думала Рин, что считать магией. Для Сайор это всего лишь запись прошедших событий, для Рин магические письмена, обладающие силой, непреодолимой для простого смертного. Но ведь то же можно сказать и о самых обычных словах: они могут описывать одного человека и вызывать миллионы образов в воображении других. Для подобной цели предназначались и эти значки: с их помощью Сайор пыталась собрать вместе всё: людей и события — чтобы придать прошлому некое постоянство. Подруга Лайана хотела лишь этого, принимая участие в войне против Дома Эллона, но сделала она нечто совершенно другое.

Картины. Картины в голове. Их могли создавать записи Сайор.

Но кроме этого они могли залечивать самые страшные раны. Рин узнала это из собственного опыта, когда пришла в Лайанхоум.

— Почему они лечат?

— Потому что… потому что лечат.

— Чем ты так обеспокоена? — Рин наклонилась вперёд. Теперь, когда она понимала, какой эффект дают записи, если до них дотронуться, она больше не боялась магии. Она хотела помочь своей подруге, если, конечно, помощь требовалась.

— Пойдём вниз, — предложила Сайор, отворачиваясь. Она говорила будто сквозь слёзы, но глаза её были сухими.

— Ну пойдём, пойдём, — успокаивала её Рин.

Осторожно обойдя стопку записей, они подошли к люку, ведущему в пропахшие плесенью спальни.

— Подожди меня здесь, — сказала Рин, когда они спустились на второй этаж. — Я схожу за одеялами. Ведь не зря же мы мучились с ними возле реки.

Она ушла, и до Сайор донеслась её возня внизу.

— Есть хочешь? — крикнула Рин.

— Лучше в следующий период бодрствования, — ответила Сайор достаточно громко, чтобы Рин услышала. — Поешь сама.

— Ты ещё не рассказала мне, почему ты испугалась своих собственных записей.

— Потому, — пробормотала она больше для себя, — что последние были сделаны не мной — их дописал кто-то ещё. И они рассказывают о том, как у меня родится дочь Лайана. Что её имя

будет Аня и что у неё будут золотые волосы, как у него, и зелёные глаза, как у меня. Но перед этим она будет обычным ребёнком, который играет в грязи и сидит у меня на коленях.

Сайор встала и перевернула матрац на кровати, где только что сидела. Тыльная сторона матраца оказалась не лучше, и она торопливо перевернула матрац обратно.

Она вытянула руку к окну, через которое пробивался золотой солнечный луч, растопырила пальцы и ей показалось, что она видит между ними некое свечение цвета расплавленной меди. В записях она видела ребёнка, но сейчас перед ней предстала лёгкая фигурка девушки с насмешливой улыбкой на лице. Девушка сидела на огромном сером скакуне, вооружённая с ног до головы. У неё даже был боевой топор.

— Привет, мама, — сказала наездница. — Я так долго ждала тебя.

— Пожалей их, — тихо сказала Сайор, не замечая движения собственных губ.

— Кого?

— Всех, кого ты можешь пожалеть.

Наездница исчезла и вместо неё Сайор увидела огромную поверхность Альбиона, медленно поворачивающуюся в пространстве до тех пор, пока весь мир не оказался вверх тормашками прямо над её головой. Она на мгновение съёжилась, но затем встала прямо. Если суждено умереть сейчас, она примет смерть достойно.

Изображение Альбиона вдруг стало удаляться и превратилось наконец в яркую точку на тёмно-бордовом небе. Сайор оказалась в пустоте — такой, какую она знала раньше, до того как пришла сюда, в Лайанхоум.

Сюда.

В Лайанхоум.

В словах теперь не было смысла. Куда бы она не посмотрела, везде только пустота и одна яркая точка — Альбион.

— Мама, ты испугалась? Не бойся.

Сайор закричала.

Но не было эха. Голос звучал как бы отовсюду.

— Мама, ты испугалась? Не бойся.

Аня.

С ней была Аня. Дочь, родившаяся у неё и у погибшего Лайана. Но более могущественная, чем он сам. Лайан. Любовник. И почти как сын.

Куда бы Сайор ни посмотрела, везде был яркий свет, до боли слепящий глаза.

— Мама… — раздалось теперь совсем издалека.

— Аня! — закричала Сайор с такой силой, что, казалось, голосовые связки вот-вот разорвутся.

— Мама… Загадочный свет померк. Голос исчез.

Падающая вниз головой Сайор была охвачена таким одиночеством, какого не испытывала никогда раньше.

Она не видела ничего и даже ещё меньше, если такое вообще возможно. В то же время она была чем-то большим, нежели весь Альбион. И в этой пустоте она осознала, что стала богиней. Но богиней добра или богиней зла? Она видела улыбку на лице Ани, женщины, которая родится из её утробы, и она видела зло в этой улыбке. Может быть, ей и показалось. Скольких людей она встречала, у которых были дружеские улыбки, а потом они пытались изнасиловать или даже убить её? И от скольких людей она отвернулась из-за их кажущейся глупости, а потом они оказывались просто верными своим убеждениям.

Могла ли осуждать Сайор ещё не родившегося ребёнка за его улыбку?

Глава вторая. Солдаты

Аня, бежавшая по пыльной деревенской улице, слышала, что далеко позади кто-то смеётся. У неё были золотистые волосы, доставшиеся в наследство от отца, и кожа бронзового оттенка. Нос, похожий на маленькую кнопочку, казалось, так и просил, чтобы на него нажал чей-нибудь палец. А рот был слишком большим по эллонским стандартам красоты.

Аня несомненно будет наказана, когда мать настигнет её, но это не волновало девочку. Наказания были повседневностью, как, например, обед. Они были неприятными, но их следовало переносить спокойно. Удовольствие заключалось в том, чтобы как можно дольше оттянуть момент, когда сильные руки матери обхватят её и прижмут к огромной груди, когда Сайор начнёт ругать её своим строгим высоким голосом, а затем потащит её назад, и Аня будет хныкать у неё на руках в напрасной попытке смягчить каменные лица взрослых людей, наблюдающих за её насильным возвращением домой.

Эти побеги были игрой.

Для человека в возрасте Ани это просто жутко интересная игра. Она пробежала мимо маленькой лавки, где выдавалась провизия, которую эллоны оставляли крестьянам, и лавочник помахал ей вслед. Это был толстый человек, толще всех в деревне. Ходили слухи, что часть провизии, находившейся в лавке, *исчезала* неким таинственным образом, и тайна эта была скрыта туманом, который развеялся лишь с приходом в Лайанхоум Сайор.

Он улыбнулся Ане, как коллеге-преступнику, коллеге-конспиратору. Она помахала ему в ответ, но продолжала бежать, уже чувствуя запах полей. Лайанхоум был небольшим селением, но пересечь его из конца в конец — тяжёлая задача для маленьких ног, раньше она не добегала даже сюда. Дыхание с трудом вырывалось у неё из груди, кровь стучала в голове, как грохочущий водопад, но она не обращала внимания и на это.

— Остановите её!

Рин двигалась теперь не так быстро. Может, она и обогнала бы Аню, если бы они бежали наперегонки, но в данных обстоятельствах у девочки было преимущество. Сайор доверила её Рин, которая хоть и начала уже седеть, всё ещё была сильной и ловкой. Перед своим недавним рывком к свободе Аня дождалась момента, когда Рин уснёт. И сейчас девочка улыбалась, гордясь своей хитростью и сметливостью.

Топ, топ, топ, топали её ножки, одетые в войлочные тапочки.

Теперь она была у самой границы деревни, в семистах метрах от дома. Ощущение свободы разрывало её сердце на части.

Лёгкие тоже готовы были разорваться, и она почувствовала, что бежит уже не так быстро. Она видела впереди открытое поле и собирала все оставшиеся силы, страстно желая бежать быстрее и быстрее. Там, на свободе, она создаст свой собственный дом: будет жить в пещере или построит шалаш в кустарнике; она будет ловить диких животных на обед и пить чистую воду из маленьких ручейков. Она будет дикой женщиной, и люди станут пугать друг друга и своих детей, говоря о ней шёпотом: «Спи, а не то Аня придёт за тобой». Она будет младшей сестрой неба и подругой ястребов.

От мечты её отделяла лишь узкая траншея, чёрной полосой пересекавшая поле её зрения. Даже несмотря на то, что её ноги уже подгибались от усталости, она преспокойно перепрыгнет через это препятствие к свободе. Последняя отчаянная попытка и…

* * *

Рин перекинула визжащего ребёнка через плечо и отрешённо зашагала назад через всю деревню, не обращая внимания на улюлюканье мальчишек (да и некоторых взрослых тоже), которые наблюдали за этой драмой, как за регулярным спортивным состязанием.

Рин была сердита на девочку. Не потому, что та убежала из дома: она была даже рада, что Аня в таком юном возрасте, проявляла хороший темперамент. Нет. Просто девочка выбрала для этого очень неподходящий момент. По двум причинам. Во-первых, она совершила попытку побега во время периода бодрствования в самом его начале, когда ещё не все, включая саму Рин, проснулись, но на улице было уже достаточно много людей. Аня могла бы сообразить: если хочешь сделать что-то незаметно, лучше выбрать период сна, когда те, кто не спит — на полях, и шансы обнаружить пропажу минимальны. Не спать в период сна было тяжёлым делом для ребёнка, но этому можно научиться, и Рин даже потратила какое-то время, чтобы показать Ане, как это делать. Рин, конечно же, не хотела, чтобы ребёнок убежал из деревни, но особенно сердилась на Аню за то, что она делала это отнюдь не лучшим образом.

Второй причиной гнева было то, что девочка выбрала для побега время, когда поблизости от Лайанхоума, как подозревали его жители, находился эллонский конвой. Если бы у солдат были основания подозревать… Рин поёжилась от этой мысли. Они бы уничтожили деревню и всё живое в ней, сожгли бы до основания дома, не оставили ничего, кроме дыма, пепла и обугленной

плоти. Аня знала или должна была знать, что рисковала не только собой, но и всеми своими друзьями. Девочка либо игнорировала риск, либо была настолько глупа, что не могла оценить его серьёзность.

Глупость, Рин это помнила особенно хорошо, была причиной поражения в войне. Для Ани глупость была непростительна.

Рин вздохнула и ещё раз шлёпнула девочку по попке.

— Заткнись! — сказала она в ответ на крик.

Один из мальчишек засмеялся. Рин обернулась, и лицо его тут же изменило выражение, он вдруг обнаружил что-то страшно интересное у себя под ногами.

Аня стучала острыми маленькими кулачками по спине Рин, тщательно выискивая болевые точки. Но Рин не обращала на это внимания.

Сайор уже вернулась в дом и сидела, опершись локтями о кухонный стол и закрыв ладонями лицо. Было видно, что она плачет, но пытается скрыть слёзы.

— Что мы сделали плохого? — спросила она.

— Ничего, — ответила Рин, бесцеремонно бросив девочку на пол.

— Она — безобразный ребёнок! — сказала Сайор, открывая лицо и упираясь подбородком в ладони. — Сколько раз она вытворяла это? Двадцать? Тридцать?

— Считать бесполезно, если ты позволяешь ей это, — сказала Рин и так сурово взглянула на Аню, что та побоялась даже пикнуть, наблюдая за разговором двух женщин.

Аня любила их обеих, но по-разному: Сайор была нежна, как мать; а Рин тоже нежна, если копнуть поглубже, но внешне — тверда, как камень. Аня часами могла слушать рассказы Сайор о былых и будущих временах, а затем гонять мяч по пыльным улицам вместе с Рин.

— Почему она хочет убежать от нас?

— Потому что она — достаточно взрослый ребёнок, — объяснила Рин и, заметив, что Сайор готова снова заплакать, добавила: — Нет, пойми меня правильно. Она просто хочет показать нам, что она — личность, а не кукла; и единственный известный ей пока способ доказать это — побег. Когда она станет старше, узнает, что для этого существуют и другие способы. К тому времени мы для неё уже станем больше друзьями, чем родителями.

Аня была удивлена. Она думала, что знает уже все способы побега из дома. Неужели Рин знала ещё какой-то путь и скрывала его?

Рин вдруг переключила внимание с девочки на мать.

Поставила к столу стул, отодвинула в сторону грубо сделанную глиняную посуду и посмотрела в лицо Сайор. Под копной каштановых волос с седыми прядями она увидела мокрые щёки. После рождения Ани Сайор изменилась, и Рин в который уж раз беспокоилась за свою подругу.

Раньше Сайор умела улыбаться, когда ей было тяжело, и всегда проявляла стальное спокойствие. Материнство до минимума сократило её улыбки и свело на нет всю твёрдость её характера. Обычно считается, что женщина черпает силу в материнстве, очевидно, не принято вспоминать, что многие слабеют от него.

Рин заметила также, что в последнее время Сайор стали преследовать воспоминания о Лайане, её ум занимал долгий и нелепый анализ давно прошедших событий, в ней бродили бесконечные «а что, если бы…», отравляя своим ядом все стороны её жизни. Сайор глубоко внутри себя понимала, что она сама ответственна за свои страдания, но её разум, отвергая такую возможность, искал виновника во внешнем мире и нашёл его в лице Ани.

Рин почувствовала, что глаза Сайор, вновь скрытые под ладонями и прядями волос, украдкой наблюдают за ней.

— Сайор, — сказала она, — Лайан мёртв лишь постольку, поскольку ты убиваешь его в себе изо дня в день. Я лично думаю, что он жив. Не в том смысле, что ходит по земле и разговаривает с нами. Он живёт в твоей дочери. Если бы Аня перестала убегать из дома и делать массу других безобразий, о которых я тебе даже не рассказываю — Лайан действительно умер бы, и ты была бы его палачом.

Видя, что оба её «родителя» занялись посторонним разговором, Аня расслабилась: похоже, наказание откладывается. Даже если накажут позже, это будет так, для проформы. Она почувствовала голод и огляделась в надежде найти какой-нибудь забытый кусок хлеба.

— Она поведёт нас, — говорила Рин. — А если не нас, то других, таких же, как мы. Но это будет в том случае, если ты дашь ей возможность остаться самой собой.

— Но это так сложно! — глухо сказала Сайор из-под ладоней.

— Да, — тихо сказала Рин, затем более сурово добавила: — Конечно, это страшно сложная штука. Лайан тоже был непростым человеком. Он должен был быть таким. Если бы он не возглавлял раньше всю деревенскую шпану, если бы не безобразничал, то прожил бы остальную жизнь простым деревенским бабником. К тому же эта жизнь была бы очень короткой, ведь эллоны не любят странных крестьян.

— Я вскормила её!

— Ты её любишь?

Прямота вопроса шокировала Сайор. Прошло некоторое время, прежде чем она ответила. Аня с интересом наблюдала за разворачивающейся драмой, ей казалось, что этот спектакль взрослые разыгрывают специально для неё.

— Да, — призналась Сайор шёпотом. — Да, несмотря ни на что, я люблю её. Сильно. Я люблю её больше, чем тебя.

— Так пускай она будет бунтовщицей, чёрт возьми, — сказала Рин и наклонилась, почти коснувшись носом волос Сайор. — Мы, конечно, можем отшлёпать её, когда она вновь убежит или вытворит ещё что-нибудь подобное, но мы не должны пытаться исправить её характер.

Сайор подняла голову и посмотрела на Рин полными слёз глазами.

— Но это так *трудно!* — вновь произнесла она.

— Захват Эрнестрада тоже будет трудным делом, — спокойно заметила Рин.

Рука Ани замерла над хлебной коркой.

— Думаешь, ей…

— Да, — сказала Рин. — У неё есть шанс. Конечно, если она не превратится в хорошую маленькую девочку — мечту каждой матери — девочку, которая всегда делает то, что ей говорят, и помогает матери по дому.

Она взглянула на Аню. Рука тотчас убралась. Аня невинными глазами разглядывала её, как бы удивляясь, что та оказалась не на месте.

За окном послышался звук трубы.

— Я поговорю с тобой позже, — зашипела Рин на Аню. — Забирай этот хлеб и отправляйся на чердак тотчас же. Как только я приведу твою мать в норму, я поднимусь к тебе. Не забудь взять с собой немного воды… и сиди там тихо.

Лицо ребёнка моментально повзрослело. Захватив с собой пищу, воду и выцветшую тряпичную куклу, она мгновенно вскарабкалась на чердак.

И там, слушая, как Рин маскирует дверь и старается не шуметь, Аня обдумывала всё, что услышала. Они хотели, чтобы она вела кого-то, но кого? Бесчисленное количество раз она пыталась повести за собой тощего кота, считавшего их дом своим собственным, но он не хотел идти за ней, предпочитая либо прятаться в одно из укромных местечек, либо просто сидеть на солнышке, облизывая розовые подушечки лап и не обращая на неё никакого внимания. Она пыталась повести за собой кое-кого из деревенских детей, но они лишь смеялись над ней; ещё не

зажил синяк на локте, в том месте, куда попал ком спёкшейся глины несколько периодов бодрствования назад. Она знала, что в любой момент может повести за собой мать, но это было не в счёт.

Значит, она должна быть лидером. Об этом Рин говорила снова и снова, когда думала, что Аня не слышит её слова или спит. Лидером людей, полагала Аня, но где эти люди? Важных и солидных жителей деревни она отмела сразу: они были взрослыми и жили в совершенно ином мире, наполненном скучными заботами об урожае и домашних животных. С чердака она заметила, что с приходом эллонов люди стали ещё скучнее, как будто потеряли даже способность думать и говорить. Вести их — было бы пастушьей работой. Может быть, этого от неё хотела Рин.

Но из того, что она говорила, Аня поняла: требуется что-то другое.

Аня должна стать лидером. И это будет секретом, пока она не станет большой, как все, а вот тогда она поведёт некоторых из больших людей, чтобы они могли навредить другим большим людям.

У неё затекла левая нога. Осторожно, стараясь не шуметь, она повернулась и вытянула ногу — боль постепенно ушла. Она взяла хлеб и откусила кусок. Хлеб был чёрствый, и ей захотелось его выплюнуть, но она заставила себя жевать его и жевать, пока не сумела проглотить.

По полу пробежал паучок. Он остановился посреди комнаты, и Аня стала пристально смотреть на него в надежде, что паучок подчиниться её воле. Он постоял немного, шевеля лапками, а затем скрылся в новом убежище.

Вкус хлеба был, как всегда, безобразен. Она пыталась объяснить Сайор, а потом с ещё большим энтузиазмом — Рин, что зерно мололось бы лучше, если бы камни были более гладкими, но никто, казалось, не слышал её, как будто они хотели оставить всё неизменным. Аня откусила ещё кусок, прожевала его и запила неприятный вкус глотком воды. Хорошо, что хоть вода была свежей.

И тут начались крики.

Крики Ане очень нравились. Её мать кричала довольно часто, почти всегда из-за того, что обнаруживала что-то интересное, сделанное Аней — например, какую-нибудь обычную домашнюю утварь, превращённую в мистический объект; правда, кроме этого, крики были довольно редки в Лайанхоуме. Аня находила звучание криков очень приятным. Ей хотелось, чтобы эллоны приходили в Лайанхоум почаще. Она понимала, что крики

означают чью-то боль, но пока этот кто-то не был ею самой, ей это нравилось.

Она собралась уже встать на ноги, посчитав, что выросла достаточно, чтобы выглянуть в чердачное окно, когда вдруг поняла, что на чердаке есть кто-то ещё.

Аня огляделась. Здесь негде было спрятаться.

Нет. Чувства обманули её. На чердаке — никого. Она снова повернулась к окну.

И всё-таки кто-то наблюдал за ней.

Она резко обернулась — снова ничего.

Ничего, за исключением серо-синих теней. В одном из углов чердака они были гуще, чем в других.

Аня пригляделась повнимательнее. Света было достаточно, чтобы увидеть всё, что там находилось, однако у неё было странное ощущение: в углу находится что-то реальное, но невидимое.

Она даже не заметила, как откусила ещё кусок хлеба. Глаза её безотрывно смотрели в подозрительный угол, а челюсти автоматически жевали.

Снаружи опять донеслись крики. Одним из уголков сознания Аня надеялась, что эллоны не насилуют её мать. Сайор всегда много плакала, но никогда так много, как после изнасилования. Аня решила про себя, что когда вырастет, обязательно попробует, что это значит — быть изнасилованной. Рин говорила ей, что это очень неприятно, но Аня сомневалась, есть ли у неё собственный опыт, ведь она была так сильна, могла поднять то, что не удавалось поднять двум мужчинам, поэтому никто, думала Аня, даже эллоны, не смог бы с ней сделать ничего против её воли.

Тень всё ещё была на месте. У Ани возникло неприятное чувство, будто тень эта смотрит ей прямо в глаза.

Она удивлялась, что не боялась. Она была насторожена, да, но не испугана.

— Ну, — наконец сказала тень немного усталым голосом, — возможно, мы даже подружимся.

— Тс-с-с! — тотчас прошипела Аня, прижав к губам указательный палец, и шёпотом добавила: — Нам надо сидеть тут очень тихо, а то эллоны найдут нас. Мама говорит… и Рин тоже.

— Не волнуйся.

Голос стал теперь громче и, казалось, звучал насмешливо.

— Тс-с-с! — снова зашипела Аня и выглянула в окно.

Насколько она могла понять, эллоны не слышали их.

А повернувшись обратно, заметила, что по чердаку ходит молодая женщина, заглядывая во все углы. У неё были ярко-рыжие короткие волосы и вся одежда одного цвета — зелёная

рубашка, зелёные бриджи, зелёные ботинки и зелёный плащ. На секунду её взгляд остановился на Ане, и та заметила, что и глаза на её узком лице были зелёными, зеленее, чем у матери.

— Нам не надо беспокоиться насчёт шума, — сказала пришелица. — Мы можем пригласить сюда целый оркестр, и эллоны не услышат ни звука. Я могу делать так, чтобы меня не замечали, если я того не хочу. Ты знаешь, тут есть очень любопытные вещи. Если не ошибаюсь, вот это вот, в пыли — печать Деспота. Да, это она.

Там, куда женщина указывала пальцем, пыль исчезла и Аня заметила маленький диск, словно сделанный из красной смолы.

— А теперь, — сказала пришелица, — я думаю, тебе интересно узнать, кто я?

Аня молча кивнула, а потом на всякий случай ещё раз глянула на улицу, прежде чем рассмотреть женщину получше.

— Ну вот, Аня, тебе, конечно, не стоило бы говорить это, но я скажу, если будешь вести себя хорошо. Не в буквальном смысле. Хорошо — в смысле плохо. Потому что ты будешь очень плохой всю свою жизнь. Ты будешь такой плохой, что даже начнёшь усмехаться при слове «плохая».

Женщина сидела теперь посреди чердака, скрестив ноги и повернув голову так, чтобы свет из окна лучше освещал её лицо. Её руки, если не подчёркивали жестами слова, покоились на острых коленях.

— Не говори так громко! — крикнула Аня.

— Я же просила тебя не беспокоиться, — сказала женщина с улыбкой. Её зубы были ненормально белыми и ровными. Аня привыкла видеть у взрослых гнилые и жёлтые зубы. — Ничто из того, что мы скажем друг другу, не будет слышно за пределами чердака. Я… Я сделала так. Я же сказала тебе.

Она пожала плечами, как бы отбрасывая этот вопрос.

— Спеть тебе песню? — спросила она с нетерпением.

— Кто ты? — спросила Аня, обретя наконец дар речи.

— Элисс, конечно. Разве ты не догадалась? Я сделала так, чтобы большинство людей знали обо мне, не встретив меня ни разу: это экономит время.

Аня не могла вспомнить, чтобы слышала это имя когда-нибудь раньше, и всё же оно не казалось незнакомым. Может, она слышала его от матери, когда она рассказывала о Лайане и остальных, укладывая её на период сна под старые ветхие одеяла бабушки Майны. Затем она вспомнила: был привал и…

— Ты певица, — догадалась девочка.

Аня села на пол, подражая позе Элисс.

— Да, певица — время от времени. Возможно, самая лучшая,

если я того захочу. Ах, — она беспокойно щёлкнула пальцами, — забудь это «возможно». Конечно же, я лучшая. Если тебе очень повезёт, я спою песню. Вообще-то, я собираюсь тебе спеть в любом случае.

Элисс опустила руку в один из карманов своей рубахи и вынула арфу, которую тут же стала настраивать с помощью ключа, неожиданно появившегося в другой руке. Арфа была почти такой же величины, как сама Элисс, но только через несколько периодов бодрствования Аня задумалась о необычности всего происшедшего.

— Эллоны… — начала девочка.

— Я же сказала, не беспокойся о них. Ох, дети — есть дети. Если это тебя успокоит…

Элисс встала с пола, подошла к окну и подозвала Аню.

На ветру развевался эллонский флаг: собака на нём словно собиралась ускользнуть от наказания. Важные солдаты передавали друг другу по цепочке корзины с зерном из амбара, высыпали в телегу, а пустые корзины возвращали обратно. Один из коней обильно мочился на дорогу. Аня с интересом отметила, что женщина, поваленная на землю, больше интересовалась конём и его дымящейся мочой, чем солдатом, лежащим на ней.

Элисс шевельнула пальцами, и вся картина замерла.

— Ну вот, — сказала она. — Теперь мы можем спокойно поговорить.

— О чём ты хочешь поговорить? — небрежно спросила Аня. Ей не хотелось признавать, что она очарована совершенным чудом. Её матери никогда не удавалось такое, и даже Рин наверняка не смогла бы сделать этого.

— О твоём будущем, конечно, — сказала Элисс. Её лицо вдруг задрожало: она задумалась.

— Гм-м-м, — сказала наконец Элисс, — с другой стороны, песню можно отложить и на потом. Песни — как вино: чем дольше ждёшь, тем лучше они становятся.

Аня никогда раньше не слышала слова «вино», но поняла смысл фразы. Она наблюдала, как Элисс складывает арфу, пока инструмент не превратился в маленький свёрток, который спокойно поместился в кармане.

— В Альбионе очень мало людей по имени «Аня», — сказала вдруг Элисс. — А ты знаешь, что оно означает?

— Нет… то есть, да, оно означает меня.

Она снова откусила кусочек хлеба. Элисс смотрела на неё с одобрением.

— Оно означает немножко больше, — сказала она, дождавшись момента, когда Аня могла услышать её сквозь шум

своих челюстей. — Оно означает Та Кто Ведёт.

— Мама и Рин говорят о том, что я должна вести кого-то, — сказала Аня всё ещё с набитым ртом, — но мне кажется, всё это глупости.

— Они рассказывали тебе об отце?

— О Лайане? Да. И даже очень много. Он был Тем Кто Ведёт. Они говорили, что он великий герой, но я не должна упоминать его имя.

Большой палец Аня держала во рту и ей приходилось вынимать его, когда она собиралась сказать что-либо. Девочка обратила внимание, что ногти давно бы пора подстричь, хоть они и были чистые.

— Я хочу, чтобы ты начала упоминать имя Лайана.

— Я не могу. Мне не велели.

— Я не прошу кричать его имя с крыш — так ты просто погубишь себя. Я хочу лишь, чтобы ты помнила: Лайан — твой отец. Не давай Сайор и Рин забывать об этом.

Элисс приложила руку к виску, а затем немного удивилась, обнаружив это.

— Рин не забудет, — твёрдо сказала Аня. — Мама… Я думаю, временами мама пытается забыть об этом. Она хочет увековечить его в памяти и одновременно забыть о нём всё.

Элисс нагнулась и похлопала Аню по бедру.

— Поговори о Лайане с Рин, — посоветовала она. — Попроси Рин пойти с тобой на холмы, подальше от людских ушей, и попроси её рассказать всё, что она знает о Лайане.

— А этому, — она показала рукой за окно, — должен быть положен конец. Раз и навсегда.

— Кого я должна вести?

— Первые несколько сот периодов бодрствования? Деревянных уточек на колёсиках, если всё будет нормально. А потом? Ну это уже зависит от тебя. Рин расскажет тебе о том, что надо делать. Я не могу. Всё, что я могу, это указать тебе путь и надеяться, что ты пройдёшь его. Если же ты выберешь обратное, я бессильна.

Элисс вдруг стала таять на глазах, становясь всё меньше и меньше.

— Я буду с тобой, когда ты поведёшь их, Аня, — послышался слабый голос — девочка даже с трудом признала в нём голос Элисс.

В одном из углов чердака сгустилась тень, когда фигура певицы исчезла. Только пустые доски видела Аня на том месте, где только что сидела Элисс.

— Вернись! — закричала девочка.

— Тише, — ответила чердачная пыль. — Эллоны могут услышать тебя.

* * *

Деспот убеждал себя, что *не любил* предавать людей смерти таким вот образом, просто ему нравилось *смотреть*, как они умирают, в особенности по нескольку раз кряду. Он подозревал, что трибуналы, основанные Домом Эллона, глубоко коррумпированы и что многие приговорённые ими люди на самом деле не виновны, но это только усиливало его удовольствие, когда он сидел высоко над эшафотом и наблюдал, как человеческие тела увечатся до такой степени, когда смерть уже начинает казаться широко открытыми воротами, за которыми цветут райские сады. Деспот гордился собой в этом отношении: не будь его, бедные крестьяне продолжали бы влачить своё жалкое существование и бесконечная череда серых одинаковых будней ничем бы не прерывалась. Он же с помощью судов и казней давал им возможность запомнить пусть не саму жизнь, так, по крайней мере, хоть интересный уход из неё.

Придворные называли Деспота либо *лёгким* правителем, либо *ровным*, в зависимости от степени своего подхалимства. Единственное, чего они не замечали, так это того, что он был непомерно толст, даже трон прогибался под его весом. Этот парадокс, по мнению Деспота, отвечал формуле: уважение должно подправлять черты реальности. А когда он не слушал с кислой улыбкой комплименты в свою честь, то сам гордился своей массивностью. Всему свету было известно, что он неимоверно богат и может наслаждаться самой дорогой и изысканной пищей. Жир на его животе, груди, ногах и лице даже больше, чем богатство его одежды, убеждал тех немногих из простолюдинов, кому он позволил себя видеть, что власть Дома Эллона распространяется на весь Альбион.

Палачи сегодня не были особенно изобретательны, и он решил назначить их казнь на завтра — за то, что они заставили его скучать. Наблюдение за казнью палачей особенно увлекало Деспота: палачи прекрасно осознавали, какой эффект производят на человеческую плоть их раскалённые добела пруты и острые ножи, а ему нравилось наблюдать на лицами тех, кто осознавал, что с ними должно произойти.

Он нахмурился — на это ему потребовалось несколько секунд.

Он всё ещё помнил время, когда сидел здесь, на троне — отец своего народа — и спокойно наблюдал за мучениями какого-нибудь выскочки-крестьянина, которого медленно убивали. Дурак Главный Маршал по имени Надар решил тогда сделать из всего

этого что-то вроде спектакля, и был убит толпой за свою глупость. Ужасно было то, что когда суматоха улеглась, крестьянин уже умер, и Деспот таким образом пропустил самые интересные мгновения этого зрелища. Ему оставалось лишь слабое утешение — смотреть, как разрывают на куски его Маршала.

Деспот заёрзал на троне, раздражённый этими воспоминаниями, и трон заскрипел в своём деревянном протесте.

Наклонившись вперёд и упираясь в подлокотник, он специальным жестом подозвал свою самую любимую наложницу, но вдруг вспомнил, что, как назло, казнил её несколько периодов бодрствования назад. Тогда он изменил жест, и к нему приблизилась его вторая любимая наложница. Впрочем, теперь она уже была первой.

Быть Деспотом очень трудно, и в этом была главная вина наложниц.

Он почувствовал мягкость одетого в шёлк тела возле своего уха и расслабился. Осторожно приподнял одну из огромных грудей женщины, чтобы она не мешала ему наблюдать за казнью.

Беззаботное выражение на его лице было маской, которую он носил, чтобы им восхищались крестьяне, толпившиеся на площади. В действительности Деспот был обеспокоен И причиной его беспокойства была смерть Надара. Тревожила не потеря самого человека — Деспот давно подозревал что его трон тоже входил в амбиции молодого Маршала — тревожило то, что эта смерть свидетельствовала об уязвимости его собственного положения. Если крестьяне надеялись свергнуть правление Дома Эллона и даже чуть не спали своего варварского лидера от казни, которую тот по праву заслужил… Почему? Ничто не пугало его так сильно. На некоторое время Деспот перестал думать о том, что в среде крестьян или даже в армейской среде может быть какое-то недовольство, но недавно до него дошли известия сразу с нескольких самых надёжных шпионов: среди крестьян зрело волнение в ожидании прихода некого нового лидера.

«Ха! Волнение среди крестьян, — с раздражением дума Деспот, — это всё равно, что волнение среди кабачков!»

Он подумал, стоит ли вырезать несколько соседних деревень, чтобы показать будущим бунтовщикам неизбежность провала любых бунтов, но затем решил, что это не поможет. Восстание, возглавленное светловолосым крестьянином, имени которого Деспот не запомнил, было подавлено, и не было причин сомневаться, что повторение подобного закончится тем же. Его шпионы не смогли выявить нового лидера и для верности убили несколько сот крестьян, чьи мозги состояли из чего-то большего,

чем простая грязь.

Деспот посмотрел на казнь со свежим интересом. Оглядел толпу.

Конечно же, его подданные любили его: об этом знали все. И всё же иногда его удивляло, почему люди так скупы в проявлениях своего восторга? Может, они не хотят казаться навязчивыми? Да, скорее всего это и было причиной.

Новая удовлетворённая улыбка осветила его лицо во всю ширину.

Высоко в небе, не видимый ни Деспотом, ни придворными, ни собравшимися крестьянами, ни палачами, ни теми, кто корчился от боли на эшафоте, летел, подставляя свои крылья восходящим потокам воздуха, кроншнеп.

Немного погодя он повернул и полетел прочь от Эрнестрада и, если бы кто-нибудь наблюдал за ним, уже очень скоро его не стало бы видно в ослепительно голубом небе Альбиона.

* * *

Маги решили сделать этот день дождливым, хотя и забыли предварительно сообщить об этом двору Деспота в Эрнестраде или передать информацию лидерам армии. В таких случаях они с готовностью объясняли, что предпочитают сохранять свои тайны, иначе, если секреты станут известны непосвящённым, они потеряют свою силу. Деспот верил им безоговорочно, а, следовательно, верили и все остальные.

Здесь, в северной части Альбиона, обычно сухая земля обычно была совсем сухой даже на дне оврагов, а теперь ноток дождевой воды с грохотом нёсся по узкому руслу, увлекая за собой камни, вырванные с корнем кусты и ветви упавших деревьев. По небу серому с пурпурным оттенком из конца в конец неслись с невообразимой скоростью тучи.

Колоссальные грозовые разряды изо всех сил старались разорвать небо пополам, словно желая впустить в Альбион всю огромную массу неведомого, что таилась за горизонтом, и залить всё вокруг морем холодной пустоты. Вспышки молний беспорядочно освещали землю то здесь, то там, высвечивая силуэты измученных деревьев, отчаянно сопротивляющихся яростным атакам бури.

«Хорошо, что ветер здесь не такой сильный, — мрачно подумал Барра’ап Ртениадоли Ми’гли’минтер Реган. — Это — самое хорошее, что можно сказать в таком месте».

До того он спокойно шёл по сухому руслу, наигрывая на своей флейте и прислушиваясь к причудливым звукам эха, отражающегося от стен оврага, а потом вдруг совершенно внезапно разразилась буря. Сначала он не обращал на не

внимания, даже пытался имитировать на своей флейте неожиданные раскаты грома. Эта игра дала ему пару новых идей, и он чрезвычайно увлёкся. Но теперь он заметил в шуме бури новый компонент: злобный рычащий звук, доносящийся из-за спины, и обернувшись, обнаружил приближающийся к нему поток грязной серо-коричневой воды.

Вот так он оказался сидящим на маленьком уступе скользкого глинистого склона, держась одной рукой за чахлые кусты, а другой пряча от дождя под плащом свои драгоценные инструменты. Его мягкие кудрявые рыжие волосы прилипли к голове — шляпа с пером, которую он обычно носил, давно была потеряна. Он вымок, продрог, ему было очень неуютно. Если дождь будет идти долго, склон оврага подмоет и он неизбежно окажется в сумасшедшем потоке, беснующемся внизу. Кроме того, он боялся уснуть. Он стал петь песни, которые не любил — песни, сочинённые другими певцами, и раздражение, вызываемое ими, не давало ему уснуть. Он был рад, что никто не слышал его.

Он получил своё имя, Барра'ап Ртениадоли Ми'гли'минтер Реган, ещё будучи маленьким мальчиком, от старой певицы, которая зашла как-то в его деревню. Он был очень удивлён её появлением, так как не предполагал, что кроме скотов-эллонов (которые, как он считал, приходили из некого потустороннего мира), на свете существуют ещё какие-то люди, не считая нескольких сотен жителей деревни. Он с изумлением наблюдал, как она сидела, скрестив ноги, на пыльной земле, а её узловатые пальцы с необычайной быстротой перебирали струны арфы. Она улыбалась ему, и глаза на её морщинистом лице сверкали, словно излучали свет, когда она пела баллады о странных местах, находившихся далеко-далеко от их маленькой деревни. Сначала он подумал, что эти песни были как истории, которые рассказывали его родители, или старшие дети, когда ему было трудно заснуть, но затем понял, что в них говорилось о настоящих людях и действительно происходивших событиях.

И врата открылись для него. Альбион оказался больше, чем окрестности его деревни. Это был огромный мир, населённый тысячами и тысячами людей, живших в бесчисленных деревнях, похожих на его собственную. Этим миром правил непобедимый Дом Эллона из огромной деревни под ил званием Эрнестрад. Лидером эллонов был Деспот, чьи капризы и жестокость не имели границ. Так было всегда, но он единственный из всех слушателей певицы обратил внимание на важную деталь: ни в одной песне не говорилось, что так *будет* всегда.

Старая женщина прочла это на его лице и понимающе кивнула.

Его разум прошёл через заветные врата и почувствовал себя хорошо во внешнем мире. Первое, что он там увидел, были новые врата, которые старая певица осторожно приоткрыла перед ним. Он робко вошёл и обнаружил, что люди и местности могут иметь имена. В её песнях герои и героини не были описаны, как «…та, которая имела широкие плечи и широкие бёдра, у которой были длинные волосы и пышная грудь и которая родила четверых детей человеку с чёрным волосами и хромой ногой». У них были имена. Некоторые имена имели значение, другие — ничего не значили и только помогали отличать одних людей от других — сама идея отличия, ранее была неведома ему. Он тотчас стал давать имена людям, окружавшим его, и обнаружил, что может представлять себе их по этим именам, даже когда их не было рядом. Конечно, он сохранял всё придуманное в секрете, будучи по-детски твёрдо убеждённым, что совершает великий грех и немедленно будет наказан, если взрослые узнают об этом.

Новые врата открыли ещё более широкие просторы. Некоторые из людей, о которых пела певица, уже умерли. Смерть тоже оказалась совершенно новым понятием для него. Ведь жизнь длилась довольно долго, и с течением люди явно изменялись. По телу и лицу певицы было вид что она жила даже тогда, когда он сам ещё не родился, встречал нескольких людей, тела которых достигли этого состояния, и его, конечно, интересовало, что же станет с ними потом. Но он не мог вспомнить никого в деревне, кто бы перешёл через этот порог. А когда он смотрел через врата, в голове его созрел вопрос: «В деревне постоянно рождаются дети, но нас не становится больше. Может, это означает, что часть людей исчезает, чтобы освободить им место?» За этим тут же последовал ещё один вопрос. «Я — сын своих родителей, но они, безусловно, тоже имели родителей? Что же случилось с родителями родителей? Где они?»

Потом он спрашивал об этом многих взрослых, включая своих родителей, но они лишь с недоумением смотрели на него: было очевидно, что они считают этот вопрос совершенно бессмысленным, типа «почему яблоко?» или «где нигде?» Тогда он решил разыскать старую женщину и расспросить её об этом. И вдруг обнаружил, что она уже ждёт его. Пока он говорил, её пальцы легко и беззаботно перебирали струны арфы, а на высохших черепашьих губах играла улыбка.

— Ты певец, — сказала она, выслушав его. — Ты рождён быть певцом.

Вот тогда-то он и получил имя Барра’ап Ртениадоли Ми’гли’минтер Реган, которое, как она объяснила, означало «маленький мальчик, удивившийся, что другие люди открыли для

него врата», и добавила: если он хочет узнать, что находится за другими вратами, он должен приучить себя использовать полное имя лишь для формальных целей и даже думать о себе, используя лишь один из его элементов. Он выбрал наугад последнее слово — Реган, и она вновь улыбнулась.

— Да, — сказала она, — Ты настоящий певец. Ты назвал себя «вратами, которые открывают другие люди». В своей жизни ты сам будешь открывать врата — врата для певцов, которые пойдут за тобой.

Спустя несколько периодов бодрствования она ушла из деревни и Реган ушёл вместе с ней как её ученик. Она так и не сказала ему своего имени, а он и не просил, он думал, что если ему позволено называть себя лишь частью имени то самые великие певцы не только умеют давать себе имена, но также научились не упоминать их, что было значительно сложнее. К тому же он понял: ему не требуется её имя, ведь она всегда знала, когда он обращается именно к ней.

Она показала ему, как сделать флейту, но не учила играть на ней: этому, говорила она, ты должен научиться сам — что, хотя и с большим трудом, у него получилось. Она также выучила его игре на своей арфе, которая, как она сказала, будет принадлежать ему после её смерти. Они вдвоём шли от деревни к деревне, играли и пели песни для крестьян, видевших в них маленький островок яркой реальности среди сплошных неопределённостей и серых одинаковых будней. Так же, как и старуха, Реган научился открывать в себе новые возможности и время от времени чувствовал прилив энтузиазма, за которым неизбежно следовало разочарование. И вот однажды, когда он был подростком, начинающим взрослеть, она умерла. Ушла она тихо, сообщив ему за несколько часов, что время её пребывания в Альбионе подходит к концу. Она легла под деревом и попросила оставить её там, среди травы и цветов, а затем закрыла глаза.

Чувствуя благоговение и совсем не чувствуя печали, он оставил её тело на этом месте, но закопал арфу. Ему казалось, что он сохраняет её душу — частично в похороненном инструменте, а частично в себе. С того момента, куда бы он не шёл, он чувствовал её невидимое присутствие, которое приободряло его. Иногда, когда он играл на своей флейте или пел какую-нибудь древнюю песню с малопонятными словами, ему казалось, он слышит где-то далеко, но вполне различимо, звуки её арфы — только звуки эти были мелодичнее и мелодия удачнее сочеталась с трелями его флейты, чем раньше.

Она первая назвала его *настоящим певцом*, с тех пор и другие говорили о нём так же. Некоторые из них тоже были певцами,

которых он встречал в своих бесконечных путешествиях; попадались и деревенские девки, чьё музыкальное восприятие необычно обострялось благодаря его физическому напряжению.

«Настоящий певец, — думал Реган, сидя на склоне оврага, — и *мёртвый* певец, если я не буду осторожнее».

Ему показалось, что уровень воды в потоке постепенно повышается. Он в тысячный раз посмотрел наверх и в тысячный раз решил для себя, что по скользкому, глиняному, почти вертикальному склону взобраться было почти невозможно, а если он упадёт вниз, придётся довериться сумасшедшему потоку воды.

«А поток этот, — подумал он, мрачно поглядев вниз, — не оставляет больших надежд на будущее».

Регану очень хотелось, чтобы дождь побыстрее кончился. Даже перспектива смерти в мутном потоке по сравнению с сидением под проливным дождём не казалась такой уж страшной.

— Барра'ап Ртениадоли Ми'гли'минтер Реган! — закричал вдруг кто-то сверху.

Он принял это за слуховую галлюцинацию, создаваемую шумом дождя.

Крик повторился.

— Барра'ап Ртениадоли Ми'гли'минтер Реган!

На этот раз он уже всерьёз отнёсся к крику, уцепился покрепче за куст, повернулся и прищурил глаза. На фоне тёмного неба он заметил чью-то голову, наблюдавшую за ним с края обрыва.

— Барра'ап Ртениадоли Ми'гли'минтер Реган! — опять повторил голос, и Реган подумал, что к нему неведомо откуда пришло спасение. А может, и нет. Ему рассказывали когда-то, что в безлюдных местах Альбиона живут привидения, которые любят наблюдать за погибающими от стихии людьми, правда, он раньше никогда не встречался с ними.

— Я обычно не отзываюсь на это имя! — закричал он, сознавая, что его будет просто не слышно из-за шума бури. Он закрыл глаза. Тёплая дождевая вода стекала по лицу за воротник.

— Потерпи, Барра'ап Ртениадоли Ми'гли'минтер Реган, — сказал человек на краю обрыва. — Я сейчас подойду к тебе.

— Не глупи! — закричал он. — Склон очень скользкий! К тому же на уступе не хватит места для нас обоих!

— Спасибо за предупреждение, молодой человек, — произнёс бодрый голос уже рядом с ним, — но, уверяю тебя, что знаю гораздо больше о скользком, чем тебе когда-либо доведётся узнать.

Звуки дождя и беснующегося потока на дне оврага вдруг стали стихать, пока не превратились в тихий шёпот, доносящийся

как бы издалека. Затем Реган почувствовал, что ему стало тепло, потрогал свою одежду — она была сухой.

Сидящая рядом с ним женщина с высокими скулами, ярко-зелёными глазами и короткими волосами была здесь совершенно неуместной. Она лукаво, но дружелюбно взглянула на него, и он обнаружил, что улыбается ей в ответ. В тот же самый момент он обнаружил, что она не сидит рядом на уступе, а, скрестив ноги, парит в воздухе перед ним.

— Так ты — мираж, — разочарованно проворчал он. — Я полжизни надеялся увидеть мираж, чтобы рассказывать потом всем, как он выглядит, а увидел его только перед самой смертью. Большое тебе спасибо, мираж.

Мираж засмеялся.

— Не беспокойся, Барра'ап Ртениадоли Ми'гли'минтер Реган, — сказала она, запрокидывая голову. — Я не мираж. Я существую на самом деле. Позже, если захочешь, я покажу тебе мираж, и ты сможешь написать о нём песню.

Она пришла сюда в самый дождь, но была совершенно сухая: на её обуви не видно грязи и в волосах — ни одной капли. За плечами у неё была арфа в деревянной раме, отполированной до блеска. Регану показалось, что вокруг них появилось некое свечение, не дававшее дождю проникать внутрь обозначенной им сферы. Нет, сообразил он, оглядевшись, всё было совсем не так: просто капли, почти настигнув их, вдруг обнаруживали, что *хотели* упасть совершенно в другом месте. Они сворачивали и следовали по новому курсу.

— Моё полное имя — Барра'ап Ртениадоли Ми'гли'минтер Реган, — сказал он осторожно, — но я почти никогда не использую его целиком. Те, кто знает меня, зовут просто Реган; для других же я вовсе не имею имени.

— Подвинься немного, — предложила женщина, напрочь игнорируя его слова. — Я хочу сесть рядом с тобой.

— Но здесь не хватит места, — сказал Реган, нарочито подвигаясь влево и всё ещё продолжая держаться за куст.

— А вот и хватит, — сказала она капризно. — Видишь?

Она сидела рядом с ним на уступе, где вдруг оказалось достаточно места для них обоих. Она даже положила рядом арфу.

— А теперь, Барра'ап Ртениадоли Ми'гли'минтер Реган… — начала она.

— Я же сказал тебе, — с раздражением прервал он её, — я не использую своё полное имя.

— Извини, — сказала она с усмешкой. — Конечно же, ты Реган. Я постоянно забываю об этом, Барра'ап Ртениадоли Ми'гли'минтер…

— Реган!

— Реган. Да, конечно. Но почему это так важно для тебя?

Раньше ему никто не задавал этого вопроса, и он рассердился, что не мог на него ответить.

«Из-за того, что моё полное имя заставляет меня чувствовать себя абсолютно голым. Это — нечто чересчур личное», — хотелось ему сказать, но, по насмешке в глазах женщины, он понял, что она будет нарочно дразнить его, делая вид, что неправильно поняла это объяснение.

И он произнёс:

— Это важно.

Она отвернулась, глядя, как вода стекает по противоположному склону, и едва заметно кивнула. А когда вновь обернулась, на лице её была улыбка.

— Ну, — сказала она, — каждому своё. Я, например, всегда пользуюсь полным именем.

— И как же тебя зовут? Ты до сих пор не сказала мне об этом.

— Элисс, конечно.

Она взглянула на него исподлобья и с подозрением спросила:

— Ты, очевидно, слышал обо мне?

— Не слишком много, — пробормотал Реган. Он знал, что рядом с ним сидела певица, чьи возможности намного превосходили его собственные, и она могла скинуть его в бурлящий поток, лишь слегка пошевелив пальцами. Он задумался о том, что ему делать: польстить ей или не рисковать — ведь можно и обидеть.

— Не ломай голову, — снова улыбнулась она. Её настроение было изменчивым, как ртуть. Она оторвала ветку от куста, за который держался Реган, и бросила её вниз, в мутную воду, глядя, как та крутится, падая навстречу своей судьбе.

— Зачем ты здесь? — спросил он.

— Разумеется, затем, чтобы защитить Аню.

— Аню? Кто такая Аня?

— Это женщина, которая изменит Альбион. Она — дочь Лайана. Ты помнишь его?

— Нет.

Элисс вздохнула.

— Если бы всё повернулось немного иначе, Лайан отнял бы трон у Эллонии. Но он был слишком глуп, чтобы позвать на помощь тех, кто мог ему помочь, и поэтому проиграл.

Она бросила ещё веточку в бурлящий поток и с интересом понаблюдала, как она крутясь уплывает куда-то вдаль. Вокруг них по-прежнему было непонятное, сверхъестественное спокойствие. Реган почувствовал желание протянуть руку и потрогать

окружавший их серебристый купол. Он не хотел проткнуть его — просто ощутить пальцами поверхность.

— Ты точно не помнишь Лайана?

— Точно, — сказал Реган. — Я не слышал этого имени раньше. Извини.

— Тогда забудь то, что я сказала.

Она поглядела на него, как на какой-то мерзкий предмет, найденный ею на дороге.

— Ты певец? — спросила она немного погодя.

— Да, — согласился он.

— Тогда давай-ка я научу тебя одной песне.

Он засмеялся. Уступ вдруг резко накренился, и он перестал смеяться.

— Это ты сделала, — сказал он со злостью.

— Возможно, — неопределённо заметила Элисс, наклоняясь над своей арфой. Длинный ноготь её левого мизинца мягко коснулся струн. И Реган против воли сыграл ту же ноту на своей флейте.

Плеск воды доносился теперь откуда-то совсем издалека. И некоторое время ему казалось, что в мире существуют лишь они двое, их инструменты и голоса.

— Я хочу тебя попросить кое о чём, — сказала она, критически прислушиваясь к звучанию своих струн.

Он проигрывал те же ноты на флейте.

— Ну? — с неохотой сказал он.

— Я хочу, чтобы ты встретился с дочерью Лайана и помог ей.

— С дочерью того, о ком я никогда не слышал?

— Правильно.

Струна под её рукой зазвучала идеально. Для Регана это было, как гром среди ясного неба.

— Кто она?

— Сейчас — никто, — сказала Элисс. — Просто хороший ребёнок, каких полно в Альбионе. Она расскажет тебе всё о Лайане, если попросишь, а ещё больше ты сможешь узнать от женщины по имени Рин. Потому что мать Ани…ну, она уже выполнила своё предназначение. Жестоко говорить так, но струна эта вскоре лопнет. Как это ни печально.

— Аня — дочь Лайана, о котором ты говорила?

— О да, — Элисс взглянула на него и снова взялась за свою арфу. — Да. — Голос её зазвучал тише, когда она прислонилась щекой к арфе. — Аню нельзя понять до тех пор, пока не усвоишь, что она дочь Лайана. Лайан был лидером. Я на его месте сделала бы всё гораздо лучше, но меня об этом не просили — нас, певцов, никогда об этом не просят. И всё же у него вышло неплохо, если

подумать. У Ани же выйдет гораздо лучше, чем у её отца, но только, если ей помогут.

— И как ты хочешь, чтобы я помог ей? — поинтересовался Реган.

— Наконец я вижу перед собой разумного человека, — насмешливо заметила Элисс.

Реган покраснел.

— Почему у неё выйдет лучше? — спросил он.

— Лайан, — объяснила Элисс, — совершил одну большую ошибку. Он собрал вокруг себя одних лишь воинов. Он собрал вокруг себя солдат и повёл их против солдат Дома Эллона. Он знал, что идёт сражаться против хорошо обученной армии профессионалов, и верил в то, что помощь ему не понадобится. Аня, я думаю, будет благоразумнее. Ну всё, я настроила, а ты?

Реган попросил её сыграть ноту и стал подбирать соответствующий звук на своей флейте.

— Кто такая Аня? — повторил он. — Ты сказала, что она дочь потерпевшего неудачу бунтовщика. Но это не очень хорошая рекомендация.

— Она — Та Кто Ведёт. Но её армия будет совершенно не похожа на армию её отца. Я буду вместе с ней. Вместе с нами будут другие певцы и даже дрёма.

— Но, — сказал Реган, чувствуя, как флейта становится частью его самого и как её звуки достигают небес, где их могут слышать тучи, — ты всё же не ответила на мой вопрос. Кто такая Аня?

— Сейчас она действительно ребёнок, — повторила Элисс. — У неё ещё растёт грудь и только-только начались менструации, но очень скоро ока станет взрослой. Если ты позволишь мне войти в твой разум, я покажу тебе, где она, чтобы сразу после бури ты нашёл её и предложил всё, на что способна твоя музыка. Я не обещаю, что буду рядом с тобой, но постараюсь прийти к вам, как только смогу.

Реган воспроизвёл на своей флейте целый водоворот звуков, и Элисс повторила эту трель, перебирая пальцами струны арфы. Зона спокойствия, окружавшая их, расширилась настолько, что занимала уже весь овраг. Музыка остановила бурлящий внизу лоток и заставила его течь в обратную сторону до тех пор, пока он не иссяк. И наступила тишина, только эхо отражалось от склонов оврага. Элисс и Реган, раскачиваясь в такт музыке, сплетали из звуков волшебные ковры и улыбались друг другу, когда им удавалось что-то совершенно необыкновенное.

Реган оторвал флейту от губ и внимательно осмотрел её. Провёл по ней пальцами и вспомнил женщину, которая была так

добра к нему в своё время.

— Я не хочу умирать, — сообщил он Элисс.

— Да, пока рановато, — сказала она.

— Я полезу на склон.

— Это скучное занятие. Я перенесу тебя туда.

Он обнаружил, что поднимается по воздуху рядом со склоном, и вскоре оказался на самом верху. Он лежал рядом с ней на жёсткой траве, и колючие стебли царапали его щёки. Они оба посмотрели на дно оврага, во которому с новой силой нёсся яростный мутный ноток.

— Послушай, какой интересный аккорд, — сказала она и провела пальцами по струнам.

Реган посмотрел на неё с неприязнью: она была слишком самоуверенна.

— Прислушайся повнимательней, — продолжала она, делая вид, что не замечает его взгляда. — Когда ты будешь искать девочку, представляй себе, что слышишь этот аккорд. И он приведёт тебя к ней.

Реган снова оказался в одиночестве, только на этот раз не в овраге, а на его краю. Дождь снова нещадно хлестал его по голове и плечам. Он осмотрелся вокруг — Элисс нигде не было видно. Кругом лишь мокрая грустная трава, прибитая к земле дождём.

Он вспомнил аккорд, который наиграла ему Элисс, и тотчас понял, куда ему идти. Позже, когда дождь кончился, он сочинил новую мелодию для своей флейты — весёлую джигу, не имеющую ничего общего с беспокойным состоянием его души.

* * *

Магам было тяжело найти место в своей гелиоцентрической космологии для певцов типа Элисс и Регана, а также для дрём, поэтому они, с присущей им мудростью, и не пытались этого делать. К тому же певцы и дрёмы всегда избегали эллонов, не желая, чтобы их магические силы служили тиранам. Деспоты считали рассказы о них не более чем легендами, и маги всячески поддерживали в них эту уверенность. Пусть Деспоты продолжают считать, что магия принадлежит исключительно магам — тогда они в безопасности. В действительности же всё было совершенно не так.

Никто не помнил, как давно это было, но берега Альбиона от Внешнего Мира не всегда отделял туман. Несмотря на уверенность самих эллонов в том, что туман окружал Альбион вечно, даже их собственные легенды говорили о другом. Будто бы примитивные судёнышки с людьми из Мира когда-то подходили к берегам Альбиона. Один из таких кораблей под названием «Эллон» высадил на остров пионеров, приплывших из места под

названием Безымянный Город. Люди должны были обследовать неизвестную землю, а затем, если найдут её подходящей, вернуться домой, чтобы привести за собой флот колонистов. Вместо этого, найдя эту землю даже слишком подходящей, они решили заселить её самостоятельно, предоставив остальных своих соплеменников их собственной судьбе.

В те времена Альбион сильно отличался от Мира. Его население, проживавшее в сельской местности, было разреженным и занималось почти исключительно земледелием. Правда, существовавшее положение вещей никак нельзя было назвать раем — люди страдали от голода, болезней и умирали сотнями. Что самое интересное — магия, казалось, не существовала в жизни этих людей. Даже деревенские лекари применяли для своего ремесла только травы и целебные минералы. Любое деяние было результатом труда, а не следствием заклинаний. Звёзды — лишь огоньками в небе, а не тропой к могуществу и власти. Колонисты оказались людьми ограниченными и не заметили, что каждый абориген объединён со своей землёй совершенно особой магией, пусть пассивной, но отнюдь не слабой.

Среди людей на борту «Эллона» были и колдуны. А в трюмах кораблей хранилось немало оружия. В то же время крестьяне Альбиона были неорганизованны и даже не имели чёткой структуры власти, поэтому завоевание страны прошло безо всякого труда.

Своим последним и величайшим заклинанием, для которого потребовалось призвать всю магию Мира, когда воздвигли барьер вокруг Альбиона, сместивший остров во времени таким образом, что солнце постоянно оставалось над ним почти в зените, а звёзд и луны вообще никогда не было видно, в то время как в остальных странах всё оставалось по-прежнему и дни сменяли ночи, а года сменяли года. Время в Альбионе почти всегда отличалось от времени в Мире на несколько секунд — эти несколько коротких мгновений образовывали как бы непробиваемую стену.

Но заклинание оказалось несовершенным, и поэтому разница во времени была непостоянной, а солнце то и дело отклонялось от зенита. Иногда, впрочем, очень редко, время в Альбионе на короткое время совпадало со временем в Мире, создавая тем самым дыры в туманном барьере. Возможно, математики Мира и могли бы предсказать, когда наступают такие моменты, если бы знали все детали заклинания, произнесённого колдунами. Первые эллонские маги, конечно, помнили эти детали, но им не хватало научных знаний Мира для предсказания точного времени

возникновения прорывов. К тому же они вскоре обнаружили, что магия — это зверь, трудно приручаемый. Та малая её часть, которой они когда-то обладали, была теперь не в их власти, и они стали бессильными магами без магии. Оставив колдунов, их магия объединилась с магией этой земли, и возник некий конгломерат, уже совершенно независящий ни от каких деяний смертных: правители Эллонии были лишь видимостью — истинным хозяином страны являлась магия.

А магия была капризной. Она, как ребёнок, любила играть и ломать свои игрушки.

Древние связи между аборигенами и землёй за редким исключением были теперь нарушены, потому что сама земля в игривых руках магии перестала быть стабильной, находилась в состоянии постоянного изменения. Эта геоморфологическая нестабильность привела к полной неопределённости восприятия реальности во всём Альбионе. Его жители одновременно проиграли и выиграли от этого: они потеряли намять о прошлом, но в условиях тирании Эллонии такое забвение было спасительным. Будущее? О каком будущем могла идти речь, если не существовало стабильного прошлого?

А как же сами эллоны? Магия решила полностью оградить себя от них (хотя эллонские колдуны изображали дело таким образом, будто это они отвергли магию, как навязчивую проститутку). Эллоны, не посвящённые в секреты магов, считали, что весь их народ обладает врождёнными магическими способностями. Иначе почему, куда бы они не пошли, изменения на поверхности земли прекращались и реальность фиксировалась?

Магический конгломерат был отнюдь не однороден: он состоял из множества частей, его составляющие иногда не соглашались друг с другом, и бунтующая субстанция вселялась в души некоторых смертных. Так появились певцы: мужчины и женщины, даже не подозревающие о природе сил, сделавших их такими, но способные сочинять музыку и песни, в которых и выражались вселившиеся в них магические концепции. Будучи магическим фокусом, сосредоточенным в одной душе, они также обладали способностью сохранения реальности. Кроме того, существовало несколько дрём, чей разум обладал бессознательной способностью временно захватывать часть магии и управлять составляющими её элементами.

Конгломерат в целом не был обеспокоен такими незначительными отклонениями в своей однородности. Магия весело и радостно играла со своими смертными игрушками и только изредка, по своим, непонятным для людей причинам,

появлялась непосредственно перед ними. Зная, что сам по себе голый конгломерат не может общаться с людьми, специально для глупых смертных он являлся им в форме одной из своих составляющих. Это мог быть огонь, вода или земля, но всё же чаще выбирался воздух.

И тогда ветер превращался в Ветер.

Эллоны думали, что понимают Ветер, что его дели можно как-то объяснить человеческими понятиями. Они считали его своим союзником, хотя и ненадёжным. Они не могли понять, что Ветер не был ничьим союзником. Окружённые пеленой своего прагматизма, они не могли понять фундаментальной неопределённости магического конгломерата.

Дрёмы и певцы могли бессознательно использовать некоторые возможности, предоставленные им конгломератом; и даже некоторые простые крестьяне пользовались ими, но перед лицом эллонов магия захлопнула дверь, а они сами закрыли её на ключ.

В те редкие моменты, когда барьер между Альбионом и Миром был прозрачен, часть более могущественной магии Мира могла проникать в Альбион. Она в основном поглощалась конгломератом, но иногда проникала в души смертных, после чего они могли сохранять свою независимость. Такие смертные становились певцами, которым не было необходимости петь, и дрёмами, которые не опасались за свои сны. Они несли в себе знания мира, которые, вместе с бессознательной магией, были способны производить перемены в Альбионе. Сказать, что магия Альбиона боялась такого влияния, означало бы приписать ей человеческие качества, то есть сделать ту же ошибку, что делали эллоны. Магия просто знала о существовании таких аномалий и адекватно реагировала на них.

Где-то в глубинах сердца Барра'ап Ртениадоли Ми'гли'минтер Регана и других певцов Альбиона жила врождённая магия, которая знала и понимала всё это. Сам Реган, конечно, не знал. Даже несмотря на встречу с Элисс, которая, как и весь магический конгломерат, видела в Альбионе лишь место для своих игр. Вероятно, Реган не будет знать обо всём этом ещё долго.

Если узнает вообще.

Даже для Элисс будущего ещё не существовало.

* * *

Большинство жителей деревни не любили Аню. Они готовы были терпеть её недевичью грубость довольно долго, пока она не избила Бартку — деревенского силача — до такой степени, что несколько периодов бодрствования ему пришлось носить повязку.

Бартку также никто особенно не любил, но считалось просто безобразием, что девочка-подросток так разукрасила его. Семья Бартки хотела отомстить ей и отомстила бы, если бы отряд мстителей по чистой случайности не повстречался с Рин. А Рин не очень-то с ними церемонилась, хотя потом сама же стала накладывать им шины и перевязывать конечности.

Сайор с неохотой наказала Аню, заперев её наверху. А Рин тайно поднялась к ней и посоветовала, как лучше использовать апперкот правой. Бартка больше не слыл деревенским силачом — стоило ему привязаться к какому-нибудь малышу, перед ним тотчас возникало разгневанное лицо Ани и он тотчас вспоминал о каких-то своих неотложных делах. Таким образом Аня постепенно начала завоёвывать популярность у детей, несмотря на то, что родители их продолжали относиться к ней с большим недоверием. Ведь она была ребёнком, который, по их разумению, взялся невесть откуда. Мало ли, что Сайор и Рин говорили, будто она — ребёнок Лайана…

Большую часть периода сна Аня рыдала. У неё ничего не болело — просто она хотела, чтобы мать почувствовала вину за то, что она её наказала. Кончилось тем, что Рин снова поднялась к ней на чердак и приказала ей замолчать, да таким тоном, что испуганная Аня отвернулась к стене и моментально уснула.

В начале следующего периода бодрствования в Лайанхоуме появился пришелец. Он был необычайно худым от долгого голодания, а одежда его состояла из драных штанов, рубахи в каких-то пятнах и плаща, подобранного где-нибудь у обочины дороги. Несмотря на это, он дурачился и весело плясал, стуча в бубен, под музыку, которую наигрывал на своей флейте. Аня чувствовала, как музыка эта отдаётся в её собственном теле. Не переставая играть, певец умудрился пройтись колесом вдоль главной улицы, и грязный плащ при этом периодически скрывал его лицо. Когда он играл на флейте, Аня чувствовала, что её пальцы двигаются в точности как у него, будто они играли вместе.

Певец перестал кувыркаться, убрал флейту, взял в руки бубен и запел песню, которую совсем недавно сочинил:

Семь женщин проскакали в эту ночь
По городу Старвелин.
Копыта лошадей их высекали
Из камня звёзды, падавшие в пыль
Что растворялись в бледном лунном свете.
Они смотрели в мрачные углы,
Где тени прятались, сгущаясь и темнея,

Как старое вино. [1]

И слова и музыка казались Ане нектаром, настолько они были близки её сердцу. Сайор и Рин рассказывали ей о волшебстве, которое может создавать музыка, но никто из них не умел играть её, если не считать неуклюжих попыток настучать что-то ладонями по столу. Этот же человек — Реган, вытаскивал из-под своей грязной, смрадной одежды музыкальные инструменты и извлекал из них небесные звуки.

Он закончил играть и улыбнулся мальчишеской улыбкой. Аня стояла рядом. Он только взглянул и тотчас узнал в ней девочку, описанную ему Элисс. Затем повернулся, чтобы поблагодарить жителей деревни за аплодисменты. Их приём был ему по душе. Он протянул к публике руки, в одной из которых держал флейту, и снова низко поклонился. Сейчас ему надо было побеседовать с этой светловолосой девочкой.

Элисс говорила, что если он пойдёт туда, куда ведёт аккорд, то найдёт девочку. Теперь, когда он выполнил это, в нём родилось нетерпение: согласно воле Элисс, он стоял рядом с Той Кто Ведёт, девочкой, которая в своё время возглавит армию, призванную уничтожить тиранию Эллонии…

— Нет, не армию, — сказала Аня.

— Что? — испуганно переспросил Реган.

— Нас будет немного. Максимум — несколько тысяч, но скорее — несколько сот человек. Забудь о колоннах кавалерии — так нельзя завоевать Альбион. Правда.

— Это ты сейчас говоришь, — сказал Реган, убеждаясь что его слова, кроме неё, никто не слышит. — Но ты сейчас всего лишь ребёнок.

— Поговори с Рин. Она была рядом с Лайаном, когда тот вёл против Дома Эллона огромную армию. Он проиграл эту войну. И Рин считает, чтобы победить Эллонию надо использовать другие пути.

Она села на корточки, обнаружив вдруг на земле интересные камни. Реган присел рядом с ней и провёл по камням пальцами. Аня показала рукой на небо.

* * *

«Я потеряла любовь своей дочери…»

Внизу и чуть слева от Сайор был виден посёлок Лайанхоум. Казалось, его немногочисленные улицы расплавились и потекли от жаркого солнечного света. Она прижала руки к лицу, старясь не загораживать пальцами глаза. Под ней была глубокая пропасть с острыми камнями.

«Я потеряла свою любовь к дочери…»

Это пришло не сразу. Просто постепенно усиливалось ощущение, что Аня была не её ребёнком. Снова и снова Сайор обнаруживала, что лишь играет роль матери, не будучи таковой на самом деле. Ребёнок, которого она вырастила и вскормила, был для неё чужим, даже более того — был врагом. Казалось бы — пустяк: Аня избила того мальчишку, Сайор наказала Аню, чувствуя, что ненавидит себя за это, но всё это вместе было мукой. Ей надо было рассказать Ане о своей боли, но она не привыкла доверять секреты чужим людям. Она могла бы поговорить с Рин, но от неё Сайор ожидала уважения, а не жалости.

«Я одна. Я всегда была одна. Когда со мной был Лайан, мне казалось…»

Она словно оказалась в комнате со множеством дверей, не запертой из которых была только одна. Сайор подалась вперёд, почувствовала, что падает, и расставила руки в стороны, чтобы лететь свободно, как птица.

Глава третья. Пришельцы

Сначала тетива врезалась ей в пальцы, но теперь, после долгой практики, кожа на пальцах стала такой твёрдой, что она уже не чувствовала боли. Аня посмотрела на кончик стрелы, чувствуя её как бы продолжением своего тела, и совместила её со стилизованным изображением оленя, которое сделала Рин на стволе дерева. Вся шея оленя была в отметинах от Аниных стрел.

Она отпустила тетиву и поглядела вслед стреле, пролетевшей быстро, как свет, и гордо застывшей между глаз оленя. Почти тотчас она достала новую стрелу, и опять была готова к стрельбе. Она была недовольна собой, потому что еле дышала от напряжения, а Рин говорила, что самое главное в искусстве стрельбы из лука заключается в спокойствии и полном контроле над телом. Чтобы она могла провести весь период бодрствования, стреляя из лука, и после этого не чувствовать усталости. Вторая стрела чуть не расщепила первую. Третья вонзилась в дерево между первых двух. Если бы олень был настоящим, а не нарисованным, он был бы уже убит три раза.

— Достаточно, — повелительно сказала Рин. Её волосы поседели, но она была всё такой же энергичной, как раньше. — Теперь поупражняемся с мечом.

Аня ещё не успела приготовиться, а деревянный меч Рин уже просвистел у неё над головой. Аня упала на колени, отбрасывая в сторону лук, и достала из ножен свой учебный меч. Одновременно она схватила Рин левой рукой за ногу. Женщина-воин отскочила, но всё же потеряла равновесие, попятилась назад, пытаясь не упасть, но вскоре обнаружила острый конец Аниного меча в неприятной близости от своего горла.

— Сдавайся.

— Сдаюсь, — сказала Рин

Они сели на мягкий дёрн и улыбнулись друг другу. Рин достала немного хлеба и мяса, и некоторое время они просто ели. Жир потёк у Ани по подбородку и она вытерла его рукавом, на котором после этого осталось блестящее пятно.

— У тебя здорово получается, — сказала Рин. — Тебе, конечно, далеко до твоего отца, но всё же неплохо.

— А Сайор была хорошим воином?

— Нет. Она была храброй, когда её вынуждали к тому обстоятельства, но ей не хватало умения.

— Почему ты хочешь, чтобы я была умелой?

— Потому, что ты поведёшь нас.

Аня бросила свой меч в воздух, наблюдая, как он вращается,

падая вниз, и поймала его за ручку.

— Я не хочу, — сказала она, бросая меч как копьё, остриём в землю.

— У тебя нет выбора.

— Почему?

— Люди в деревне — вот причина. Теперь, когда ты здесь, некоторые из них вспомнили Лайана и то, как он вёл крестьян на войну с Домом Эллона. От тебя ожидают того же самого, хочешь ты того или нет.

Рин сорвала маргаритку и понюхала её. Обе женщины закончили еду.

— Я не хочу убивать людей, — сказала Аня.

— У тебя почти нет выбора.

— Почему?

— Из-за эллонов. Мы были в их власти слишком долго.

Аня посмотрела на траву перед собой.

— Ты считаешь себя моей матерью? — застенчиво спросила она.

— В некотором смысле, да.

Что ты имеешь в виду?

— Твоя мать погибла. Ты знаешь это. Я твоя *вторая мать*.

— В таком случае, я твоя *вторая дочь*.

— Можно и так сказать, — после паузы согласилась Рин. — Пусть всё так и остаётся.

Она подобрала острый камень и бросила его в изображение оленя. Камень попал в Анины стрелы, и они упали на землю.

Рин поднялась, расправила плечи и сделала несколько наклонов, касаясь пальцами мысков. Аня засмеялась.

— Домой, — сказала Рин. — Нам пора возвращаться.

Женщины собрали оружие в корзины и убрали деревянные мечи в ножны.

— В следующий раз, когда эллоны придут в Лайанхоум, — сказала Аня, — мы перебьём их.

— Да. В следующий раз. Но не слишком ли много было этих *следующих разов?*

Они шли через лес, мягко ступая по опавшим сосновым иголкам.

— Я не понимаю, — задумчиво произнесла Аня. — Ты постоянно говоришь, что я должна быть лидером, но каждый раз, когда я собираюсь сделать что-то, останавливаешь меня и напоминаешь об осторожности и осмотрительности.

— Да.

— Но почему?

Рин посмотрела на голубое небо и на зелёную листву

деревьев. Воспитание ребёнка после смерти Сайор было нелёгким делом. Подростковый возраст вообще не самый лучший, а с Аней после такой страшной смерти матери было и того хуже. Рин пыталась быть для Ани одновременно матерью и отцом, но чувствовала, что ей не удаётся ни то, ни другое.

— Почему? Странный вопрос. Мне кажется очевидным, что если ты собираешься вести нас, ты должна быть живой, — она обошла коровий блин, чувствуя раздражение. — Пока ты была не готова к войне с эллонами, было бы сумасшествием открываться им. Но теперь, я думаю, ты готова. И они не заставят себя долго ждать.

Аня некоторое время молчала. Она была среди жителей деревни, нашедших тело её матери у подножья холма, и наблюдала за тем, как они похоронили чудовищно покалеченные останки под неприметным кустом. Рин объяснила Ане, что если бы её не было там и если бы она не была дочерью Лайана, крестьяне моментально забыли бы о существовании её матери. Вместо этого они удостоили её почестей, которых заслуживал разве только монарх. Аня-подросток смотрела на церемонию со слезами на глазах, но не чувствовала в душе особого сожаления. Сайор всегда была дальше от неё, чём Рин; было заметно, что она не любит мать, даже когда сидела у неё на коленях. А Рин играла с ней в мяч и учила приёмам рукопашной борьбы.

— Значит, мы начинаем? —— спросила Аня.

— Да. Скоро мы нанесём удар.

Они входили в деревню по немощёной, но хорошо утрамбованной дороге.

— Мы должны убить их?

— Я не вижу ничего другого. Альтернатива одна — они перебьют всех жителей Лайанхоума. Уж они-то не будут задумываться — они обучены убивать.

Аня заметила гриб в траве у обочины и, нагнувшись, сорвала его. Рин даже не сбавила шага, наблюдая, как Аня бегом догоняет её.

— Я не люблю убивать, — сказала Рин, — так же, как и ты. Но эллонские солдаты убьют нас безо всяких угрызений совести: мы для них — животные, готовые для убоя. Они не считают нас людьми, подобными себе.

Она мотнула головой, и её седые волосы взметнулись словно от порыва ветра.

— А ты считаешь нас людьми?

Рин остановилась и с яростью взглянула на Аню.

— Конечно, — сказала она. — Почему ты спросила?

— Ты иногда кажешься такой холодной…

Рин помолчала немного.

— Я любила твою мать, ты знаешь, — сказала она наконец. — Когда она умерла, я задумалась. Мне хотелось, чтобы она была жива, но это, конечно, было невозможно. Тогда я решила, что её смерть была не напрасной.

— И при чём здесь убийство эллонов?

— Ещё как при чём, дитя моё. Ещё как. Твоя мать видела, что сделали эллоны с твоим отцом, и она никогда бы не простила им этого. Если бы она была посильнее и осталась в живых, чтобы самой убить их. Она не умела прощать: видно, поэтому и покончила с собой.

Теперь они были в центре Лайанхоума и повернули налево, чтобы подняться на холм, к дому. Аня перекладывала гриб из одной руки в другую, наслаждаясь ощущением его прохладной плотной поверхности.

— Она так и не простила мне того, что стала моей любовницей, — сказала Рин, поддав ногой лежащий на дороге камень, — хотя и желала этого больше, чем я.

— Но ты никогда не пыталась стать *моей* любовницей, — заметила Аня.

— Ты мне не нравишься как женщина, — ответила Рин, не глядя на девушку.

— Спасибо.

— Я люблю тебя, но по-другому. Я думаю, Сайор любила бы тебя так же, как я, если б осталась в живых. Что же касается меня, то ты — моя дочь, вот и всё.

Аня открыла скрипучую дверь, войдя в дом, налила в котелок воды и зажгла под ним огонь. Рин села на табурет, скинула ботинки и вытянула уставшие ноги.

В доме кто-то был.

Они вдруг поняли это одновременно.

В руках у Рин появился клинок. Аня убрала котелок с огня.

— Эй! — раздался голос откуда-то из спален наверху.

— Вроде, не враг, — заметила Рин, не торопясь, однако, убирать клинок.

— Это я, — сказал голос.

Аня смертельно побледнела. С детства ей говорили, что эллонские солдаты могут прийти в дом только потому, что она — дочь Лайана. Теперь её самые страшные кошмары становились явью.

— Забудь об этом, — сказала Рин. — Это не эллон. Совсем другой акцент.

— Тогда кто же это?

— По-моему, этот странный певец. Который был здесь, когда

погибла твоя мать.

— Ты где? — крикнула Рин.

Она всё ещё держала в руках клинок.

Послышались шаги по деревянной лестнице, и перед ними появился высокий мужчина. В левой руке он держал деревянную флейту, очевидно, считая её самым важным предметом в своей жизни. В правой руке — бубен. Он взглянул на свои инструменты и улыбнулся Рин.

— Ты Аня? — вежливо осведомился он.

— Немного ошибся.

Рин кивнула в сторону.

— Значит, ты — Аня?

— Да.

Она не могла припомнить, когда достала лук, но ой каким-то образом оказался в её руках. Наконечник стрелы был направлен в лоб человека, как раньше в горло оленя.

— Убери лук, Аня, — спокойно сказала Рин. Аня подчинилась.

— Кто ты? — спросила она.

— Барра'ап Ртениадоли Ми'гли'минтер Реган, — сказал человек, — но я предпочитаю, чтобы меня называли просто Реган. Вы не помните, но я был здесь раньше. Меня просили прийти к вам на помощь, но в первый раз я пришёл слишком рано. Ну, а теперь… я вернулся. — Широкая улыбка осветила его лицо.

— Кто просил тебя прийти сюда?

Рин напряглась.

— Певица. Такая же, как я. Она сказала, что её зовут Элисс, но я не знаю, правда ли это.

— Я знаю Элисс, — сказала Аня. Котелок, который снова стоял на огне, стал закипать. — Она как-то встречалась с друзьями моего отца. А потом приходила ко мне.

Рин отодвинула стул и указала на него Регану.

— Зачем ты здесь?

— Я же сказал, Элисс попросила меня об этом.

— Чай будешь пить?

— Конечно.

Он уселся на неудобный стул, опёрся локтями на стол перед собой и улыбнулся женщинам. Струившийся через окно солнечный свет окрашивал всё в жёлтый цвет. Барра'ап Ртениадоли Ми'гли'минтер Реган посмотрел на яркие лучи и затем отвернулся.

— Мои друзья зовут меня Реган, — повторил он.

— Неудивительно, — сказала Аня.

Чай был кислым, и Регану не понравился, но он пил его тем

не менее, надеясь, что привыкнет к этому вкусу. Однако был разочарован: последний глоток оказался столь же неприятен, как и первый.

Аня улыбнулась.

— Ты знаком с Рин? — спросила она.

— Пока нет, — ответил Реган.

— А ты раньше встречал Аню? — насмешливо спросила Рин.

— Н-нет…

Аня хмыкнула.

* * *

Проснувшись в самом начале периода бодрствования, Аня почувствовала какой-то странный сладостный зуд между ног. Рядом с ней громко храпя спал Реган, и она прильнула к его телу, чувствуя его тепло своей грудью и животом. Провела пальцами по коротким волосам у него на затылке, наслаждаясь его беззащитностью во время сна, запустила руку ему в пах и стала ласкать его там, в надежде на ответную реакцию.

Реган без особого успеха и совсем недолго притворялся спящим…

Позже, покинув спящую Аню, он поднялся с кровати и оделся. Сходил по нужде, съел несколько сырых грибов и горбушку хлеба. Напоследок выпил пару сырых яиц и не сколько стаканов холодного чая.

К нему подошла Рин.

— Элисс просила тебя об этом? — спросила она.

— О чём?

— О том, чтобы ты был с нами.

— Да, она просила меня об этом.

Он наблюдал за тем, как она готовила себе грибы.

— Ты спал с Аней? — с беспокойством спросила она.

— Да, — ответил он насторожённо.

— Тебе везёт. Похоже, ты ей очень понравился. — Пальцы Рин двигались с поразительной сноровкой. — Она ни когда раньше не спала с мужчиной.

— Я заметил. — Реган хотел, чтобы этот разговор побыстрее закончился, а ещё больше — чтобы он вообще не начинался.

— Мне будет недоставать её, — сказала Рин с нарочитой небрежностью.

— Разве она хочет уйти отсюда? — спросил Реган, а затем, когда до него дошёл смысл её слов, запнулся.

— Я знала, что это время придёт, — говорила Рин, спокойно пережёвывая грибы. Он никогда раньше не встречал людей, которые говорили так красиво с набитым ртом.

— Ты была её любовницей?

— Нет, у нас не было с ней физической близости. Это выглядело бы как-то неприлично. Аня видела, что мы были любовницами с её матерью, и всегда считала меня одной из своих родителей. — Говоря это, Рин не чувствовала совершенно никакого смущения. Реган не мог сказать того же о себе. — Но мы были ближе друг другу, чем люди, находящиеся в физическом контакте. Если бы не обстоятельства…

Барра'ап Ртениадоли Ми'гли'минтер Реган не знал, что ему на это ответить. Он сидел за столом, положив подбородок на руки, и с сочувствием смотрел на собеседницу. Его собственная половая жизнь была гораздо менее интересной, чем ему хотелось бы, и он хорошо помнил чувство покинутости, которое возникало всякий раз, когда объект его вожделений становился для него недоступным. Он протянул руку и провёл пальцами по руке Рин.

— Извини, — просто сказал он.

— Не бери в голову. Какая-то часть меня готова петь и плясать от радости за неё. Однако вот, что я тебе скажу. Наша Аня — очень важная птица. И не в смысле, что она — Та Кто Ведёт, а просто — *сама по себе*. Я вовсе не считаю, что ты должен отдать ей всю свою оставшуюся жизнь, но если будешь жесток с ней… Я не сомневаюсь, что владею мечом лучше, чем ты.

Меньше всего на свете Регану хотелось сейчас причинить вред хотя бы одному волоску на теле Ани. Рин прочла это у него на лице и с удовлетворением кивнула.

* * *

Несколькими периодами бодрствования позже в Лайанхоуме появился новый пришелец, также посланный туда Элисс. Пришельцы в деревне были столь редки, что по крикам, доносившимся с улицы, Рин поняла: ей следовало надеть свой ремень с ножнами, вложить в них стальной, а не деревянный меч, и пойти на разведку. Она устало взялась за рукоятку, как бы желая убедиться, что оружие в действительности там, где ему положено быть. «В какой-нибудь другой стране, возможно, — подумала она, — всё совсем по-другому. Там не надо постоянно предполагать, что пришелец — это враг, пока не убедишься в обратном. Как бы мне хотелось расслабиться и просто привечать пришельцев чашкой кваса или чая».

Она пожала плечами. Дурацкие мечты.

Выйдя на улицу, Рин зажмурилась от яркого света. Она вначале не поняла, что происходит, но потом заметила грязного, оборванного старика, который приближался к их дому, не обращая внимания на звонкие голоса окруживших его мальчишек. Когда он поднял голову и увидел Рин, стоящую в полной боевой готовности метрах в пятнадцати от него, на лице

пришельца появилось облегчение.

Он кивком указал на свой эскорт, и Рин поняла намёк.

— А ну, бегите отсюда! — прикрикнула она на детей. — Разве вы не видите, что человек устал с дороги?

Мальчишки, понурив головы, отошли в ближайшую тень и стали наблюдать оттуда, что происходит.

— Это Лайанхоум? — прохрипел старик. Его длинные седые засаленные волосы прилипали к плечам, а такая же длинная и грязная борода переплелась с грубой шерстью кроваво-красного плаща.

Рин кивнула.

— Слава всему, что есть хорошего в мире — хотя этого и не очень много, — сказал он. — Сейчас я даже пропел бы маленькую хвалебную песню самому Деспоту за то, что наконец добрёл до этого места.

Он замолчал на минуту.

— Я действительно дошёл? — подозрительно переспросил он, когда Рин уже собралась ему ответить. — В смысле, ты не шутишь, нет? Ты, случайно, не мираж, который мучает больного старика, изображая перед ним деревню?

Рин засмеялась и уверила его, что она самая настоящая женщина и что находится он в самой настоящей деревне под названием Лайанхоум.

Он посмотрел на неё своими подозрительными красными глазами.

— Всё, что ты мне сейчас сказала, — правда?

Рин опять улыбнулась и, вытянув вперёд загорелую руку, медленно, чтобы не напугать его, пошла навстречу.

— Ущипни меня, — сказала она, — тогда поймёшь, что я настоящая.

Он тут же ущипнул, да с такой силой, что она отскочила, потирая больное место.

— Гм-м-м, — пробормотал он, задумчиво почёсывая за ухом. — Полагаю, что ты и в самом деле существуешь, хотя трудно быть уверенным. Эти миражи — хитрые бестии. Они обманывают людей, используя самые хитрые уловки. Правда, всё это мне рассказывали, сам же я пока не встречал ни одного. Однако могу заметить, что ещё никто не рассказывал о твёрдом мираже, поэтому пока я принимаю тебя во внимание, женщина. Но помни, ты находишься под подозрением. И если вдруг обернёшься облаком тумана, старый Джоли тут же заметит это и набросится на тебя, как ястреб на полевую мышь!

Рин засмеялась над этой перспективой, но потом что-то в глазах старика остановило её смех. Пришелец не был таки

тщедушным и глупым, как казался. Она поняла, что недооценивает его.

Заметив, как поднимаются её брови, он улыбнулся.

— Я не желаю тебе худого, девушка, — сказал он.

— Прошло немало лет с тех пор, как я была девушкой, — поправила его она, кивая головой в благодарность за комплимент. — Кто ты?

— Я уже говорил, я Джоли. У меня есть множество достоинств, но главное из них то, что я — дрёма.

Он с усмешкой поклонился.

Рин тяжело вздохнула. Меньше всего она хотела видеть рядом с собой дрёму. Неудивительно, что старик выглядит таким измождённым: возможно, прошло много периодов сна и бодрствования после того, как он последний раз позволил себе спать.

Дрёмы платили ужасную дань за свой дар.

— Ты не будешь спать в этой деревне, — сурово сказала она.

— Не бойся, — сказал он, махнув на неё рукой. — Я не такой дурак, каким выгляжу. Я послан помочь вам, а не подвергать опасности ваши ничтожные жизни. Если мне понадобится выспаться, я уйду куда-нибудь в холмы, где смогу найти одиночество.

Рин поняла, что Джоли был прислан Элисс, но она не могла понять, зачем. Общим правилом было — опасаться дрём, потому что они были крайне опасны. Их сновидения оживали. Как любой сон, они не подчинялись никакой логике и при этом влияли на всё, что находилось в непосредственной близости от дрёмы. Часто их сны были довольно безобидны — например, когда дело касалось сексуальных фантазий.

Но иногда у дрём бывали кошмары. Вот когда становилось страшно.

Рин ни разу не испытывала на себе влияние дрёмы, но слышала очень много рассказов об этом. В них были и огромные расплавленные камни, падающие с небес, и кровожадные злодеи, и отвратительного вида монстры, выбравшиеся из глубин подсознания, и страшные трещины, появляющиеся в земле у самых ног…

Она поёжилась.

— Ты будешь спать далеко от Лайанхоума, — твёрдо сказала она.

— Я же сказал, да. Я обещаю.

Он пожал плечами и почему-то показал ей свои ладони, как бы говоря, что безоружен. Рин недоверчиво кивнула.

— Я тебе верю, — сказала она.

— Клянусь всеми вместе взятыми половыми органами эллонов, что это так! — неожиданно сердито сказал Джоли. — Я — человек слова и хочу, чтобы ты помнила это!

Некоторые, наиболее храбрые из мальчишек стали, держась за руки, потихоньку подбираться ближе.

— Если тебя послала Элисс, то я доверяю тебе.

— Конечно же эта сука отправила меня в вашу проклятую деревню! Ты думаешь, я пришёл бы сюда по какой-то другой причине? Она сказала, что превратит меня в одну из самых необычных разновидностей болотных личинок. Эта Элисс умеет убеждать. Ты знаешь?

Рин снова улыбнулась.

— Тебе надо познакомиться с будущими друзьями, Джоли, — сказала она. — С Аней и Реганом. Пойдём со мной, посмотрим, проснулись ли они.

От его агрессивности вдруг не осталось и следа. Он взял её под руку, будто был знаком с ней очень давно.

— Элисс рассказала мне о девушке-воине по имени Аня, — сообщил Джоли, — и велела быть рядом с ней. Значит, если ты, конечно, не мираж, то ты — Рин. Правда, Элисс говорила ещё об одной женщине по имени Сайор.

— Сайор умерла, — тихо сказала Рин.

— А эта сука Элисс ничего мне не сказала.

Они пошли к дому, где когда-то жили Майна и Терман и где родился Лайан.

— Её смерть была для тебя большим горем.

Это был не вопрос.

— Да, — согласилась она.

Он больше не говорил об этом.

— Ты любишь её дочь как свою собственную.

— Да.

— А кто такой Реган?

— Его полное имя Барра’ап Ртениадоли Ми’гли’минтер Реган; он певец и предпочитает, чтобы мы называли его просто Реган.

Она открыла дверь дома и пропустила старика вперёд.

— Певец, говоришь? Я никогда не встречал певца, которому можно было бы доверять.

— Я сомневаюсь, что он когда-нибудь встречал дрёму, которому можно доверять.

Джоли немного обиделся.

— Тот, кто воспитывал тебя, женщина, — сказал он, — дал тебе острый язык.

— Ты ел в этот период бодрствования?

— Не так давно я стащил у эллонов репу и съел её сырой. Не

советую тебе повторять этот подвиг: я потерял гораздо больше, чем съел, и до сих пор чувствую себя не очень хорошо. Из моего зада выпало всё, что во мне было.

— Ты крадёшь пищу у эллонов?

— Конечно! У кого же ещё красть честному человеку?

— Тогда ты, без сомнений, друг, — сказала Рин. — Садись. Я позову остальных.

Через некоторое время они все четверо — Аня, Реган, Джоли и Рин — ели густой овощной суп с грубым деревенским хлебом. С некоторым раздражением Рин отметила, что Аня увлеклась стариком, и искоса посматривала на Регана, который не придавал этому значения. Джоли тоже начал заигрывать с Аней, и Рин пришлось наступить ему на ногу под столом.

— Почему Элисс просила тебя прийти сюда? — спросила Рин, завершая паузу в разговоре, во время которой они стучали ложками по тарелкам, доедая суп.

— Она не *просила* меня, — сказал Джоли, — а *заставила*. У меня не было выбора.

— Да. Я тоже помню это ощущение, — пробормотал Реган.

Он коснулся руки Ани.

— Она хочет, чтобы я была вождём, — сказала Аня, положив на стол ложку.

— Мы все хотим, чтобы ты была вождём, — заметила Рин, оглядев остальных, и они улыбнулись ей в ответ. — Кроме тебя, некому быть вождём, но это не значит, что ты должна быть в точности такой, как Лайан. Элисс тоже доверяет тебе, иначе она не прислала бы сюда своих друзей.

— А что, если я умру так же, как Лайан? — спросила Аня, глядя в свою тарелку, как будто искала там ответ на вопрос.

— Нет, — сказал Реган.

— Почему ты так уверен?

— Потому что в этом уверена Элисс. Если бы сомневалась, не затевала бы всего этого. А ведь Элисс думает о нас.

Джоли поднёс тарелку ко рту и допил остатки супа, а затем доел хлеб.

— Да, но Элисс так же добра к нам, как могла бы быть добра гадюка с зубной болью, — пробормотал он.

Рин согласилась, но ничего не сказала.

— Ей всё равно, останемся мы в живых, или умрём, — продолжал Джоли, — главное — чтобы мы помогли ей уничтожить Эллонию. Сейчас она играет в эту игру. Её не касается ни наша мораль, ни наша этика. Не поймите меня превратно. Если она может нам помочь — пускай помогает. Но если решит, что для какой-то цели мы, все четверо, должны

умереть — со спокойной душой позволит этому случиться.

— А ты мрачный тип, Джоли, — сказал Реган.

— К тому же ты ошибаешься, — добавила Аня.

— Что ты имеешь в виду?

— Ошибаешься, — повторила она. — Я не могу сказать точнее.

Она взяла тёмно-бордовую сливу из чашки, которую Рин поставила в центре стола. Слива была жёсткой, но сладкой.

— Элисс не послала бы сюда людей просто так, — продолжала Аня. — Значит, у неё была причина разыскивать вас обоих, где бы вы ни находились. Видимо, она считает, что вы сыграете какую-то важную роль, сделаете нечто полезное для той армии, которую я поведу на Гиорран и Эрнестрад.

— Ты вселяешь в меня надежду, девица, — сказал Джоли, наливая себе ещё немного супа.

— Во-первых, я не девица, а во-вторых, ты мог бы и попросить добавки.

Джоли злобно взглянул на неё.

— Да? — спросил он.

— Да.

— Тебя нельзя назвать гостеприимной.

— Заткнись, — сказал Реган, удивляясь сам себе.

Лицо Джоли посинело от ярости.

— Эти люди принимают нас, хотя у них для себя-то не хватает еды, — сказал Реган. — Если бы не Рин и Аня, тебя просто вышвырнули бы вон, а я считаю, что им и сейчас не поздно это сделать. Поэтому постарайся вести себя поприличнее, приятель, если уж ты здесь.

— Я прощаю тебя, — сказал Джоли с угрозой в голосе, — принимая во внимание твою молодость. Если бы ты был постарше, мы бы ещё посмотрели, кто из нас сильнее.

— Уходи, — сказала Аня, обращаясь к Джоли. — Что бы там ни говорила Элисс, ты нам не нужен.

Её лицо было серьёзным.

— Что ты имеешь в виду? — спросил старик.

— Ты — прыщ на заднице, вот что я имею в виду, — громко ответила Аня. Реган смотрел на неё с восхищением. — Либо ты подружишься с моими друзьями, либо оставишь нас. Честно говоря, мне сейчас безразлично, что ты выберешь: ты ведёшь себя, как старый маразматик, и мы вполне можем обойтись без тебя. Уходи и ступай к эллонам: они тебе больше понравятся, — такие же самовлюблённые и глупые.

Рин взглянула на Аню. В её взгляде был и упрёк и скепсис одновременно.

А Джоли, казалось, было всё равно.

— Я ваш друг, — заявил он. — Элисс приказала мне быть вашим другом.

— Тогда веди себя соответствующим образом!

Реган вдруг зауважал старика. Другой бы на его месте, смертельно обиделся на выпад Ани и тут же ушёл бы из деревни, но Джоли подумал, кивнул и извинился перед всеми сидящими за столом. Важно пожал руки Рин и Регану, а затем с виноватым видом поцеловал руку Ани.

— Прости меня, — сказал он тихо, так, что остальные едва могли слышать.

— Ладно, — добавил он чуть позже, — к чему все эти дурацкие споры, а? Могу я съесть ещё немного супа, мадам?

— Конечно, можешь,

— Отлично. А то я голоден, как акула, застрявшая в рифах.

Он налил себе полную миску и широко улыбнулся каждому из присутствующих. А когда поел, встал из-за стола и по очереди низко поклонился каждому из них.

— Теперь мне надо выспаться, — с грустью произнёс он. — Никому не советую ходить за мной. Я приблизительно представляю, что произойдёт вокруг меня, когда я засну. Вернусь, как только смогу — может, через пару периодов бодрствования, может, чуть позже. Не знаю.

— Мы хотим быть твоими друзьями, — как бы оправдываясь, сказала Аня, — но ты сам всё усложняешь.

— Я же извинился, чёрт возьми, — сказал Джоли. — Всё. Пора идти.

И он ушёл.

Мытьё посуды отняло не слишком много времени.

* * *

У Деспота был новый Главный Маршал, и он ему не нравился. Деспот даже подумывал казнить его по какому-нибудь пустяковому обвинению и назначить на его место более исполнительного человека. Этот Нгур, как и его предшественник, имел дурную привычку портить Деспоту настроение упоминаниями о том, что крестьяне могли формировать армии и даже нападать на эллонов; более того, он однажды посмел упомянуть, что у них есть для этого какие-то там основания, а Деспот принёс бы больше счастья Альбиону, если бы понял это и вступил с ними в переговоры.

Деспот относился к этим новым радикальным идеям так же хорошо, как к ведру с помоями.

И не из-за своей непрогрессивности, убеждал он себя, Деспот не мог быть не прогрессивным — просто он не хотел

прогрессировать слишком быстро. Его подданные смогут найти долгую свободу, только пройдя через короткий период рабства, и, хоть он считал себя деспотом-освободителем (как бы это не было противно), он всё-таки не планировал радикальных перемен до момента собственной смерти.

Он был рад, что его Главный Маршал Нгур отличается широтой мышления, но не до такой же степени!

Он с отвращением взглянул на военачальника. Тот уже воплотил некоторые из своих новых бредовых идей. Хуже всего было то, что он облегчил процедуру казни крестьян. Неужели не ясно, что они радуются своей смерти независимо от того, насколько она для них неприятна? Нгур отверг все советы Деспота и явно выказывал милосердие в отношении этих животных. За последние несколько периодов бодрствования Деспоту пришлось наблюдать лишь скучные процедуры обезглавливания, которые проводились даже без предварительного вспарывания живота. Деспот сознавал, что такой метод экзекуции более приемлем для крестьян, хотя, будучи знатоком крестьянского ума, он сомневался в этом; но Главный Маршал обязан был служить ему, а не крестьянам, и эта мысль всё более и более раздражала Деспота.

Он забарабанил пальцами по фальшивой позолоте на подлокотниках трона и пристально посмотрел на своего собеседника.

Нгур поклонился.

— Ваша армия служит Вам хорошо, сэр, — громко произнёс он. Придворные, собравшиеся в тронном зале, заёрзали и закивали головами.

Деспот сообразил, что момент не вполне подходящий для наказания Главного Маршала.

— Я тебя хорошо слышу, — сказал он.

— Ходят слухи…

Деспот издал глубокий вздох, напоминающий отрыжку. Слухи ходили всегда, но большинство из них на поверку оказывались пустой болтовнёй. Только один раз за всё его правление слухи возвестили о бунте, и его действительно возглавил тот идиот, приговорённый к медленной смерти, имя которого он забыл. Деспот был настолько честен перед самим собой, что припомнил даже, как этот крестьянин учинил в Эллонии настоящую панику, а когда он умирал, его всадники завязали последнюю отчаянную схватку. Хорошо, что палачи перед смертью успели его как следует изувечить.

Любой новый крестьянский бунт неизбежно приведёт к подобному концу, кто бы его не затеял. Дело заключалась в том,

что у крестьян нет мозгов, поэтому они и были обречены проигрывать любую схватку с эллонами.

— Мы желаем проконсультироваться, — сказал Деспот своему Главному Маршалу. — Мы желаем спланировать нашу тактику на будущее.

Нгур, слегка дурачась, поклонился ему, и Деспот отметил про себя его дерзость. Придворные тоже заметили это и неодобрительно зашумели, порицая поведение солдата.

Деспот с трудом поднялся со своего трона, чувствуя, как его жир перетекает с одной стороны тела на другую, когда он пытается удержать равновесие, и жестом пригласил Главного Маршала пройти в зал для официальных приёмов. Изобразил на лице благостную улыбку и был рад, что Главный Маршал принял её за искреннюю. Другой рукой он сделал жест одному из стражников, приказывая следовать за ними.

В зале для официальных приёмов, как его тактично называли придворные, было прохладно. Шторы на окнах — зелёные, а сами окна — узкие, поэтому зал был похож на дно бассейна. Деспот сразу же направился на алебастровый трон, показав жестом Главному Маршалу Нгуру один из стульев с высокой спинкой, расставленных вдоль стен. Они сели, и подождали, пока рабы принесут сладости и пятясь уберутся восвояси.

— Мы слишком добры к крестьянам, — сказал Деспот и выплюнул на пол косточку от персика.

— Я не согласен. Крестьяне вскоре опять пойдут против нас, и тогда всем нам придёт конец.

— Они уже пытались и раньше, — возразил Деспот.

— И они попытаются снова. На этот раз они могут победить. Наши шпионы сообщают, что среди них появился новый лидер, даже более могущественный, чем предыдущий. Вы помните что сделал тот: будь он поудачливей, он сверг бы Вас тогда с трона. Вам повезёт, если удастся так легко отделаться на этот раз.

— Это измена.

Но даже произнося эти слова, Деспот не позвал стражников, чтобы те убили Главного Маршала.

— Нет, — сказал Нгур, — как раз напротив: это лояльность. Если Вы мне не поверите, а сейчас вы мне не верите, то вскоре обнаружите, что ваши рабы разрывают Вас на части. Вы действительно этого хотите? Деспотов свергали и раньше — но я ни под каким видом не желаю быть тому пособником.

Деспот добродушно посмотрел на него.

Ему ничего не стоило казнить этого человека. С другой стороны, Нгур был уважаем эллонскими солдатами. Деспот спрятал свою ярость в дальние уголки памяти в надежде на

подходящий момент для мести за его слова.

Необходимо было улучшить настроение. Он подозвал раба и приказал, чтобы стражник отрубил мальчику голову. Кровь тут же залила дорогой ковёр у него под ногами.

— Ты считаешь, нам угрожает крестьянская армия? — спросил Деспот, чувствуя себя немного бодрее.

— Думаю, да.

— Почему ты так думаешь?

— У них хорошие воины. Некоторые — не знаю, сколько их — воевали с нами в прошлую кампанию.

Деспот взял с блюда липкую конфету и засунул в рот. Он громко причмокивал, ворочая её во рту, пока конфета не растворилась.

— Они были бунтовщиками, — сказал он наконец.

— Вы недооцениваете их, мой повелитель, — сказал Главный Маршал. — Они могли быть Вашими самыми верными слугами, если бы Вы оказали им хотя бы самую маленькую поддержку.

— Я слышал об этом и раньше.

Главный Маршал снова поклонился, выразив при этом ещё больший сарказм, чем раньше. Он провёл по грязному полу рукой, и это выглядело так, будто он смеётся над Деспотом. Потом выпрямился, лукаво улыбаясь, и Деспот понял, что не сможет отплатить ему за это.

Дрёма, по крайней мере одна певица и два воина собирали армию, согласно сообщениям шпионов Нгура.

Деспот знал об этом немного. Невежество было его неотъемлемой чертой, поэтому он мог только догадываться, как они собирались.

Певица приехала на коне или пришла пешком и только потом нашла себе лошадь; если певцов было больше — сообщения в этой части конфликтовали, то всё равно они прибывали на лошадях. Воины были хорошими всадниками, ходили слухи, что один из них раньше воевал рядом с тем ублюдком Лайаном, но Деспот скептически относился к таким сведениям.

Его не пугала эта информация — более того, он чувствовал, что может использовать её для воплощения своих тайных замыслов. Дом Эллона усмирял и более мощные восстания с лёгкостью, поэтому нечего было задумываться по таким пустякам. Несколько солдат, а что самое главное — их офицеров, могут быть убиты, но это невысокая цена за подавление бунта.

Он знал, что с певцами и дрёмами справиться значительно сложнее, но их было так мало, что они его не беспокоили: он был уверен, что его солдаты проявят подобающую им доблесть и справятся с врагом. Правда, Нгур говорил ему неоднократно, что,

несмотря на бравый вид эллонской армии на парадах, её боеспособность оставляла желать лучшего, но Деспот не прислушивался к этим возражениям.

Нгур, несомненно, будет убит крестьянским кинжалом в спину, точнее это будет официальной версией в Эрнестраде. Такое очень устроило бы Деспота — одним махом избавиться от зазнавшегося офицера и устроить охоту на ведьм среди своих аристократов, обвинив их в предательстве. Нгур без сомнения метил на престол Деспота — было бы странным для человека, дослужившегося до Главного Маршала, не лелеять таких мыслей. Для существования Дома Эллона выгоднее быстрая смена Главных Маршалов. Отставка обычно сопровождалась их физическим устранением, однако необходимо было соблюдать в этом деле определённый порядок, чтобы аристократия не разобралась, чья рука направляет, смертельный удар.

Деспоту, который сидел на своём троне, обливаясь потом, казалось, что все дороги в будущее были удачными. Периодические восстания крестьян давали пищу воображению певцов и дрём, а к тому же преподносился урок остальным крестьянам: бунтовщики умирают страшной смертью, поэтому подчинение воле Дома Эллона обещает для них лучшие перспективы. Может, конечно, не самые лучшие, но многие века, с незапамятных времён Дом Эллона и не претендовал на это.

Нгур по-прежнему улыбался — видимо, знал ещё что-то.

— Мы слышали об одном из певцов, — сообщил он с ухмылкой.

— Он что, развлекал нас когда-то? — спросил Деспот.

— Это она, а не он, и она никогда не была в Эрнестраде.

— Как её зовут?

— Мы ещё не знаем. Как только узнаем, я доложу Вам, сэр. — В голосе Главного Маршала звучал неприятный сарказм, но он был достаточно хорошо замаскирован, поэтому Деспот был вынужден, как обычно, проигнорировать его. — Однако разведчики рассказали мне кое-что о ней.

— Что же?

— Говорят, она пришла из другого мира — мира, расположенного за пределами Альбиона.

— Чушь и ерунда! Этот идиот Лайан заявлял то же про своего отца, но это был всего лишь бред сумасшедшего!

Нгур с притворным уважением кивнул.

— Дому Эллона было удобно выдать это всё за фантазии, — сказал он, — но солдаты, которые служат Вам, уверены, что это правда. Они верят, что за стеной тумана находится другой мир и что отец Лайана пришёл именно оттуда. Я с ними согласен, сэр: я

не могу найти другого объяснения тем волнениям, которые он вызвал. Он не был ни крестьянином, ни эллоном, ни дрёмой, ни певцом. Трудно подобрать этому объяснения, отличные от тех, в какие верят мои солдаты.

— Ты испытываешь моё терпение этими глупостями.

— Я хочу служить вам настолько хорошо, насколько позволяют мои способности, сэр. Чтобы делать это, я должен изредка говорить вам о неприятных вещах.

Деспот приглушил свою ярость. Конечно, Главный Маршал был прав, но это не делало его заявление более приемлемым. Пальцы Деспота, похожие на сардельки, так сжали подлокотники трона, что, казалось, вот-вот сокрушат алебастр.

— Но Лайан мёртв. Я сам видел, как он умер. У нас нет больше нужды бояться пришельцев из другого мира.

— Я тоже видел, как Лайан умер, и запомнил это хорошо, хоть и был тогда почти мальчишкой. Но Лайан был мужчиной, и, как у любого другого мужчины, резонно предположить, у него были любовницы. Разве невероятно, что одна или несколько из них родили от него детей? И разве невероятно, что дети могли унаследовать то, чем он обладал?

— Глупости! — отрезал Деспот рефлекторно, в то же самое время думая про себя: «Это, увы, слишком вероятно. Возможно, потребуется немного больше усилий, чем я предполагал, чтобы успокоить этот проклятый новый бунт. Возможно, даже, что Нгур проживёт немного дольше, чем я надеялся, потому что он едва ли не самый компетентный из всего моего армейского командования».

— Я разделяю ваше мнение, сэр, — сказал Нгур.

— Это глупости, как я и соизволил сказать, — продолжал Деспот, — но тем не менее я повелеваю тебе, просто на случай, если в этих сумасшедших слухах скрывается толика истины, взять под своё прямое командование скромный отряд — сотен пять и уничтожить этот бунт в самом зародыше.

Нгур снова поклонился.

— Я преклоняюсь перед вашей мудростью, — сказал он.

— Ты можешь идти, — сказал Деспот.

Он проследил за тем, как Главный Маршал попятился к двери.

Этот человек должен быть убит. Хамство нельзя терпеть. Но пока пусть поживёт. Пока он ещё полезен.

* * *

Солдаты из Эллонского конвоя захлёбывались в крови. Первая волна стрел была встречена удивлением, вторая же — стеной из щитов. Большинство молодых солдат никогда не

подвергались атаке и не могли эффективно отразить её. Не успели они подумать, что всё это — просто кошмарный сон, Рин с отрядом крестьян напала на них с тыла и стала рубить на куски мечами и топорами.

И как только последний эллон был убит, часть крестьян бросилась снимать с них форму и под началом Барра'ап Ртениадоли Ми'гли'минтер Регана отстирывать её от крови в большой деревянной кадке. Остальные принялись скидывать тела в заранее приготовленную братскую могилу и засыпать их землёй. Захваченных лошадей увели, а провизию, которую вёз конвой, распределили по тайникам в деревенских домах.

Вся операция была проведена с ледяной педантичностью, и Рин с Аней гордились этим. Ни один эллон не ускользнул, значит, если повезёт, пройдёт немало периодов бодрствования, пока об этом налёте узнают в Эрнестраде. С другой стороны, слухи распространяются быстро…

Ближе к периоду бодрствования все четверо — Аня, Рин, Реган и Джоли — собрались в своём доме. На столе перед ними стоял бочонок крепкого красного вина, и они периодически наполняли из него свои чашки. В их помутившихся от вина глазах была смесь триумфа и печали.

— Нам надо уходить отсюда, — сказала Рин. Комната кружилась у неё перед глазами, и дверь напротив, казалось, вот-вот откроется. — Как только эллоны узнают, где погибли их солдаты, они доберутся до Лайанхоума и убьют здесь всё живое, даже скот.

Рин угнетали воспоминания о резне, в которой она только что принимала участие: она видела слишком много крови за свою жизнь, и кровь эта уже переполняла её. Аня, напротив, хотя и не стремилась принимать участие в убийствах, теперь, попробовав это, вошла во вкус.

— Нам нужна провизия, — заметила она.

— У нас достаточно и еды и вина, — сказала Рин и мрачно добавила: — Теперь.

Она надеялась, что слово это получит хоть какой-нибудь отклик у Ани, но та лишь по-детски улыбалась, как ребёнок, только что порадовавший родителей.

— Люди умерли ради того, чтобы у нас была пища, — снова сказала Рин.

— Да, — заметила Аня, — но из наших лишь четверо. А что говорить об эллонских солдатах? Они хороши только мёртвые.

Рин с грустью кивнула.

Аня была права — в этом-то и состояла проблема. Когда ты прав, тебе вовсе не легче видеть боль и ужас на лицах молодых

людей, превращающихся в мясо. Рин ненавидела дом Эллона и всех его добровольных слуг, но, в идеале, предпочла бы как-нибудь переделать их, а не убивать их.

Аня, возможно, когда-нибудь тоже поймёт её. Рин решила больше об этом не думать.

— Вода — тоже проблема, — сказала она, — Мы не можем пить одно лишь вино.

— У нас полно воды, — возразила Аня, указывая деревенский колодец. — Почему ты считаешь, что это проблема?

— Всё дело в транспортировке, — пояснил Реган, с улыбкой глядя на неё. Несмотря на то, что Аня была очевидным и самым настоящим лидером, очевидно было и то, что она ещё менее практична, чем сама Рин. С точки зрения Ани, то, чего она добивалась, получалось само собой, просто из-за того, что она хотела этого: пусть другие думают, что да как.

— У нас есть сосуды, — возразила она. — Водонепроницаемые мешки, горшки, наконец.

— Вода довольно тяжёлая. — Реган произнёс очевидную вещь. — Как ты собираешься нести её?

— Лучше вообще не носить, — сказал Джоли ещё до того, как Аня смогла ответить.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Реган.

— Мы можем использовать колёса. Люди могут идти пешком, им нет нужды ехать верхом или на повозках, наблюдая, как растут их животы. Кстати, благодаря щедрости наших друзей — эллонов, мы имеем теперь шесть повозок.

— Семь, — поправила Рин, — но в остальном ты прав. Она хлебнула ещё вина и повернулась к Регану.

— Как только все трупы будут захоронены, — сказала она, — возьми несколько человек и начинайте качать воду из колодца, а ещё нескольких отправь собирать все ёмкости, какие только они смогут найти. В идеале, мы должны уйти из деревни до начала периода сна, поэтому посоветуй им, чтобы они поторопились. Ладно? Те, кто не будет заниматься водой, пусть соберут все одеяла. Подушки пусть оставят — если найдутся такие неженки, которые не могут спать без подушки, мы лучше обойдёмся без них. Всё место, которое останется на телегах после погрузки воды и одеял, необходимо заполнить провиантом. Но не слишком увлекайся — мы всегда сможем достать еду по пути. Скотину придётся оставить здесь — коровы и быки слишком медленно передвигаются. Нет, вообще-то, зарежь парочку бычков, но не больше. Если мы устроим пиршество сегодня вечером, то многие сомневающиеся присоединятся к нам.

Барра’ап Ртениадоли Ми’гли’минтер Реган пытался

запомнить все эти быстро отдаваемые приказы. Он посмотрел на Аню, ища у неё подтверждения, и та кивнула в знак согласия.

Он вышел из дома с опаской: он был вовсе не уверен, что жители деревни выполнят его приказы, даже если он подкрепит их авторитетом Ани и Рин. Ему не хотелось с позором возвращаться обратно в дом и звать женщин на подмогу.

Но ему не стоило беспокоится. Крестьяне, оказывается, уже нагружали телеги, будто слышали распоряжения Рин. В каждую телегу они запрягли по паре эллонских лошадей, которые давно привыкли к такой работе. Только на двух из них ещё недавно восседали эллонские офицеры, и эти лошади были в землю передними копытами и тяжело дышали.

Реган подумал, а стоило ли их обеих запрягать в одну телегу, но решил, что сейчас лучше ничего не менять.

Он добродушно улыбнулся крестьянам, которые грузили на телеги горшки с водой и корзины с провиантом, и те так же добродушно улыбнулись ему в ответ. «Я рад, что оказался полезным», — подумал он с иронией и повернул назад к дому.

— Сколько у нас оружия? — спрашивала Рин, когда он открыл дверь.

— У нас почти сотня мечей, — ответил Джоли, — правда, только семнадцать эллонских, остальные — крестьянские. Семь топоров, включая твой. У каждого есть лук и стрелы, даже у детей; качество их варьируется от превосходного до омерзительного, в зависимости от того, кто делал.

— Пращи? — спросила Аня.

— Не очень много. Я их не считал.

— Мы можем сделать побольше пращей, — неожиданно предложила Аня. — Отрезать несколько кусков ткани — не займёт у нас много времени. Кроме того, пращи имею преимущества в том, что мы всегда можем подобрать для них боеприпасы прямо с обочины дороги, а не тащить с собой.

— Хорошо, — перебил её Реган, — но многие ли из наших умеют управляться с пращей? Это тяжёлое дело. Требуются длительные тренировки, чтобы научиться попадать в цель.

— Дорога у нас дальняя, — холодно заметила она, поворачиваясь к нему. — У нас будет достаточно времени для тренировок.

Он пожал плечами, чувствуя себя униженным. Аня повернулась к остальным, более не обращая на него внимания.

— Что-нибудь ещё? — спросила она.

— Одежда, — с неохотой сказал Джоли.

— Зачем?

— Ты… Гм-м-м… Ну, было бы неплохо иметь в запасе что-

нибудь из одежды. Кроме того, нам нужно будет перевязывать раненых.

— Я хочу, чтобы никто не пострадал, кроме эллонов, — сказала Аня, наклоняясь вперёд и указывая пальцем прямо в нос Джоли.

— Он прав, — сказала Рин, отталкивая руку Ани от лица её собеседника. — Он думает обо всём, что может произойти, а ты нет. Если мы хотим выжить, нам просто необходимы будут чистые полотенца и бинты.

Аня со злостью взглянула на неё, и Рин ответила ей одним из своих приводящих в ужас взглядов.

— Ладно, Джоли, — сказала Рин. — Возьми кого-нибудь из детей и соберите по деревне одежду и чистые полотенца. Скажи им, чтобы сложили их отдельно от одеял.

— А они меня послушают? — спросил дрёма.

— Конечно, послушают, просто передай им, что это мой приказ.

— И мой, — добавила Аня, пытаясь перехватить инициативу.

Джоли посмотрел на них обеих и вышел.

— Иногда я пыталась рассказать твоему отцу, в чём он поступает неправильно, — сказала Рин с отсутствующим выражением лица, проводя пальцем по лужице разлитого на столе вина, — но он никогда не прислушивался к моим советам. К тому же тогда я была моложе, у меня не было достаточно опыта, и тем не менее мне хотелось, чтобы всё было в порядке. Всё бы получилось иначе, если бы я была немного понастойчивее. И я не собираюсь повторять ту ошибку.

— Я — Та Кто Ведёт, — сказала Аня злобным шёпотом.

— Ты можешь вести, если хочешь, — спокойно сказала Рин, — но я буду говорить тебе, *как* вести и *что* ты должна делать.

Стоявший у двери Реган чувствовал, что о нём забыли. Он кашлянул, чтобы привлечь к себе внимание, но ни одна из женщин не посмотрела на него.

— Ты была в армии, которая проиграла войну, — сказала Аня. — Ты думаешь, это даёт тебе право претендовать на то, что твоя стратегия будет теперь эффективнее?

— Я многому научилась, — ответила Рин. — Я замечала ошибки, которые делал твой отец, и продолжала воевать рядом с ним, готовая отдать свою жизнь, чтобы сохранить его. А потом я сообразила, насколько я была глупа, ведя себя так: я должна была советовать ему, невзирая на весь его гнев, до тех пор, пока он не принял бы эти советы. Много людей погибло из-за того, что у меня не хватало смелости поговорить с Лайаном, когда он поступал неверно. Однажды на одном из холмов погибло

девятнадцать человек и только из-за того, что я не решилась сказать ему: уведи нас отсюда.

— Это не самые приятные воспоминания, — продолжала Рин, — но я не могу забыть ничего. И не могу позволить, чтобы ты повторяла ошибки своего отца и чтобы я осталась после этого с новым грузом воспоминаний, которые ничем не лучше прежних. Если ты не согласна, я попрощаюсь с тобой прямо сейчас. Веди свою маленькую армию куда захочешь, а я найду место в этом проклятом мире, где проведу остаток жизни в мире и спокойствии. Буду выращивать картофель или разводить скот… Не всё ли равно, что я буду делать, находясь вдали от войны, которая меня не касается.

Рин не смотрела в глаза Ане и продолжала рисовать узоры, размазывая по столу пролитое вино.

— Но я всё-таки Та Кто Ведёт, — сказала Аня.

Рин наконец взглянула на неё.

— Командирам не стоит идти в бой первыми, — сказала она. — Всё, чем они должны заниматься, — это управлять своими войсками так, чтобы их действия имели максимальный эффект. Иногда это означает давать другим людям возможность принимать решения. Ты новичок в войне, ребёнок, а я — нет. Твоей работой в качестве Той Кто Ведёт является поддержка всех моих распоряжений, пока ты не наберёшься достаточно опыта и мудрости, чтобы компетентно возразить мне.

Барра'ап Ртениадоли Ми'гли'минтер Реган с ужасом наблюдал эту сцену.

— Будь ты кем-то другим, то уже была бы мертва, — спокойна сказала Аня. — После всего что сказала.

— Две ошибки, — сказала Рин, допивая из чашки остатки вина. — Одна в тактике, а другая в стратегии. Прежде всего, если бы ты попыталась убить меня, то сама была бы мертва ещё до того, как пошевелилась. Почти во всех наших учебных схватках я поддавалась тебе. Как я уже говорила, я воевала в битвах, а ты нет, поэтому у тебя нет шансов, если я буду драться всерьёз. Во вторых, я не только твой самый лучший воин, но и наиболее опытный стратег, поэтому устранение меня не даст тебе ничего, кроме временного удовлетворения самолюбия, зато даст возможность Дому Эллона уничтожить всех вас. Если ты этого хочешь…

— Нет! — закричал Барра'ап Ртениадоли Ми'гли'минтер Реган. — Мы не хотим этого! Послушай её, Аня. Прислушайся к её словам, а не к своему гневу!

— Да, — сказала Аня. — Она права. Пока права. А позже… Позже мы ещё поговорим. Ладно?

И, улыбнувшись им обоим, она вышла из дома, чтобы лично заниматься сборами.

— Мне не понравилась её улыбка, — сказал Реган, потянувшись за вином.

— Мне тоже, — призналась Рин, — но ей надо ещё как следует повзрослеть.

— Попытаюсь помочь ей чем смогу.

— Валяй.

Глава четвёртая. Конвой

Итак, отношения между Аней и Рин с каждым днём ухудшались. С Барра'ап Ртениадоли Ми'гли'минтер Реганом Аня поначалу ладила, но впоследствии они с трудом могли уживаться вместе в одной палатке в периоды сна. Реган не мог понять, в чём дело — он старался полностью удовлетворять её. Всё чаще и чаще ходил он к Рин, чтобы обсудить с ней свои проблемы. Она выслушивала его, но советов почти не давала. Регану стало казаться, что он разлюбил Аню и что она начинает презирать его, но он не мог понять, почему. Создавалось впечатление, что она нарочно перечит и вредит ему, по причинам, которые не желает открывать. Со своей стороны, он находил её тело таким же привлекательным и желанным, как и раньше, но теперь они уже не смотрели перед сном в голубое небо, болтая о пустяках.

Без секса он мог обойтись, но этих интимных минут беседы ему отчаянно недоставало. В Рин он нашёл человека, с которым можно было говорить о чём угодно, как когда-то с Аней. Ему казалось странным, что, будучи любовником одной женщины, он находил духовную близость с другой. Первый раз, когда он попытался объединить свои чувства и перейти к Рин, она лишь отмахнулась, как мать от рано повзрослевшего ребёнка, и он, посмеявшись вместе с ней, вдруг заплакал. Она прижала его голову к своему плечу и сказала, чтобы он приходил к ней, когда только пожелает, но для него было очевидно, что она всё ещё продолжает любить Аню, несмотря на их ссору, и ревнует не столько его к ней, сколько её к нему.

Армия насчитывала теперь несколько сотен человек, и всё это благодаря Ане и её способности убеждать крестьян в деревнях, через которые они проходили. Пищи, воды и вина у них было больше чем надо, но Аня не хотела избавляться от провианта, объясняя, что впереди их может ждать всё что угодно. Они уничтожили ещё два эллонских конвоя, и теперь большая часть армии была одета в эллонскую форму, а остальные играли роль крестьян, которых солдаты уводят в Эрнестрад в рабство.

Такая комбинация оказалась эффективной. Последний эллонский конвой сам вышел им навстречу, и солдаты были обескуражены, когда их начали убивать. Рин была уверена, что Дом Эллона ещё не подозревает об их существовании.

Барра'ап Ртениадоли Ми'гли'минтер Реган сомневался в этом. Проводя время в походах по Альбиону и играя в деревнях на своих инструментах, он узнал о методах, с помощью которых Дом Эллона собирал сведения в провинции. Он знал, что некоторые из

певцов зарабатывали тем, что шпионили на Эллонию, к тому же во многих деревнях жили эллоны, выдававшие себя за крестьян. Реган был уверен, что теперь и Деспот и Главный Маршал знают о том, что в Альбионе появилась ещё одна повстанческая армия, и приблизительно представляют её местоположение.

Если бы не Рин и Аня, Реган давно бы покинул армию и спрятался где-нибудь в холмах, в безопасности. Так же как и Рин, он следовал за Аней не из-за неё самой, а из-за того, *кем* она была. Он боготворил и презирал её одновременно. Рин, хоть и любила Аню больше, чем Реган, относилась к ней значительно хуже, чем к её отцу. У Лайана было много недостатков, но он никогда не таил злобы на своих товарищей по борьбе. У Ани всё было по-другому, и на глаза Рин наворачивались слёзы всякий раз, когда она думала об этом.

Они шли по дороге между холмов, ведя за собой лошадей, запряжённых в повозки, когда их неожиданно атаковали. Лошади в панике попятились, а одна из крестьянок, вскрикнув, схватилась за древко торчащей из её тела стрелы. Её трофейная эллонская форма пропиталась кровью, а сама она, упав на землю, тут же умерла.

В считанные секунды крестьяне укрылись за телегами, глядя на вершины холмов, откуда, без сомнения, стреляли атакующие, но их не было видно.

Рин качнула головой, пытаясь привлечь внимание Ани, но та смотрела в другую сторону.

Рин пожала плечами и поползла в сторону, дёрнув по пути полу плаща Регана. Они достали мечи и двинулись сквозь жидкий кустарник, растущий у основания холма. Стрелы противника свистели над головой, а ответные стрелы крестьян не долетая, падали на склон холма. Одна из них чуть не вонзилась в плечо Регану, пролетев всего лишь в нескольких сантиметрах от него.

Вскоре они оказались в густых зарослях папоротника и под этим более надёжным прикрытием стали карабкаться вверх, на холм. Запах поломанных стеблей щекотал Регану ноздри, но он пытался не обращать на него внимания. Рин впереди передвигалась с удивительной скоростью, извиваясь всем телом и стараясь как можно меньше задевать папоротник. Реган изо всех сил следовал её примеру.

На лоб села оса и ужалила его. Закусив губу, он задавил насекомое ударом ладони. Рин строго посмотрела на него, но, увидев, что произошло, улыбнулась. Он стёр со лба останки насекомого и пополз вперёд, стараясь не отстать.

У него были меч и праща, сделанная из старого чулка, с помощью которой он мог разбить чей-нибудь череп. Он

чувствовал, что у него слишком мало оружия. У ползущей впереди Рин был надет на спину лук, на поясе висел меч, а в правой руке она держала страшный на вид боевой топор.

Регану в этот момент захотелось быть настоящим солдатом, а не просто попутчиком. Хоть он и не имел желания убивать людей, где-то в глубине души он чувствовал постыдное восхищение перед теми, кто, как Рин, хорошо владел этим ремеслом. Он злился на это чувство: ведь своей музыкой он мог создавать радость и страсть, он мог возвращать прошлое так, чтобы настоящее не казалось таким уж плохим; и вместе с тем в нём жил этот тоненький голосок, говоривший, что огромным недостатком является неумение делать настоящее ещё хуже. Разве убийство — это искусство? Он был доволен, что он певец, но одновременно хотел быть кем-то другим, притом сейчас с этим другим ему даже не хотелось встречаться…

— Быстрее! — прошептала Рин.

Пыльца с каких-то жёлтых растений попала Регану в нос: он чихнул и замер на пару минут. Рин обернулась и со злостью посмотрела на него.

— Ничего не могу поделать, — прошептал он.

Она ничего не сказала, но так быстро поползла по склону холма, что ему стало неимоверно трудно поспевать за ней.

Она вдруг попала рукой в кроличий капкан, и на её бронзовой коже выступила кровь. Через несколько секунд Реган оказался рядом и, шепча какие-то успокаивающие слова, снял с её руки острую проволоку. Порез можно перевязать позже, решил он, а сейчас не надо обращать на него внимания.

Теперь он полз первым, а Рин осторожно следовала за ним.

Когда они выбрались из зарослей папоротника, до вершины ещё оставалось около тридцати метров. Они преодолели это расстояние бегом и спрятались за пирамидой, сложенной из кусков гранита.

— Спасибо за помощь, бродяга, — поблагодарила Рин, глядя на противоположный склон и пытаясь разглядеть атакующих.

Он видел перед собой лишь море папоротника.

— Нам придётся спуститься к ним, — сказала Рин, и он вновь последовал за ней.

Её первая стрела вонзилась в шею эллона так метко, что остальные даже не заметили его смерти. Регану захотелось сделать то же самое, но он решил, что лишь выдаст своё присутствие. Пока он размышлял, Рин незаметно уложила ещё одного солдата из эллонского конвоя. Теперь Реган пополз вперёд, чтобы перерезать эллону горло, и, обернувшись, улыбнулся ей. Она лишь пожала в ответ плечами.

Вскоре все солдаты из эллонского конвоя были мертвы, причём, по большей части, от рук Рин. Тяжело дыша, Рин и Реган побежали обратно по склону холма, маша руками и крича о своей победе.

Их встретили довольно прохладно. Большинство крестьян восприняли их триумф без воодушевления. Они оба скромно присоединились к остальной армии, продолжившей свой путь, будто ничего не случилось.

Рин взяла Регана за руку.

— Я люблю тебя, — сказала она.

— Ты серьёзно?

— Да.

В этот период сна он спал с Аней, но ему хотелось быть с Рин. Рин же осталась наедине с собой — единственным человеком, с которым она предпочитала спать. О Регане она думала лишь как о мальчике, с которым можно переспать разок или, может быть, два. Она надеялась, что он не войдёт в её жизнь глубже, чем уже вошёл. Она почти не заметила, как в её постель лёг мужчина.

Она надеялась, что Джоли спит далеко от лагеря и что сны его не такие яркие, как у неё. А ей снились эллоны, окружившие их маленькую армию, и тучи стрел, от которых крестьяне, включая её саму, замертво падали на землю. Эллоны сидели верхом на больших птицах, чёрных, как вороны, но в сотни раз больше их. Стрелы летели в голову Рин, и её череп раскалывался на тысячи кусков. Она падала с коня, чувствуя жжение в тех местах, где наконечники стрел вонзились в тело. Тяжёлое существо наступило на неё, раздавливая живот.

Джоли и впрямь спал вдали от лагеря. Он положил голову на пук травы, завернулся в одеяла и спал, наслаждаясь теплом.

Человеком, который пришёл к Рин в этот период сна, был Реган. Когда она проснулась, они не стали заниматься сексом. Просто, ощущая наготу друг друга, улыбнулись и уснули обнявшись. Он слышал, как она ворочается во сне, преследуемая кошмарами, и, чувствуя свою вину, повернулся к ней спиной. Она обняла его, и он почувствовал, как её рука нежно гладит волосы у него на груди.

* * *

Наступили тяжёлые времена.

Рин видела много плохого за это время.

Она видела, как эллоны обстреливали маленькую армию крестьян, собранную Той Кто Ведёт. Однажды крестьяне под руководством Ани убили сразу более сотни молодых солдат Дома Эллона без всякого сожаления. Но для Рин не было более грустного зрелища.

Во время периодов сна она спала, прижавшись к Барра'ап Ртениадоли Ми'гли'минтер Регану и не раз позволяла ему делать с собой всё что угодно.

Она любила его за то удовольствие, которое он доставлял ей, хотя его тело казалось ей иногда даже неприятным. Она любила его за шутки и весёлые истории, которые он рассказывал ей, когда они не занимались сексом. Она не отдавалась мужчинам с юности, с тех самых пор, когда ей приходилось платить своим телом за постой и еду на пути в Лайанхоум, Она с радостью обнаружила, что существуют мужчины, способные возбуждать её и думать о её желаниях. Ей было легко доставлять ему удовольствие, хотя тело её жаждало чего-то совершенно иного.

Аня, напротив, всегда восседала на Регане, как на коне. Она получала удовольствие эгоистично, не давая ничего взамен, и всё же он не мог противиться её желаниям. Рим была опытней, а Аня красивей. Некоторое время он не рассказывал Ане о своих отношениях с Рин, а когда признался, был удивлён, что она лишь кивнула в ответ, сообщив, что давно всё знает от Рин.

Ещё несколько десятков эллонов было убито.

Спустя один период бодрствования Рин проводила обучение крестьян-новобранцев. Реган, к её удивлению, да и к своему собственному, неплохо научился владеть мечом, да так, что часто выбивал оружие из её рук. Она надеялась, что он будет сражаться с эллонами с таким же мастерством. И не ошиблась.

Вскоре он убил пятерых верховых солдат пятью ударами. Реган пригнулся, когда они набросились на него, а затем резко выпрямился, чтобы выпустить им кишки. Когда битва была закончена, он пел свои песни и играл на бубне собравшимся вокруг крестьянским воинам. Среди его песен всегда была одна, пришедшая невесть откуда:

Семь женщин проскакали в эту ночь
По городу Старвелин.
Копыта лошадей их высекали
Из камня звёзды, падавшие в пыль
Что растворялись в бледном лунном свете.
Они смотрели в мрачные углы,
Где тени прятались, сгущаясь и темнея,
Как старое вино.

Каждый раз, заканчивая петь, он видел, как Аня и Рин смотрят на него, каждая по-своему, но обе — с любовью. Каждый раз он ругал себя, что связался с ними, но затем, оказавшись у одной из них в постели, чувствовал необходимость их ласк.

Однажды он признался Рин, что ему тяжело заниматься с ней любовью, а потом, в период бодрствования, воевать. И она просто отвернулась и уснула.

Он начал уставать от убийств.

Когда Элисс велела ему присоединиться к Той Кто Ведёт, он почему-то думал, что его роль во всём этом деле будет бескровной.

Действительность оказалась совершенно другой.

Он потерял счёт эллонским солдатам, убитым его мечом. Некоторые из них были просто подростками или юношами, служившими в армии потому, что этого от них ждали с рождения. Реган хотел бы не убивать, но это означало отдать свою собственную жизнь, то есть то, что он рассматривал как самое для себя дорогое.

Джоли не чувствовал подобных угрызений совести. Ему было приказано мыться регулярно, и он выполнял этот приказ, но оставался таким же грязным, как всегда. Когда крестьяне атаковали эллонов, он всегда был в первых рядах с высоко поднятым над головой мечом, а когда его оружие отнимало у людей жизни, на лице его появлялась довольная улыбка.

Кровь.

Регану казалось, что крови было слишком много.

Он думал о том, оправдывают ли средства цель, если средством становится уничтожение многих и многих людей.

Он удивлялся, как может смотреть на Аню, режущую людей своим мечом, а затем спать с ней. Иногда ему казалось, что они занимаются любовью на матраце из трупов, мёртвые глаза которых следят за их сплетёнными телами.

Рин заметила происшедшую в нём перемену, но ничего не говорила. Она брала его за руку, когда он хотел того, или занималась с ним любовью, шепча ему на ухо ласковые слова.

Они вчетвером стояли на вершине насыпи. Кони волновались. Позади был длинный пологий склон, у основания которого стояли несколько сот воинов — армия, собранная ими за длительный поход через Альбион. Перед ними была первая серьёзная сила: почти тысяча эллонских солдат, одетых в красно-зелёную форму, хорошо вооружённых и готовых к битве. Высоко над ними развивались флаги с изображением умирающей собаки. Из солдатских шеренг доносились воинственные крики.

— Они не могут знать, сколько нас, — сказал Барра'ап Ртениадоли Ми'гли'минтер Реган, похлопывая шею своего коня.

— Нет, — сказала Аня. — Они считают, что перед ними лишь маленький отряд выскочек, который должен быть уничтожен в назидание другим, чтобы показать всю глупость мятежей. Чем

дольше они будут так считать, тем лучше.

— Я хочу спать, — заявил Джоли, поворачиваясь и глядя ей прямо в глаза. — Я хочу видеть сны.

Аня махнула рукой:

— Спи… Если, конечно, сможешь контролировать свой сон.

— Смогу… На этот раз.

Он пришпорил коня и поскакал вперёд, вниз по склону холма, навстречу эллонам, затем спрыгнул на землю, а животное поскакало дальше само по себе. Солдаты громко засмеялись, полагая, что конь его сбросил. Джоли стал кататься по траве, пока у него под головой не оказался маленький стог вереска.

Аня повернула коня и сказала остальным, что они могут подняться на вершину холма. И улыбнулась в ответ на их улыбки, наблюдая, как все медленно поднимаются вверх по склону, держа наготове оружие.

— Никакой пощады, — прошептала Рин Регану, — эллоны не пощадят нас.

Рин вынула меч из ножен и рассекла им воздух, в другой руке, она сжимала боевой топор. Потом качнула головой, чтобы её седые волосы не загораживали ей глаза.

Эллоны, конечно, полагали, что им предстоит убить лишь маленькую группку из четырёх крестьян, один, к тому же, только что свалился с лошади. Когда они подъехали к основанию холма, их крики стали громче.

Джоли уснул.

И почти тотчас увидел сон.

Ему снилось, что с небес падает пламя и земля открывается, чтобы поглотить вооружённых людей. Ему снилось, что весь Альбион качается из стороны в сторону и молнии поражают тех, кто несёт знамёна с изображением собаки. Ему снилось, что в груди у людей разрываются сердца, что по воздуху летят оторванные неведомыми силами головы и падают в заросли вереска. Ему снилось что кони теряют равновесие, сбрасывают своих седоков, а затем топчут копытами их тела. Ему снилось, что с вершины холма вдруг потекла целая река, затормозив наступление солдат и утопив больше половины из них. Ему снилось, что из только что образовавшегося от вод болота выползли ядовитые змеи, которые стали кусать солдат и лошадей за ноги.

Ему снилась смерть в самых разнообразных обличиях.

Аня, буквально открыв рот, смотрела на то, что творилось вокруг. Она махнула своим воинам рукой, чтобы те отошли назад.

Только несколько мгновений назад эллонская армия была хорошо дисциплинированной силой. Теперь это было страшное

зрелище. Большинство сразу же погибло, а те, кто выжил, отчаянно кричали и пытались выбраться из этого ада.

Аня улыбнулась еле заметной зловещей улыбкой.

Элисс была права.

Дрёма, пусть он и не нравился Ане, был мощнейшим оружием на войне.

Головы эллонов стали вдруг разрываться по единственно причине — это было возможно во сне.

Она снова махнула своим воинам, чтобы те отошли подальше. Хотя Джоли и уверял, что может держать свои сны под контролем, она всё ещё не доверяла ему целиком: она не хоте своей армии такого же конца, как эллонской.

Новый поток воды превратил равнину впереди в ещё более непроходимое болото, и трясина поглотила ещё часть оставшихся в живых коней и всадников.

Аня тихонько хихикнула.

Она посмотрела на Рин и Регана и хлопнула себя ладонью по бедру.

Те с беспокойством смотрели на неё. Во всём этом было что-то *не так*, что-то, чего Аня никак не могла понять. Рин вспомнила, как давным-давно Сайор рассказывала ей о видении, в котором Аня улыбалась зловещей улыбкой, так напугавшей её мать. Теперь она видела, что пророчество сбылось. Войну Рин принимала, хоть ей и не нравилось смотреть на то, как люди умирают. Но это было что-то совершенно другое: некие магические силы убивали людей, а те не были способны ответить.

Реакция Регана оказалась более простой. Его просто тошнило. Будучи певцом, он испытывал лишь одно желание — нести радость жителям Альбиона; нести смерть было совершенно противоестественным для него. Он пел о древних битвах, но в тех песнях главными были честные и смелые люди.

Когда последний эллонский солдат погиб, Аня радостно закричала и пригласила свою армию подняться на холм. Теперь они все стояли рядом с ней, включая Джоли, который выглядел отдохнувшим и даже более чистым, чем тогда, когда он в первый раз появился в Лайанхоуме. Рин и Реган снова переглянулись и пожали плечами: то, что происходило с эллонами, было актом нечеловеческой жестокости, и они ничего не могли сделать, чтобы остановить это.

— Теперь мы возьмём Эрнестрад! — кричала Аня, размахивая мечом над головой.

— Теперь Эрнестрад возьмёт нас, — прошептал Реган.

Рин услышала его и молча кивнула.

* * *

Новости о поражении достигли Деспота раньше, чем он того желал.

Он обращался к собранию наиболее знатных аристократов и других придворных, чья единственная функция заключалась в проверке надёжности власти Деспота, хотя они редко выполняли эту функцию, помня об опасности своего дела. Маленький человечек со свежим синяком на щеке подбежал к Деспоту, вручил ему листок бумаги и выскочил из зала. Свет померк в окнах, когда аристократы смотрели в лицо Деспота, читающего послание. Через несколько мгновений он разорвал листок на мелкие части, бросил на пол, и они, как снежинки, крутясь, упали к его ногам.

— Мы находимся в состоянии войны, — сказал он. — Мы находимся в состоянии войны с крестьянами.

Встал Его Главный Маршал Нгур:

— Сэр, если вы помните, я предупреждал Вас об этом.

— Я не желаю заниматься никчёмными воспоминаниями, — холодно произнёс Деспот, вытирая рукавом лоб.

Нгур снова сел на место.

— У нас нет альтернативы, — сказал Деспот. — Бунтовщики должны быть умерщвлены тотчас, все до одного.

Нгур, казалось, хотел что-то возразить, затем передумал и промолчал.

— Я требую от своего Главного Маршала, — продолжал Деспот, — чтобы он объяснил, как это отвратительное восстание может быть усмирено.

Среди придворных послышался шёпот: часть из них безоговорочно поддерживала Деспота, другая — больше симпатизировала Нгуру.

Нгур снова поднялся, на этот раз открыто глядя Деспоту в лицо.

— Убийства крестьян ничего не решат, — сказал он.

Большинство придворных позади него криком выразили свой протест, поэтому в зале поднялся страшный шум. Нгур упрямо продолжал:

— Мы не сможем убить их всех, а даже если сможем, новая крестьянская армия поднимется на борьбу с нами — снова, и снова, и снова. Мы хотим такого будущего?

— А разве мы хотим, чтобы крестьяне властвовали над нами? — холодно задал ответный вопрос Деспот.

Нгур улыбнулся, делая вид, что знает некую тайну.

— Если слишком много крестьян умрёт, поля придётся обрабатывать членам Дома Эллона. Нас просто недостаточно для этого, и ещё меньше тех, кто горит желанием выполнять такую

работу. Вы получите ко всему прочему ещё и бунт внутри Дома Эллона, мой господин.

Снова раздались крики, но на этот раз Деспот с ужасом осознал, что крики были направлены против него. Аристократы хотели оставить крестьян на своём месте, убив лишь столько из них, сколько необходимо для подавления мятежа, они не имели ни малейшего желания идти на поля вместо крестьян. Усмирение мятежа должно проходить в определённых границах.

— Ты высказал своё мнение, Нгур, — с неохотой сказал Деспот. — Каков твой план?

— Наши шпионы, как вы уже знаете, сообщают, что крестьянскую армию, возглавляют, как минимум, четыре человека: певец, дрёма и две женщины-воина, младшая и которых — дочь человека по имени Лайан, возглавлявшего предыдущий бунт много лет назад.

Деспот раздражённо махнул рукой. Он совсем недавно говорил Нгуру, чтобы тот больше не упоминал о Лайане его потомках; но теперь этот запрет был уже как бы не актуален.

— Может быть, — продолжал Нгур, — здесь замешан ещё один певец — мы точно не знаем. Точнее, певица, почти девочка. Некоторые из наших людей упоминают её, а некоторые нет.

— Почему мы должны бояться этих нелюдей? — спросил Деспот, мельком взглянув на Главного Маршала, а потом, более продолжительно и многозначительно, на придворных, толпившихся вокруг него.

— Один дрёма убил по меньшей мере тысячу наших солдат, — тихо сказал Нгур.

— Это были дураки! — сказал Деспот.

— Отнюдь нет, — спокойно произнёс Главный Маршал. — Они были уничтожены силой, против которой мы бессильны. Ваши солдаты теперь всегда будут оказываться в подобной ситуации, когда надумают воевать с дрёмой.

— Ты пытаешься сказать мне, что силы Дома Эллона недостаточно для того, чтобы уничтожить банду крестьян, которую собрали эти четверо недоумков?

— Это именно то, что я пытаюсь сказать Вам, сэр. Жаль, что Вы не всегда решаетесь выслушать меня.

Главный Маршал говорил в спокойной и уважительной манере, но Деспоту казалось, что он не улавливает смысла в произнесённой фразе.

— Мы уничтожим их! — закричал он.

— Как пожелаете, сэр, — сказал Главный Маршал. — Что ж, попытаемся это сделать.

Глава пятая. Страсть

Высоко над их головами на фоне ярко-голубого неба трепетало знамя Дома Эллона со своим гербом, изображающим пронзённую мечом собаку. Нгур посмотрел на него с чувством гордости, смешанным с негодованием, а затем перевёл взгляд на своих людей. Восемь групп по пять сотен стояли в строгом порядке на поле перед ним; перед каждой группой — конный офицер, а рядом горнист. Это была внушительная масса людей, сам Главный Маршал никогда не видел столько людей сразу. Деспот не мог пожаловаться на недостаток желания подавить крестьянский мятеж, но Нгур предчувствовал что-то нехорошее, и не мог понять причины этого чувства.

Приближался период сна, а его люди ещё не ели. Нгур дал сигнал своему горнисту, чтобы тот протрубил команду разойтись, и с удовлетворением стал наблюдать, как люди принялись за дело: одни из них встали на посты как часовые, другие стали разжигать костры, третьи принялись рыть выгребные ямы, а четвёртые — устанавливать палатки стандартного армейского образца. И вскоре поле стало походить на деревню из матерчатых домов.

Нгур медленно объехал лагерь по периметру, время от времени разговаривая с часовыми. На лице его была спокойная и решительная улыбка: необходимо, чтобы у его людей не возникло ни малейших подозрений по поводу его неуверенности. К счастью, на лицах солдат была такая же решимость. Может, он беспокоился попусту? Что может сделать банда крестьян, как бы хорошо она ни была организована, против могучей военной машины под его командованием?

Слева от себя он заметил какую-то возню и повернул коня в этом направлении.

Четверо солдат крепко держали старика с красными глазами, который отчаянно вырывался, страшно бранясь. Нгур поднял брови: его поразила фантазия этого человека.

— Тихо! — закричал Главный Маршал, хлопая себя по колену, чтобы привлечь внимание.

Возня тотчас прекратилась. Двое из солдат были явно расстроены: старик только что закончил описание необычайной половой активности их матерей с козлами. Кто бы мог подумать, что их добрые старые мамы могли?..

— Ты кто? — спросил Нгур старика.

— Я честный человек. Путешествую и продаю свои товары по мере сил и возможностей.

Нгур посмотрел с подозрением. Из своего опыта он знал, что люди, которые называют себя честными, чаще всего являются самыми отпетыми преступниками.

-— И что же это за товары? Посуда или фрукты? Где они? Я не вижу телеги, которая прогибалась бы под тяжестью груза!

Красные глаза старика смотрели на него враждебно. Он был необычайно грязен. Если в его жидкой бороде и не было вшей, то только потому, что они были не в силах там находиться.

— Для моих товаров не нужна телега, наблюдательный человек. Они у меня вот здесь. Он вырвал свою руку у одного из солдат и показал на свою голову.

— Я меняю их на еду, выпивку или ночлег на период сна. По возможности на ночлег с кем-нибудь.

Нгур захохотал, и солдаты послушно присоединились к нему.

Старик плюнул себе под ноги.

— Вы даже не знаете кто я такой. Я могу…

Главный Маршал дал ему поболтать некоторое время, размышляя над тем, какая же проститутка была способна лечь в постель с таким страшилищем. Он поднял руку, чтобы остановить тираду старика, вновь затронувшего тему домашних животных.

— Допустим, я поверю тебе, — сказал он, — пока поверю. Какие же товары ты можешь предложить?

— Видения.

— Видения?

— Да, но необычные видения. Я даю людям возможность заглянуть в их будущее.

Солдаты инстинктивно отпрянули на несколько шагов.

— Ты гадаешь по руке? — спросил Главный Маршал.

— Нет! — сказал старик твёрдо. — То, что я делаю, не имеет ничего общего с магией — чёрной, белой или какой-нибудь другой. Я обладаю даром видеть не только прошлое, но и будущее. В этом мире немногие обладают способностью видеть даже прошлое, а человека, который может видеть ещё и будущее, я встречал вообще только однажды. Существуют, конечно, шарлатаны — их так же много, как муравьёв под камнями.

— Но ты не из них, я полагаю? — улыбнулся Нгур.

— Я же сказал, я честный человек. Может, сам Ветер приходится мне отцом.

— Как же ты можешь быть честным? Будущее ещё не наступило, а ты рассказываешь о нём людям?

Старик хрипло засмеялся и посмотрел на четырёх солдат, всё ещё наблюдавших за ним с почтительного расстояния.

— Именно поэтому людям так не терпится купить мои товары. Ты прав: будущее ещё не наступило, поэтому возможные

в нём события можно изменять. Представь себе, что я рассказал тебе о том, что некий предатель в твоих войсках убьёт тебя выстрелом в спину из арбалета и вдребезги разнесёт тебе позвоночник. Ты можешь обезопасить себя, просто заковав предателя в цепи и не давая ему арбалет. Ведь так?

Старик внимательно посмотрел на Нгура, а потом на каждого из четверых солдат.

Нгур размышлял. Он решил, что ему нравится этот старик. Нравится его грубость и прямота.

— Значит, — сказал он, — ты ходишь по Альбиону, предсказываешь несчастья и они, благодаря этому, не происходят?

— Конечно, а иначе зачем их предсказывать, если бы их нельзя было избежать? Кроме того, я предсказываю не только беды. Иногда — наоборот — счастье и успех, и объясняю, что человек должен делать, чтобы достигнуть этого успеха. Ты, например, хочешь разбить крестьянскую армию, которую ведёт очень привлекательная молодая девушка. Если ты будешь продолжать свою кампанию в этом же духе, она обречена, и ты — вместе с ней.

Главный Маршал был шокирован. Предполагалось, что за пределами Дома Эллона никто не знал, что его армия предназначена для разгрома крестьян. Неужели все в Альбионе знали об этом? Может, это было делом рук шпионов? Или старик не врал и действительно мог предсказывать будущее?

— Ты мне интересен, — с неохотой сказал Нгур.

— Но ты можешь победить её, — продолжал старик, — причём совершенно бескровно. Более того, возможно, в то же время ты сможешь преодолеть интриги Деспота, которому очень хочется, чтобы ты был мёртв. Если ты изменишь будущее так, как я тебе скажу, то сам сможешь сесть на его трон.

— Ты либо самый глупый дурак из тех, которых я встречал, либо самый большой лгун.

— Ну тогда, — сказал старик, — мне приятно узнать, что я хоть в чём-нибудь преуспел, кроме…

Нгур громко рассмеялся.

— Кроме того, ты преуспел ещё и в наглости, — сказал наконец Главный Маршал. — Неужели ты не понимаешь, что достаточно щелчка моих пальцев, чтобы мои люди убили тебя на месте?

— Конечно, — сказал старик, насупив брови, — но моё предвидение будущего говорит, что ты не отдашь такого приказа. Ты достаточно умён, чтобы сообразить: убив меня, ты достигнешь лишь собственного поражения. Или, если сказать по-другому, не

достигнешь победы.

— Понятно. Каков же будет твой совет?

— Обольщение.

— Обольщение? — с удивлением переспросил он.

— Да. Крестьянская девушка Аня довольно привлекательна. Обольстить её будет даже удовольствием, не только необходимостью. Когда ты сделаешь это, твоя армия объединится с её армией. В Альбионе не будет другой силы, способной противостоять вам.

Запах готовящейся пищи показался ему отвратительным.

— Поговорим об этом ещё, — сказал Главный Маршал. Он не был мастером обольщения женщин — по крайней мере, в прошлом претерпел на этом поприще несколько драматических неудач, но…

— Я вижу будущее в твоих глазах, — радостно сообщил старик. — Единственное, что я прошу у тебя, это еда и кров на период сна.

— Ты получишь всё это. Но смотри: не вздумай обмануть меня. Весь период сна тебя будут охранять стражники.

— Что вам может сделать простой старик?

Джоли страшно нравилось врать. Кроме того, ему нравилось хорошо поесть, наслаждаясь тем, как он ловко обвёл этих дураков вокруг пальца.

Бутерброды с яйцами были неплохими, хотя он полагал, что они были бы лучше, если б на хлеб намазать побольше масла. Беседа, протекавшая за едой, была отвратительной — чего можно ожидать от солдат? Их не интересовало то, что интересовало Джоли. Например, стоило ему завести беседу о музыке, как пришлось обсуждать вопрос, какую самую высокую ноту может издать труба.

Если бы Аня слышала, как Джоли рассказывает о её красоте, то, несомненно, смутилась бы; она была бы поражена описанием своей сексуальности. Он с огромным энтузиазмом сочинял всё это, прорисовывая детали до мельчайших подробностей. Нгур даже начал сомневаться: разве это возможно, чтобы женщина смогла довести мужчину до экстаза одними лишь мочками своих ушей?

Гм-м-м. Тем не менее…

Нгур лёг спать в своей палатке с мыслями об Аниной красоте, которую только что описывал старик.

Джоли лежал в одиночестве в солдатской палатке и думал про себя: «Они дважды позволили мне сделать это, идиоты!»

Затем он уснул и ему приснился кошмар.

Он любил соврать и схитрить, но ему нравились и хорошие

кошмары, когда они не пропадали даром.

Небо превратилось в нечто страшное и пролилось ядом на землю. Солнце скрылось за невидимой рукой и наступила темнота, в которой на эллонские палатки с неба посыпались камни, превращая тела солдат в кровавую кашу. По поверхности земли, как по воде, гуляли волны, пожирая пытавшихся ускользнуть, как звери, заглатывая их своими чёрными страшными пастями. Откуда-то появились страшные чудовища, с клыков у них капала багровая кровь, они пожирали любую плоть, попадавшуюся на пути: будь это человек или животное. Они хватали своими огромными когтистыми лапами солдат и швыряли их тела из стороны в сторону, время от времени откусывая у них конечности.

Это был один из лучших кошмаров. Джоли гордился им, даже несмотря на то, что спал.

Он не знал, стоило ли ему пускать огонь с небес, но в конце концов решил проделать и этот трюк. Красные, жёлтые и голубые блики причудливым светом осветили равнину. Часть огней спустилась на землю и подожгла немногочисленных оставшихся в живых эллонов. Они горели, как бенгальские огни.

Немного позже вокруг не осталось ничего, кроме самого Джоли и запаха гари. Он проспал до следующего периода бодрствования, потом с улыбкой поднялся на ноги, помочился на оплавленный грунт и убрался восвояси.

Мало кто остался в живых от эллонской армии. Мало кто видел, как Джоли уходил. Но одним из этих людей был Нгур.

* * *

— Значит, эти гады *опять* использовали против нас дрёму! — кричал Деспот, ударяя кулаком по одной из белых внутренних стен Гиоррана.

— Я не виню их, — мягко сказал Нгур. — В их положении я, вероятно, поступил бы точно так же. Меня раздражает лишь собственная глупость. Как я сразу не раскусил этого старого обманщика? Ведь можно было догадаться по его глазам.

— Теперь ты должен умереть, — сказал Деспот.

— И умру, — заметил Нгур. — Слишком много солдат погибло из-за моей глупости. Однако я чувствую, что стоит отложить моё совершенно правомерное самоубийство до того момента, как я убью эту варварскую сучку и орду её подонков.

Нгур взглянул на Деспота, ощущая своё скользкое положение. Он вовсе не собирался кончать жизнь самоубийством: он уверил себя, что не по собственной вине поддался на ложь грязного старика. Однако Деспот не будет доверять ему, если не уверится, что в конце кампании Нгур сведёт счёты с жизнью.

— Гады! — кричал Деспот. — Дерьмо собачье, все до одного!

— Не удивлюсь, — заметил Нгур, — если большинство из них действительно гады — всё может случиться в нашем мире; но повторяю, сэр, глупо обвинять их в том, что они применяют против нас любое оружие, оказавшееся в их распоряжении.

— Значит, ты заодно с ними?

Деспот буквально выплюнул эти слова из себя.

— Нет, — спокойно ответил Нгур, — но я могу понять их мотивы. Это нечто другое, причём гораздо более ценное. Чем больше я понимаю их мотивы, тем лучше я способен противостоять им и с большей вероятностью смогу подавить их мятеж против вашего великодушного правления.

Деспот напустил на себя свою обычную маску благодушия.

— Я не могу забыть о том, сколько моих подданных погибло, — неожиданно всхлипнул он.

— Но сами вы погубили их не меньше, — заметил Нгур через некоторое время. Он терпеть не мог, когда кривили душой.

— Это — совершенно другое. Они были предателями, казнёнными за свои преступления. А эта шайка состоит из крестьян, которым просто нравится воевать и совершать подвиги — как, например, тому крестьянину-дрёме, который уничтожил пять тысяч моих солдат. Они не имеют ничего против меня: им просто нравится следовать за своим лидером.

— Мне кажется, — мягко сказал Нгур, — что они много чего имеют против Вас и всего Дома Эллона. Я могу даже больше сказать, если вы позволите, сэр. Эти люди — не дети, увлёкшиеся яркой игрушкой, и не жертвы демагогии. Если Вы начнёте думать о них подобным образом, считайте, что Вы — уже мертвец. Эта женщина, Аня, гораздо умнее, чем Вы думаете, больше того — гораздо умнее, чем я думаю. Она собрала вокруг себя опытных командиров и ценных союзников, среди которых не только наш пресловутый дрёма, но и другие.

Деспот с яростью взглянул на него.

— Интересно, ты сможешь найти причину, по которой я не должен казнить тебя тут же, на месте?

Нгур устало произнёс:

— Выбор Ваш, сэр. Я верю в то, что мы сможем подавить этот мятеж, но с этой задачей вряд ли справится какой-нибудь дурак, которого Вы поставите на моё место.

Если бы рядом оказалась стража, Нгур был бы уже мёртв. Поросячьи глазки Деспота засветились бешенством, кулаки сжимались и разжимались, как будто он хотел лично разорвать Главного Маршала на куски. Вместо этого он схватил из стоящей рядом с ним вазы персик и изо всей силы впился в него зубами.

— Я не назначаю на должности дураков, — сказал он, брызгая на ковёр соком и кусками персика.

— Точно. Именно по этой причине Вам стоит послушать, что я сейчас расскажу, какими бы неприятными мои слова для Вас не показались.

— Что ты предлагаешь?

— Не имеет смысла собирать новую, ещё большую армию, чтобы противостоять им. Ведь именно этого они от нас и ожидают и будут готовы сотворить нечто подобное тому, с чем мы повстречались раньше. Нет, нам стоит подумать о чем-то совершенно другом.

— Магия? — спросил Деспот. — Мои маги могут…

— Сэр, — сказал Главный Маршал, кланяясь Деспоту в пояс. — При всём уважении к Вашему мнению я не очень-то верю в способности Ваших магов. Полагаю, что вместо этого мы используем силу, которая, в отличие от магии, всегда присуща человеческой природе — коррупцию.

— Объясни.

— У крестьян, составляющих армию Ани, нет ничего, кроме жадности. Если мы предложим им богатство, вполне возможно, кто-нибудь из них выдаст нам Аню. Возможно, её убьют, но лучше, чтобы они привели её сюда, в Эрнестрад, и чтобы она могла видеть ту роскошь и богатство, которыми наслаждаются Ваши наложницы. Она очень красива, сэр.

— Я должен уложить эту потаскуху в свою постель?

— Бывают вещи и похуже, — мягко заметил Главный Маршал. — А дальше, если крестьяне узнают, что она из-за своей жадности предала их, они отвернутся от неё. Во всяком случае, отвернутся её главные соратники, которых мы сможем легко уничтожить после этого.

— А она? Надо ли её оставлять в живых? — Деспот швырнул косточку от персика в угол комнаты.

— Это Вам решать, сэр. Возможно, было бы даже неплохо оставить её живой — как символ Вашего могущества. Кроме того, как я уже говорил, она очень красива; Вы можете оставить ей жизнь хотя бы по этой причине.

— У меня достаточно красивых женщин; я даже не знаю сколько. К тому же она может предать меня, и притворяясь, что верна, заколет меня во сне.

Деспот решил было взять ещё один персик, но передумал.

— Неужели Вы считаете себя плохим любовником? — спросил Главный Маршал.

Деспот не ответил; вместо этого он всё же решил съесть персик. Энергично жуя, он кивнул Главному Маршалу.

— Я согласен с тобой. Подход наш в этом вопросе, как и во всех остальных, должен быть особый. Действуй, как ты считаешь нужным, но действуй быстро. Чем дольше длится мятеж, тем больше поддержки у этой женщины.

Главный Маршал снова поклонился.

— С удовольствием, сэр.

Он попятился к двери, делая реверансы правителю. Выйдя за дверь, он выпрямился и улыбнулся, не обращая внимания на стражника, который с удивлением смотрел на него.

Нгур любил коррупцию почти так же, как заговоры. Если всё пойдёт, как он хочет, бунту будет положен конец… И Деспоту тоже. Ставка была большая, но и выигрыш не маленький. Он представил себя в роли Деспота и остался очень доволен.

* * *

— За эти драгоценные камни ты сможешь купить себе дворец и жить в нём без забот до конца своей жизни.

Крестьянин кивнул головой и взял предложенный ему кожаный мешочек.

— На эти монеты ты можешь купить всё, что ни пожелаешь — дом в Эрнестраде, самую лучшую пищу, сколько угодно наложниц…

Пастух, которого блестящая перспектива будущего выманила из холмов, взял с улыбкой деньги от незнакомого молодого человека. С таким богатством он станет уважаемым членом Дома Эллона. Он не задумывался раньше, что будет, если Та Кто Ведёт погибнет. Сейчас его ум осознавал только то, что он станет богатым и влиятельным человеком. Если Деспот даёт ему такое богатство, значит, возможно, Та Кто Ведёт ошибалась, когда говорила, что Деспот — жестокий и безжалостный тиран.

Но лазутчик, который пытался подкупить Барра'ап Ртениадоли Ми'гли'минтер Регана, умер неожиданной и жёсткой смертью. А несколькими минутами позже Аня уже знала о том, что происходит. Она выпила довольно много пива, поэтому сначала не поняла о чём идёт речь, но сообразив, тут же начала действовать. К концу периода сна на спешно возведённых виселицах уже раскачивались тела семи человек: четверо из них были крестьянами, которых подкупили эллоны, а трое — эллонскими юношами, посланными, чтобы разложить её армию.

На этом всё не кончилось — впрочем, и не могло. Аня не знала, будут ли продолжаться подобные попытки.

* * *

Они остановились на небольшом клочке земли, со всех сторон окружённом горами; в лагере было всего несколько палаток, и большинство воинов спали под открытым небом. Аня

не знала, сколько солдат подкуплены — или, что более важно, сколько из них взяли предложенное богатство и теперь выжидают удобного случая, чтобы предать её.

Казни продолжались весь последующий период бодрствования.

Барра'ап Ртениадоли Ми'гли'минтер Реган был возмущён этими казнями.

Когда-то он видел в Ане любовницу, обладающую сильной жаждой справедливости. Теперь она изменилась: ей ничего не стоило приказать убить человека всего лишь по подозрению. Эта женщина сильно отличалась от той, которую он знал раньше.

Он рассказал об этом Рин.

— Я когда-то тоже любила Аню, — ответила та и больше ничего не сказала.

Везде вокруг лагеря, куда бы он ни пошёл, были виселицы, и его желудок сжимали спазмы при виде мёртвой плоти. Он вернулся в свою палатку и играл на флейте до тех пор, пока видения смерти не перестали маячить перед его мысленным взором.

Затем долгое время он смотрел на свои руки, не понимая, что же, в конце концов, он тут делает.

Аня всё-таки оставалась нужной ему. Он не мог не отметить этого факта. Ему хотелось быть с нею рядом в постели, прижиматься к её телу, чувствовать своим животом её ягодицы, когда они вместе засыпали. Ему хотелось, просыпаясь, целовать её в нос и наблюдать, как она открывает глаза и улыбается. Но он осознавал и то, что теперь не уверен, любит ли её — более того, он подозревал нечто прямо противоположное: он её ненавидел, но ему всё ещё нравилось спать с ней.

С Рин было всё по-другому — она просто *давала* ему. Правда, случались моменты, когда их чувства были взаимны, но это было крайне редко. Секс с Аней получался взаимным и потому — совершенно другим. Тело Ани воспламеняло его, в то время как тело Рин было, как закадычный друг. И другом оно было не только Регану, но и самой Рин.

Аня безжалостно приказывала казнить людей, вина которых была сомнительна. Рин временами тоже могла быть очень жёсткой, но она никогда сознательно не отправила бы на смерть невиновного.

Он посмотрел на кончики сложенных вместе пальцев рук.

Им управляла любовь или страсть?

Это был трудный вопрос.

Он услышал, как снаружи донёсся ещё один сдавленный крик — на виселице умер ещё один крестьянин.

Барра’ап Ртениадоли Ми’гли’минтер Реган ответил на свой вопрос, но ему так хотелось, чтобы это случилось гораздо раньше.

* * *

Джоли старался по возможности быстрее найти то место, где он оставил армию Ани, но когда пришёл туда через несколько периодов бодрствования, обнаружил, что лагеря на прежнем месте не оказалось. За войском остался чёткий след, и он следовал по нему многие километры, переходя с шага на бег и обратно, надеясь, что вскоре нагонит его. Когда с бежал, ругался громко, а когда шёл пешком — лишь бормотал непристойности.

Наконец он потерял след. Перед ним была широкая равнина, покрытая крупной галькой, и здесь совершенно невозможно было понять, в какую сторону они пошли. Он выругался, глядя на эту равнину, и решил следовать в том направлении, в котором шёл два последних периода бодрствования: он сомневался, чтобы армия изменила направление своего движения. Время от времени он поднимал с земли камень и швырял его вдаль, с удовлетворением глядя на облачко пыли, которое он поднимает. Проходя мимо часто встречающихся здесь термитников, он запускал в них руку, а потом с удовольствием поедал шевелящихся насекомых.

Пища была не самой лучшей, но если не считать этого, он чувствовал себя абсолютно счастливым, шагая по выжженной солнцем равнине. Он привык спать редко и мало, поэтому продвигался достаточно быстро. Вокруг никого не было, но он всё же стеснялся справлять нужду в совершенно открытом со всех сторон месте. Почувствовав, что от него изрядно стало вонять потом и испражнениями, он захотел найти какой-нибудь пруд, где мог бы помыться. Он не помнил, чтобы когда-либо прежде его беспокоила личная гигиена.

Прудов не было. И от него воняло нещадно.

Вскоре исчезли и термитники.

Это была более суровая проблема. Он мог стоически выдерживать грязь на своём теле, но голод и жажда — совсем другое дело.

Солнце нещадно пекло его, и он оглянулся вокруг в поисках термитников.

Их не было.

Получалось, что ему ничего не остаётся, как только вернуться назад.

Трудность заключалась в том, что в этой бескрайней пустыне трудно было найти этот «зад». Вполне вероятно, что несколько последних периодов бодрствования он ходил по кругу.

Пожалуй, стоило продолжать идти в том же направлении. Но

что это было за направление?

Он снова осмотрелся, но на камнях не было видно его следов. Небо — безоблачное, солнце светит прямо над головой. Куда бы он ни посмотрел, до самого горизонта тянулась каменистая пустыня.

Он слышал когда-то, что можно обмануть свою жажду, положив в рот гладкий камешек. Через несколько километров он с трудом вытащил камень обратно. В этой пустыне не было ничего, чем бы он мог компенсировать воду, отнимаемую у него взбесившимся солнцем.

Если бы Элисс была здесь, она могла бы всё изменить — например, создать оазис.

Но Элисс здесь не было.

Джоли попытался лечь спать и увидеть сон про дождь, но ему не спалось. Через некоторое время он поднялся на ноги и направился в том направлении, которое казалось ему наиболее подходящим.

Через несколько часов он мог думать только о собственной жажде. Всё исчезло из его головы. Высохшие глаза осматривали пустыню в надежде увидеть хоть какой-нибудь источник жидкости — желательно ручей, хотя любое растение или муравейник тоже подошли бы.

Ничего.

Когда он первый раз споткнулся, то решил, что это из-за глупой неуклюжести. Он почесал колено, встал и снова отправился в путь.

Второй раз он упал более серьёзно, глубоко поранившись в нескольких местах, и некоторое время лежал лицом вниз, визжа, как пойманное в капкан животное. Хотя свет вокруг него был ровный и постоянный, ему казалось, что солнечные лучи идут на него, атака за атакой, то наступая, то отступая вновь.

На этот раз было гораздо труднее подняться на ноги. Как будто какая-то сила пыталась удержать его на земле.

Потом он упал в третий раз.

Лёжа на земле, он умудрился выжить весь следующий период бодрствования. Его разум путешествовал по самым разным местам: то перемещался в воздух, где его лицо обдувал холодный ветер, то находил себя в подземном мире, где правили садисты-демоны, которым доставляло огромное удовольствие мучить его.

К концу периода бодрствования он всё чаще и чаще оказывался в обществе демонов.

С огромной неохотой он позволил душе покинуть своё иссушенное тело.

Он почувствовал, что взлетел высоко в небо. Когда это

случилось, он чувствовал себя страшно одиноко, но тут же обнаружил, что вокруг было тепло, как будто он был ещё не родившимся ребёнком. Перед глазами переливались миллионы цветов.

«Кто ты?» — спросили остатки его индивидуальности у той общности, которая взяла его к себе.

«Ветер — ответила она, и голос её, как цунами, заполнил собой всё вокруг. — Добро пожаловать».

Глава шестая. Нерв

Ветер перенёсся на высокие холмы возле Гиоррана и оттуда вызвал Деспота для беседы. Тот хотел было возмутиться такой наглостью: Деспот не привык, чтобы ему кто-то говорил, как ему следует поступать. Однако после того, как несколько крупных строений Эрнестрада были разнесены в пыль, он передумал.

Деспот правил людьми, а Ветер — природными силами, которые властвовали над всем Альбионом и могли запросто уничтожить весь людской род. Хоть это было и тяжело, Деспот заставил себя признать, что существуют силы более могущественные, чем те, которые были в его власти.

Когда Ветер вызвал его, он находился в просторной комнате с одной из своих любимых наложниц. Пол был выложен квадратными плитами из разноцветных камней, отражения которых можно было различить на потолке благодаря яркому свету, струившемуся в незастекленные окна. Наложница была женщиной среднего роста, немного ниже, чем он сам, и происходила из аристократической семьи. Родители отдали дочь на службу Деспоту, чтобы получить от этого определённую выгоду. Они хотели иметь исключительное право продажи чего-то во всём Альбионе. Деспот же хотел иметь как можно больше красивых наложниц, родители были казнены, как только выполнили свои обязательства по контракту. У Деспота не было оснований возмущаться такой системой — она казалась ему совершенно справедливой.

Она думала о том, что жирная грудь была для неё самым ненавистным местом его тела, исключая разве что подмышки, когда Ветер вошёл в комнату, срывая со стен картины и сметая с полов ковровые дорожки.

Деспот оторвал себя от наложницы.

— Уходи! Уходи отсюда! — закричал он. — Я приду к тебе, как обещал, но немного попозже!

Она чувствовала под своим обнажённым телом прохладу ровного каменного пола. Странно, что он казался ей более желанным, чем отчаянно страстные объятия Деспота, в которых она находилась секунду назад. Толстяк же был брошен Ветром из одного угла комнаты в другой, да так, что на его жирном торсе появились синяки. Она ухмылялась, глядя на то, что делал с ним Ветер, и особенно на его хлопающий по животу член, эрекцией которого он так гордился. Он ничем не отличался теперь от любого другого мужчины: правители в минуту опасности ничем не отличаются от крестьян. Одно из его ушей было порвано о

каменную стену, и из разрыва текла кровь.

Лёжа на полу, он частично избежал самого страшного гнева Ветра.

Деспот рассказывал ей, что Ветер пытался говорить с ним в прошлый период бодрствования, но он с негодованием отверг это предложение… На самом деле, ещё до разговора с ней он решил уступить Ветру. Но теперь Ветер надумал показать ему свою силу. Деспота продолжало швырять из стороны в сторону по всей комнате, и одна из его рук была уже сломана. Наложница изо всех сил старалась снова не засмеяться, а потом изо всех сил старалась не ругать себя за свой промах. Если Деспот выживет, она сама может оказаться в очень тяжёлом положении.

Прошло достаточно много времени, и Ветер вынес наконец, извивающееся и кричащее тело Деспота через одно из окон и, держа его на весу всю дорогу, бесцеремонно бросил на вершину плато, где давным-давно разговаривал с Надаром.

Наложница, обрадовавшись, что осталась одна, засмеялась и бросилась одеваться, от души надеясь, что Ветер добьёт Деспота, и ей не придётся больше терпеть его домогательства.

Но капризный Ветер вернулся в комнату, когда она уже выходила, и сбросил её с лестницы, да так, что её шея оказалась сломанной в нескольких местах.

* * *

— Аня! — сказал голос.

— Да…

Она всё ещё спала.

— Аня!

Голос стал более настойчивым.

— Ну здесь я, — пробормотала она и повернулась на другой бок, ощущая своей щекой приятную мягкость подушки.

— Я Барра'ап Ртениадоли Ми'гли'минтер Реган. Помнишь меня? — он отчаянно тряс её за плечо, пытаясь разбудить.

Она попробовала лягнуть его и промахнулась.

— Аня!

Сквозь выцветший брезент палатки проникал солнечный свет, и Аня больше не могла убеждать себя в том, что спит. Она прислушалась к его словам и сказала:

— Ну.

Он сел подле неё на постель, и Аня ощутила тяжесть его тела.

— Ты всё ещё думаешь быть лидером армии? — искренне спросил он.

— Конечно, чёрт возьми!

— Похоже, тебе больше не удастся выполнять эту роль.

Остатки сна развеялись, и она села на постели.

— Что ты имеешь в виду?

Она, сузив глаза, взглянула на него. Он надеялся, что до неё ещё не дошла мода казнить тех, кто приносит дурные известия. Одеяло упало с её груди, и, в сочетании с суровым выражением лица, грудь эта казалась девичьей и невинной.

— Твои экзекуции. Воины говорят, что ты не щадишь никого, и потому ничем не лучше Дома Эллона. В этот период сна несколько десятков человек дезертировали — просто ушли, чтобы попытаться найти дорогу домой. Может, это и не плохо — мы обойдёмся без слабовольных. Но хуже то, что нашлись другие — они замышляют против тебя заговор. Они хотят убить тебя и поставить на твоё место другого лидера.

— Но это ерунда! Кроме меня, никто не сможет удержать эту армию! С моей смертью армия просто перестанет существовать.

Не обращая внимания на свою наготу, она встала с постели и принялась одеваться.

— Это не совсем так, — сказал Реган, глядя сквозь открытую дверь палатки. Неподалёку дети гоняли тряпичный мяч. Один из мальчиков упал, а затем поднялся, смеясь над своей неуклюжестью.

— Что ты имеешь в виду? — удивилась Аня.

— Есть, например, Рин, — ответил он, не глядя на неё. — Потом, есть я. Мы оба можем помнить прошлое и тех, кто умер.

— Да, — со злостью в голосе сказала она, — но вы не можете того, что могу я — передавать эти способности окружающим.

— Ты уверена?

Барра'ап Ртениадоли Ми'гли'минтер Реган чувствовал, что находится на волоске от гибели, и всё же предпочитал стоять к ней спиной.

— Объясни, ты, дерьмо!

Вот теперь Реган повернулся к ней:

— У нас появился новый союзник. Он тоже может помнить прошлое — больше того, он может помнить прошлое с того самого момента, когда Альбион поднялся из океанских волн.

Реган снова сел на постель, наблюдая, как она заканчивает одеваться. «Почему, — думал он, — меня так отталкивает тело, от которого когда-то я был без ума? Почему Аня стала мне совершенно чужой?»

— Я не верю тебе, — сказала она сквозь зубы.

— Но это правда.

— И кто же этот союзник?

— Ветер.

Она недоверчиво посмотрела на него.

— Ты шутишь. Ветер никогда не вмешивается в людские

дела!

— Ветер сказал нам, что хочет видеть конец Дома Эллона и будет действовать заодно со мной и Рин, может, ещё и Элисс, чтобы достичь этой цели. Рин и я ответили, что обдумаем его предложение, но прежде должны проконсультироваться с тобой. К сожалению, всё это слышали и остальные воины, которые тут же решили, что армии будет лучше, если ты перестанешь быть лидером. Весь этот период сна Рин и я пытались отговорить их, но это оказалось трудно, До сих пор многие хотят, чтобы ты была смещена и убита. — Лгать ей доставляло ему удовольствие. — Как я уже говорил, виноваты во всём твои казни: ты не должна была казнить так много людей.

— Но ведь ты и Рин никогда не предадите меня?

Он закашлялся в кулак и вытер мокроту о колено.

— Рин и я разделяем желание Ветра: мы хотим положить конец тирании Дома Эллона, — произнёс он, тщательно обдумывая каждое слово. — Однако мы не желаем, чтобы одна тирания сменилась другой, ничем не лучше первой. Если единственный путь, чтобы избежать такого — твоя смерть — это не великая плата за поставленную цель.

— Предатели! — закричала она.

— Нет, отнюдь не предатели. Такие обвинения может бросать только Деспот своим подданным. Мы лояльны, в первую очередь, по отношению к своему народу, и только во вторую, по отношению к тебе. Но, думаю, всё может измениться.

— Как?

Реган на несколько минут задумался.

— Если ты изменишься, — сказал он наконец.

Аня от злости и упрямства замолчала.

— Если бы ты смогла стать такой, какой была раньше, — предположил он осторожно. — Люди видели твою твёрдость и решительность тогда, но никогда не видели несправедливости. Они любили тебя, и некоторые даже боготворили. Вспомни Джоли, к примеру.

— Джоли умер. Я чувствовала, как он умирает. Кроме того, он был грязным старым негодяем, от которого постоянно воняло тухлой рыбой.

— Он был также и твоим другом. Он умер, пытаясь тебе помочь.

Снова голос Регана был очень спокоен. Он смотрел прямо перед собой, вспоминая, как Джоли ругал и оплёвывал всё вокруг, одновременно находя свободную минуту-другую, чтобы рассказать проходящему мимо ребёнку анекдот, который был слишком неприличен, чтобы рассказывать его родителям этого

ребёнка.

— Не суди о друзьях по внешности, — сказал Реган, а затем, повышая голос, — тем более не суди их за то, что им приходится говорить вещи, которые тебе неприятно слышать! Рин и я могли бы преспокойно подождать, пока тебя убьют, а потом взять на себя командование армией, но мы решили не делать этого. Мы *хотим*, чтобы ты была нашим лидером, мы верим в тебя, все верят, но пока ты сама этому мешаешь.

Аня убрала волосы со лба.

— Чего вы от меня хотите?

— Не веди себя, как некая богиня.

— Я никогда не считала себя богиней.

— Но ты ведёшь себя именно так. Причём ты ведёшь себя, как злая и жестокая богиня.

— Иногда я должна принимать драконовские меры…

— Нет. Твоя жестокость была неоправданна. Ты разве не заметила?

Наступило молчание, во время которого Аня наблюдала за детьми, играющими возле палатки. Она захлопала в ладоши, когда один из детей подкинул мяч высоко в воздух, а затем удачно передал его своему товарищу. Когда она снова повернулась к Регану, на её лице играла улыбка, и впервые за долгое время он увидел, что улыбка эта была искренней.

— Ты прав, — сказала она.

Он взял её за руку и крепко сжал пальцы.

— Прощать, — сказала она. — Если я не буду прощать, тогда нет смысла в моём существовании.

Он привлёк её к себе и поцеловал в подбородок. Он сомневался, что у неё хватит душевных сил, чтобы воспринять критику. Рин гораздо больше верила в Аню.

— Пойдём поприветствуем Ветер, — сказал он.

* * *

То, что случилось на плато высоко над Гиорраном, было оскорбительно для Деспота. Ветер устроил на небе некий сумасшедший спектакль, согнав тучи вместе и превратив их в гигантские глаза, которые смотрели на дрожащего от холода и ужаса Деспота, ощущавшего всю ярость природных сил Альбиона, направленную против него. Несмотря на тучи, Солнце продолжало светить, и его лучи касались обнажённой кожи Деспота, как острая сталь. Жестокий Ветер собрал семена трав, росших поблизости, и с силой стал швырять их в его босые ноги так, что Деспот запрыгал от боли.

— Я требую прекратить эту пытку, — закричал Деспот разозлённым небесам, грозя им кулаком.

«Ты не можешь чего-либо требовать от меня», — сказал ему Ветер. Сила его была такова, что Деспот повалился навзничь, сжимая руками уши, словно пытался защитить себя от оглушительного звука.

Он встал на четвереньки, разрезав при этом своё толстое колено об острый камень, а затем снова упал, на этот раз прислонившись спиной к пирамиде из камней.

— У меня есть право, — закричал он с закрытыми глазами, — требовать конца этой пытки!

«И откуда же ты взял это право?» — Ветер явно издевался над ним, как ребёнок над насекомым.

— Я Деспот всего Альбиона!

Он открыл глаза и огляделся.

— Я правлю всеми. И все согласны с моим правлением.

«Ты лжёшь».

— Спроси моих людей.

«Ты лжёшь. Может, ты и правишь людьми Альбиона, но не самим Альбионом, и ты не можешь говорить, что правишь людьми Альбиона с их согласия».

Ветер обсыпал пылью его лицо и грудь, и Деспоту показалось, что он слышит что-то похожее на смех.

«Ты правишь потому, что люди боятся тебя, точнее — потому, что они слишком глупы, иначе не боялись бы. Твоя империя построена на костях — это куча костей и ты сидишь на самой её вершине и гордишься собой лишь потому, что можешь убить кого угодно. Неужели ты не понимаешь всю мелочность тирании? Только полная посредственность может находить удовольствие во власти над жизнью и смертью людей, а ещё большая посредственность хочет иметь власть надо всем миром».

— Я глава Дома Эллона, — сказал он, пытаясь казаться важным. — Мы правили Альбионом бессчётное количество лет в интересах всех людей.

«И крестьян?»

— И скота? Крыс и мышей? Рыб в реках и баранов на полях? Ты хочешь, чтобы Дом Эллона относился одинаково к людям и ко всей этой живности? Если нет, то почему ты жалуешься на жестокое обращение с крестьянами? Ведь они просто животные. Имеют форму людей, но тем не менее остаются животными. Они даже не самые разумные из животных. Собаку гораздо легче приручить, и она может выполнять более сложные задачи.

Ветер сорвал с пирамиды один из камней, и он упал Деспоту на плечо. Деспот скривился от боли, но продолжал с вызовом смотреть в небеса.

«Они чувствуют боль точно так же, как и ты, — сказал Ветер,

— и точно так же осознают это. Когда они голодны, у них точно так же сосёт под ложечкой, как у тебя, когда ты ешь меньше, чем пять раз в день. Ты радуешься своему благодушию в обращении с этими *животными!* Но разве ты будешь морить голодом свою собаку до тех пор, пока она не превратится в дрожащее существо, у которого в голове всего лишь одна мысль — как не попасться тебе под ноги?»

Деспот с трудом поднялся, не обращая внимания на боль, которую причиняли спине острые камни. Он почти ничего не видел из-за порывов холодного ветра, слепящих глаза.

Ему казалось, что из глаз по его щекам течёт кровь, а не слёзы.

— Я правлю миром для всеобщего блага, — сказал он.

Казалось, всё небо засмеялось над ним.

«Ты правишь Альбионом для *своего собственного блага*, — сказал Ветер через некоторое время. — Кроме того, как я уже говорил, ты отнюдь не правишь *всем* Альбионом. Ну, например, совершенно очевидно, что ты не правишь мной или другими стихиями».

Глаза-тучи зловеще смотрели на него.

«Ты не правишь женщиной по имени Аня и её людьми, которых ты считаешь *животными*. Ты правишь лишь несколькими сотнями членов Дома Эллона и несколькими тысячами других людей, которые находят жизнь в Эрнестраде более удобной и безопасной, чем в других частях твоего царства».

— Они любят меня, — сказал он. — Они говорят, что любят меня.

«*Конечно*, они любят, иначе — какая у них альтернатива? Вспарывание живота или просто быстрая смерть через повешенье? Даже женщины, которых ты берёшь к себе в постель, относятся к тебе с отвращением и в тайне смеются над тобой. Если бы ты узнал об этом, ты лишил бы их всей роскоши, которую дал, и сразу казнил бы».

— Разве должен мужчина прощать предательство в любви?

«У тебя никогда не было любовниц. Были только женщины, которых насильно заставили делить с тобой постель».

Деспот покачал головой.

— Я… Я… — Он хотел что-то сказать, но сказать было нечего.

«Неужели ты не понимаешь, насколько ты ничтожен? Быть тираном — большого ума не надо: тираном может быть кто угодно».

— Я являюсь Деспотом по праву. По праву наследников Дома Эллона, которые правили этим миром всегда.

Ветер взял его слова и написал их ярко-красными буквами

через всё небо. Затем стёр, и они пролились на землю кровавым дождём.

«Мне что, по слогам повторить тебе всё, что я сказал? Ты не правишь *мной*. Для меня ты просто жалкий голый толстяк, дрожащий на вершине холма из-за того, что ему сказали: «Мир, знакомый тебе с детства, пришёл к своему концу». Женщина по имени Аня всё ближе и ближе подходит к Эрнестраду. Она положит конец тебе и всему Дому Эллона. Ты не правишь дождём, ты не правишь облаками, ты не правишь небом и Солнцем…»

— Зачем ты принёс меня сюда? — спросил Деспот, который уже устал сопротивляться.

«Чтобы дать тебе шанс. Будущее ещё не настало, ты не знаешь его. Долгое время я наблюдал за тем, как Дом Эллона превращает Альбион в бойню. Но даже несмотря на это, если бы ты захотел изменить положение, я бы поддержал тебя в борьбе против Ани и в дальнейшем помогал бы Дому Эллона. Но, кажется, ты не хочешь, чтобы я помогал тебе».

— Забери назад свои угрозы и…

Ветер схватил Деспота и зашвырнул в воздух, где он проболтался довольно долгое время, чувствуя, как холодный воздух обжигает его руки и ноги, а затем бросил его на кровать в одной из его самых любимых спален. Он упал на сломанную руку и закричал от боли, схватив её здоровой рукой. Затем повернулся и натянул на себя одеяло, как ребёнок, надеясь, что сон успокоит его боль и озноб.

Он услышал, как позади него открылась дверь, и снова повернулся: может, один из рабов услышал его крик и позвал доктора, чтобы тот вылечил его руку?

Вошедшая женщина была не рабыней и не врачом. До недавнего времени она была одной из его наложниц, он даже вспомнил, что именно с ней занимался любовью, когда Ветер унёс его.

Её голова безвольно болталась на плечах, когда она подходила к нему. Во взгляде было отсутствующее выражение. Она забралась к Деспоту в постель и прижалась к нему холодным телом.

Чем настойчивее Деспот пытался вырваться, тем сильнее, становились её объятия.

«Видишь, — сказал Ветер в его голове, — тебе не подвластны даже мёртвые».

* * *

Рин стояла рядом с Барра’ап Ртениадоли Ми’гли’минтер Реганом, и они вместе наблюдали, как жарится на огне кусок

свежей оленины. Было уже поздно, и большинство воинов давно поели и ушли спать, но они двое давно уже выработали привычку задерживаться допоздна и обсуждать случившиеся за день события. Несмотря на то, что они каждый по-своему примирились с Аней, больше удовольствия им доставляло общение друг с другом. Часто они засиживались до середины периода сна, а затем вместе ложились в постель. Изредка, не очень часто, они занимались любовью, но чаще просто засыпали, держа друг друга за руки и рассказывая глупые истории.

Оленина начала подгорать, и Реган, вытащив её из костра, положил на лист салата.

— Может, мне завтра что-нибудь приготовить? — спросила Рин, глядя на дымящееся мясо.

— Да, — согласился Реган, — пожалуй. А сейчас надо управиться с этим, пока не остыло.

Они принялись за мясо, которое оказалось жёстким и жилистым.

— Аня изменилась, — сообщила Рин с набитым ртом. — Слава Богу, у неё хватило ума сделать это.

— Она лучше, чем хочет казаться. Я помню, давным-давно ты пыталась внушить мне, что она в чём-то необычна. В то же время мне казалось, что она просто человек, неплохо владеющий оружием, как и было на самом деле.

— Ты говорил об этом и раньше, и достаточно часто.

Олений жир тёк по её подбородку. Реган улыбнулся.

— Да, но *ты тоже* изменилась. И я также говорил об этом много раз.

— Когда-нибудь, Барра'ап Ртениадоли Ми'гли'минтер Реган, ты будешь очень жестоко убит.

— Этот кусок мяса… — сказал он, воюя с особенно жёсткой жилой.

— Болтун, — засмеялась, глядя на него, Рин.

— Есть некоторое отличие, — сказал он.

Оторвал жилу, хотел было выбросить её, но затем передумал и съел.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты называешь меня болтуном, и мы вместе смеёмся над этим. Это совершенно другие отношения, чем те, которые у меня с Аней. Причиной тому, что мы часто спим друг с другом, не являются наши тела, ведь так?

— Правильно.

— Ну вот, если бы ты сказала это большинству людей, они бы очень обиделись — даже больше обиделись, чем если бы ты заявила, что это мясо просто отвратительно.

— Это мясо просто отвратительно.

Он протянул руку и коснулся пальцем её носа.

— Откровенная женщина.

— Откровенный мужчина, — сказала она более серьёзно.

Чувствуя за собой вину — воины не должны выбрасывать пищу ни при каких обстоятельствах — они бросили остатки мяса в огонь. Оно зашипело, а затем медленно превратилось в уголь.

— Ты… Ну… Ты знаешь, — говорила она, когда они, держась за руки, шли по затихшему лагерю к её палатке, — я спала со многими женщинами, и они были гораздо менее нежны, чем ты.

Некоторое время он шёл молча.

— Это внушительный комплимент.

Она со смехом втащила его в палатку.

Они не были мужчиной и женщиной — они просто любили друг друга.

* * *

Аня сонно сидела на краю постели и разглядывала свои ногти, которые казались ей слишком бледными. Она растопырила пальцы, надеясь, что это поможет, но это не помогло. Они оставались такими же, как всегда — орудием для ковыряния в носу, для развязывания шнурков и для прочей подобной работы.

Ветер.

Ветер прямо сказал, что будет с ними заодно, что поможет им уничтожить Дом Эллона. Они трое — Аня, Рин и Реган, ходили на встречу с ним в рощицу неподалёку от лагеря. Она была несказанно поражена силой ума этой стихии и его разрушительным потенциалом. Рин и Реган, напротив, приветствовали его, как старого знакомого: сели на траву и обменивались с Ветром пустяковыми фразами, разговаривая о своих дальнейших планах.

Наконец Аня медленно начала понимать, почему это происходило.

Они не боялись силы Ветра, потому что были уверены: он не использует её против них. Ветер был жесток и, вполне определённо, не был другом. Но он не был и врагом. Он объяснил, что будет действовать с ними заодно из-за того, что более не считал власть Дома Эллона приемлемой для Альбиона. И всё. Он хотел помочь им, потому что не видел другого пути для замены правления Дома Эллона, кроме безвластия и анархии. Его не интересовали человеческие существа сами по себе, но людские печали оказывали на него влияние. В своих действиях Ветер руководствовался в основном рассудком, но всё же ощущал людские страдания, как зубную боль или как синяк на теле. Теперь, после бесчисленных лет, прошедших с появления Дома

Эллона, эта ничтожная боль так измучила Ветер, что превратилась для него в пытку.

Ветер был откровенен. Он объяснил Ане, что его мотивы абсолютно эгоистичны. Он хотел прекратить эту надоевшую ему боль и не заботился о способе, которым можно достичь этого. Если бы Ветер имел возможность уничтожить всех людей в Альбионе, он сделал бы это безо всякого сожаления — такое решение даже казалось ему наиболее оптимальным. Но эта возможность была недоступна для него — без людей магия стала бы бесполезной и прекратила своё существование. Он не считал, что уничтожение Дома Эллона вылечит его боль целиком, но, по крайней мере, уменьшит её настолько, что можно будет не обращать внимания… по крайней мере ещё много-много лет.

Именно поэтому, поняла Аня, Рин и Реган не боялись Ветра. Он не собирался причинять им вред точно так же, как они сами не причинили бы вреда мухе, случайно залетевшей в палатку: они постарались бы только избавиться от неё, может, и убили бы при необходимости — и то, если бы поймали. Точно так же Ветер не заботился о том, что будет с людьми, но не видел особой необходимости уничтожать конкретных представителей человечества.

Сейчас же он собирался помочь им уничтожить нескольких людей, чтобы избавиться от своего надоедливого зуда.

Аня, которая к этому времени совершенно изменилась, не желала проливать кровь, но для того, чтобы уменьшить людские страдания, ничего другого не оставалось. К сожалению, Аня путала жестокость и хирургию.

Ане вдруг подумалось, что она имеет много общего с Ветром. Она даже улыбнулась. И что-то подсказало ей, что и Ветер, в свою очередь, тоже заметил свою общность с ней.

А теперь она смотрела на свои ногти, и они казались ей слишком бледными. Её беспокоило, что это представляется ей более важным, чем то, что она совсем недавно на равных разговаривала с Ветром.

Она, несомненно, должна была помнить об этом всю свою жизнь, тогда как про ногти стоило забыть уже через несколько часов.

Ветер сказал им ещё что-то, но она пока не могла понять этого. Может, Реган и Рин поняли его слова — хоть она и сомневалась.

До того как её дедушка пришёл в Альбион, крестьяне не имели памяти, не помнили они и о мёртвых. Они могли выполнять определённые действия: например, сеять и вспахивать поля, но делали это инстинктивно, как домашние животные.

Однако в присутствии Ани или Барра'ап Ртениадоли Ми'гли'минтер Регана, самого Ветра, или Лайана, или Джоли — они изменялись: превращались из животных в людей… людей, способных проследить свою родословную сквозь многие поколения, на протяжении жизни которых существовал Дом Эллона.

Ветер видел всё это. Он знал ответ.

Он рассказал им о роще, где листья деревьев шуршали совершенно по-особому.

* * *

Наконец одна из рабынь услышала крики Деспота. Она осторожно приоткрыла дверь спальни и, как всегда, удивилась великолепию обстановки. Она несколько секунд оглядывалась по сторонам и только потом вспомнила, почему заглянула сюда.

Узорные одеяла шевелились, и она предположила, что Деспот издевается над одной из своих наложниц и кричит именно она. Она собралась уже отступить обратно в надежде, что её не накажут за это вторжение, когда поняла, что ошиблась в своём предположении.

Она улыбнулась и закрыла за собой дверь.

На следующий период бодрствования в Гиорране появился новый Деспот.

Нгур.

Убийства возобновились с новой силой.

Многие в Доме Эллона считали, что трон должен перейти к более прямому наследнику, ведь многие наложницы имели от предыдущего Деспота детей. По очевидным причинам многие из претензий были встречены смехом.

Дети наложниц умерли первыми — так отмели первые претензии на трон. Затем для пущей безопасности настал черёд и самих наложниц. Голоса критиков приутихли, и всё же Нгуру угрожали те, кто делал хотя бы малейшие попытки оспаривать его новое положение, поэтому те, кто позволил себе хоть какие-то комментарии по этому поводу, отправились на эшафот, получив определённое снисхождение в выборе метода казни в зависимости от своего положения.

Рабыня, которая ушла, предоставив Деспота своей судьбе, была повышена до посудомойки, которых теперь хронически не хватало.

За несколько периодов бодрствования население Эрнестрада сократилось приблизительно на одну десятую часть. Лишь тогда Нгур почувствовал себя наконец уверенно в новом положении.

Перед своим повышением Нгур думал, что в ближайшее время гнёт над крестьянами должен быть ослаблен. Теперь же,

достигнув неограниченной власти, он не торопился принимать такие решения. В конце концов, хотя поблизости и находилась крестьянская армия, которая, согласно всем сообщениям, изрядно выросла в численности, он знал средства и способы, с помощью которых она может быть уничтожена, и был готов претворить их в жизнь — особенно теперь, когда ему больше не мешала непредсказуемость поведения его предшественника. Теперь, когда он стал правителем, бунт казался пустяковым делом: он стал одной из тем для болтовни за банкетным столом, чем-то бесконечно удалённым во времени, не более.

И он решил призвать себе на помощь Ветер.

Именно тогда он стал по-настоящему беспокоиться.

Ветер не отвечал ему. Он взобрался на плато над Гиорраном и попробовал вызвать его там, но ничего не произошло.

Он перевооружил своих солдат, оснастив их арбалетами и острыми кинжалами, дал им молодых коней и кожаную форму, выкрашенную в зелёный и красный цвета. Когда-то он считал, что победить бунтовщиков можно лишь хитроумными способами. Теперь, когда он сам сидел на троне, он инстинктивно хотел уничтожить их всей мощью, имеющейся у него в распоряжении. Их тела будут раскиданы по всему Альбиону, их головы будут торчать на копьях н каждой деревне, чтобы остальные крестьяне помнили, что случается с непокорными, покушающимися на могущество Дома Эллона.

И однажды он выехал верхом из ворот Гиоррана. Армия, которая стояла перед ним, была даже больше той, которую он возглавлял в последний раз и которая бесславно погибла, уничтоженная дрёмой. Везде, куда бы он ни взглянул, было движение, как будто все окрестные холмы покрыли насекомые. В этот момент он пожалел, что поблизости не было кисти: ему казалось, что несколькими мазками он сможет передать всю эту панораму и сохранить её навечно, как свидетельство своего могущества.

Он был одновременно Деспотом и Главным Маршалом. Он правил каждым гектаром Альбиона.

Он чувствовал, что может протянуть вверх руку и заставить само небо поклониться его бесконечной власти.

Нгур велел одному из командиров передать приказ по армии двигаться в путь. Затем пришпорил коня и поскакал вдоль колонн под приветственные крики своих солдат, пока не оказался во главе армии. Он коснулся шеи своего коня, развернув его таким образом назад, и снова оглядел армию. Перед ним было целое море дисциплинированных солдат. Некоторые из них принадлежали Дому Эллона, другие несли на лице флегматичное

выражение рабов, были ещё и торговцы…

Он снова повернул коня.

— Вперёд! — закричал новый Деспот.

Послышался воинственный крик, который, впрочем, длился не слишком долго, и армия последовала за ним.

Послушно.

Глава седьмая. Война

Звуки флейты замерли, и Реган возобновил свою песню.

Вот несколько фактов, которые тебе, возможно, не очень понравятся.

Во-первых, ты крестьянин.

Наступает новый период бодрствования, ты встаёшь с постели и находишь что-нибудь поесть — обычно не самую лучшую пищу, но, во всяком случае, она позволит продержаться тебе до середины периода бодрствования. Ты и твоя жена, всё ещё чувствуя голод, покидаете свой дом и младших детей и отправляетесь на поля. Там, под ярко-голубым небом, вы собираете фрукты или злаки до тех пор, пока тебе не начинает казаться, что твоя спина вот-вот переломится от усталости. Тогда вы медленно направляетесь домой.

Ты думаешь лишь о том, как бы побыстрее добраться до постели. Ты не можешь вспомнить, отчего так устал, ты даже не понимаешь, что устал — это твоё обычное состояние. Ты засыпаешь сразу, как только твоя голова касается подушки.

Но всё меняется, когда приходят эллоны.

Ты помнишь об этом весь период бодрствования, а может, и дольше. Они отбирают урожай и скот и насилуют женщин Ты видишь это, и воспоминания горят в твоей голове, как огонь, постепенно затухающий и превращающийся в некую концепцию, которую ты больше не в состоянии охватить целиком.

Есть и другие периоды бодрствования.

Тогда приходит кто-то, кто обладает способностью возвращать память и чувства. Для тебя это — довольно болезненный шок, как будто ты всю жизнь был окружён удушающем туманом, который неожиданно рассеялся. Все краски мира меняются: становятся свежее и чище. То, что было ярким раньше, теперь слепит глаза, но это лишь радует тебя.

Твоя деревня становится заложницей троих крестьян, способных возвращать вам воспоминания.

Трое пришельцев имеют имена. Им что-то нужно от тебя.

Ты неожиданно обнаруживаешь, что стал воином. Ты одеваешь грубую одежду, тебе дают меч или лук. Если в твоей деревне есть кузнец, он куёт для тебя оружие. Счастливчикам, ты, конечно, не среди них, достаются кони.

Ты уходишь из деревни, где прожил всю свою жизнь. Скорей всего ты погибнешь, но пока это не беспокоит тебя.

Сейчас тебя волнует то, что ты совершенно неожиданно, к удивлению для себя, ожил…

* * *

Теперь они двигались быстро, хотя пополнение армии отнимало достаточно много времени. Между воинами завязались крепкие дружеские связи, как будто они отправлялись на вечеринку, а не на войну.

Это немного беспокоило Аню.

Она знала, что силы Дома Эллона были дисциплинированы и безжалостны в битве. Может, её весело распевающая армия станет лёгкой добычей для них?

Она обратилась к Рин.

Рин была знакома со всем этим.

— Честно говоря, — ответила она, — я рада, что не воюю на противоположной стороне: на мой взгляд, наша армия легко справится с эллонами, невзирая на то, что у нас плохое оружие, а для воинского искусства наших солдат ещё никто не подобрал подходящего эпитета.

— Гм-м-м, — произнесла Аня, думая о том, как повежливее указать Рин на внутреннюю противоречивость только что произнесённых ею слов.

— Ветер, — пробормотал Барра'ап Ртениадоли Ми'гли'минтер Реган. — Элисс. Я.

— Прекрасно. Благодарю. Особенно последнее, — сказала Аня. — Ветер говорит, что будет воевать на нашей стороне, и исчезает так, что мы больше не слышим о нём. Элисс приходит и уходит, распоряжаясь нашими жизнями, будто они принадлежат ей. Всё что она до сих пор сделала: прислала нам дрёму, который уже умер, и певца, который, может, хорошо поёт, но в руках умеет держать только бубен.

— А теперь ещё и меч, — пробурчал Реган, — но этого ты, конечно, не заметила.

— К тому же наши воины готовы отдать в бою с Эллонией свои жизни, — сказала Рин. — Ты когда-нибудь сражалась с людьми, которые предпочитают умереть, а не быть побеждёнными? Поверь, это не очень приятное ощущение, даже если ты вооружена боевым топором, а они деревянными ложками.

Они медленно пробирались через лес по склону холма. Коням было тяжело, и Аня упрекала себя за то, что выбрала именно эту дорогу. Но она знала, что эллоны могут быть поблизости, поэтому старалась скрывать своих людей как можно дольше: на открытой местности они были хорошей мишенью для эллонских лучников.

Кони осторожно выбирали дорогу между деревьев. Аня ощущала запах политых дождём листьев и время от времени протягивала руку, чтобы дотронуться до их влажной прохлады.

— Я могу больше, чем ты думаешь, — произнёс вдруг Реган,

когда их кони снова поравнялись.

— Извини, — сказала Аня. — Я преувеличивала. Если вдуматься, я вообще вела себя отвратительно.

— Нет, не извиняйся. Я говорю серьёзно. — Он провёл ладонью по лбу, пытаясь найти слова, чтобы выразить свои мысли. — Я могу создавать музыку.

— О да, — сказала Аня. — Я опять извиняюсь.

В её голосе звучал сарказм.

— Знаешь что? — заметил Реган. — Твои извинения хуже издёвок. Лучше не извиняйся.

— Прости.

Через некоторое время он заметил:

— Есть некоторые вещи, которые может сделать музыка и не может сделать меч.

Он пригнул голову, чтобы не ударится о ветку.

— Меч не может заставить плясать?

Реган сорвал орех, швырнул в неё, но промахнулся.

— Музыка, — продолжил он, когда Аня перестала смеяться, — обладает определённой силой. Она имеет природу, схожую с природой Ветра. И это не образное выражение. Я пытаюсь сказать, что музыка берёт воздух и превращает его в оружие. Подумай об этом. Почему эллоны трубят в горн, когда заходят в деревни? Ведь явно не по эстетическим причинам. Они понимают или понимали когда-то, какое действие оказывают на крестьян звуки горна. Музыка может передавать сообщения или даже команды, хочет того или нет тот, кто её слышит.

— Ты давно так не удивлял меня, Реган, — сказала Аня. В её глазах была насмешка.

— Слушай, — сказал он.

Он стал отбивать на своём бубне весёлый ритм, а она в такт покачивала ногой.

— Это так, пустяки, — Реган убрал бубен, — за исключением того, что несколько секунд я вполне осознанно контролировал тебя.

— Глупости, — засмеялась Аня. — Я просто качала ногой в такт твоему бубну!

— А ты могла не делать этого?

— Конечно, если бы захотела.

— В том то и дело: ты *не захотела!* Ты хотела делать то, что я заставлял тебя делать, Я хотел, чтобы ты качала ногой и ты качала ей именно так, как я того хотел. Ты не думала, подчиняясь моей команде.

— Кажется, я начинаю понимать, что ты хочешь мне сказать. — Лукавый блеск исчез из её глаз.

— А теперь я дам тебе другую команду, совершенно отличную от первой. — Он крепко обхватил своего коня ногами и снова достал бубен. — Только не буду это делать долго, потому что лошади пугаются…

В течение нескольких секунд Реган издавал на своём бубне скорбные размеренные звуки. Аня почувствовала необходимость натянуть узду у коня. Вокруг послышалось нервозное ржание. Она и сама испугалась той музыки, которую играл Реган: каким то неведомым образом она рисовала ей картину её собственной смерти.

— Никогда больше не делай этого, — сердито сказ Аня.

— Но я должен. Эта музыка имеет много общего с Ветром. Мы оба можем общаться непосредственно с разумом человека и изменять его. Ты говорила с Ветром, поэтому знаешь, что это такое. А сейчас ты слышала звуки бубна, когда он говорил с тобой в подобной манере. Звук — это всего лишь звук и ничего больше. Но ум твой воспринимает его и подчиняется скрытым в нём командам.

Он снова убрал бубен и достал флейту.

— Вот тебе ещё доказательство, — сказал Реган, поднося инструмент к губам.

Его пальцы легли вдоль отверстий. Он облизнул губы и заиграл танцевальную мелодию, которую когда-то слышал на севере Альбиона.

Аня почувствовала, что улыбается. Ей показалось, что всё её тело охвачено неописуемым счастьем, будто сердце начало биться быстрее. Вокруг всё выглядело удивительно хорошо: весело светило солнце и дул приятный лёгкий ветерок.

Реган перестал играть.

Аня сердито взглянула на него.

— Продолжай, — сказала она.

— Нет.

— Почему?

Некоторое время они не разговаривали, ведя лошадей вниз по скользкому склону холма, у подножья которого протекал ручей. Когда они перебрались на другую сторону, Аня повторила свой вопрос.

— Почему?

— Потому, что я уважаю тебя.

Она фыркнула.

— Это не ответ.

— Напротив, — возразил Реган, — самый что ни на есть истинный ответ.

Она подумала немного.

— Да, — наконец произнесла она. — Я поняла, что ты имеешь в виду. Это как в любви. Ты хочешь, чтобы это продолжалось вечно, но всему когда-то приходит конец.

Реган с сомнением посмотрел на свою флейту и убрал её на место.

Он откашлялся.

— Никогда не задумывался об этом раньше, — пробормотал он, а затем сказал, обращаясь к Ане: — Думаю, теперь ты понимаешь, как музыка может управлять людьми — людьми и их эмоциями. Как я уже говорил, в этом у меня много общего с Ветром: я так же, как он, могу обращаться непосредственно к разуму людей. И к разуму эллонов.

Они вышли из леса и приближались к вершине холма. Оглянувшись, Аня увидела аморфную массу разноцветных одежд и тяжело дышащих коней.

— Значит, ты сам по себе являешься оружием? — пробормотала она, глядя на Регана.

— Да.

— Тогда скоро я использую тебя в этом качестве.

Он улыбнулся ей.

— Я знаю. Мы подходим к Эрнестраду. Теперь это будет скоро.

— Ты можешь умереть. Может, даже в следующий период бодрствования.

— Я не боюсь.

— Тогда ты дурак.

— Нет. Я певец. Песни не умирают, а я — как песня.

* * *

Нгур беспокойно ходил взад и вперёд по одному из залов Гиоррана, который он выделил себе в личное владение. Пол был выложен полированным красным и белым мрамором, поэтому свет в зале имел красноватый оттенок. Нгур уже давно сменил обстановку, окружавшую его предшественника: там, где недавно стоял массивный золотой трон, теперь располагались кресла и дубовый стол, за которым регулярно он совещался со своими командирами. Стены и потолок были белыми. На них, то тут, то там висели картины, причём некоторые были настолько древними, что ни один из историков Дома Эллона не мог указать дату их написания. На картинах были изображены люди и животные, многие из которых не походили ни на одно из реально существующих. Тут были какие-то жёлтые звери с загнутыми к самому хвосту рогами. Были шестилапые твари, испускавшие из глаз яростный белый огонь в племя охотников, пытавшихся укрыться от страшного жара.

Нгур сел в одно из кресел и положил локти на стол. Он посмотрел на странных животных, нарисованных на картинах, и в тысячный раз понял, что они нарушали одну из самых основных догм Дома Эллона: всё вокруг было одинаковым всегда, с того момента, как Солнце решило сотворить Альбион. Эта мысль мучила его давно: если когда-то всё было по-другому, то положение вещей изменится и в будущем. То есть Дом Эллона не сможет вечно сохранять свою власть.

Он знал, что это еретические мысли и что он не должен позволять себе задумываться над этим. Более того, он знал, что если поделится с кем-нибудь из командиров или придворных этими мыслями, то тем самым подпишет себе смертный приговор. Но мысли продолжали преследовать его — правда, все эти странные животные могли оказаться лишь фантазиями художников или сюжетами каких-то легенд, сочинённых в менее цивилизованные времена. Но даже такие гипотезы не давали ему успокоения. Во-первых, художникам в Гиорране никогда не позволялось давать волю фантазии — картины их должны были быть строго реалистичны, Во-вторых, если в древние времена существовали легенды, о которых не знали сейчас, то это подтверждало всё ту же мысль, что в истории происходили некие крупные перемены.

Будущее же могло принести с собой новые перемены, и одной из них, очевидно, являлось уничтожение Дома Эллона и всего, что с ним связано. Нгур мрачно подумал о том, что является последним эллонским Деспотом. Ветер, похоже, оставил их, а крестьянская армия, как сообщали его разведчики, была на подходе к Эрнестраду. Его солдаты сдержанно отнеслись к последнему фиаско своего командира. Он вёл их несколько периодов бодрствования в надежде встретить крестьянскую армию, пока бледный от страха курьер не вызвал его обратно в Эрнестрад. Разведчики сообщили, что его дезинформировали: крестьяне подходили к столице с совершенно противоположной стороны.

Таким образом оказалось, что он зря запускал всю эту огромную военную машину. Он удивился масштабам своей ошибки. Как будто неведомые сверхъестественные силы строили козни всем его начинаниям. С того момента, как он стал Деспотом, он поступал, с его точки зрения, правильно, но всё же военная наука и его опыт оказались столь же бессильны, как неумелое латание дыр его предшественником.

Нгуру показалось, что он услышал шёпот. Элисс…

Он посмотрел через окно на то, как солнечный свет играл на холмах и полях, как самые дальние из них медленно меняли свою

форму: это означало, что в мире по-прежнему всё в порядке. Он смотрел на солнечные лучи, постепенно понимая, что они олицетворяют для него религиозные убеждения. Солнце, которое должно было быть защитником Дома Эллона, казалось, не только не интересовалось жизнью Эллонии, но и вообще не влияло на существующее положение вещей. Одним из убеждений было то, что Солнце мудро руководит действиями Деспотов, но оно не только не уберегло от смерти его предшественника, но и безучастно наблюдало, как он, Нгур, не раз проводил военные кампании, заканчивавшиеся лишь его собственным позором.

Возможно ли, что вопреки всему, что он слышал и чему привык верить, Солнце вовсе не было Богом? Может, это просто яркое пятно в небе?

Нгур был интеллигентным человеком, и у него хватало ума держать свои идеи при себе. Злясь на себя за то, что они вообще пришли к нему в голову, он каким-то странным образом приветствовал их. Если он смотрел на мир с совершенно другой точки зрения, целиком и полностью отличной от той, к которой он привык, он мог получить совершенно новые идеи. Он никогда не убеждал себя, что его идеи были правильными, а традиционные — наоборот. Ему казалось, что быть догматиком в любом смысле — означало совершать интеллектуальное самоубийство. Он был рад, что с одинаковой лёгкостью мог смотреть на мир с различных точек зрения.

Кроме всего прочего, он надеялся, что эта способность поможет ему уничтожить эту пресловутую женщину с бандой её сторонников.

Солнце продолжало играть своими лучами в постоянно изменяющихся очертаниях далёких холмов,

В дверь постучали.

— Войдите! — сказал Нгур.

Дверь открылась.

Одетый в полную парадную военную форму, в дверях стоял светловолосый человек средних лет.

— Аропетрана, — воскликнул Нгур, вставая с кресла и протягивая руки, чтобы приветствовать человека, которого считал одним из самых верных своих командиров.

Аропетрана формально поклонился. Они оба знали, что формальность была лишь притворством, так как в былые времена они часто вместе напивались, а потом гонялись за шлюхами, причём для Аропетраны эта охота обычно была более результативна.

Когда Аропетрана выпрямился, на его лице отсутствовала его привычная дружеская улыбка.

— Сэр… — начал он.

— Мы вроде неплохо знакомы, Аропетрана,. Почему величаешь меня сэром?

— Нгур, — сказал командир. Было видно, что он произнёс это имя с большим трудом. — Нам надо сделать ревизию состояния нашей армии. Необходим ряд изменений, причём сделать их надо очень быстро. И ты и я знаем, что люди волнуются и ищут, с их точки зрения, более надёжного руководства. Теперь и офицеры — даже кое кто из моих друзей, начинают поговаривать о том, что тебя надо заменить на другого.

— На кого?

Аропетрана выглядел смущённым.

— На меня, — ответил он.

— Ты отказался?

— Нет.

— Ты согласился? Ты…

Нгур был шокирован предательством.

— Нет, и не согласился, — сказал Аропетрана. — Я позволил своему сердцу управлять головой, Нгур, и ради нашей старой дружбы… Кроме того, мне стало ясно, что, если я откажусь сразу же, вместо меня найдётся другой, который не питает к тебе таких дружеских чувств, как я. Другая причина — это дурной прецедент смены Деспота из-за недовольства армии: если бы я согласился и сам стал бы Деспотом, разве мог бы я полагаться на поддержку своих офицеров? Моя шея была бы сломана следующей. Но самая главная причина в том, что я не хочу быть Деспотом… а хочу, чтобы Деспотом был ты, так как считаю тебя способным выполнить возложенную задачу хорошо. Именно поэтому я сказал остальным, что мне необходимо время, и именно по этой причине я сейчас здесь.

— Сядь сюда, — сказал Нгур. — Похоже, у нас есть о чём поговорить.

Они сели за стол напротив друг друга. Свет из окна отражался на его полированной поверхности, делая её похожей на стекло.

— Эти кресла страшно неудобные, — сказал Аропетрана, улыбаясь в первый раз с тех пор, как вошёл в зал. — Почему бы тебе не подобрать другие?

— Я пытался, — ответил Нгур, благодарный за возможность хоть ненадолго отклониться от темы разговора, — но никак не мог убедить людей в том, что мы не собираемся восседать здесь на тронах.

— Восседание на троне ничего общего не имеет с его удобством, — заметил Аропетрана.

— Это точно.

Они посмотрели друг на друга, не зная, как начать.

— Может, выпьем чаю? — предложил Нгур, вновь пытаясь уйти от темы разговора.

— Было бы неплохо, — заметил Аропетрана, так же довольный этой задержкой.

Нгур нашёл маленький золотой колокольчик и позвонил. В дверях мгновенно появилась рабыня. Она нервничала, так как была наложницей у предыдущего Деспота и видела, как многие, подобные ей, расстались со своей жизнью лишь за то, что неправильно стучали в дверь. Она благодарно улыбнулась, когда Нгур попросил всего лишь чайник с ароматизированным чаем и две маленьких чашки. Она попятилась к двери, закрывая лицо руками, как того требовали правила поведения молодой аристократки.

Нгура раздражало всё это, но он делал вид, что не обращает внимания.

— Что раздражает офицеров? — неожиданно спросил он.

— Ты возглавлял армию, которая была разбита из-за твоего упущения, — сказал Аропетрана, наклоняясь вперёд. — Затем ты повторил точно такую же ошибку. Потом ты повёл армию из Гиоррана в неправильном направлении. Всё это не могло вызвать уважения со стороны твоих солдат — тех, кто остался жив. Всё, чего они ждут — это победа. Чистая, лёгкая, кровавая — но победа. Ты же не смог дать им того, что они ждали от своего Главного Маршала и Деспота.

— Всё изменилось, — сказал Нгур, отодвигая кресла от стола и вытягивая ноги, — с того момента, когда Лайан начал своё восстание. Солдаты не знали — просто потому, что им этого никогда не говорили, — что Лайан был сыном человека, попавшего в Альбион из Внешнего Мира.

— Это не может быть правдой, — сказал Аропетрана, вытирая руки о бёдра.

— Это именно так. Об этом рассказал мне человек, которому я доверяю безоговорочно. Нет… он скажет мне об этом…

Нгур поднял руку к виску, удивляясь, почему это время стало выкидывать с ним такие шутки.

— Что-то я не могу понять… Мне расскажут об этом, и я знаю, что мне расскажут об этом, но… Но как же я могу знать то, что мне ещё не рассказали?

Ладно, дай мне рассказать, что он… Нет, кажется, она рассказала… Расскажет мне. Человека этого звали Терман и он жил с женщиной по имени Майна. Продукт их совместной жизни получил имя Лайан. Он вырос, стал вождём, у него было

множество женщин, но только одна из них, кажется, по имени Сайор, принесла ему ребёнка, девочку по имени Аня. Эта Аня сейчас как раз и возглавляет бунт. Где-то вне пределов Альбиона существует мир, в котором даже самый последний крестьянин помнит, что делал вчера, и может составлять планы на завтра.

Аропетрана нервно заёрзал на кресле.

— Этого не может быть, — сказал он. — Не существует другого места, кроме Альбиона.

Он взглянул на Нгура, беспокоясь, не сошёл ли его друг с ума.

— Докажи это, — предложил Нгур.

— Маги нам говорят, что…

— Оставь в покое магов. У тебя есть собственные мозги, чтобы доказать это. — Он указал пальцем в грудь Аропетране и повторил. — Докажи это.

Появился чай, и Нгур исполнил целую церемонию, разливая его по чашкам. Аропетрана всё это время думал. Его друга явно ввели в заблуждение либо еретики, либо сумасшествие. Просто невозможно, чтобы существовал другой мир, кроме Альбиона. Всё — просто. Где были эти другие миры? В параллельные миры Аропетрана не верил. Здесь была одна твёрдая эллонская действительность.

Он поднял к губам чашку и со смесью уважения и сомнения посмотрел на Нгура. Горячая жидкость обжигала рот, но он продолжал пить с подобающей вежливостью.

— Мы говорим ересь, приятель, — произнёс он наконец, вытирая рот. — Мы сможем поговорить об этом после, может, за парой бутылочек вина, но сейчас, пожалуй, имеет смысл подумать о том, как избежать переворота в армии.

— Согласен, — сказал Нгур, глядя на тёмную блестящую поверхность чая. — Командиры недовольны мной — да, мне не везёт. И я ничего не могу поделать с этим, но есть шанс изменить их настрой против меня.

Он снова глотнул сладко пахнущей жёлто-коричневой жидкости и вопросительно взглянул на Аропетрану, который сказал:

— Да, есть шанс, но очень призрачный.

Нгур продолжал смотреть прямо в глаза Аропетране, и командир в конце концов отвёл взгляд, как бы заинтересовавшись деталями картин, висящих на стенах.

— Ты должен, — сказал Аропетрана медленно, с таким видом, будто речь шла о погоде, — разбить крестьян. Не просто разбить их армию, а уничтожить её всю, до последнего воина. Было бы хорошо, если бы тебе удалось захватить эту женщину,

Аню и её главных соратников и привести их сюда, в Гиорран для ритуальной казни. Ты должен показать всему Дому Эллона, что обладаешь полной властью над Альбионом и что любой, кто сомневается в этом, будет втоптан в землю. Чем дольше Аня и её орда разгуливают в безопасности, тем больше вероятности, что ты будешь смещён.

Нгур помешал свой чай.

— Эти мысли давно не дают мне покоя, приятель, — сказал он, — но легче говорить, *что* я должен делать, чем *как* я должен это делать.

Аропетрана улыбнулся ему.

— Мы оба были заядлыми лентяями в учёбе, не так ли? — заметил он.

Нгур удивился, но затем понял, что тот имеет в виду. Замечание было справедливое, но никак не связанное с теперешней ситуацией.

Видя его замешательство, Аропетрана принялся объяснять.

— Когда нам давали комплекс упражнений, мы всегда сначала выбирали самые лёгкие, откладывая наиболее трудные на последний момент.

— Точно, — сказал Нгур. Они оба предпочитали упражнения с мечом очистке конюшен.

— А когда выросли, мы научились делать дела по-другому, — продолжал Аропетрана. — Мы начинали с того, что не хотели делать — с более сложных вещей так, чтобы можно было расслабиться, покончив с ними, и отдать остальное время приятным занятиям. Тогда это было мудрой системой… Этот урок мы вынесли для взрослой жизни, вспоминая, какими глупыми мальчишками были когда-то. Но сейчас, думаю, тебе стоит вспомнить нашу старую систему.

— Что ты имеешь в виду?

Чашка у Нгура опустела.

— Начни с чего-нибудь *простого*, — сказал Аропетрана. — Пошли патруль, чтобы поймать для начала лишь *одного* крестьянина — полдюжины было бы предпочтительней, но достаточно одного. Эта операция напомнит армии, что ты всё ещё обладаешь неограниченной властью. Что будет с этими пленниками — тебе решать: важно, чтобы как можно быстрее хотя бы один был связан и доставлен в Гиорран.

— Ты поведёшь патруль? — спросил Нгур, не глядя на Аропетрану.

— Друг, — сказал Аропетрана, — служить тебе — это удовольствие. Как я уже говорил, поймать одного крестьянина будет несложно. Их армия находится недалеко от Эрнестрада, и,

так же как и мы, они должны высылать вперёд разведчиков. Мы с лёгкостью сможем найти такого разведчика и привести его сюда, что, без сомнения, усилит нашу армию и решит её внутренние проблемы.

Нгур налил себе ещё чаю. Он посмотрел на дно чашки, очертания которого были искривлены жидкостью и струящимся над ней паром.

— Я позволяю тебе сделать это, — сказал он так, будто речь шла о неком пустяковом деле.

— Этот человек может и не быть крестьянским воином? — спросил Аропетрана.

Нгур вздрогнул.

— Что ты имеешь в виду?

— Думаю, у нас не будет особых проблем в поимке воина, но если что случиться, мы можем просто взять с поля одного из крестьян, одеть его в примитивные доспехи и притащить сюда. Вообще, чем больше я думаю об этой возможности, тем более разумной она мне кажется. Мы казним его, и армия увидит, что ты всё ещё являешься её лидером.

— Но человек будет невиновным!

Аропетрана пожал плечами.

— Не бывает невиновных людей.

— Нет, — сказал Нгур. — Я не могу этого позволить.

— А ты можешь позволить, чтобы тебя свергли? — спросил командир, наклоняясь над столом. — Ты можешь позволить, чтобы эти варвары поставили Дом Эллона на колени? Если так, только скажи мне, и я убью тебя на месте. Откуда в тебе эта мягкотелость? Раньше ты не был таким. Наступили тяжёлые времена, а в тяжёлые времена необходимо принимать жёсткие решения. Ты должен забыть о судьбах отдельных людей и думать о судьбах мира и о всех, кто его населяет в целом.

Нгур снова отвёл глаза. Аргументы казались логичными: он не мог найти в этих рассуждениях того, с чем бы он был не согласен. Совсем недавно он не имел бы против этого никаких возражений, но теперь он изменился. Несмотря на то, что он пролил достаточно много невинной крови на своём пути к трону Деспота, ему не хотелось вновь убивать невиновного человека, даже крестьянина, только ради того, чтобы удовлетворить кровожадность своих солдат.

— Но если он не…?

Неожиданно Нгур принял решение и тут же возненавидел себя за него.

— Да, — сказал он. — Разрешаю.

Аропетрана встал, отодвинув кресло, и ножки заскрипели по

мраморному полу.

— Надеюсь, ты достаточно мудр, Нгур, — сказал он, собираясь уходить.

— Я тоже надеюсь, — мрачно заметил Деспот.

Через некоторое время после того, как Аропетрана ушёл, Нгур повторил те же слова в совершенно пустом зале.

— Я тоже надеюсь.

* * *

Когда патруль Аропетраны вышел из больших ворот Гиоррана, дул сильный ветер. Несколько солдат приветствовали дюжину всадников, но большинство смотрели на них довольно мрачно. Прошёл слух — Аропетрана немало потрудился для его распространения, — что отправка патруля явилась результатом секретно полученной информации и что он должен был схватить одного из главарей повстанческой армии, возможно, даже саму Аню. До эллонских солдат часто доходили подобные слухи, и большинство из них относились к ним скептически.

Сам Аропетрана был страшно возбуждён. Ему *нравились* хлопки развевающегося над ним флага. Ему *нравилось* ощущать под собой сильные мускулы коня, когда он проезжал по лагерю эллонской армии. Ему *нравилось* сознавать, что к концу периода бодрствования он вернётся обратно с жертвой, и мрачное выражение исчезнет с солдатских лиц, сменившись радостью, которая предвосхищает триумф. Он давно заметил, что мрачные солдаты всегда проигрывали тренировочные турниры, а те, которые улыбались, рассекая воздух мечом, всегда оказывались победителями. Задачей Аропетраны являлось вернуть самодовольные улыбки на лица эллонских солдат во что бы то ни стало, и тогда, он был уверен, грядущая битва будет выиграна.

Выехав из лагеря и оставив его запахи далеко позади, они оказались у подножья высокого поросшего кустарником каменистого холма. Несколько лошадей противились подъёму туда, поэтому Аропетрана поехал первым, показывая пример.

Остальные последовали за ним, хотя было видно, что животным приходиться нелегко. Шум падающих камней напоминал плеск воды.

Наконец они вышли на твёрдый грунт. Трава была выгоревшей и жёлтой, то там, то тут виднелись жухлые кусты. Кони поднимались по крутому склону с трудом, но опора для них была хорошей. Аропетрана вновь направил вперёд своего коня, и остальные опять послушно двинулись следом.

На вершине холма они остановились. Казалось, отсюда их взору был доступен весь мир. Картина дрожала перед глазами из-за волн тёплого воздуха, поднимающегося ввысь, но, несмотря на

это, они могли различить вдали цепь высоких бело-голубых гор, при виде которых Аропетрана поёжился от холода, представив, что поднимается на одну из этих вершин. А ещё дальше была белая занавесь, верхняя часть которой терялась высоко в небе — край света.

За ней ничего не было.

Аропетрана никогда не видел её раньше. Он принял обдумывать некоторые недавно сказанные слова его Деспота Нгура. Может, действительно за границей мира находился другой мир — вон там, за пеленой тумана?

Он покачал головой.

Всё это было не важно.

В его задачу входило найти крестьянина, более или менее похожего на лидера, и казнить его. Было бы лучше, если бы он смог найти крестьянку со светлыми волосами, чтобы выдать её за саму Аню. Ему нужна была жертва, чья смерть дала бы надежду армии Нгура.

— Извините, — произнёс голос неподалёку.

Он оглянулся, но никого не увидел.

— Извините, — повторил голос.

На этот раз Аропетрана посмотрел вниз.

Рядом с его конём стояла маленькая, почти безгрудая женщина, с короткими, плохо постриженными волосами. Он уже хотел отшвырнуть её ногой, когда почувствовал силу в её взгляде.

— Я крестьянка, — сказала она, — я пришла сюда, чтобы вы меня захватили. Почему вы не хватаете меня? Поторопитесь. У меня есть более важные дела, чем торчать здесь часами, чтобы потом меня связали, отвезли в Гиорран пытали и казнили. Я могла бы заняться чем-нибудь более интересным: например, повернула бы солнце другой стороной, чтобы вы увидели, что там находится. Думаю, вам следовало бы проявлять больше уважения к людям, которых вы собираетесь замучить до смерти.

Аропетрана некоторое время смотрел на далёкие холмы, а затем вновь обратил свой взор на женщину.

— Ты крестьянка? — спросил он.

— Ну, в некотором роде. — Женщина отошла в сторону, села и вынула из ноги занозу. — Я была близка к Лайану — нет, не подумайте, не в этом смысле, я хорошая подруга Ани. Если вы хотите схватить одного из повстанцев, чтобы пытать и казнить, я — ваш лучший выбор. Остальные хорошо спрятаны, даже несмотря на то, что они наблюдают за нами сейчас. Чтобы справиться с ними, понадобится нечто большее, чем ваш маленький патруль. Думаю, что вам лучше всего взять именно меня.

Аропетрана взглянул на своих солдат, а те посмотрели на него.

— Только не вздумайте меня насиловать, — сказала женщина, с интересом рассматривая свои ногти. — Вы можете трахаться друг с другом — я не против, но прошу вас, не пытайтесь насиловать меня. Мне не хотелось бы разрывать ваши кровеносные сосуды в местах, которые неудобно называть.

— Ну что? — спросила она уже более весёлым голосом. — Берёте меня в заложницы? Чем быстрее вы решитесь, тем быстрее мы вернёмся в Гиорран.

Потом встала и подошла к Аропетране.

— Ну давай же, — сказала она нетерпеливо. — Пере» кинь меня через седло. Это ведь просто, ты же знаешь.

— Я не верю, что ты крестьянка, — сказал он.

— Нет, веришь, — сказала Элисс.

Она улыбнулась ему.

И он словно погрузился в её глаза. На долю секунды ему показалось, что кроме них на свете не существует больше, никого и ничего.

— Верю, что ты крестьянка, — произнёс он с каким-то механическим выражением в голосе.

— Бывали люди и повежливее, — сказала она, касаясь мочки своего уха, как бы проверяя, всё ли с ней нормально, — но сойдёт и такой ответ.

— Ты хочешь, чтобы тебя казнили?

— Конечно. Я не хочу, чтобы меня тащили в Гиорран из-за пустяков. Моя казнь будет просто шикарной, представляешь: это не будет простое обезглавливание или что-то вроде этого, а полное ритуальное вспарывание живота. И много музыки. Струнный квартет подошёл бы лучше всего.

Аропетрана и его солдаты вновь переглянулись.

— Было бы глупо отказываться от её предложения, — произнёс наконец один из солдат, — тем более, что это сэкономит нам кучу времени.

Аропетрана почувствовал, что уже принял решение.

— Музыку я не могу гарантировать, — сказал он.

Элисс, казалось, негодовала, но затем выражение её лица смягчилось.

— Это ничего, — сказала она. — Если понадобится, я сама спою, пока вы мне будете вспарывать живот. Знаете, какой у меня хороший голос? Правда, он немного низковат для сопрано, а с другой стороны, я недотягиваю чуть-чуть до контральто, тем не менее он вам понравится. Конечно, я подберу какую-нибудь подобающую для своей казни песню — в общем, толпа будет

довольна.

Аропетрана поднял глаза к небу и подумал, не поискать ли другого крестьянина. Всё же эта крестьянка призналась, что знакома с Аней и, возможно, на эшафоте повторит своё признание. Как сказал солдат, было бы жаль упустить такую возможность.

— Хорошо, — наконец произнёс он.

Солдаты смотрели на него с явным неудовольствием. В уставах совершенно ничего не говорилось о технике перекидывания людей через сёдла.

— Ты можешь взобраться сюда? — пролепетал Аропетрана, отчаявшись.

— Конечно, — весело ответила Элисс. — Я только и ждала этого предложения.

Она подпрыгнула и улеглась на седло прямо перед ним, свесив руки и ноги.

— Я выгляжу достаточно полумёртвой? — прошептала она.

— Вполне, — вздохнул он.

Они повернули к Гиоррану. На сердце у Аропетраны лежал груз гораздо более тяжёлый, чем тело женщины, которую он вёз.

* * *

— Барра'ап Ртениадоли Ми'гли'минтер Реган, — сказал он стражникам, которые спросили его имя, — хотя я откликаюсь просто на имя Реган.

Стражники засмеялись. Один из них был толстым и низеньким, другой же высоким, но тоже толстым. Оба были одеты в красно-зелёную форму эллонской армии, и оба держали свои наточенные как бритва мечи, направляя их остриями прямо в сердце Регану. За ними высились стены Гиоррана. Он вытянул руки, показывая, что у него нет оружия. В одной руке он держал бубен, а в другой флейту.

— Я певец, — объяснил он. — Я путешествую по всему Альбиону от одного берега до другого. Люди помнят мои песни, пока я нахожусь с ними, а потом забывают.

Он низко поклонился.

— Певец в вашем распоряжении.

— Нам не нужен певец, — сказал стражник-коротышка.

— Никто не знает, нужен ли ему певец, — возразил Реган, зевая и делая вид, что собирается пойти прочь.

— Кто ты? — гаркнул высокий стражник.

— Я же сказал, я — Барра'ап Ртениадоли Ми'гли'минтер Реган, возможно, один из лучших певцов в этом мире. Впрочем, лучше опустить слово «возможно».

Так его просила сказать Элисс.

Он улыбнулся, надеясь что улыбка скроет леденящий ужас, сковавший душу.

— Хотите ли, о благородные солдаты, я развеселю вас своей музыкой? — предложил Реган, глядя на инструменты в своих руках. — Я могу сделать так, чтобы облака в небе заплясали от радости, когда я сыграю лишь одну трель на своей флейте.

— Мы не хотим ни веселиться, ни плясать, — сказал высокий стражник. — А что касается облаков, они нас не волнуют. — Он даже фыркнул от раздражения.

— О! — сказал Реган. — Я могу поднимать ваших людей на битву, играя на своём бубне.

Он многозначительно посмотрел на свой инструмент.

— Он кажется мне безвредным, — заявил коротышка.

— Дай то Бог, — улыбнулся высокий, обнажая гнилые зубы, — иначе он будет убит.

— А мне нравится музыка, — сказал коротышка. — Оказывается, она здорово помогает от запоров.

Реган опустил уставшие руки.

— Могу ли я вступить в вашу армию? — спросил он высокого стражника, который ошарашено разглядывал своего компаньона.

— Да. Конечно. Ступай.

Он пропустил Регана.

— Сонаты для гобоя подходят для этого лучше всего, — услышал Реган слова коротышки, входя в лагерь эллонской армии.

Сразу же в нос ударили запахи горящей древесины и помойных ям. Никто из солдат не обращал на него внимания, когда он проходил по дорожкам между палаток; все они, казалось, были погружены в своё мрачное настроение. Реган чувствовал некую вину за свою беззаботность, охватившую его после того, как удалось пройти мимо стражников. Он напомнил себе, что не должен останавливаться и играть джигу, чтобы развеселить этих солдат. Аня послала его сюда не для этого: чем хуже настроение у этих солдат, тем лучше для крестьян.

Он отступил в сторону, чтобы пропустить нескольких кавалеристов, направлявшихся куда-то по своим делам. К его удивлению, один из них кивком головы поблагодарил его за вежливость.

Реган точно не знал, куда он направляется и что будет делать, но одно знал точно: он должен умереть. Аня просила его проникнуть в лагерь эллонской армии, разбитый вокруг Гиоррана, но что он там должен делать, она не сказала. Он знал, что должен каким-то образом использовать свою музыку, чтобы помочь её армии разбить армию Деспота.

Аня не могла выжидать дольше. Деспот засылал к ним шпионов, чтобы знать о передвижениях крестьянской армии — крестьяне знали об этом, так как поймали нескольких, допросили, а затем казнили. То, что их разоблачили, неизбежно означало: появятся и другие, они могут оказаться удачливей, вернутся в Гиорран и расскажут всё, что видели. Ни один крестьянин, в том числе и Та Кто Ведёт, не знал, какой информацией уже располагал Дом Эллона; но то, что повстанческая армия располагается неподалёку от Эрнестрада, Деспот должен был знать наверняка.

В то же время Деспот не выказывал намерений нанести удар. Правда, несколько периодов бодрствования назад он вывел свою армию, но в совершенно неправильном направлении. Крестьянские разведчики наблюдали с холмов, как эллоны, бесцельно побродив по окрестностям, вернулись обратно в Гиорран. Всё это было похоже на инсценировку. Поведение армии Дома Эллона вызвало удивление у крестьян и глубокое беспокойство у Ани. Она считала, что к этому времени им уже давно надлежало встретиться на поле битвы и либо одна, либо другая армия должна была одержать победу. Игра в ожидание, которую затеял Деспот, действовала ей на нервы, заставляя раздражаться в самое неподходящее время.

Реган использовал всю свою дипломатию, чтобы урегулировать её отношения с Рин.

Рин.

Да, он благодарил судьбу за то, что всё это время Рин была рядом. «Надеюсь, моя смерть будет не слишком болезненной…»

Не замечаемый никем, он шёл от костра к костру и, представляя в воображении лицо Рин, улыбался ему. Он видел её седые волосы, острый подбородок и чёрные глаза.

Он не ожидал лишь того, что она улыбнётся ему в ответ.

Он заморгал и чуть не рухнул, споткнувшись о лежащее в траве бревно.

«Рин здесь, — произнёс голос Элисс, — или, точнее, скоро будет здесь».

Барра'ап Ртениадоли Ми'гли'минтер Реган оглянулся вокруг, пытаясь выглядеть не очень подозрительно. Голос, казалось, звучал совсем рядом, но вокруг никого н было.

«Я тоже нахожусь здесь. Меня посадили в темницу самом центре Гиоррана. Мне сказали, что я буду распята, поэтому я сгораю от нетерпения. Меня никогда раньше не распинали».

«Это не лучшая из твоих идей, — подумал Реган в ответ. — Некоторые из моих друзей были распяты, и они рассказывают, что это ужасно неприятно».

Он беззаботно улыбнулся капралу, который пытался немного притушить чересчур сильно разгоревшийся костёр.

«Не волнуйся, — сказала Элисс, — я уже отказалась этой идеи».

Огромная чёрная собака подбежала к Регану, встала перед ним с поднятым вверх хвостом и оскалила пасть, показывая клыки, розовые дёсны и язык.

Находившиеся поблизости солдаты засмеялись, посмотрев на него.

Собака угрожающе рычала, и Реган отступил на несколько шагов.

Это было самое худшее, что он мог сделать. Отступив, он показал собаке свой страх, и она, припав к земле, при готовилась к прыжку.

«У всех из нас есть свои маленькие недостатки», — сказала Элисс.

— Сейчас не время обсуждать их, — сказал он вслух и непроизвольно отступил ещё на несколько шагов.

«Один из моих девизов — помогать людям, которых я считаю своими друзьями. Я не могу это делать всё время, потому что мне трудно находиться в нескольких местах сразу, но я стараюсь, как сейчас, например».

Собака прыгнула.

Реган отвернулся, пытаясь загородить лицо и горло.

Внезапно всё вокруг затормозилось в своём движении. Собака медленно летела к нему по воздуху, и у неё на загривке медленно колыхалась шерсть. Реган посмотрел на один из костров и увидел, как языки его пламени медленно меняли очертания. Как будто это было не пламя, а сотни картинок с изображением пламени, нарисованных неким искусным художником. Языки пламени не мелькали, как обычно, а обрели каждый свою форму, и Регану показалось, что, если он дотронется до одного из них, то обрежется об острую грань.

«Я же сказала, что помогу тебе».

Реган сообразил, что может не обращать внимания на собаку. Он отошёл с того места, где она должна была приземлиться, ощущая, что воздух, обдувавший при этом его лицо, стал значительно теплее.

Некоторые из солдат стали поворачивать головы в его сторону. Движение было столь же медленным, как движение языков пламени: неестественные рывки из одного положения в другое. Реган пытался не смотреть на них: зрелище было крайне неприятным — казалось, что их головы медленно отвинчиваются от плеч.

Реган отошёл ещё дальше, удивляясь, как долго Эли контролирует ситуацию.

Вокруг было гробовое молчание. Он не слышал ничего, даже шелеста травы под ногами. Тем не менее, раздражаясь своей иррациональностью, он обратил внимание на то, что старается передвигаться как можно тише. Он на цыпочках переступил через солдата, лежащего на земле, уходя всё дальше и дальше от того места, где в воздухе всё ещё висела собака.

— Спасибо, — прошептал он.

«Это только часть того, что я могла сделать. Теперь, боюсь, мне придётся сделать нечто более гадкое».

Барра'ап Ртениадоли Ми'гли'минтер Реган остановился как вкопанный.

«Да не с тобой, глупый. С собакой».

Ещё совсем недавно собака казалась Регану самым мерзким на свете зверем. Теперь же ему хотелось спасти её от жестокой участи.

— Оставь собаку в покое, — сказал он.

«Я не сделаю ничего этой собаке. То, что с ней произойдёт, явится результатом её прыжка на тебя».

— Ты не можешь спасти её от этого?

Он пошёл прочь, глядя, как неподвижные облака стоят рядом с солнцем, как бы опасаясь приблизиться к нему. С одной стороны, его не волновало, что случится с собакой, которая попыталась наброситься на него, но с другой — это было всего лишь глупое животное. Он не хотел иметь ничего общего с тем, что должно было произойти.

Реган отошёл уже на значительное расстояние, когда вновь очутился в гуще звуков и запахов.

Казалось, никто вокруг вообще не замечал его присутствия. Все с удивлением смотрели вверх.

Одна из палаток неожиданно взлетела в воздух, хлопая брезентовыми крыльями, как огромная, красно-зелёная птица.

Реган стал наблюдать вместе со всеми.

Палатка улетела далеко-далеко и превратилась в чёрную точку на фоне яркого неба, но один из шестов, на которых она когда-то держалась, остался висеть в воздухе.

Затем он упал с силой и меткостью прицельно брошенного копья.

Из спины собаки брызнула кровь, и она издала последний предсмертный вой, попытавшись слезть с шеста, который пригвоздил её к земле.

Животное погибло. Из пасти текла кровь, окрашивая жухлую утоптанную траву.

На земле лежал герб Дома Эллона.

Солдаты молчали.

Это был дурной знак.

«Я *не люблю* убивать, — произнёс голос Элисс в голове Регана, — даже собак. Но важно, чтобы эта картина отпечаталась у эллонов в голове».

Реган огляделся вокруг.

Некоторые из солдат всё ещё смотрели в небо, будто шатёр по-прежнему висел в воздухе.

Он был голоден. Это казалось странным: вокруг опасности, а он думает только о своём желудке. Он стал новобранцем; на Регана набросилась собака; собака погибла, убитая магическими силами. Довольно скоро солдаты свяжут все эти события воедино. И всё же он был страшно голоден: его желудок казался ему огромной, абсолютно пустой пещерой.

Он украл немного мяса с одного из костров и обжёг при этом пальцы. Мясо было жёстким и жирным, но он съел кусок до конца. Почти тотчас его пищеварительный аппарат начал протестовать.

Он быстро пошёл прочь, пытаясь найти место, где его не примут за постороннего. На Регане не было эллонской формы, и он чувствовал ужас от этого. Флейта и бубен делали его ещё более подозрительным.

Может, то, что он был подозрителен, совсем не плохо? Эта мысль пришла к нему, когда он пробирался между двух палаток, стараясь не задеть шнуры. Если он будет совсем уж подозрительным, эллоны могут и не обратить на него внимания… Ведь не может же злоумышленник быть таким глупым?

Реган уселся в центре прохода между двумя палатками. Он положил флейту на землю и взял в левую руку бубен. Затем он разработал пальцы и легонько ударил ими по тугой коже инструмента. Она загудела в ответ, как бы приглашая его сыграть что-нибудь на своей гладкой поверхности.

Затем мышцы его рук как бы перехватили инициативу у сознания. Руки пустились в пляс, и бубен замелькал в воздухе, потеряв очертания материального объекта. Реган был удивлён тем звукам, которые издавал его бубен. Они определённо были чужими. Он никогда раньше не играл подобного ритма. Он как бы растворился в этом ритме и перестал обращать внимание на то, что происходило вокруг.

Элисс в своей камере и в сознании Регана счастливо улыбалась. Огромный лысый толстяк, который пытал её, был удивлён. Так не должно было быть, озадаченно думал он: маленькая женщина должна кричать от боли. Он схватился

клещами за один из её ногтей и изо всей силы потянул на себя, но проклятый ноготь не отрывался.

Ритм бубна распространился по всему лагерю, как круги от брошенного в стоячую воду камня. Звук был негромким, но слышался абсолютно везде.

Этот ритм содержал в себе что-то *неправильное*. Он действовал на умы тех солдат таким образом, что им хотелось во что бы то ни стало восстановить *правильный* ритм. *Этот удар немного запоздал, или наоборот — прозвучал слишком рано; и звук этого удара немного не тот, но я не знаю, почему не тот.*

Кое-кто принялся стучать пальцами по лежащим поблизости предметам, пытаясь привнести порядок в доносящиеся до них звуки, но достигали они при этом лишь ещё большей сумятицы в своих головах.

Невозможно было думать о чём-либо ещё.

Вся работа остановилась.

Один из солдат опрокинул жаровню, и она упала, рассыпая тлеющие угли по полу палатки. Палатка вспыхнула как свечка. Офицеры, которые лежали в этой палатке, были слишком заняты звуками бубна, чтобы спасать себя. Солдат, опрокинувший жаровню, не обращая внимания на то, что сделал, пошёл прочь, уставившись в некую произвольную точку пространства.

Палач сосал один из своих пальцев. Он работал с щипцами, когда его рука соскользнула и он сильно порезался. Вынув кровоточащий палец изо рта, он несколько мгновений мысленно ругал свою жизнь и особенно ту женщину, которая была сейчас перед ним. Разжигая его ярость, она подарила ему одну из своих самых очаровательных улыбок.

Руки Барра'ап Ртениадоли Ми'гли'минтер Регана задвигались ещё быстрее. Он больше не контролировал их, да и не хотел. В его запястье не чувствовалось усталости. Он как бы покинул Альбион и обнаружил себя в совершенно ином мире — в мире, где не было травы и солнца, а только звуки бубна, уходящие в бесконечность.

Элисс улыбнулась, когда звук достиг подвала, в котором её пытали.

Палач потерял интерес к своим безуспешным попыткам вырвать у неё ногти и отошёл в сторону с отрешённым лицом. Он ударился об одну из каменных стен и уселся возле неё на землю. Он был немного удивлён, но не очень. У него на уме были более важные вещи: «Трра-та-трра-трра-трра-та-та-трра-трра-та-трра-трра-трра-трра-трра…»

Здесь было что-то очень *неправильное* и одновременно *абсолютно правильное* — но *что* это было?

Элисс, довольная ритмом, который она сочинила, разорвала свои цепи и подумала: сделать ли то же самое с шеей палача? Решив, что человек этот всего лишь выполнял свою работу и к тому же уже испытал моральную пытку, не сумев причинить ей боль, она решила не делать этого.

Нежно похлопала его по лысому черепу и направилась к тяжёлой деревянной двери. Он даже не взглянул на неё.

* * *

Элисс не могла понять, нравится ли ей Гиорран.

Некоторые из коридоров, по которым она проходила, были светлыми и просторными, с белыми стенами, огромными оконными проёмами и полами из разноцветного мозаичного мрамора. Другие же были заброшены уже десятилетия, если не века: в них не было окон, они были грязными, полы покрывала пыль, а в углах висела паутина. Свет проникал лишь через крошечные окошки под самым потолком.

Но она решила, что критиковать стиль жизни аристократов Дома Эллона — не её дело.

Она с радостью обнаружила, что Нгур использовал для командного пункта один из самых светлых залов.

Когда она вошла, Деспот поднял голову.

Аропетрана, стоявший рядом, тоже посмотрел на неё и побледнел.

— Ты кто? — с раздражением спросил Нгур.

— Она крестьянка, — ответил вместо неё Аропетрана, — та, которую я привёз, чтобы казнить. Что-то здесь не так: сейчас её должны пытать…

— С точки зрения Дома Эллона, — сказала Элисс, — не просто *что-то* не так, а очень и очень многое. Если не верите, поглядите наружу.

Нгур тотчас вскочил и подлетел к окну. Аропетрана, улыбнувшись Элисс, последовал за ним более спокойно.

В лагере эллонской армии творилось нечто невообразимое.

Почти дюжина палаток была объята пламенем. Куда бы Нгур и Аропетрана ни посмотрели, они видели безучастно снующих взад и вперёд солдат, которые, словно пьяные, не обращали внимания на происходящее.

Аропетрана отвернулся от окна.

— Ты это сделала! — закричал он на Элисс.

— А ты ожидал от меня чего-то другого? — спросила она,

— Каким я был дураком, что привёл тебя сюда!

— Точно.

Он вынул свой меч. Нгур схватил его за руку.

— Погоди-ка, дружище, — сказал Деспот. — Может, она нам

ещё пригодится.

— Для чего?

Это было сказано с такой яростью, что Деспот некоторое время не мог понять вопроса.

— Для смерти, — произнёс он наконец. — Ты привёз её сюда на казнь.

— Правильно, — сказала Элисс, взмахивая рукой. — Вы привезли меня на казнь, а я пока ничего не испытала, кроме дозы неудавшихся пыток. Я считаю, что этого недостаточно, а вы?

— Казнить её, — сказал Нгур, отворачиваясь.

— Вот здорово! — воскликнула Элисс.

Аропетрана с грустью взглянул на неё.

В это самое время Гиорран был атакован Ветром.

* * *

Ты солдат, и ты привык к воинской службе с подросткового возраста. Ты служил у разных командиров, некоторых из них уважал, других — не очень. Тебя обучали приёмам ведения боя, и ты принимал участие в учениях с применением деревянного оружия; иногда ты получал синяки, но не страдал сильно, так как боль проходила через несколько периодов бодрствования. Выполнение обязанностей было для тебя радостью.

Теперь ты находишься в военном лагере, который располагается на поле перед Гиорраном, вместе с несколькими тысячами других солдат, присягнувших на верность Дому Эллона. Ты пытаешься сконцентрироваться на том, что вскоре предстоит воевать с повстанческой армией, но тебя отвлекает некий звук, раздающийся как бы отовсюду. Ведь нельзя убежать от собственных мыслей, а они переполнены этим звуком. Ты больше ничего не видишь, не слышишь и не ощущаешь, кроме него, все твои чувства поглощены ритмом и его *неправильностью*.

Затем раздаётся другой звук, настолько громкий, что он заглушает звуки бубна.

Что-то тянет тебя за форму, и в слепоте своей ты не можешь понять, что это. Ты отмахиваешься от невидимого противника, пытаешься оттолкнуть его, но вместо этого отрываешься от земли. Ты почему-то понимаешь, что поднимаешься в воздух всё выше и выше, и всё это время твоё тело колотят холодные кулаки, пока оно полностью не теряет чувствительность. Ты знаешь, что летишь вверх тормашками, и тошнота подступает к горлу.

Теперь, когда ты уже достаточно далеко от певца с его бубном, к тебе возвращается зрение. Поля отсюда кажутся тебе маленькими движущимися квадратиками. В этот самый момент Ветер отпускает тебя.

И ты падаешь.

Падаешь.
Падаешь и, кажется, будешь падать вечно.

Глава восьмая. Мир

Последствия были ужасны. Яркие языки пламени плясали по всему Гиоррану. Облака серого дыма поднимались вверх, увлекая за собой клочья пепла. Высоко в небе кричали падающие на землю солдаты. Аня и Рин улыбнулись друг другу.

— Элисс — хорошая подруга, — сказала Рин, неожиданно почувствовав себя виноватой.

Обе женщины сидели верхом на лошадях и смотрели вниз на разрушение Эрнестрада и Гиоррана с плато, куда привёл их Ветер. Ветер же был занят раздуванием пламени горящих палаток, поджигал деревянные городские строения и свистел, проносясь по улицам Эрнестрада и создавая ещё большую панику. Люди выбегали из домов, спасаясь от удушающего дыма. Некоторые обжигали руки, пытаясь погасить вспыхнувшую одежду.

— Элисс — опасный враг, — сказала Рин, на этот раз более спокойно.

Позади молчаливо стояла их армия. Кто-то был верхом, кто-то нет. Оглянувшись, Аня обратила внимание, что её крестьяне стояли тихо, по группам, подчиняясь строгой дисциплине. Похоже, что им так и не придётся драться с эллонами врукопашную.

— Ветер — тоже хороший друг, — сказала Аня.

— Ветер — хороший союзник, — поправила Рин. — Думаю, он не способен быть другом. И я не знаю, сколь долго он будет нашим союзником.

Её конь начал беспокойно топтаться на месте.

Дым сделался столь густым, что они уже не могли видеть происходившего внизу — только отрывочные эпизоды бедствия. Мужчин, женщин и детей пожирали языки взбесившегося пламени. Некоторые срывали с себя одежду, некоторые катались по земле.

— Наш лучший друг, — сказала Рин, — Барра'ап Ртениадоли Ми'гли'минтер Реган.

— Ты говоришь это потому, что он твой любовник, — сказала Аня, не отрывая взгляда от картины разрушения Эрнестрада.

— Нет, — тихо сказала Рин. — Вовсе не по этой причине.

— Тогда почему?

Её весёлое лицо стало серьёзным, когда она посмотрела на Рин.

— Он пошёл туда, — сказала Рин, показывая на огонь, — сознавая, что умрёт — он отдавал свою жизнь за нас. Чтобы

помочь нам. Чтобы помочь *тебе*. Элисс не умрёт, не умрёт и Ветер, а Реган, наверно, уже умер. За *тебя*. И не сомневайся, Аня: он любил тебя.

— Он любил *тебя*, — возразила Аня в замешательстве.

— Нет, это совсем другое, — сказала Рин, похлопывая своего коня по крупу. — Он любил меня за то, что я любила его и за то, чёрт возьми, что я была доступна. Если бы не развлечения в постели, мы могли быть как брат и сестра. Ты для Регана была чем-то совершенно другим. Любовь, которую он испытывал к тебе, была порою столь сильна, что переходила в ненависть. Он представлял тебя… Как бы это объяснить? …Прекрасной и неприкосновенной статуей.

— Но он касался меня, — удивилась Аня.

— Нет, — сказала Рин. — Ваши тела касались друг друга. Но Реган не мог достичь соприкосновения ваших душ. Он пытался сказать тебе это с того самого момента, когда вы первый раз встретились, но ты проигнорировала его. Теперь он умирает там, внизу, добровольно, потому что не хочет жить весь остаток своей жизни, не имея возможности коснуться твоей души.

— Может, его ещё можно спасти?

Даже здесь, наверху, жар становился нестерпимым. Огонь был столь ярок, что они отвернулись от него. Небо потемнело, столбы дыма затмили солнечный свет.

— Ты этого хочешь?

— Конечно, хочу. Он очень нравился мне, ты знаешь. Кроме того, ты права: он лишь один из нас троих рисковал своей жизнью, помогая уничтожить Дом Эллона. Только за это его необходимо спасти.

— Спасибо, — сказала Рин.

Она улыбнулась Ане.

— Мы с тобой опять будем ссориться, если спасём его, — сказала она.

— Нет, — мрачно ответила Аня, — не будем. Ты его любишь и останешься с ним.

— Это не тебе решать. Это дело самого Регана.

— И моё, — сказала напоследок Аня.

Она повернула коня и жестом приказала людям подойти к ней. Воины тронулись с места.

Рин ужаснулась, вновь заметив в глазах Ани убийственный свет. Ей казалось, что после тех казней он ушёл навсегда, но сейчас он вернулся во всей своей прежней силе. Когда Аня была в подобном настроении, никто не мог чувствовать себя в безопасности.

Она посмотрела на идущих к Ане крестьян. Большинство из

них были пешими. Они шли, доставая мечи из-за поясов. Не было сомнений, что большинство из них будут убиты остатками армии Дома Элл она. Они рвались в бой, но по манере держать оружие и даже по походке такой опытный воин, как Рин, могла сразу же понять, что это были молодые зелёные воины, которые шли или ехали верхом на свою верную погибель.

«Но я не в силах остановить их…»

Она посмотрела вниз, стараясь думать о чём угодно, только не о смерти. Пожар разгорался сильнее. Ветер нападал на эллонских солдат с такой силой, будто пытался вбить их в землю. Рин мрачно подумала, что им вряд ли удастся спасти Регана. Ей захотелось чего-нибудь совершенно другого, спокойного, мягкого…

Ей захотелось оказаться в постели с Сайор…

Она не думала о Сайор уже так давно, что с трудом припомнила, когда это было. Реган по возрасту вполне мог быть сыном Рин или Сайор.

В её голове всё смешалось. Она ощутила на теле руки Марьи, затем Сайор, затем Регана. Каждый из них старался доставить ей удовольствие, как кошке, растянувшейся у тёплой печки.

Марья была мертва.

Сайор была мертва.

Реган, возможно, был ещё жив.

— Нам необходимо спасти Регана, — сказала она Ане, — если, конечно, ещё не поздно. Мы слишком многим обязаны ему.

На лице Ани появилось насмешливое выражение.

— Мне показалось, что мы уже решили это, — сказала она.

Аня надела шерстяные перчатки и откинула назад волосы. Глаза Рин сузились.

— А ты чертовски красива, — заметила она.

— Давай поговорим об этом после битвы, — сказала Аня. — У нас будет достаточно времени.

Она прокричала команду, и крестьянская армия начала спускаться с плато. Всадники медленно и осторожно вели своих коней по камням, давая возможность пехоте не отставать. Это был ужасный путь. Камни катились у них под ногами, а запах дыма становился всё сильней и сильней. Несколько лошадей споткнулись и погибли вместе со своими всадниками, скатившись куда-то далеко вниз. Через несколько минут Рин обнаружила, что её глаза слезятся так, что она едва способна видеть. Аню же дым, казалось, совершенно не беспокоил, и она ехала вперёд спокойно, как на прогулке.

Конь Рин споткнулся о труп солдата, которого Ветер сбросил с небес. Она едва остановила рвоту: тело упало головой вниз с

такой силой, что плечи поравнялись с землёй.

Рин была знакома с войной давно и, будучи настоящим экспертом в военном искусстве, всё-таки ненавидела войну. Теперь она шла в авангарде армии, которая, как она надеялась, должна была спасти Барра'ап Ртениадоли Ми'гли'минтер Регана, но которая должна была отнять жизни у десятков или сотен людей, чьей единственной виной была принадлежность к эллонской армии. Возможно, им даже не приходило в голову, что есть ещё какой-то выбор.

Она посмотрела направо. На лице у Ани было всё то же кровожадное выражение.

Чем ближе они подходили к Гиоррану, тем гуще становился дым. Не только одна Рин начала кашлять. Всё пространство перед ними было покрыто тлеющими углями, и только белый зуб самого Гиоррана стоял посреди этой выжженной пустыни. Некоторые из домов Эрнестрада всё ещё стояли, но их было немного. В воздухе висели крики умирающих и треск углей.

«Реган, без сомнения, мёртв», — думала Рин.

Всё труднее и труднее становилось заставлять коней идти вперёд. Вскоре они нашли то, что от него осталось. Они узнали его по почерневшей обугленной руке, сжимавшей остатки бубна, и по длинному обугленному цилиндру флейты, который лежал неподалёку.

Рин смотрела на то, что осталось от её любовника, и не чувствовала печали, к ней пришла какая-то странная злость и разочарование. Это сделал Ветер — Ветер и Элисс вместе. Сначала ей хотелось убить кого-нибудь из эллонов, а потом — Ветер и Элисс — она так и не смогла решить, кого.

Она спела первые строки пёсий Регана о женщинах из Старвелина. Аня сердито взглянула на неё. Рин спрыгнула с коня и подошла к тому, что недавно было Барра'ап Ртениадоли Ми'гли'минтер Реганом.

— Давай пойдём и убьём нескольких эллонов, — предложила она, взглянув на Аню. Ей не нравился собственный голос, но сейчас она ничего не могла с ним поделать.

— Пойдём, — сказала Аня.

За ними раздался громкий крик: повстанческая армия всё быстрей и быстрей приближалась к воротам Гиоррана.

Повсюду пахло горелым мясом.

Рим села на коня, и тут что-то привлекло её внимание. Высоко в небе над башнями Гиоррана кружил кроншнеп.

* * *

Элисс взяла чай, хоть и не хотела пить — она вообще никогда не хотела пить. Через окно был слышен шум приближающейся

армии. Сквозь, пар от чая она мило улыбнулась. Нгуру и Аропетране.

— У вас не осталось почти никакой защиты, — заметила она спокойно, ставя чашку на полированную поверхность стола. — Пятьдесят или шестьдесят солдат здесь в Гиорране да несколько сотен визжащих от страха аристократов, которые только путаются под ногами. Ваши маги сойдут с ума от паники и постараются убедить всех и каждого, что с помощью своих фальшивых чар смогут отбить атаку. Это не только не поможет, а наоборот-помешает вам, так как, доверяя магам, люди вскоре поймут, что просчитались, но будет уже поздно.

Нгур улыбнулся вопреки своему настроению.

Аропетрана был серьёзен.

— У нас ещё есть время, чтобы убить тебя до того, как крепость будет взята, — сказал он с ненавистью.

— Только после того, как я допью чай, — сказала она с таким видом, будто он приглашал её на танец. — Он слишком горячий, и придётся потерпеть некоторое время, пока он остынет. После этого вы сможете заняться казнью, правда, боюсь, что будет немного поздно. Да! И не забудь про вспарывание живота — ты обещал мне, Аропетрана.

Нгур хлопнул своего друга по плечу.

— Оставь её, — сказал он.

— Почему?

— Потому что я прошу тебя. Если мы попытаемся казнить её, произойдёт нечто ещё более несуразное, чем происходит сейчас. Пусть один из твоих людей вышвырнет её из Гиоррана, и давай наконец займёмся обороной. Сколько у нас лучников?

— Десяток с арбалетами и около пятнадцати с обычными луками, — мрачно ответил Аропетрана.

— Мало, слишком мало, — сказал Нгур, стоя у окна и глядя на выжженную землю. — Постарайся распределить их по окнам. Вооружи мужчин и женщин из нашей горячо любимой аристократии арбалетами. Пусть они не слишком хорошо ими владеют, но, по теории вероятностей, хоть в кого-нибудь да попадут. Да! И не забудь вооружить их мечами, некоторые неплохо владеют этим оружием.

— Можно, я тоже возьму меч? — спросила Элисс.

— Заткнись и убирайся, стерва, — сказал Нгур, не оборачиваясь и даже не меняя тона своего голоса. — Аропетрана, проследи за тем, чтобы у людей были орудия для вытаскивания камней из стен — было бы неплохо, если бы мы смогли бросать их на этих скотов внизу.

— Невежливо предлагать даме, чтобы она заткнулась, —

заметила Элисс.

— Тогда просто катись к чёрту.

На скулах Элисс появились розовые пятна.

— Я надеялась устроить всё таким образом, чтобы вы могли остаться в живых, — сердито сказала она. — Но, похоже, придётся переменить это решение.

Аропетрана с удивлением посмотрел на неё.

— Ты думала спасти нас от… этого? — сказал он, кивком головы указывая на окно.

— Не обращай на неё внимания, Аропетрана, — сказал Нгур. — У тебя есть более важные и неотложные дела, чем спор с этой сучкой. Попытайся убить её, если это тебя успокоит, но не вступай с ней в бесполезные дискуссии. Постарайся избавиться от неё любым способом. Когда сделаешь всё, о чём я просил, возвращайся сюда. Возможно, мы придумаем ещё что-нибудь для своей защиты. Если быть до конца правдивым, дружище, я не надеюсь, что ты останешься жив к концу периода бодрствования.

— Я тоже, — сказала Элисс. — Хочешь, я покажу, что с тобой случится?

Она сложила два своих больших пальца вместе и подмигнула Аропетране.

Его тело тотчас пролетело мимо плеча Нгура и вдребезги разбило застеклённое окно. В двадцати метрах от Нгура Аропетрана разорвался на тысячу комочков плоти и миллион капель жидкости, превратившись в кровавое облако.

Вдруг он снова оказался на прежнем месте, в одном из кресел, и окно было совершенно целым.

Нгур критически оглядел её.

— Ты колдунья, — прошипел он. Его рука потянулась к рукоятке меча, но потом остановилась. — Ты навлекла свои чары на Гиорран, чтобы уничтожить Дом Эллона.

Элисс отхлебнула немного чаю. Аропетрана выглядел так, как будто вот-вот упадёт в обморок.

— Нет, — сказала она, — мои намерения были немного другими.

— Да, да, — произнёс Нгур со злым сарказмом, — ты помогаешь крестьянам, а потом заявляешь мне, что хочешь помочь Эллонии. Правильно, ведьма?

— Я не ведьма и даже не колдунья.

— А ты чертовски похожа на неё.

— Мне уже говорили, что я обладаю артистическим талантом, — сказала она, а затем, повернувшись к Аропетране: — Давай-ка, поторапливайся. Выполняй то, что приказал тебе Нгур. Всё это не поможет, конечно, но ты хоть займёшься делом. Война

проиграна, даже если вы этого ещё не поняли. Последняя её стадия, от которой зависит твоя никчёмная судьба, проходит здесь, в этой комнате между мной и Нгуром. Я страшно не люблю обижать людей, но было бы лучше, если бы ты покинул это помещение.

— Казни её! — закричал Аропетрана Нгуру.

— Нет, — задумчиво произнёс Деспот, — я, пожалуй, даже не выгоню её из Гиоррана.

— Ты становишься рассудительным, — заметила Элисс. — Что-то мне не очень нравится этот чай.

Нгур обошёл вокруг стола и сел рядом с ней.

— Честно говоря, — сказал он, — он никому не нравится, но разве у тебя есть другой?

Она внимательно посмотрела в свою чашку. Поверхность жидкости задрожала, и комнату наполнил аромат пряных трав.

— Так-то лучше, — весело заметила она. — Так о чём же я? Ах, да! Аропетрана, будь так любезен, удались, чтобы я могла серьёзно поговорить с Деспотом.

Нгур махнул ему рукой.

— Делай, как она говорит.

С красным от гнева лицом Аропетрана вышел, хлопнув за собой дверью.

— Ты хочешь вести переговоры, чтобы сохранить свою жизнь? — спросил Деспот, наклоняясь над столом.

Элисс засмеялась ему в лицо.

— Нет, — сказала она. — Я хочу вести переговоры, чтобы сохранить *твою* жизнь. Ты видел, — она показала на окно, — что может сделать Ветер с твоими войсками. Даже простой певец Барра'ап Ртениадоли Ми'гли'минтер Реган оказался способен вселить страх в сердца твоих солдат, не используя для этого никакого иного оружия, кроме бубна. У меня тоже есть свои способы уничтожать людей, но я вряд ли когда-нибудь использую их. А теперь скажи: разумно ли оказывать сопротивление силам, поднявшимся против тебя?

— Певец… — начал Нгур.

— Он мёртв до той поры, пока я не решу воскресить его. Ты хочешь, чтобы я и твой чай сделала вкуснее?

— Будь любезна, — отрешённо произнёс он. Посмотрев в окно, он только сейчас заметил, что от мощи Ветра Гиорран защищало нечто, похожее на тонкое стекло. — И чего же ты хочешь от меня?

— Я не могу смотреть на трупы, кто бы ни был убит.

— Я согласен с тобой.

— Тогда почему же ты позволяешь — нет, заставляешь своих

солдат убивать крестьян? — Её глаза внимательно смотрели на него. — Разве это не тема для разговора?

Она пошевелила пальцами, и шум крестьянской армии за окнами внезапно смолк, время замедлилось для всех, кроме них двоих.

— Это было необходимо для защиты Дома Эллона, — уклончиво ответил Нгур.

— Дом Эллона, — сказала она так, будто собиралась зевнуть, — сейчас больше похож на лачугу. Ему не долго осталось существовать. О да, твои лучники могут убить ещё нескольких крестьян, но не сумеют убить всех. Ведь верно?

— Да, это…тяжело, — выдавил он из себя.

— Это место, — она провела рукой, чтобы показать весь Гиорран, — вскоре может превратиться в склеп. Я не хочу этого, так как уже говорила, что не люблю убийства. Ты ничего не сможешь сделать, чтобы не допустить их: даже, пойдя на мирные переговоры, ты не успеешь произнести первого слога, как будешь убит. Я же, со своей стороны, могу убедить крестьян сохранить то, что осталось от Дома Эллона. Они знают меня. Они доверяют мне. Более того, я могу *заставить* их доверять мне. Если ты захочешь, я могу сохранить жизнь тебе и тем, кто остался в живых из Дома Эллона. Я не смогу сохранить жизнь всем, но *некоторых* спасти сумею.

— Как?

— Я же сказала, у меня есть для этого способы. Но я не использую их — точнее, *не смогу* использовать, если ты не переменишь свой взгляд на будущее. Видишь ли, даже я могу не всё. С вами, людьми, я способна играть в самые весёлые игры, но не получается заставить вас делать что-то, если я не нахожу пути заставить вас *захотеть* этого. В этом смысле ты и те, кто остался от Эллонии, даже крестьяне, которых ты ненавидишь, имеете больший контроль над будущим, чем я: ваши решения влияют на него прямо, в то время как мне приходится влиять на него опосредованно — через вас. Вот сейчас, к примеру, сумма человеческих решений ведёт к уничтожению Дома Эллона, причём вместе с плохим в небытие уйдёт и кое-что хорошее. Можно ещё немного чая?

Нгур с каменным лицом наполнил её чашку, затем, подумав немного, налил себе. Он был немного раздражён и удивлён тем, что чай Элисс имел гораздо более приятный запах, чем его собственный, ведь он наливал его из одного чайника.

— Почему ты пытаешься спасти нас? — спросил он.

— Я уже говорила тебе. Я не люблю напрасных жертв.

Он глотнул чаю, принимая эту полуправду.

— Но, — продолжала она, — положение должно измениться. Дом Эллона больше не будет править Альбионом. Твоим правителем станет Аня. Я не уверена, что её правление будет мягче, чем у эллонских Деспотов, но я надеюсь. Аристократы Дома Эллона будут посажены за решётку, может, и надолго, но не думаю, что их ожидает смерть под пытками. Жизнь будет сохранена даже тебе.

— Но, — продолжала Элисс, — всё это будет возможным, если ты сдашься мне сейчас. Через несколько минут будет поздно, и тогда я уже никого не смогу спасти.

Нгур выглядел так, будто его только что сжала огромная рука.

— Крестьяне не могут править, — тихо произнёс он, — они не помнят о том, что было вчера и не имеют представления, что будет завтра.

— Могут, точнее, могли.

— Что ты имеешь в виду?

— Я побывала во множестве миров, — сказала Элисс.

— Каких миров?

— В одной лишь этой вселенной их миллиарды. Как-то я даже пыталась сосчитать сколько их, но мне вскоре наскучило и я нашла для себя более интересное занятие.

— Существует только один мир — Альбион.

— Но ты же сам не веришь в это, правда?

Нгур смертельно побледнел. Он не был готов сказать ересь в присутствии простолюдинки…

— Да, — с неохотой сказал он. — Мне кажется, что кроме нашего, существуют и другие миры.

— Хорошо, — сказала Элисс и, протянув руку, похлопала его по плечу, как учитель прилежного ученика.

— Альбион, — сказала она, — собственно говоря, даже не мир.

Он кивнул, сознавая, к чему она клонит.

— Это лишь часть мира. Мира, который наполнен людьми, совершенно такими же, как ты, мыслящими точно так же. Но небо остального мира усыпано звёздами — маленькими огоньками света, которые люди видят по ночам. Конечно же, ты не понимаешь, что я имею в виду, когда говорю «ночь». Во всём остальном мире солнце не всегда находится в зените: оно встаёт и садится. Во время периода бодрствования оно медленно передвигается по небу, а во время периода сна скрывается за горизонтом. Становится темно, как в тёмной комнате, и на небе видны лишь крошечные огоньки — звёзды. Все эти звёзды на самом деле — далёкие солнца, как и наше, которое светит над

Альбионом: одни побольше, другие — поменьше. Вокруг этих солнц вращаются миры, некоторые настолько странные и необычные, что ты просто не можешь себе этого представить. Но во всех этих мирах солнце встаёт и садится, и поэтому существуют день и ночь.

— Ты лжёшь, — неуверенно произнёс он. То, что она говорила, полностью противоречило всему его жизненному опыту, но он не понимал, зачем ей лгать. Он неловко заёрзал в кресле, ощущая ягодицами твёрдость сиденья, и решил, что Элисс определённо говорит правду.

— Конечно, — сказала она.

Он испугался. Ему показалось, что она читает его…

— Конечно, — повторила она. — Это очень скучное чтиво и, если откровенно, я могу и не делать этого, но порой мне бывает интересно.

— Ты говоришь об этих мирах… — сказал он.

— Да.

— Говоришь о Мире, который окружает Альбион?

— Да.

— Говоришь, что там бывает темно?

— Да.

— Почему я должен верить тебе?

— Потому, — сказала она, — что ты уже веришь.

— Ты знаешь об этом?

— Да. Я могу читать твои мысли и знаю всё, о чём ты думаешь или когда-либо думал.

Она стукнула ногтями по краю своей чашки и улыбнулась ему.

— Но в том Мире, который находится за пределами Альбиона, — продолжала она, — и во всех остальных мирах есть ещё одна вещь, которая заинтересует тебя. Разумные существа, живущие там, помнят своих предков. Они помнят прошлое и могут строить планы на будущее. Некоторые из этих существ выглядят весьма необычно, но всех их мы можем назвать *людьми*. Один из моих самых лучших друзей мог дышать только в воде, но тем не менее он был личностью. Вся беда Дома Эллона заключается в том, что много лет назад он перестал называть *людьми* существ, ничем не отличавшихся от его представителей. Эллоны решили, что это совершенно другие существа — *крестьяне*. Иногда удивительно, что может натворить одно лишь слово: в применении к человеческим существам оно превращает их в нечто меньшее, чем люди.

— Но они на самом деле — нечто меньшее, чем люди! — взорвался Нгур.

— Почему?

— Они *неразумны*!

— Разве? Аня ведёт армию к твоей последней крепости, а ты называешь её неразумной?

— Это лишь игра природы!

— Отнюдь нет. Она именно та, кого ваша каста называла *крестьянами*.

Элисс снова налила себе чаю. На этот раз его аромат был даже лучше, чем у предыдущей чашки.

— Не понимаю, о чём ты говоришь, — медленно произнёс Нгур.

— Правильно, — сказала она, — не понимаешь. И причина этого в том, что Дом Эллона умолчал о своём преступлении против крестьян, о зле, которое он сотворил давным-давно.

— Каком преступлении? — Голос его был резким.

— Он заточил магию в Альбионе. Во внешнем Мире существует магия и она может использоваться как для добрых дел, так и для злых. Магия — это трудно объяснить. Она как некий невидимый слой, в который окутана реальность. Когда ты чувствуешь её присутствие, то можешь всего лишь протянуть руку, — она продемонстрировала, — и ощутить её своими пальцами. Если ты на это способен, то можешь собрать частицы магии воедино и заставить их работать на себя.

Она опустила руку.

Нгур с удивлением увидел на её руке бабочку, которая через несколько мгновений взлетела к потолку и уселась в одном из дальних углов зала.

— Магия, — продолжала Элисс, — она как Ветер, который, кстати, и есть магия. Она не понимает, что хорошо, а что плохо. Её не заботят судьбы отдельных людей. Если ты достигнешь с нею согласия, то можешь использовать её в очень ограниченном виде — она убьёт твоих врагов и выручит твоих друзей, причём постарается сделать это как можно скорее, так как главное для неё — чтобы ты как можно быстрей оставил её в покое и дал ей возможность заниматься своими собственными делами.

Нгур кивнул, и в то же самое время шум за окном, возобновился.

— Маги Альбиона, — говорила Элисс, — больше не способны войти в контакт с магией.

— Я уже давно был уверен, что они совершенно беек слезны. Даже хуже того, — заметил Нгур.

— Ты прав. Когда Альбион был частью Мира и до того. как Дом Эллона решил стать завоевателем, а не правителем этой страны — маги владели магией. В Альбионе ещё остались люди,

которые владеют магией — певцы и дрёмы. Не современные маги уже давно только делают вид, что имеют к ней отношение. Всё это потому, что Дом Эллона использовал магию, чтобы изолировать Альбион.

Используя магию, ваши предки остановили солнце и отгородили Альбион от внешнего Мира. Одним из побочных эффектов этого явилась пропажа памяти у крестьян. Они превратились в рабов, которые могут лишь работать на постоянно меняющихся полях. Маги остались довольны: они выполнили волю своих правителей, и всё прошло гладко. Пока.

Беда заключалась в том, что они потратили слишком много магии, и она решила отомстить за это. Она так высоко поднялась над Альбионом, что ни один маг не смог достать её. Там, вдали от людей, она решила подобрать узор поверхности этой страны таким образом, чтобы он выглядел с высоты особенно красиво. Но магия никогда не может прийти к окончательному решению, Нгур, поэтому очертания земли постоянно изменяются.

Она снова отхлебнула чай и посмотрела в его мрачные глаза.

— Ты видел, как я касаюсь магии, — сказала она почти с грустью. — Я могу говорить с ней и отчасти я ею и являюсь. До сих пор магия чуралась Дома Эллона, нарушившего соглашение с ней много веков назад. Но время прошло, и магия больше не считает необходимым делать это. На твоём месте, Нгур, я бы подружилась с магией.

* * *

Копыта лошадей и усталые ноги людей медленно продвигались по золе. Впереди армии бок о бок, молча ехали Рин и Аня. Обе они думали о человеке, который ещё недавно был им так близок.

Когда они подъехали к Гиоррану, им показалось, что очертания крепости как бы задрожали.

У них возникло странное ощущение, что время замедлилось, и они посмотрели друг на друга.

— Элисс, — сказала Рин, грустно улыбнувшись.

— Мне иногда хочется, — призналась Аня, — чтобы я никогда не встречала Элисс.

— Она помогла нам добраться до Гиоррана и, возможно, помогла победить, — заметила Рин.

— Но скольких людей мы потеряли. Мы сами могли выиграть эту войну — не говори, что это не так! И мы были бы горды этим. Вместо этого войну за нас выиграло *нечто*, чьими представителями являются и Элисс, и Ветер, и Джоли, и даже Барра'ап Ртениадоли Ми'гли'минтер Реган.

Рин чихнула. Многие воины чихали от мельчайшей летающей

в воздухе золы.

— Не называй их *нечто*, — наконец сказала Рин. В её глазах были слёзы.

Аня не ответила. Сжав зубы, она смотрела на Гиорран. Отсюда, с близкого расстояния, крепость казалась непомерно высокой и мощной.

Первый из арбалетчиков Аропетраны выпустил стрелу. Она попала Ане в правый глаз, и её тело тяжело упало на кучу золы.

Рин прыгнула с коня и наклонилась над ней, пытаясь нащупать пульс. Аня была мертва.

Сидя возле тела девушки, которую она воспитывала с детских лет, Рин посмотрела на белые стены Гиоррана и её лицо исказилось. Её любовь к Ане походила на любовь Регана — она была настолько сильной, что их отношения никогда не отличались стабильностью. И вот теперь, за один период бодрствования проклятый Дом Эллона убил сначала Регана, а затем и Аню. За всю свою жизнь Рин любила очень немногих людей. Марья погибла в битве, и это была, по крайней мере, справедливая смерть. Сайор покончила с собой, и Рин до сих пор чувствовала боль от этого удара. Но Реган и Аня, убитые в этот период бодрствования, они были все ещё живы в её памяти.

В её памяти.

Она посмотрела на голову Ани и увидела, как яркая кровь капает на золу.

У Рин не было записей и не было музыки. По всем правилам память уже должна была покинуть её.

Она посмотрела на воинов, неуверенно толпившихся вокруг: не было сомнений, они понимали, где находятся и для чего пришли сюда.

Рин снова взглянула на Гиорран.

Элисс.

Ещё одна стрела вылетела из узкого окна, но на этот раз просто воткнулась в землю. Элисс могла спасти жизнь Ани, изменив траекторию полёта стрелы. Элисс могла спасти Барра'ап Ртениадоли Ми'гли'минтер Регана. Рин больше не чувствовала ярости по отношению к Дому Эллона: конечно, они тираны — очень глупые и жестокие. Но жестокость их направлена против тех, кого они считают врагами своего благополучия. Это понятнее, чем поведение Элисс, которая с готовностью жертвует своими друзьями.

Аня, Та Кто Ведёт — мертва.

Рин устало поднялась на ноги. Повстанцы были живы и твёрдо уверены в том, что останутся живы до тех пор, пока это позволит им Элисс. Рин вынула свой меч.

— Стоять здесь! — крикнула она находившемуся поблизости воину. — Скажи всем, чтобы стояли здесь!

Пешком, одна, чувствуя себя ещё меньше, чем на самом деле, она пошла к главном воротам Гиоррана.

* * *

Конечно, они переименовали то место, где когда-то стоял Гиорран. Теперь оно называлось Старвелин. И они всё ещё пели песню, которую когда-то сочинил Барра'ап Ртениадоли Ми'гли'минтер Реган:

Семь женщин проскакали в эту ночь
По городу Старвелин.
Копыта лошадей их высекали
Из камня звёзды, падавшие в пыль
Что растворялись в бледном лунном свете.
Они смотрели в мрачные углы,
Где тени прятались, сгущаясь и темнея,
Как старое вино.

Кто-то добавил к песне ещё один куплет:

И стены древние
Стонали, как живые,
Не так стары, чтоб рушиться,
Но всё ж уставшие стоять.
А женщины скакали и скакали
С летящими по ветру волосами
Сквозь годы и века,
Но оставались
Во времени своём.

В легендах люди любят преувеличивать. Не было семерых женщин, сколь магической эта цифра ни казалась — была лишь одна, и шла она пешком. Позже певцы не могли поверить в то, что одна женщина может сделать такое. Поэтому песню Регана посчитали более правильным вариантом и доработали её. Стены не кричали, и не было лун, которые бросали бы тени. Не было даже ночи.

То, что случилось, было гораздо более прозаичным.

Рин, игнорируя тучи стрел, стала стучать рукояткой меча в массивные металлические ворота Гиоррана. Когда она стояла у самых стен крепости, лучники и арбалетчики не могли попасть в неё. К её удивлению, ворота открылись ровно настолько, чтобы

пропустить её внутрь. Элисс, несколькими этажами выше, улыбнулась Нгуру. Внутри Рин обнаружила четверых стражников, трое из которых умерли очень быстро, а четвёртый, оказавшийся глупее, выскочил из ворот и побежал куда-то по золе. Вскоре он был схвачен крестьянами и разорван на мелкие части. Следующим Рин встретила мага, который очень удивился тому, что его нижняя часть продолжает стоять, когда верхняя, отрубленная одним ударом чуть выше талии, падает на землю. Рин нашла дверь во дворец и стала подниматься по ступеням. Две молодых принцессы Дома Эллона, решившие сдаться на милость повстанческой армии, потеряли свои головы, спускаясь по лестнице. На следующем этаже лучник, целившийся в крестьян, лишился сначала руки, а затем и кишок. Эллонский солдат, бросившийся ему на помощь, получил зверский удар мечом в горло.

Трофейная эллонская форма Рин вся была пропитана чужой кровью. На её лице играла улыбка и глаза блестели. Хоть она того и не замечала, на её лице было точно такое же кровожадное выражение, которое так не нравилось ей в лице Ани.

Следующим был ещё один маг. Он не заметил удара мечом, от которого его лёгкие сползли на живот. Рин повстречала Аропетрану — для неё он был очередным эллонским солдатом. Он бежал по коридору и получил такой страшный удар в спину. Рин пришлось наступить ему на шею ногой, чтобы освободить свой меч. Когда она вытащила меч, Аропетрана, без сомнения, был уже мёртв.

Один из солдат решил противостоять ей, и она зауважала его. Он был среднего роста и довольно неплохо владел оружием. Они встали друг против друга в слабо освещённой комнате. Солдат был вооружён лишь лёгким мечом.

Рин опустила свой меч.

— Сдавайся, — сказала она, сплёвывая чью-то кровь.

— Никогда! — закричал он.

— Ты уверен? — с удивлением спросила она и разрубила его пополам.

Опять лестницы, опять смерть, опять кровь. Казалось, куда бы она ни посмотрела, повсюду была лишь кровь. Она проходила через светлые залы и тёмные комнаты, и все их стены после неё были забрызганы кровью. Она тоже получила несколько лёгких ран, но не чувствовала боли, за исключением одного пореза в левом плече, который болел так, что она не могла думать ни о чём другом. Подонок, ранивший её, был уничтожен гораздо более жестоко, чем остальные.

Одну из дверей охраняли двое солдат с луками.

Не успели они поднять своё оружие, как были убиты и их кровь ручьями потекла по полу.

Рин распахнула дверь.

Зал был в белых тонах. В центре, за массивным столом сидела Элисс и распивала чай с человеком средних лет, одетым в богатую одежду. Рин почувствовала, как в ней нарастает гнев.

— Привет, — сказала Элисс, указывая на одно из кресел. — Я знала, что ты вот-вот появишься. Думаю, Деспот найдёт для тебя ещё одну чашку.

— Аня мертва, — сказала Рин, которой ярость застилала глаза.

— Я знаю, — сказала Элисс. — Иди сюда, присядь с нами. Хотя, пожалуй, тебе неплохо было бы помыться.

— Ты позволила ей умереть!

— Да.

— Предатель! — Рин взмахнула мечом.

— Нет. Я никогда не была лояльна к одной лишь Ане. Мне необходимо было помочь всем вам.

— Ты убила Ту Кто Ведёт!

— Нет, — ответила Элисс, — подумай об этом немного за чашкой чая.

Нгур смотрел то на одну, то на другую женщину.

— Вы можете принять мою капитуляцию, — сказал он, — если сохраните то, что осталось от Дома Эллона.

Зелёные глаза Элисс всё ещё смотрели в лицо Рин.

— Не трогай их, не трогай их всех, включая этого человека.

— Почему?

Против воли Рин направилась к столу.

— Потому, что ты хочешь пить, и потому, что я прошу тебя об этом. Нет больше необходимости в убийствах. Вот Нгур тоже со мной согласен, а если это говорит сам Деспот Дома Эллона, почему бы тебе с ним не согласиться? Садись. Ты выглядишь очень усталой.

Рин отшвырнула меч в сторону. Лезвие так ударилось о стену, что посыпались искры. Она не обратила внимания, а вместо этого взяла чашку, отхлебнула чай и почувствовала, что раны на её теле заживают. Она отхлебнула ещё и стала совершенно здоровой.

— Мне надо было сделать это давным-давно, — сказала Элисс, — и если бы я была здесь, то несомненно бы сделала.

Рин и Нгур ничего не понимали. Элисс засмеялась.

Как-то раз, давным-давно, сидели на холме четыре человека. Трое из них знали, что значит — умереть, а затем ожить снова. Это были Джоли, Аня, Рин и Барра'ап Ртениадоли Ми'гли'минтер

Реган. В отдалении, чуть выше, стоял Нгур, правивший когда-то всем Альбионом.

Они все смотрели на пелену тумана.

Где-то там была Элисс. Время от времени то один, то другой могли видеть её — или это была просто какая-то птица.

Затем туман стал постепенно рассеиваться, пока им не открылась безбрежная гладь океана.

Нгур подошёл и сел рядом с Барра'ап Ртениадоли Ми'гли'минтер Реганом. Певец обернулся и, улыбнувшись подошедшему эллону, вновь устремил свой взор в океан.

Теперь туман скрывал лишь половину неба, и солнце медленно и неуклонно стало скатываться к центру небосвода. Далеко в море виднелось рыболовное судно. Они ощущали, как по мере исчезновения тумана Альбион покидала магия.

И небо здесь отличалось от того неба, к которому они привыкли. Оно было покрыто серыми тучами — от горизонта до горизонта. Теперь лишь расплывчатое пятно выдавало положение солнца. Это было самое прекрасное небо в мире.

В Мире.

Та Кто Ведёт встала на ноги, почувствовав, как затекли её мышцы.

Рин улыбнулась ей.

Будущее хранило бесчисленные возможности.

И каждая из них, в свою очередь, тоже…

Послесловие

«Давайте услышим это снова, — поёт Реган. — Давайте снова послушаем последнюю песню во славу предков».

Вот несколько фактов, друзья, которые вам, возможно, когда-то давно не очень нравились.

Во-первых, ты крестьянин. Ты можешь себе это представить? Из-за этого ты не только самый низший из низких, а даже ещё ниже. Ты одно из тех насекомых, на которое люди инстинктивно наступают. Ты не слишком хорошо помнишь реальность, а в те моменты, когда помнишь и соображаешь, понимаешь, что тебе не хочется делать это, так как именно в эти моменты в твоей деревне находится эллонский. конвой, чтобы забрать всё, что ты имеешь, и оставить ровно столько, сколько необходимо, чтобы дожить до прихода нового конвоя…

Понятна общая картина?

Ты бы не понял, если бы сейчас были те времена. Если бы твой умственный аппарат был бы способен понять общую картину, ты давно был бы мёртв, и о тебе никто не вспомнил бы.

Поэтому начнём сначала.

Наступает новый период бодрствования, и ты встаёшь с постели и ищешь что-нибудь съестное — обычно не самое лучшее, но, по крайней мере, этого хватит тебе до середины периода бодрствования. Возможно, это несколько пригоршней зерна, которое отказались бы есть даже животные. Несмотря на то, что что-то в твоём теле вспоминает, что это не нравилось тебе в прошлый раз, другая часть тела радуется, что голод твой хоть как-то успокоен. Ты и твоя подруга, не думая ни о чём, кроме еды, покидаете свою лачугу и детей, которые пока не могут работать, и отправляетесь на поля. Представляете? Там, под ярко-голубым небом ты собираешь фрукты или злаки до тех пор, пока не чувствуешь, что твоя спина вот-вот разломится. Поработав ещё немного, ты медленно направляешься домой, лишь смутно припоминая, где твой дом находится — что неудивительно, так как дом твой находится уже в другом месте. Ты принёс с собой немного еды, которую собирал — совсем мало. Это потому, что ты боишься навлечь на свою деревню гнев Дома Эллона.

Когда ты ложишься в постель со своей подругой, то думаешь только о своей усталости. Ты не можешь вспомнить, от чего устал: ты даже не осознаёшь, что устал, так как это твоё обычное состояние. Касаясь головой подушки, ты засыпаешь.

Всё меняется, когда приходят эллоны.

Ты помнишь об этом весь период бодрствования, а может, и

дольше. Они отбирают урожай и скот и насилуют женщин, а иногда не гнушаются мужчинами и подростками. Ты видишь всё это, и воспоминания горят в твоей голове, как огонь, постепенно затухающий и превращающийся в некую концепцию, которую ты больше не в состоянии охватить целиком.

На этом заканчивается твоя злость.

Нет, ты не забыл, что произошло, ты просто забыл, как злиться.

Но есть и другие периоды бодрствования.

В деревне появляется некто чужой, отличающийся от всех её жителей, которых ты смутно узнаёшь, встречая на пути.

Из-за этого человека ты вдруг начинаешь помнить, что произошло вчера и позавчера, и за день до этого.

Это не просто воспоминания о событиях, ты помнишь ещё и эмоции, сопровождавшие эти события. Ты обнаруживаешь в себе любовь — раньше ты ничего подобного не чувствовал, хотя сотни раз спал со своей подругой. Ты чувствуешь и ещё кое-что — ярость от осознания того, во что тебя превратили.

По этим вот причинам ты считаешь человека, который пришёл в деревню и подарил тебе воспоминания и чувства, необычайно ценным. Неожиданная встреча со своими эмоциями — как шок для тебя, будто всю жизнь ты был окружён туманом, который вдруг рассеялся. Краски мира стали другими, будто кто-то вымыл всё вокруг. Серые будни исчезают из твоей жизни.

В твою деревню приходит небольшая группа, а именно — трое, других крестьян, обладающих силой поддерживать твои воспоминания. Они говорят, что имеют имена, и пытаются втолковать тебе, что это такое. Всё это очень сложно для твоего понимания до той поры, пока тебе не дают имя. И тогда ты понимаешь, что эти звуки являются названием не столько груды мяса и костей, из которых состоит твоё тело, сколько названием тебя, той твоей части, которая понимает, что происходит.

Получив твоё разрешение, несколько сот других таких же людей приходят в твою деревню. Они хорошие люди и хотят быть тебе друзьями. Ты соглашаешься, так как уже понимаешь, что такое дружба.

Всё.

Теперь больше нет нужды воевать, и причина этому в том, что вы все получили имена и являетесь частью Мира.

* * *

«Горечь и боль, всегда сопровождавшие всех вас — как крестьян, так и эллонов, ушли, — подумала Элисс, — и груз этот станет легче со временем».

Она поднималась всё выше и выше над неподвижным

ландшафтом Альбиона — точка в перламутровом небе.

«Живите с любовью, которую я дала вам, и будьте счастливы».

* * *

Но всё, о чём пел Реган, было очень и очень давно.

notes

1

Стихи в переводе А.Бураго.